ДОНАЛЬД МАКЛАХЛАН

ТАЙНЫ английской разведки

•

1939 · 1945

DONALD MCLACHLAN

Naval Intelligence in Action 1939·45

London—1968

ДОНАЛЬД МАКЛАХЛАН

ТАЙНЫ
английской разведки
(1939-1945)

Сокращенный перевод с английского
под редакцией и с предисловием
А. М. МИТРОФАНОВА

Ордена Трудового
Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва
1971

И(Англ.)
М15

Маклахлан Д.

М15 Тайны английской разведки (1939—1945). Сокращенный перевод с английского К. Д. Данилова и В. А. Александрова. М., Воениздат, 1971.

352 с.

В воспоминаниях бывшего ответственного сотрудника английской военно-морской разведки освещаются различные стороны деятельности секретной службы и разведывательных органов видов вооруженных сил Англии. Читатель познакомится с приемами и методами работы одной из самых коварных разведывательных служб империализма.

Книга представляет интерес для широкого круга советских читателей.

1-12-2
77-71

И(Англ.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга Дональда Маклахлана «Тайны английской разведки», опубликованная в Лондоне в 1968 году, выходит за рамки обычного рядового издания. Не случайно один из видных офицеров английского военно-морского флота, адмирал Маунтбэттен, в своем кратком предисловии к ней рекомендует ее как важное пособие для офицеров британских вооруженных сил и отмечает, что книга займет должное место в библиотеках всех военных колледжей.

Автор рассматривает становление, развертывание и деятельность английской разведки в период между первой и второй мировыми войнами, а также во время второй мировой войны. Основное внимание в книге уделяется деятельности разведки военно-морского флота. По-видимому, это объясняется значением ВМС в политике и стратегии правящих кругов Великобритании, а также тем, что они являются наиболее значимым и активным элементом вооруженных сил Англии. Однако нетрудно заметить, что в ряде мест автор выходит за флотские рамки и, давая обобщенные характеристики английской военно-разведывательной службе в целом, прослеживает ее связи с высшим военным руководством, политическими и государственными органами страны, дает характеристики ряду высших военачальников, вплоть до Уинстона Черчилля, рассматривает стиль и методы, характерные для работы разведки и некоторых звеньев командования, характер взаимоотношений должностных лиц, их взгляды и оценки значения и деятельности разведывательной службы в целом и военно-морской разведки в частности.

Книга дает определенное представление о специфически профессиональных задачах, решаемых разведкой, о процессе выработки методов работы разведки и создания системы сбора и обработки разведывательной информации, о недостатках и достоинствах ее источников, о значимости этой информации для различных звеньев политического, государственного и военного аппарата.

Сосредоточивая свое внимание главным образом на вопросах военно-морской разведки, автор много места отводит описанию состояния и развития ее в ходе второй мировой войны.

В книге даются оценки и определения значимости различных форм разведывательной деятельности англичан, а также немецко-

фашистского командования. Автор высказывает ряд рекомендаций и предложений, многие из которых отражают соперничество в борьбе за значение того или иного вида вооруженных сил, за распределение ассигнований между ними и т. п.

Оставляя все эти суждения на совести автора и не ставя себе задачи полемизировать с ним, хочется лишь подчеркнуть те общие положения принципиального порядка, которые характеризуют политическую сторону вопроса. Это необходимо для правильного понимания и оценки коренных вопросов политики английского империализма в целом и ее специфических целей и задач в период второй мировой войны.

В книге делается попытка убедить читателя, что разведка — не что иное, как «просто информация», и в том, что ее связывают со шпионажем, насилием и надувательством, повинны якобы авторы художественных произведений. Однако суждения эти не выдерживают никакой критики. Автор постоянно сетует на то, что итоги разведывательной деятельности недостаточно эффективно используются политическим и военным руководством страны. При характеристике облика разведчика оправдываются «проявление им жестокости» и «бесчеловечные поступки». В книге прямо говорится, что «предатель или жертва шантажа, квислинг или ренегат, амбициозный политический деятель или недовольный государственный служащий, низкооплачиваемый железнодорожник или бедный испанский рыбак...» — любой источник ценен. «Поэтому офицеру разведки может потребоваться пойти на насилие, обман, предательство и ложь» (стр. 345). А деятельность так называемой «черной пропаганды», распространение лживых и панических слухов, планирование и система этой клеветнической деятельности,— какое она имеет отношение к «просто информации»?

Вольно или невольно, Дональд Маклахлан приоткрывает завесу над тем, что же представляет собою разведка империалистической державы и каковы ее основные принципы. Это прежде всего деньги, страх, голый расчет, отсутствие глубокой идейной убежденности и высоких моральных устоев у тех, кто работает на разведку, коммерческая в широком смысле слова основа ее существования. Каким же резким контрастом противостоят ей ярко-гуманистические, глубоко идейные образы наших советских разведчиков — Николая Кузнецова, Рихарда Зорге, Филби и многих других!

Читая книгу, нельзя не обратить внимания на характерное для автора стремление преувеличить роль разведки вообще, и военно-морской разведки в особенности. Много внимания в книге уделяется популяризации личностей руководителей военно-морской разведки, всячески подчеркивается ее автономизм, сепаратизм; в ряде мест успехи разведывательной службы противопоставляются успехам в деятельности командования. Автор много говорит о борьбе за место, за первенство разведки как информационно-оценивающего органа, заметно его стремление абсолютизировать ее выводы и рекомендации. На некоторых страницах он даже критикует политических и

военных руководителей страны за недостаточное с их стороны внимание к разведке и результатам ее деятельности.

Все это то, что, так сказать, лежит на поверхности, что видно читателю невооруженным глазом. При более глубоком анализе содержания книги нельзя не заметить, что в ней совершенно определенно и недвусмысленно прослеживается естественная органическая связь между разведкой и традиционной политикой английского правительства, очерчивается роль военной и военно-морской разведки как важного средства обеспечения политики британского империализма в различных районах Европы, Африки и Ближнего Востока.

В ряде мест, например, говорится, что британские премьер-министры «были слишком миролюбивыми — пацифистами или пассивистами — и не могли даже думать о войне или об угрозе войны» (стр. 36), что они исходили из того, что «в течение ближайших десяти лет Великобритания не будет вовлечена ни в какую крупную войну и ей, следовательно, не потребуются для этих целей никакие экспедиционные войска» (стр. 75), а прогнозы объединенного разведывательного комитета относительно того, что Гитлер может напасть на СССР в июне 1941 года, расценивались как утверждение, которое могли делать лишь «сумасшедшие и лунатики». В книге упоминается также, что гитлеровская программа строительства военно-морского флота, рассчитанная до 1944 года, исходила якобы из того, что «войны с Великобританией пока не будет» (стр. 149). К войне против кого же готовился тогда Гитлер? Немецкий военно-морской флот будто бы не собирался участвовать в большой войне в ближайшем будущем и что этим-де было вызвано попустительство со стороны Англии, нашедшее свое отражение в англо-германском морском договоре (июнь 1936 года), освободившем немецкий ВМФ от ограничений Версальского договора (стр. 155).

Когда англичане получили ложные данные о строящихся немецких военных кораблях, они не слишком усомнились в их достоверности и даже успокоились, считая, что Гитлер, видимо, строит их, чтобы использовать против России. В этой связи представляются правдоподобными предположения автора, что британской разведке не ставились задачи получения сведений о ходе вооружения фашистской Германии из-за «господствовавшего в официальных кругах оптимизма относительно действенности договора» (стр. 159). Видимо, по этой же причине из донесений британского военно-морского атташе в Берлине скрупулезно было вычеркнуто упоминание о том, что в нужное для Гитлера время он разорвет этот договор как ненужный клочок бумаги (стр. 159).

Автор пытается критиковать английские правящие круги того времени за позицию, которую они занимали. Но он, естественно, умалчивает о том, что суть дела не в неведении или миролюбии правящих кругов, а в том, что такие их действия и оценки соответствовали традиционной политике британской буржуазии, рассчитывавшей отвести от себя угрозу вторжения и направить гитлеровские агрессивные устремления на Восток. История, как известно, полно-

стью подтвердила это. Не случайно поэтому в книге упоминается, что Англия руководствовалась пожеланиями начальников штабов избегать войны до 1941 года, явно надеясь, что Гитлер нападет на СССР и тогда английские империалисты смогут таскать каштаны из огня чужими руками. Не поэтому ли всему миру известное мюнхенское предательство и сговор великих европейских капиталистических держав с Гитлером скромно упоминаются в книге лишь как «мюнхенский кризис... ослабивший запоры на государственном кошельке» (стр. 77—78)?

Вряд ли могут убедить кого-либо и утверждения о том, что «немецкий военно-морской флот не собирался участвовать в большой войне в ближайшем будущем, что он не находился под непосредственным влиянием и контролем партии нацистов, а адмирал Канарис был якобы давнишним противником Гитлера» (стр. 106). Эти и подобные им утверждения, являются ли они авторскими или приводятся Маклахланом из других источников, невольно наводят на мысль, что желаемое выдавалось за действительность. Нельзя не заметить, что все эти утверждения отражают вполне определенные политические цели английских правящих кругов и монополий, пытавшихся сговориться с Гитлером и своей соглашательской политикой и тактикой откупиться от него, позволить ему проглотить ряд государств Европы, нацелить его алчные агрессивные устремления против СССР. Несмотря на внутренние интриги и соперничество немецких разведок, ясно одно: все они работали на фашизм, на Гитлера и стремились наилучшим образом обеспечить успешное проведение их политики и целей.

Характерны в книге и те моменты, которые связаны с проблемой защиты британских колониальных интересов в различных районах мира. Там, где дело касается обеспечения прибылей английских монополий, где речь идет о нефти и других видах стратегического сырья, проявляется либо трогательная забота о «британских интересах», либо стыдливо закрываются глаза на происки германских нацистов. Там же, где речь идет о необходимости скорейшего открытия второго фронта на решающем направлении борьбы с германским фашизмом в Европе, находятся различные объективные причины, объяснения, отговорки, ссылки на неподготовленность союзных армий и т. п. Как бы между строк в книге делается довольно важное и правдивое признание, что «интересы адмиралтейства распространялись на весь мир» (стр. 71). Говорится и о необходимости сохранения и защиты британских заморских баз как фактора, позволяющего создать широкую сеть радиостанций перехвата и пеленгации, что позволило добиться преимуществ на морских театрах Атлантики и Индийского океана. Не меньшая забота проявлялась английским командованием и разведкой и о коммуникациях на Средиземном море, и о восстановлении господства Англии в этом «традиционном» для нее районе, о Гибралтаре, Ближнем Востоке, Испании, Исландии и т. д.

Нельзя не обратить внимания на еще одно существенное обстоя-

тельство. В книге утверждается, что усилия Англии, и прежде всего разведки, направлялись на то, чтобы помешать попыткам гитлеровцев склонить Испанию к нарушению ею нейтралитета. Но далее приводится ряд фактов, свидетельствующих о том, что английские правящие круги, несмотря на сигналы своей разведки, молчаливо потворствовали гитлеровским агентам, беззастенчиво орудовавшим в «нейтральной» Испании; с ведома испанских властей они пользовались там различными привилегиями, совершали диверсии, заправляли свои подводные лодки и т. п. В книге приводится весьма примечательный эпизод. Один очень богатый испанец, некий Дон Жуан Марч, изъявил желание добровольно оказывать услуги английской военно-морской разведке, поскольку он-де являлся якобы давним другом Англии. Автор признает, что подлинной причиной этого была прямая заинтересованность Марча в нефти и судоходстве, поэтому он и помогал Англии использовать в этих целях свое влияние в испанских правящих кругах. Морской транспорт, британские коммуникации, позиции Англии в богатых нефтеносных районах Ближнего Востока — вот что определяло «дружеские чувства» испанского капиталиста к Великобритании.

В этом плане интересно и то место в книге, где речь идет о позиции английского военного руководства и министерства иностранных дел по так называемому греческому варианту. В этом эпизоде недвусмысленно отражены черты пресловутой «балканской политики» Черчилля, важными аспектами которой являлись ликвидация в Греции партизанского движения и восстановление монархии. Военное руководство, утверждает автор, не возражая в принципе против «греческого варианта», беспокоилось лишь об одном: хватит ли у него сил и средств осуществить этот вариант; оно думало, что́ предпринять для его воплощения в жизнь. Всестороннюю оценку этого варианта поручено было дать английской разведке.

О значительной заинтересованности английских правящих кругов в решении прежде всего своих узкокорыстных империалистических интересов свидетельствует и следующий приведенный автором эпизод. Не кто иной, как сам премьер У. Черчилль, спустился ночью в комнату, где работали и отдыхали разведчики, и приказал срочно подготовить проект ответа генералу Александеру, начав при этом излагать свои взгляды относительно действий английских вооруженных сил на юге и юго-востоке Европы (нанесение с территории Италии удара в «подбрюшье Европы», желание пройти через Югославию и атаковать противника на побережье Эгейского моря).

Так обстояло дело там, где прежде всего затрагивались интересы британского капитала. Ну а как же с открытием второго фронта в Европе на решающем направлении борьбы с гитлеровскими полчищами?

Хотел того автор или нет, но и на этот вопрос можно найти ответ на страницах книги «Тайны английской разведки».

В начале лета 1942 года начальники штабов США и Англии обсуждали проблему принятия срочных мер по развертыванию насту-

пательных действий на Западе с целью облегчить положение Советского Союза и его армии, принявших на себя основную тяжесть борьбы с гитлеровской военной машиной. Совещание это, как видно из книги, примечательно тем, что на нем рассматривали различные планы, но не обсуждали серьезных и конкретных дел; участники совещания опасались, что союзники-де еще не готовы, что они будут разбиты немцами и т. п. Да и сам автор впоследствии называет «абсурдными» требования открыть второй фронт в Европе в 1942 году, хотя любому непредубежденному человеку ясно, что если бы вместо слов и обещаний, вместо неоднократных переносов сроков открытия второго фронта последовали своевременные и решительные действия — не тогда, когда это было выгодно британским и американским капиталистам, опасавшимся, что Советская Армия сможет и сама покончить с Гитлером и освободить порабощенные народы Европы, а когда это диктовалось общими интересами борьбы народов с фашизмом, — то с гитлеровской чумой можно было бы покончить раньше и ценою значительно меньших потерь.

Через книгу красной нитью проходит мысль о неподготовленности английской разведки на протяжении длительного периода времени, о недооценке ее высшим политическим и военным руководством.

Трудно, естественно, судить о том, в какой мере это соответствует истине. Но представляется весьма сомнительным, чтобы такая страна, как Англия, имеющая многолетний опыт колонизаторских и тайных войн (взять хотя бы деятельность Интеллидженс сервис), умышленно оставляла свою разведывательную службу на весьма примитивной ступени, как это показано в книге. Не является ли и это положение прямым или косвенным свидетельством того, что правящие круги Англии не рассчитывали в тот период на столкновение с Гитлером и, подогревая его агрессивные и тщеславные устремления на Восток, не слишком утруждали себя заботами слежения за фашистской Германией и ее союзниками?

В книге показано, как «неопытные» англичане уже в ходе второй мировой войны способствовали становлению и совершенствованию деятельности американской разведки, упорядочению ее организационной структуры. Вершиной ее явилось зловещее и пресловутое ЦРУ, которое приобрело печальную и недобрую славу верного исполнителя воли американских империалистических кругов, организатора контрреволюционных заговоров против свободолюбивых народов, шпионажа, диверсий и убийств. Начав со сбора информации о противнике, объединив затем вопросы разведки, информации, шпионажа и других видов подрывной деятельности, «психологической войны» и т. п., ЦРУ широко распростерло свои щупальца как внутри, так и вне страны. И что бы англичане ни говорили о «свободе» разведки от политики, ЦРУ стало важным инструментом агрессивной политики империализма.

Небезынтересно освещены в книге и некоторые другие аспекты англо-американского сотрудничества в области разведки. В книге го-

ворится, что дух бизнеса в среде американцев превалировал настолько сильно, что некоторые лидеры английской разведки не без оснований опасались, что американцы попросту спекулируют разведывательными данными, как и любым другим товаром. В американской практике торговое и коммерческое проникновение переплеталось со шпионажем настолько тесно, что бизнесмены в мундирах офицеров, появлявшиеся в других странах, представляли собой серьезный канал утечки военных разведывательных данных.

На протяжении всего повествования автор стремится противопоставить разведку политике. Но содержание книги свидетельствует как раз об обратном, о том, что разведка связана с политикой, что буржуазная разведка обслуживает буржуазные правящие круги. И это естественно, ибо не может быть разведки вне политики, как не может быть вне политики и армии вообще. Буржуазная империалистическая разведка подчинена интересам буржуазной империалистической политики, и непредубежденный читатель без труда убедится в этом, перевернув последнюю страницу книги Маклахлана «Тайны английской разведки». Доказательством этому может послужить приводимый в книге факт: данные Черчиллю подбирались тенденциозно. По словам автора, Черчилль «не боялся... исказить правду или преподнести что-нибудь в розовом свете», завышал потери врага, стремился приукрашивать информацию, даваемую им англичанам, «натягивать» ее (стр. 144).

В книге содержится много примеров боевых действий и военно-разведывательных операций, проводившихся англичанами, американцами и немцами. И здесь во многих местах заметна явная тенденция преувеличить роль и значение разведки в ходе второй мировой войны. В то же время автор не показал даже в самой скромной мере роль и значение борьбы советского народа и его армии против немецко-фашистских захватчиков, не показал, как боевые действия Советской Армии, принявшей на себя главные ударные силы гитлеровского вермахта, способствовали коренному перелому на фронтах в Европе, спасли союзников от катастрофы в Арденнах, а народы европейских стран, в том числе и Англии, — от угрозы порабощения и уничтожения.

Задачи и многочисленные формы и методы буржуазной разведки, рассматриваемые в книге в основном с сугубо профессиональных позиций, имеют ярко выраженный социально-политический характер. Взять, например, вопрос об источниках информации. О многих из них говорится в книге, но вместе с тем умалчивается, какую большую помощь в этом деле оказывали союзникам патриоты, партизаны, борцы Сопротивления во Франции и других европейских странах, насколько эффективной была их помощь в борьбе с ненавистным им фашизмом. И это закономерно, ибо ненависть к фашистским поработителям являлась естественным проявлением чувств трудового народа, патриотически настроенной интеллигенции европейских стран, немецких антифашистов. Чувства эти достойны уважения. Но именно это обстоятельство и использовалось английской

разведкой при допросах военнопленных. «С большинством из них,— сказал один из допрашивающих,— мы играли в доверительность, чтобы получить интересующую нас информацию».

* *
*

Книга Дональда Маклахлана «Тайны английской разведки» выпускается на русском языке в сокращенном виде. В ней выражены субъективные взгляды автора на историю становления и деятельность английской военно-морской разведки. Однако отражая взгляды некоторых военных кругов, автор выходит за профессиональные рамки вопроса и в значительной мере касается ряда более важных военно-политических проблем периода второй мировой войны. В книге четко прослеживается твердая линия защиты принципов традиционной политики британского империализма и содержатся горячие призывы к развертыванию и совершенствованию деятельности империалистической военной и военно-морской разведок.

Это обстоятельство настоятельно требует дальнейшего повышения бдительности. Происки буржуазных разведок и пропаганды в наши дни, усиление «психологической войны» империализма против Советского Союза и других социалистических стран, непрерывное наращивание идеологических диверсий, развязывание кровавых авантюр и контрреволюционных заговоров против миролюбивых народов требуют постоянно быть начеку, уметь своевременно распознавать цели и тактику тех, кто, являясь инструментом империалистических сил в их борьбе против сил демократии, прогресса и социализма, стремится любыми способами свести на нет достижения народов Советского Союза и других социалистических стран.

А. М. Митрофанов

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

То, о чем рассказывается в этой книге, увлечет любого читателя. Книга также может явиться важнейшим пособием для будущих поколений офицерского состава всех трех видов вооруженных сил. Она, несомненно, будет одной из наиболее широко используемых в библиотеках штабных колледжей.

У меня к этой книге особый интерес, потому что в 1899—1901 годах мой отец был помощником начальника, а в 1902—1904 годах — начальником военно-морской разведки. По существу, я родился и воспитывался в «атмосфере» военно-морской разведки, ибо мой отец продолжал с увлечением рассказывать о привлекательности и важности этого рода деятельности даже после того, когда стал занимать более высокие посты.

Книга представляет для меня большой интерес еще и потому, что в 1927 году, когда я был помощником флагманского офицера радиосвязи Средиземноморского флота, мне поручили создать радиоразведывательную службу на этом театре, или службу «Y», как ее обозначали. В 1942 году, занимая должность начальника управления морских десантных операций, а в 1943 году — верховного главнокомандующего союзными войсками в Юго-Восточной Азии, я понял, что не смог бы достичь каких бы то ни было успехов, если бы не располагал ценными информационными данными и не знал, как их использовать.

Одно из главных достоинств настоящей книги заключается в том, что в ней показано, какую огромную выгоду извлекли англичане, когда поняли необходимость объединить усилия разведывательных служб всех трех видов вооруженных сил. Большое впечатление произвел на меня и тот огромный успех, которого добились гражданские специалисты (носившие и не носившие военную форму), работавшие в некоторых наиболее важных отделах разведки. Однако я не согласен с автором, что в мирное время разведку целесообразно укомплектовывать главным образом гражданскими специалистами. Я считаю, что в основном в разведке должны работать кадровые офицеры действительной службы, и не только потому, что они имеют необходимые технические и специальные знания; офицеры должны пропагандировать и укреплять правильные взгляды на разведку после того, как они вернутся к исполнению своих обычных обязан-

ностей в видах вооруженных сил. Осуществленное теперь объединение военно-морской, военно-воздушной разведки и разведки сухопутных войск в единую разведывательную организацию в рамках объединенного министерства обороны — совершенно правильная мера. Я уверен, что при такой организации меньшим числом людей можно достичь значительно больших результатов. Я всегда был самым убежденным сторонником объединения усилий отдельных разведывательных служб.

Адмирал флота Маунтбэттен

ВВЕДЕНИЕ

В самом простом определении разведка — не что иное, как информация о событиях и людях. Если слово «разведка» написано с заглавной буквы, оно может означать обширное поле государственной деятельности как в мирное, так и в военное время. Уберите заглавную букву, и оно по-прежнему будет означать нечто большее, чем голый факт. Этот факт обязательно состоит из деталей, которые проверены по отношению к источнику и сопоставлены с другими фактами, критически рассмотрены в свете опыта и памяти человека или целой организации, всесторонне взвешены и представлены в форме какой-то оценки, подтверждены и исправлены в соответствии с критическим рассмотрением и, наконец, разосланы «потребителям» или опубликованы, как говорят в военно-морских силах, для практического использования. Этот процесс поразительно напоминает судебно-правовой процесс, который начинается с тех или иных следов преступления, ведущих к аресту, обвинению, суду, решению суда и приговору. Являясь таковым, процесс этот представляет собой весьма кропотливую, требующую здравого смысла и рассудительности умственную работу.

В том, что разведку часто связывают со шпионажем, насилием и надувательством, повинны главным образом авторы художественных произведений. Возможность сочинять и фантазировать в этой области писатели получили благодаря тому, что слово «разведка» стали использовать для прикрытия таких полувоенных акций, как саботаж, диверсия, государственный переворот, а также контрмер, направленных против этих акций, проводимых и оплачиваемых, как правило, тайно, без официального признания. Маскировка применяется в таких случаях главным образом с целью защитить себя от запросов в парламенте, расспросов журналистов и газетчиков и, следовательно, с целью оставить противника в заблуждении. Если таково было намерение тех, кто основывал секретные агентства в Англии эпохи королей Эдуардов с целью окутать свою деятельность тайной и мраком — что маловероятно,— то они преуспели сверх всяких ожиданий. Всякий, кто вознамерится написать о разведке что-нибудь серьезное, должен заранее примириться с определенными ограничениями. Поскольку разведка всегда окутана тайной, которая порождает миф, тема эта слишком расплывчата и неопределенна.

Само по себе слово «разведка» у разных людей связано с различными представлениями. Разведка имеет дело с методами, приемами и трюками, которые могут быть использованы и в будущем, поэтому некоторые считают благоразумным рассказывать противнику о прошлых успехах и неудачах как можно меньше. В связи с тем что многое в деятельности разведчиков остается незафиксированным на бумаге, теряется навеки в зашифрованных разговорах или, когда что-нибудь по необходимости было напечатано на тонкой бумаге, «по прочтении» предается огню, любой отчет о деятельности в этой области никогда не является полным. Поэтому всякий берущийся за перо рискует возбудить интерес историка, но оказаться неспособным полностью удовлетворить его любознательность. Я, по-видимому, не исключение.

Итак, связанные с этим положением ограничения приняты. Но стоит ли в таком случае браться за перо? По мнению многих старших сотрудников морской разведки военного времени, о ней теперь можно рассказать значительно больше, чем было рассказано раньше. На заключительном этапе войны были захвачены все архивы немецких военно-морских сил. В послевоенные годы с помощью старших офицеров немецкого военно-морского флота мы получили возможность установить, в какой степени противнику удалось раскрыть наши секреты и в какой мере он был осведомлен о знании нами его секретов. Мы, например, точно знаем об успехах немцев в области перехвата радиосвязи нашего флота в первые годы войны и о том, как много времени нам потребовалось, чтобы восстановить безопасность этой связи. Зная о том, что знаем мы, Дениц через десять лет после окончания войны смог отдать должное в своих мемуарах немецкой службе дешифрования; но прошло около сорока лет, прежде чем адмиралу сэру Уильяму Джеймсу после трудных переговоров с адмиралтейством позволили поступить таким же образом: отдать должное английской дешифровальной службе 1914—1918 годов. Как читатель увидит из настоящей книги, это только один из ставших известными в результате доступа к архивным материалам аспектов рассматриваемой темы.

Люди, которые помогли мне приступить к написанию настоящей книги, твердо убеждены, что до тех пор, пока об этом аспекте войны с Германией, Италией и Японией ничего не написано, в истории останутся незаполненными серьезные проблемы, и она не будет достаточно правдивой. Роль, которую сыграли в войне ум и сила, хитрость и храбрость, эрудиция и умение руководить, останется невскрытой и неверно понятой. Официальные историки, создававшие небольшие исторические труды вскоре после 1945 года, как правило, не касались разведки. В большей части томов официальной истории слова «разведка» нет даже в предметных указателях. Попытка отдать должное разведке и отвести ей соответствующее место была предпринята только при написании трех томов «Войны на море», да и то, по-видимому, потому, что их автор капитан 1 ранга Роскилл был когда-то

заместителем начальника разведывательного управления ВМС и потому знал, о чем можно и о чем нельзя писать.

Я надеюсь, что настоящая работа — ни достаточно полная, ни достаточно документированная, чтобы претендовать на историческую,— возможно, откроет новую «жилу» для разработок историков. Она должна пролить свет на обойденный молчанием аспект деятельности правительства в военное и мирное время; на политическое и личное давление, оказывающее влияние на принятие решений, а также на ту роль, которую играет разведка в исправлении или противодействии таким решениям. Книга должна, кроме того, показать, что работа в разведке требует специальных знаний, опыта и смелости, что интеллектуальная и административная деятельность в разведке заслуживает гораздо большего уважения, чем обычно думают в вооруженных силах, и что истории и рассказы о разведке, сочиненные писателями, как правило, совершеннейшая чепуха. Изучающий историю современной английской разведки заметит, что на первых этапах в мирное время она представляла собой такой крохотный, хилый и бедный организм, что просто диву даешься, как Британской империи удалось просуществовать столь долгое время.

Пользование источниками было ограничено существовавшим порядком, согласно которому доступ к официальным документам был возможен лишь через пятьдесят лет после их появления. Только в период написания настоящей книги установлен новый порядок, разрешающий доступ через тридцать лет. Материалы состоят главным образом из личных воспоминаний многих людей. Историки привыкли с подозрением относиться к таким источникам и требуют подтверждения фактов документами. Я могу только заметить, что относительно, скажем, эпизода с принятием решения о рассредоточении конвоя PQ.17 летом 1942 года и относительно бесчисленного множества других важных акций на основании данных разведки, в которых я участвовал лично, соответствующих документов нет и не может быть. Однако необходимо отметить, что большинство людей, с которыми обсуждались те или иные эпизоды, приучены быть объективными, точными и внимательными к деталям. В тех случаях, когда память подводила их, факты нетрудно было проверить в беседах с другими, старшими или младшими по отношению к ним.

Некоторые вели во время войны дневники, а позднее дополняли свои записи деталями о тех эпизодах, которые интересовали их больше других. Некоторых просили дополнить памятные записки, в которых адмиралтейство пыталось зафиксировать уроки, полученные разведывательным управлением ВМС в период 1939—1945 годов; эти записки были использованы и историческим управлением министерства обороны для сравнения и проверки других личных заявлений. Я имел доступ к некоторым разделам истории разведывательного управления ВМС, которую писал во время войны покойный Чарльз Морган, а также к немецким, американским и норвежским источникам. Кроме того, я имел возможность беседовать с двумя начальниками разведывательного управления ВМС военных лет: адми-

ралом Джоном Годфри (1939—1942) и вице-адмиралом Эдмундом Рашбруком (1942—1946). Первый, в частности, позволил мне взять значительное число данных из своих неопубликованных мемуаров и из послевоенных исследовательских работ. Я многим обязан также работавшему с ним персоналу и его бывшим коллегам во всех отделах управления, особенно верховному судье Уинну и вице-адмиралу Норману Дэннингу, возглавлявшему разведывательное управление ВМС, перед тем как разведывательные службы видов вооруженных сил были объединены в рамках современного министерства обороны. Поскольку в ходе войны разведывательные службы видов вооруженных сил сотрудничали все теснее и теснее, я извлек большую пользу из беседы с первым начальником объединенного разведывательного управления при министерстве обороны генерал-майором Кеннетом Стронгом, который был также главным советником по разведке генерала Эйзенхауэра во время кампаний в Северной Африке и при высадке в Нормандии. Значительную пользу принесли мне и беседы с господином Виктором Кэвендиш-Бентинком из министерства иностранных дел, занимавшим в ходе всей войны пост председателя объединенного разведывательного комитета. Я выражаю также благодарность по меньшей мере двумстам моим друзьям в разведывательном управлении ВМС.

При таком характере источников настоящая работа рискует оказаться или показаться недостаточно сбалансированной и слишком обобщенной. Первым четырем годам войны в ней отведено значительно большее место, чем двум последним, ибо это были годы экспериментирования, роста и восстановления после ослабления в период между двумя войнами. Поэтому периоду управления Годфри уделено большее внимание, чем периоду Рашбрука, который первым признал, что принял в свое ведение вполне работоспособную и подготовленную организацию. Однако если Годфри создал организацию, то Рашбрук был тем, кто руководил ее деятельностью во времена таких важных операций, как «Нептун», «Оверлорд», и кто пришел вместе со всеми к победе. Боевые действия на Тихом и Индийском океанах затронуты в книге поверхностно, потому что основные разведывательные операции на Дальнем Востоке проводились американцами и адмиралтейство не могло играть на этом театре роль оперативного штаба, что имело место в ходе битвы за Атлантику. Точно так же и из кампаний на Средиземноморском театре в книге затрагиваются только наиболее интересные эпизоды, потому что методы разведки и большая часть источников информации были такими же, как и в Лондоне; Мальта и Александрия, а позднее Алжир и Бизерта, по существу, являлись, с точки зрения разведывательной деятельности, филиалами оперативно-информационного центра адмиралтейства.

События не представилось возможным изложить в привычной для многих строгой хронологической последовательности, ибо различные отделы и отделения разведки создавались и расширялись в далеко не одинаковые сроки; некоторые из них, работавшие весьма активно в 1944 году, в 1941 году существовали только в зародыше.

Я сосредоточил внимание на наиболее интересных и поучительных эпизодах, богатых уроками, которых не следует забывать. Читателю придется поэтому время от времени возвращаться к первой главе и к 1939 году, как бы рассматривая один за другим щупальца осьминога, мозгом которого являлась комната 39.

За попытку в последней главе извлечь некоторые уроки из опыта разведывательного управления ВМС ответственность я беру на себя. Некоторые из этих идей окажутся выражением мыслей и идей ведущих сотрудников управления; другие сформировались в результате обсуждения их с опытными рядовыми сотрудниками управления; и лишь немногие, насколько я понимаю, являются моими собственными. Я охарактеризовал эту главу как «предварительные рассуждения»; в известном смысле таковой является и вся книга — предварительные рассуждения о весьма обширной теме.

ГЛАВА 1

КОМНАТА 39 И НАЧАЛЬНИК

Чтобы нанести визит начальнику разведывательного управления ВМС в 1939 году, вы должны были войти в здание адмиралтейства через подъезд, выходящий на площадь Молл позади памятника Куку. О вас докладывали по телефону, провожали по мрачному, звонко отражавшему ваши шаги пятидесятиметровому коридору, похожему на вестибюль в зданиях центральных графств Англии, и приводили в короткий трансепт. Здесь вас передавали на попечение одетых в форму посыльных, находившихся в «предбаннике», или канцелярии, через который можно было пройти в комнату 39. Канцелярия была до потолка завалена кипами документов, ящиками и лотками для бумаг, чайниками, молочными бутылками и принадлежностями для приготовления чая. Если вы были одним из сотрудников управления и имели право входа в эту штабную комнату, то проходили канцелярию, поворачивали дверную ручку и входили. И сколько бы раз это ни происходило, ваш взгляд в первую очередь останавливался на том, что было видно из трех высоких окон напротив двери, выходящих на запад: сад дома номер 10 на Даунинг-стрит прямо перед вами; комплекс из здания министерства иностранных дел, озера в парке Святого Джеймса и памятника воинам-гвардейцам с правой стороны; а с левой — здание государственного казначейства и старинное здание адмиралтейства — ужасно непрочные здания, подумаете вы, для размещения в них мозговых центров огромной военной машины. В средней части панорамы расположен парадный плац, использовавшийся гвардейцами для выноса знамени перед строем, а теперь занятый машинами с устройством для подъема в воздух аэростатов заграждения.

Во много раз больше, чем когда бы то ни было в мирное время, это историческое место пересекают непрерывно снующие из одного здания в другое представители высшего руководства страны: премьер-министр, министр иностранных дел, начальники штабов видов вооруженных сил, правительственные чиновники, начальники планово-оперативных и разведывательных управлений, кадровые гражданские служащие и различные временные начальники военного периода. Под комнатой 39 располагался особый выход из адмиралтейства, которым первый морской лорд пользовался, когда шел к Черчиллю или начальникам штабов, чтобы выслушать какие-нибудь

важные указания. Иметь ключ к двери этого выхода было одной из привилегий сотрудников разведывательного управления ВМС. Над комнатой 39 располагался огромный кабинет первого лорда адмиралтейства. Сидя в нем, политический руководитель адмиралтейства выполнял те немногие функции руководства, которые оставили в его ведении военный кабинет и палата лордов. Приходивший сюда человек чувствовал себя среди этих зданий окруженным атмосферой огромного центра управления, как бы в Пентагоне, состоящем из пяти частей.

Тем не менее работавшие в комнате 39 выглядели и вели себя так же, как сотрудники любого другого учреждения: десять, а то и пятнадцать человек всегда здесь или названивали по телефону, или горячо обсуждали что-нибудь, диктовали, рассматривали документы, делали памятные заметки на карточках из плотной бумаги и рассовывали их по различным картотекам. «Помните, — писал бывший личный секретарь начальника морской разведки автору биографии Яна Флеминга, — все мы были там заядлыми писарями». И действительно, комната 39 — большая, неуютная, со стенами, выкрашенными кремовой краской, — судя по тому, что «входило» в нее и что «выходило», скорее всего была похожа на редакторскую комнату большой ежедневной газеты. Иногда она становилась похожей на курительную комнату какого-нибудь клуба. Если было точно известно, что начальник управления отсутствует и в его кабинете — соседней комнате (комнате 38) нет никого, кто мог бы нажать на кнопку звонка или выглянуть с нахмуренными бровями из обитой войлоком двойной двери в углу, то перед большим мраморным камином и стоящими около него железными ведерками с углем собиралась небольшая группа сотрудников, чтобы поболтать о поступивших за минувший день шифровках с запутанной, тревожной, а иногда и весьма удручающей информацией. Никто в этой группе не пытался играть роль старшего; начальника в комнате 39 не было. Офицеры королевского флота, работавшие в этом отделе, давно уже отказались от попытки разыгрывать из себя каких-то особых персон секретной службы, которых многие называли в шутку «обитателями зоопарка». Да и в самом деле, если не считать некоторых, весьма секретных дел, в которые был посвящен ограниченный круг лиц, все офицеры здесь ничем не отличались от множества других. Бо́льшую часть старших офицеров подбирал сам начальник управления; если некоторые из них попадали в 17-й отдел разведывательного управления и в комнату 39, то это вовсе не означало, что они получали какие-то особые права и привилегии, скорее наоборот, работать им приходилось больше, чем другим.

В комнате 39 работали очень напряженно, ибо человек, сидевший в течение первых трех лет войны за обитой войлоком дверью — контр-адмирал Годфри, — был требовательным, любознательным, энергичным, а временами даже раздражительным и безжалостным начальником. Подобно водителю гоночного автомобиля, мчащегося вслед за остальными, он никогда не считал опасным или неучтивым на-

жать на акселератор; обладая острым и проницательным умом, он требовал таких же качеств и от других. Годы успешного командования такими кораблями, как «Кент» и «Риналс», не прошли для него даром. Создав отдел, разработав для него задачи и наметив общий план действий, Годфри считал, что о деталях должны позаботиться подчиненные. Они обязаны, не беспокоя его, сделать все необходимое, и не иначе, как с характерной для него самого щепетильностью и аккуратностью. Проблема, которая вчера подлежала решению в первую очередь, могла рассматриваться им сегодня как требующая наименьшего внимания. Поэтому если в управлении допускались какие-нибудь промахи или проволочки, то взрыв негодования безо всякого предупреждения чаще всего раздавался в комнате 39. Ян Флеминг (личный помощник), сидевший за ближайшим к обитой войлоком двери столом, или Тэд Меррит (личный секретарь) принимали на себя первый удар; для этого они там и сидели; однако никогда не было так, чтобы волна от взрыва не прокатилась по всей комнате и дрожь не охватила всех ее обитателей.

В комнату вливался и выходил обратно нескончаемый поток документов. Если бы диверсанты противника учинили налет в самый разгар войны и здесь не было бы вооруженной охраны, которая смогла бы задержать их, они завладели бы бесчисленным множеством совершенно секретных шифровок, штабных документов, донесений и карт, которые, попади они в Германию, оказали бы немецкому штабу руководства войной на море неоценимую услугу в деле завоевания победы в только что проигранной им войне. Секретность была необходимой характерной чертой, но отнюдь не сущностью всего происходящего в комнате. Сюда поступали и уходили обратно не только документы; в комнату попадало извне, рождалось в ней и выходило в разные точки внешнего мира множество идей, и не обязательно на бумаге. Некоторые из них были лишь стимулирующими, другие, может быть, даже бессмысленными и глупыми, а некоторые определенно содержали в себе зародыш каких-нибудь достижений и успехов. Так, например, известно, что Скорцени и его парашютисты проявили необыкновенную оперативность, сообразительность и искусство, стремительно захватив на острове Крит английские документы и шифры, которые, по-видимому, оказались весьма полезными дешифровальной службе противника. В голову Флемингу пришла тогда идея, что, когда придет время наступления, нам необходимо будет проявить еще большую оперативность и ловкость. Тремя годами позже эта идея привела к захвату специальной группой всего архива немецкого штаба руководства войной на море — многих тонн документов, принесших английскому адмиралтейству неоценимую пользу в его дальнейшей деятельности. Или, например, такая идея, как план захвата в мае 1941 года немецких кораблей «Мюнхен» и «Лауенбург», выполнявших роль морских плавучих метеорологических станций, в надежде заполучить невредимыми имевшиеся на кораблях шифровальные машины, коды и другие документы. В результате этой успешной операции английский флот получил решающие

преимущества. Или, скажем, идея о необходимости тщательной разработки обширного плана обеспечения высадки английских войск на побережье противника разведывательными данными о характере местности, что имело целью не повторять ошибок, допущенных в 1940 году при высадке на побережье Норвегии. План этот был задуман, разработан и корректировался в комнате 39.

Отождествлять все разведывательное управление ВМС при его штате около двух тысяч человек (в 1943—1944 годах) с одной комнатой 39 кажется абсурдным, если не знать при этом, насколько неизгладимой после первой мировой войны осталась память о комнате 40 в адмиралтействе. Именно в этой комнате группа под руководством Йюинга занималась поисками ключей к шифрам и кодам противника и справедливо завоевала самую лучшую репутацию своей изобретательностью и искусством, которая была бы еще лучшей, если бы о всех фактах знал не столь ограниченный круг лиц. Престиж морской разведки времен Джелико все еще был высоким. В 1939 году адмирал Реджинальд Холл все еще давал советы и оказывал помощь. Никогда за всю свою историю начальник английской разведки не пользовался таким огромным авторитетом и влиянием, каким пользовался Холл. Теперь, когда английский флот воевал снова, эта традиция возродилась в лице контр-адмирала Годфри и его сотрудников. Таким образом, в репутации комнаты 39 сыграли свою роль и легендарное прошлое разведки, и ее современные дела.

17-й отдел разведывательного управления ВМС, в котором работали десять — двенадцать мужчин и женщин, называли «энергетической станцией», своеобразной «расчетной палатой», «мозговым трестом». И действительно, сотрудники этого отдела были источником неиссякаемой энергии, когда они представляли интересы адмиралтейства в некоторых наиболее важных комитетах английских и союзных военных органов. Правильно и то, что 17-й отдел был «мозговым трестом», однако вряд ли в большей мере, чем любой другой из двадцати отделов, отличавшихся друг от друга по тем или иным географическим или техническим признакам; кстати, процент штатских сотрудников в этих отделах был еще выше, чем в 17-м. Поддержание разведывательной машины в непрерывном движении; абсорбирование идей и фактов; надзор за тем, чтобы они попали к заинтересованным инстанциям, в соответствующие управления и отделы и не игнорировались ими; формирование не отстающего от времени мнения по основным вопросам, такого мнения, на которое можно было бы ссылаться как на оценку разведывательного управления ВМС, — таковы были функции 17-го отдела. Все, вместе взятые, они наилучшим образом характеризуются словами самого Годфри — «отдел координации». Этот отдел подавал идеи, но одновременно создавал организацию и поддерживал порядок.

Не менее важная обязанность сотрудников этого отдела заключалась в том, чтобы просмотреть все шифровки и телеграммы — а их поступало бесчисленное множество — и проследить за тем, чтобы важнейшие из них немедленно попали на стол начальника управле-

ния и его заместителей. Через отдел проходили не только шифровки адмиралтейства, но и копии большей части шифровок в адрес начальников штабов видов вооруженных сил, так же как и копии шифровок, исходящих от них. Многие из них имели гриф «совершенно секретно, особой важности», и поэтому, извлекая их из папки со специальным замком, требовалось оставлять свою подпись. В любой момент кто-то в отделе должен был пребывать в постоянной готовности предпринять необходимые шаги с целью координации действий; любой сотрудник 17-го отдела обязан был в случае необходимости заменить своего коллегу по работе. В любой день того или иного сотрудника из комнаты 39 можно было увидеть заседающим в том или другом объединенном комитете вооруженных сил. Капитана 3 ранга Дрэйка — в объединенном комитете стратегического планирования или в объединенном разведывательном комитете с целью обсуждения текущей потребности в разведывательном обеспечении и обмена мнениями с представителями армии, ВВС и министерства иностранных дел; капитан-лейтенанта добровольческого резерва ВМС Флеминга — в таких секретных организациях, как управление специальных операций, ведавшее диверсионной и подрывной деятельностью во вражеских странах, или в управлении политической войны, ведавшем пропагандой, распространением слухов и информации на территориях, занятых противником, или у самого начальника секретной службы; капитан-лейтенанта добровольческого резерва ВМС Монтегью — в тайных группах, которые занимались разработкой таких загадочных акций, как «операция Минсмит»; капитана 3 ранга Льюиса — в объединенной службе безопасности видов вооруженных сил, где он сидел с представителями контрразведки (М1.5 и М1.6, как их тогда обозначали), со своими коллегами и старшим советником по вопросам безопасности, обсуждая кодовые названия операций, организацию управления всеми секретными операциями, а также меры по сохранению тайны всех совместных действий видов вооруженных сил. Наконец среди сотрудников 17-го отдела был адвокат — некий Пеп Слейд (позднее его заменил капитан-лейтенант добровольческого резерва ВМС Кристофер Шоукросс), который выезжал в 5-й и 6-й отделы разведывательного управления ВМС в Оксфорде, чтобы наблюдать за составлением и изданием географических справочников, а также за сбором различного рода разведывательной информации о характере местности, необходимой для использования в предстоящих операциях.

Остается сказать несколько слов еще о двух функциях, прежде всего о работе 14-го отдела управления. Секретари этого отдела также сидели в комнате 39 и заботились о том, чтобы самые секретные разведывательные данные попадали лишь к тем, кому необходимо было их знать, и чтобы они передавались им в специальных папках-скоросшивателях или запирающихся коробках с надписью: «совершенно секретно, особой важности». Эти документы печатались на особой бумаге определенного цвета, а ссылка на них в любом другом документе разведывательного управления разрешалась только в

форме весьма осторожных формулировок. Довольно деликатная обязанность, если учесть естественную любознательность и интерес к этим документам старших офицеров и гражданских служащих, не включенных в список адресатов, которым они предназначались, иногда по не подлежащим объяснению причинам. Разведывательное управление ВМС, отвечавшее за сохранение секретов на флоте, было обязано показывать пример в таких делах. Другой важной обязанностью персонала 17-го отдела была подготовка проектов документов для начальника управления или его заместителя по вопросам, которые ставил перед ними премьер-министр или члены совета адмиралтейства, или начальники других управлений. В каком бы виде ни достигали эти документы тех лиц, которым они предназначались, из комнаты 39 они «исходили» написанными простым и энергичным «языком 17-го отдела», что явилось результатом совмещения отличной военно-морской подготовки и журналистского чутья бывшего сотрудника агентства Рейтер Яна Флеминга.

Иногда приходилось докладывать без бумажки. Вот как капитан 3 ранга Дрэйк писал об этом в письме на мое имя:

> «Все мы привыкли к необходимости в любое время дня и ночи без страха входить в кабинет, а иногда и в спальню к морским лордам. Это требовало известной смелости, особенно когда нужно было разбудить адмирала Тома Филлипса (в то время первого заместителя начальника главного морского штаба), который довольно часто устраивался «вздремнуть» и обязательно гасил при этом свет. Это был небольшого роста, но очень подвижный, резкий и не стеснявшийся в выражениях человек. Я не встречал в своей жизни никого, кто вскакивал бы с кровати быстрее, чем он. Однажды мне пришлось подходить к его кровати в темноте, ощупью. Неожиданно зазвонивший телефон сильно напугал меня, а из последовавшего разговора адмирала мне стало ясно, что кто-то начал было сообщать ему по телефону ту самую информацию, с которой пришел я. Адмирал раздраженно крикнул в трубку: «Пришлите мне кого-нибудь из разведки, и побыстрее!» В этот момент я был вынужден обнаружить свое вторжение к нему и объяснить, что прибыл по приказанию начальника управления. Затем, оставаясь по-прежнему в темноте, я начал отвечать по памяти на многочисленные вопросы адмирала, в то время как точные ответы на них были записаны на клочке бумаги, который я держал в крепко сжатом кулаке. В минуты расстройства этот маленький человек мог быть очень гневным. Однажды я видел, как, потрясая кулаком перед самым лицом премьер-министра, он напугал даже такого человека, каким был Черчилль».

Иногда у некоторых создавалось впечатление, что в комнате 39 замышлялись какие-то невероятные заговоры, что Годфри и Рашбрук — как и Холл в свое время — были вдохновителями и руководителями такой деятельности, которая не имела почти ничего общего с военно-морской разведкой, а относилась, скорее, к политике и надувательству. Если так и было в начале войны, то продолжалось это очень недолго.

До сформирования в 1940 году управления специальных операций инициатива в планировании «иррегулярных» акций принадлежала начальникам разведывательных управлений ВМС и армии, а также службе специальной разведки, которая и несла ответственность за осуществление таких акций. Однако получить официальное разрешение высших руководителей на проведение специальных операций было делом далеко не легким. Как рассказывает об этом Сомерест Могэм, старшие офицеры «с удовольствием желали пользоваться выгодными результатами «иррегулярных» акций, однако ответственность за их осуществление всячески стремились переложить на когонибудь другого». Не удивительно поэтому, что под влиянием традиций разведывательного управления ВМС Годфри при участии своего помощника Флеминга взял на себя инициативу разработки и проведения многих агентурно-диверсионных операций с целью, например, лишить Германию поставляемой ей Швецией железной руды, или блокировать реку Дунай, или вывести из строя нефтеобрабатывающие предприятия в Румынии. В некоторых случаях при этом приходилось иметь дело с агентами-двойниками. Часть этих операций имела к флоту лишь косвенное отношение, но это было время, предшествовавшее изданию Черчиллем директивы «поджечь Европу». Годфри вспоминает, что Черчилль прибегал к агентурно-диверсионным операциям лишь в крайних случаях. Его осторожность в этом отношении, возможно, объясняется либо возражениями министерства иностранных дел, либо недостатком финансовых средств, либо одновременно и тем и другим.

Сотрудники комнаты 39 никоим образом не были разочарованы, когда все силы и средства агентурно-диверсионной деятельности были переданы вновь созданному управлению специальных операций. Нежелание высших руководителей в главном морском штабе брать на себя ответственность за такие дела (ни одной операции нельзя было провести без разрешения начальника штаба или его заместителя) приводило к досадному пресечению большинства попыток в этом направлении. Правда, оставаясь в основном открытым органом разведки, 17-й отдел имел много и тайных связей, однако Годфри заботился главным образом об обеспечении флота практически необходимыми для его действий разведывательными данными. Коммодор Рашбрук, когда он принял управление в январе 1943 года, придерживался такого же взгляда и поэтому внес в работу разведки лишь незначительные перемены. Тем не менее Годфри проявлял большой интерес к таким, например, замыслам, как план Сефтона Дельмера, разработавшего крупную «серую радиооперацию» по разложению

вооруженных сил противника с помощью музыки и различных увеселительных передач. Этот план впервые обсуждался в комнате 39 и получил поддержку адмиралтейства, когда против него ополчились некоторые критики из Уайтхолла и из Би-Би-Си. Аналогичную поддержку в спорах против упорно возражавших ВВС в комнате 39 получили и планы австралийца Сиднея Коттона, предложившего осуществлять разведывательное фотографирование немецкого флота с самолетов, вылетавших на свободную охоту.

Чтобы описать роль начальника управления, который пользовался самым большим авторитетом и симпатиями подчиненного персонала, историку лучше всего обратиться к рассказу о работе в управлении его личного помощника. Ян Флеминг писал в 1948 году:

> «В военное время начальник разведывательного управления ВМС эффективно использовал связи с гражданскими лицами за пределами Уайтхолла, да и внутри управления он чаще всего поддерживал контакты с гражданскими служащими, носившими военно-морскую форму. Во время последней войны начальник управления считал целесообразным переводить бо́льшую часть таких связей и контактов на старшего офицера добровольческого резерва ВМС, который действовал как его личный помощник. Этот офицер владел тремя языками, имел обширный круг знакомых и устанавливал множество полезных контактов. В результате «блестящие» идеи и предложения многих способных гражданских сотрудников, носивших военную форму и занимавших в управлении должности младших специалистов, часто принимались и осуществлялись значительно быстрее, чем если бы они доходили до начальника управления обычным порядком, то есть через начальника того или иного отдела и заместителя начальника управления. Фактически начальник управления использовал своего личного помощника чаще всего в таких делах, которые не имели прямого отношения к военно-морскому флоту.
>
> Этот офицер использовался также в делах, связанных с диверсионными организациями и с выполнением секретных заданий за границей, при этом он действовал или индивидуально, или в сотрудничестве с другими работниками морской разведки.
>
> Начальник управления считал также целесообразным иметь офицера, не загруженного обычными «отдельскими» обязанностями. Он направлял его в качестве своего представителя в межведомственные и межуправленческие комитеты.
>
> Очевидно, что такого офицера целесообразно иметь в управлении в случае любой войны в будущем, при этом подбирать его надо с особой тщательностью и, если воз-

можно, оставлять на этой должности в течение всей войны с тем, чтобы обеспечить качественное выполнение им особо секретных заданий».

Из сотрудников комнаты 39, которые действовали от имени начальника управления, Ян Флеминг был если не самым развитым и подготовленным, то, во всяком случае, самым энергичным и инициативным. Он обладал сравнительно скромными способностями анализировать и оценивать информацию, но зато был умелым организатором и отлично излагал мысли в документах. Его умению «устраивать» всякие дела и энергии, с которой он принимался за выполнение любой работы, мог бы позавидовать любой сотрудник. Неиссякаемую энергию, любознательность и инициативность Флеминг унаследовал, видимо, от своего первого начальника, поручавшего ему множество важных дел. Как выразился один из работавших с ним сотрудников, Флеминг «никогда не откладывал дела в долгий ящик». У него обычно моментально рождалась идея решения того или иного вопроса, и он сразу же приступал к действию, воодушевляя других и заставляя их верить в то, что все трудности можно преодолеть и все ошибки можно исправить. Решения и суждения он принимал не задумываясь, а иногда они были даже вызывающими. На документе, адресованном начальнику управления, но попавшем в руки Флеминга, могла запросто появиться резолюция: «Не имеет никакого отношения к 17-му отделу. Флеминг». После этого документ возвращался отправителю.

За столом напротив Флеминга сидел капитан 3 ранга в отставке Чарльз Дрэйк. Это был способнейший оценщик разведывательной информации, который представлял начальника морской разведки на конференциях в Ялте и Квебеке. Небольшого роста, с белокурой шевелюрой, медлительный в движениях и осторожный в выражениях, спокойный, с хорошей штурманской подготовкой и куда более расчетливый, Дрэйк был полной противоположностью Флемингу — тридцатидвухлетнему офицеру добровольческого резерва, высокому и темноволосому, с беспокойным взглядом и торопливой подпрыгивающей походкой.

Дрэйк рассказывает, как он, бывало, начинал работать над документом для объединенного разведывательного комитета и обращался к Флемингу за помощью. Закуривая сигарету с золотой каемкой, Флеминг нетерпеливо спрашивал: «Ну и что же, «доктор наук»? В чем дело?» Дрэйк обычно предлагал выйти из шумной 39-й комнаты в приемную и обсудить вопрос в спокойной обстановке, но Флеминг энергично настаивал: «Нет, нет, давай-ка лучше зови мисс Кэмерон и начнем писать. В таких делах самое важное — начало, с чего-то надо начать». Когда появлялась мисс Кэмерон, Флеминг легко и уверенно начинал диктовать, а через час документ приносили отпечатанным на машинке. Флеминг передавал его Дрэйку, который, прочитав два-три абзаца, восклицал: «Дорогой Ян, это же совсем не из той оперы, ты все изложил шиворот-навыворот!» «Ну и что

же, — отвечал, нисколько не смущаясь, Флеминг, — выброс первый абзац, остальные переделай по-своему». В результате почти всегда рождался отличный документ.

Флеминг никогда не робел и не благоговел перед самыми высокопоставленными начальниками. Он был в состоянии — фактически даже в большей мере, чем сам Годфри, — защищать или отстаивать какое-то мнение или решение даже при конфронтации с таким скептиком, как заместитель начальника морского штаба или как начальник планового управления. Смелость и уверенность, с которыми Флеминг выступал в подобных конфронтациях, делали его весьма полезным в решении непривычных для разведки и гражданских служащих адмиралтейства сложных проблем.

Мне пришлось в свое время приложить немало усилий, чтобы добиться признания того, что правительственные открытые и закрытые пропагандистские агентства, начиная с «белой» радиовещательной корпорации Би-Би-Си и кончая «черной» организацией Сефтона Дельмера в Бедфордшире, должны уделять нуждам военно-морского флота максимальное внимание. Стоило пожаловаться Флемингу на трудности в этом деле, с которыми я встретился благодаря позиции директора Би-Би-Си или заместителя помощника министра иностранных дел, и он тотчас же брался за телефонную трубку, чтобы позвонить таким, например, светилам, как генерал Даллас Брукс или сэр Айвон Кирпатрик. А через несколько дней тот или иной «подчиненный» вызывался к высокопоставленным начальникам и вынужден был давать неприятные объяснения.

Позднее адмирал Годфри говорил о Флеминге, что тот «всегда выходил победителем». Рашбрук — второй непосредственный начальник Флеминга — тоже был весьма высокого мнения о нем. Флеминг, казалось, всегда выбирал наикратчайшее расстояние между двумя точками. На работавших вместе с ним людей он влиял таким образом, что они чувствовали себя вынужденными действовать столь же энергично, несмотря ни на усталость, ни на кажущуюся бесполезность выполняемой работы.

С точки зрения повседневных текущих военных событий оперативно-информационный центр, находившийся в «цитадели» — бетонном укрытии позади здания адмиралтейства — и следивший за обстановкой на морских театрах военных действий, имел даже большее значение, чем комната 39. Не менее важным была и военно-морская секция огромного центра связи, расположенного за пределами Лондона, который я буду называть в дальнейшем «станцией X». Сюда из всех районов мира поступал непрерывный поток перехваченных радиограмм и шифровок противника; здесь они подвергались тщательному анализу техниками, дешифровальщиками и другими специалистами по всем трем флотам противника. Здесь же находилось отделение службы специальной разведки, взаимодействовавшее с сотрудниками разведывательной службы союзников. Задача этого отделения заключалась в сборе и анализе необходимой флоту информации, поступавшей от разведывательной сети в оккупированной

Европе и на Среднем Востоке, при этом разведывательная сеть на территории Норвегии играла особо важную роль.

Однако все основные операции и действия замышлялись и планировались в комнате 39; в ней решались вопросы развития и расширения морской разведки, разрабатывались сметы расходов, вырабатывалась линия поведения и образ действий и многое, многое другое. Образно выражаясь, комната 39 была мостиком разведывательного корабля — разведывательного управления ВМС. То, что происходило в комнате 39, можно было бы, конечно, романтизировать. Сюда поступили самые первые (еще в 1939 году) данные об экспериментах в Пенемюнде над ракетами и управляемыми снарядами; эти данные прислал военно-морской атташе в Стокгольме. Здесь обсуждалась организация контрабандной доставки драгоценных шарикоподшипников из Швеции. Здесь были подготовлены все необходимые аргументы для начальника главного морского штаба, которыми он пользовался в споре с премьер-министром при обсуждении стратегии бомбардировки Германии и вопросов наиболее целесообразного использования авиации. Здесь были заложены основы омолаживания американской разведывательной системы. Здесь намечались и осуществлялись многие другие важные шаги, меры и мероприятия. Однако никто из работавших в комнате 39 не стал бы утверждать, что подобная деятельность была характерной для обычной повседневной работы 17-го отдела.

Никто из сотрудников не стал бы также утверждать, что все шло гладко, делалось без ошибок, что на результаты их работы не поступало никаких жалоб или претензий со стороны других управлений адмиралтейства или Уайтхолла. У разведывательного управления ВМС были и критики и противники; на него иногда пытались оказывать чрезвычайно неприятное давление. В подтверждение этого положения я снова процитирую Дрэйка:

> «Я считаю, что торопливость, с которой мы были вынуждены просматривать непрерывный поток документов, поступавших в комнату 39, приводила к тому, что очень часто те из них, которые не представлялись нам имеющими значения в данный момент, отправлялись в различные адреса без ознакомления с ними широкого круга сотрудников нашего управления. Мы не могли поступать иначе, но все равно следует признать, что такая практика была порочной. Почти все документы имели пометки «весьма срочно», «совершенно секретно», «передавать только через офицера» и другие подобные грифы, причем иногда совершенно неоправданно. Поэтому те документы, которые, как казалось на первый взгляд, не добавляли ничего нового к имевшейся у нас информации, мы стремились без задержки направить дальше. Потом, позднее, к нам приходили какие-нибудь новые данные, подтверждавшие ранее отправленные; тогда-то мы и обнаруживали

свою ошибку, но исправить ее было нелегко, потому что копий документов делать не разрешалось.

Все дело было в том, что война, начиная с середины 1941 года и до конца, приобрела уж очень большие масштабы. Поток всякого рода документов во всех направлениях стал чрезвычайно большим и стремительным; чтобы разобраться в документах и безошибочно определить заинтересованных потребителей содержащейся в них информации, надо было иметь современные счетно-решающие устройства.

Мы, конечно, старались все делать наилучшим образом, однако я сознаю, что мы все же допускали ошибки, и нам часто приходилось выслушивать обоснованные упреки и претензии от начальников различных отделов нашего управления, а также от оперативного и планового управлений. Некоторые радиограммы и телеграммы, которые нам приходилось читать, были настолько искажены, что иногда у нас просто не хватало физических сил должным образом разобраться в них.

Именно в результате такого положения и таких случаев некоторые из нас настойчиво просили командование об отправке на флот — хотели активно участвовать в боевых действиях, особенно те сотрудники, которые имели за плечами многолетнюю службу на кораблях. Начальник управления терпеливо разъяснял нам, что он и сам хотел бы уйти на флот, но вынужден считаться с существующим положением, согласно которому все работавшие в разведке могли назначаться на действующие корабли только по прошествии шестимесячного «карантинного» срока после прекращения работы в секретных органах во избежание огромного риска в том случае, если такой работник оказался бы военнопленным.

Так или иначе, но начальник управления не любил производить изменения в штате своих сотрудников и иногда откровенно сердился, если ему слишком надоедали подобными просьбами. «Вы что же думаете, что, работая со мной, вы не делаете ничего полезного?» — гневно спрашивал он. Просители расстраивались, но были вынуждены мириться с положением и оставались на своих местах».

* *
*

Какой же человек был выбран адмиралтейством для напряженной работы на должности начальника разведывательного управления ВМС, несшего на себе бремя ответственности перед разбросанным по всему миру флотом? Кто бы ни делал этот выбор в 1938 году (вероятно, это был адмирал сэр Роджер Бэкхауз, являвшийся в то

время первым морским лордом и решавший такие вопросы лично), он должен был считаться с тем, что вскоре неизбежно начнется война. В таком случае тот, на кого падал выбор, должен был иметь сравнительно высокое звание, многогранный служебный опыт, превосходящий обычный опыт строевого офицера морской специальности, а также недюжинные, проверенные жизнью способности обращаться со словами. Было бы неправильным выбрать старшего морского офицера, который намеревался вскоре закончить службу и который рассматривал бы это назначение как назначение на последнюю должность, а соответствующее этой должности звание — как последнее звание в своей служебной карьере. Слишком часто такие выборы в прошлом не оправдывали себя. Работу следовало поручить человеку с будущим, и было бы совсем неплохо, если он в прошлой войне с Германией соприкасался с разведкой или даже непосредственно занимался этим видом деятельности.

Капитан 1 ранга Джон Годфри, которому только что исполнилось пятьдесят лет и который должен был вскоре передать командование линейным крейсером «Рипалс» новому командиру, отвечал всем этим требованиям. К тому же назначение Годфри на должность начальника морской разведки поддерживал его непосредственный начальник — командующий Средиземноморским флотом вице-адмирал сэр Дадли Паунд. Детали истории назначения Годфри на должность начальника морской разведки интересны потому, что они характеризуют взгляды командования того времени на разведку, а также настроение в адмиралтействе и на флоте за год до начала войны.

Для Джона Годфри такое назначение было редкой счастливой возможностью. Быть назначенным на должность начальника разведывательного управления ВМС в 1939 году означало получить возможность соединять организацию с идеями, административную ответственность с интеллектуальным творчеством, то есть выполнять такую работу, которую морской офицер действительной службы редко получает в штабе. Рано или поздно, но война начнется, и сомнений в этом у Годфри не было. А если начнется война, будут отпущены средства, будут сотрудники, которых можно взять в штат управления, будет дано право управлять, то есть будет все то, в чем в мирное время государственное казначейство и адмиралтейство так упорно отказывали. Кроме того, работа обещает быть очень интересной: их светлость лорды будут с нетерпением ждать информации о событиях и положении во всем мире, так же, как двадцать пять лет назад, когда во главе морской разведки был Холл, такую информацию привыкли ждать и получать их предшественники.

Управление, которое в последний период службы Годфри в адмиралтействе совсем зачахло, расширится, активизируется и станет процветать. Во время войны возможности и права начальника разведывательного управления значительно расширятся и он сможет добиться почти всего — такова традиция; являясь одним из старших членов главного морского штаба (непосредственно подчиненным первому морскому лорду), начальник морской разведки будет пользоваться

более широкими правами и возможностями, чем его коллеги — начальник разведки армии и начальник разведки ВВС. Так будет потому, что адмиралтейство является оперативным штабом, управляющим действующими флотами на море. Военное министерство и министерство военно-воздушных сил не являются в той же степени действующими органами штаба. Начальник разведывательного управления ВМС будет в самом центре борьбы с адмиралами Редером, Деницем и Канарисом и будет почти непосредственно участвовать в верховном руководстве войной.

Так думал 1 августа 1938 года пятидесятилетний капитан 1 ранга Годфри, сидя в каюте командира линейного крейсера «Рипалс» и держа перед собой важное письмо из адмиралтейства. Последняя мысль — мысль о том, что он будет в центре борьбы, — явилась для него решающей. Годфри не принадлежал к числу береговых моряков, несмотря на четырехгодичное преподавание в Гринвичском штабном колледже и непродолжительную службу в плановом управлении адмиралтейства в период между 1934 и 1936 годами. Он избежал службы на Флоте метрополии и «наплавал» на кораблях других флотов необыкновенно много миль. Он отличился по службе во многих «беспокойных» районах: на военно-морской станции в Китае, осуществляя боевое патрулирование на реке Янцзы; в Дарданелльской кампании, будучи штурманом и штабным офицером; в 1917 году, будучи помощником коммодора Бёрмстера — начальника штаба командующего вновь созданного Средиземноморского флота с его местными разведывательными центрами и первым опытом в организации системы конвоев. Адмирал, которому подчинялся тридцатилетний капитан-лейтенант Годфри, отозвался о нем как об офицере исключительных способностей: «Он обладает тем, что можно назвать штабным мышлением, и имеет замечательную склонность к разработке и выражению в приказах деталей операций, в которых участвуют крупные силы флота».

Для самого Годфри, который, как и все истинные моряки, чувствовал бы себя «не в своей тарелке», если бы его считали береговым, а не морским офицером, наиболее важным, пожалуй, был тот факт, что, являясь в течение последних двух лет командиром модернизированного линейного крейсера «Рипалс», он превратил его в высокоэффективный боевой корабль, не уступающий по своим качествам и подготовке линейному крейсеру «Худ». Командующий Средиземноморским флотом адмирал Паунд отзывался о Годфри следующим образом: «Один из капитанов 1 ранга, которые знают, что и как нужно делать, чтобы быть адмиралом». Эндрю Каннингхэм характеризовал Годфри в автобиографии как «умного и способного офицера».

В лежащем перед Годфри письме, присланном военно-морским секретарем первого лорда адмиралтейства, было всего несколько строк:

> «Я предполагаю, что в начале следующего года Вас пригласят для дальнейшей службы в адмиралтейство, где

Вы примете дела у начальника разведывательного управления ВМС Трауна. Надеюсь, что Вы будете довольны. Сообщаю это для Вашего личного сведения».

Итак, решение было принято, но Годфри при желании мог сделать свой выбор. Фактически он не колебался: предложение произвело на него сильное впечатление, он был польщен этим намеком из канцелярии первого морского лорда и воспринял его с восторгом. По существу, Годфри некоторым образом готовил себя к такой возможности. Об этом свидетельствовали характер книг, которые он читал и изучал, выбор друзей, опыт, приобретенный им в период между двумя войнами. Его беспокоило лишь одно обстоятельство, так же как оно беспокоило бы любого преуспевающего по службе морского офицера: попадет ли он снова на флот по истечении обычного трехлетнего периода службы в качестве начальника разведывательного управления ВМС?

Создание полнокровного разведывательного управления ВМС началось с прибытием нового начальника в январе 1939 года. Адмиралтейство умышленно избрало на эту должность человека, о котором нельзя было бы сказать с пренебрежением, что он «штабист» или даже «кабинетный интеллигент». Он прекрасно знает, что́ хотели бы получить и в чём нуждаются люди на флоте; он достаточно знает тактику и стратегию, чтобы судить о том, что́ замышляет противник. Он, возможно, возьмет в свой штат и будет использовать кабинетных ученых (одному богу известно, какие умы потребуются для ведения войны на море, коль скоро она начнется), но сам он моряк, испытанный и строгий администратор.

Была еще одна причина для выбора такого человека, каким был Годфри, причем в то время причина эта была более очевидной, чем теперь. Тогда, перед началом войны, среди офицеров флота с высоким званием вряд ли набралось бы более полдесятка таких, которые знали, как разведка работала в первую войну с Германией. О Реджинальде Холле и его дешифровальщиках, как и о других работавших с ним офицерах, ходили легенды. Но морской разведке нужен был и такой человек, который понимал бы, что успех во времена Джелико и Тирпица был достигнут не только в результате перехвата и расшифровки кодированных радиотелеграмм немецкого флота, осуществлявшихся небольшой группой морских офицеров и специалистов-математиков, но и в результате неутомимого труда и огромных усилий многих других сотрудников разведки, терпеливо собиравших и умело обрабатывавших всякого рода информацию. Годфри хорошо помнил те далекие дни. Работая в то время в штабе командующего Средиземноморским флотом, молодой капитан-лейтенант Годфри прибыл в Лондон, чтобы ознакомиться с деятельностью сверхсекретной морской разведки. Ему предоставили возможность побывать в знаменитой дешифровальной комнате адмиралтейства — комнате 40, — где, к немалому изумлению, он увидел своего брата, директора Осборнского военно-морского колледжа, который почему-то

проводил свои каникулы в адмиралтействе. Семье Годфри тогда говорили, что он наблюдает за немецкими дирижаблями типа «Цеппелин», в то время как на самом деле он помогал расшифровывать кодированные радиограммы немецкого флота.

Позднее Годфри посетил службу специальной разведки и 5-й отдел разведывательного управления ВМС, чтобы получить их помощь в организации разведки в интересах Средиземноморского флота. Как младший офицер, он посетил английских консулов за границей, чтобы ознакомить их с задачами на разведку для Средиземноморского флота и проверить, соответствуют ли их коды и шифры действовавшим в тот период на флоте. В отличие от большинства других офицеров своего поколения, Годфри сумел побывать и во многих родственных разведке секретных отделах и службах Уайтхолла, хотя этот факт, возможно, и не был известен тем, кто остановил на Годфри свой выбор в поисках кандидата на должность начальника морской разведки. В конце двадцатых годов, готовясь к лекциям в Гринвичском штабном колледже, Годфри изучил все полезное, что сделала разведка для действий флота. Значение этого факта с точки зрения преемственности было невелико, однако и этот факт, и некоторые другие, о которых мы еще скажем, несомненно, способствовали быстрой ориентации Годфри на новой должности. Поэтому, когда однажды, незадолго до начала войны, адмирал Холл посетил Годфри в комнате 39, в ней уже царила такая атмосфера и был такой порядок, будто война с Германией вовсе и не прекращалась.

Такое соединение прошлого и будущего приняло почти романтическую окраску, когда в начале войны начальник управления разведки ВМС перебрался в квартиру дома № 36 на улице Керзона, принадлежащего адмиралу Холлу. Считалось, что там он будет в значительно большей безопасности от начавшегося немецкого «блица», чем в квартире верхнего этажа в доме на улице Букингэйм-Гейт. «Хотя, — писал Годфри, — во вновь отстроенной цитадели мне предоставили койку шириной два с половиной фута, защищенную десятифутовым слоем цемента, заснуть в душной, пропитанной запахом непрерывно работающих кондиционеров атмосфере было нелегко». Имелись и другие причины, по которым Годфри предпочел квартиру на улице Керзона: пятнадцатиминутная прогулка через Грин-парк при следовании на службу и обратно, прямая телефонная связь и очаровательная Далси Райт — непревзойденная экономка и приготовительница отменных блюд, что играло не последнюю роль, ибо Годфри не относился к категории любителей клубов. Во всем здесь чувствовался «морской» порядок, как на «Рипалсе». Одна из примечательных черт Годфри заключалась в том, что он во всем был приверженцем стиля: любил хороший стол, культивировал неслужебную компанию, переходил к обсуждению трудных проблем только после десерта и был в такой же мере сердечным, великодушным и терпеливым человеком, в какой мог быть безучастным, раздражительным и требовательным командиром. Эти качества не могли не оказаться полезными на посту, который помимо других светских

обязанностей требовал ношения визитки и цилиндра при посещении официальных дипломатических приемов.

Ничто не было бы так далеко от истины, чем предположение, что новый начальник управления разведки ВМС приступил к исполнению новых для него обязанностей, четко представляя себе, что и как он должен делать. Как раз наоборот, еще по службе в плановом управлении Годфри сознавал те трудности, с которыми ему придется столкнуться, пока не начнется война: государственное казначейство внимательно следило за расходованием каждого пенса; гражданские власти отказывались понять необходимость перемен или расширения служебных помещений; второй морской лорд решительно «придерживал» лучших офицеров для назначения на корабельные должности. Все это увенчивалось отсутствием четкости и решительности в политическом руководстве. Общая атмосфера в адмиралтействе все еще была лишь немногим лучше той, которую Годфри характеризовал в 1934 году, будучи заместителем начальника планового управления:

> «Я сознавал определенную недостаточность в разработке планов, и мы пытались сделать все возможное для исправления положения путем создания условий, в которых мы смогли бы воспользоваться своей изобретательностью в будущем. Однако все эти импровизации оказывались неувязанными с политикой и общественным мнением в стране или с соответствующими персонами в кабинетах и премьер-министрами... Таким образом, мы, ведающие планированием, работали в весьма странной атмосфере, в которой прошлое, настоящее и будущее, факты, выводы и благожелательное мышление смешивались в одну кучу и сознание ясной цели затуманивалось. К тому же наши премьер-министры были слишком миролюбивыми — пацифистами или пассивистами — и не могли даже думать о войне или об угрозе войны».

Тем не менее оглядываясь на эти заполненные разнообразными людьми и насыщенные событиями прошлые годы, Годфри чувствовал, что приступает к созданию чего-то нового, закладывает какой-то фундамент, и это чувство воодушевляло его. Увидеть и понять первостепенные нужды и недостатки; разработать планы и пути их удовлетворения и устранения; получить от своих высокообразованных помощников документ с четким изложением той или иной проблемы и обоснованной аргументацией необходимости ее решения; «протолкнуть» этот документ и проблему через упрямые гражданские инстанции и главный морской штаб; подобрать толковых руководителей для вновь задуманных дел, а потом, предоставив им свободу действий и возможность проявлять инициативу, потребовать доведения дела до победного конца — все это придавало Годфри энергию и мобилизовывало его.

Чтобы увидеть и оценить перспективы мира и войны перед вступлением в командование линейным крейсером «Рипалс» в 1936 году, Годфри провел три месяца в Германии и странах Восточной Европы, где встречался и говорил с самыми различными людьми, большей частью антифашистами или выдававшими себя за таковых. Он вынес из этой поездки два основных впечатления: одно — в Германии существуют люди с шорами на глазах, испытывающие страх, жалующиеся и недовольные, и другое — там есть люди, разделяющие убеждения в общности своих интересов с Великобританией, если Великобритания сделает то, что считают необходимым нацисты. «Те, с кем я встречался,— писал Годфри,— проявляли живейшую готовность говорить о политике Германии, но совсем не интересовались взглядами и мнением других народов и не имели никакого представления о влиянии нацизма за границей». А капитан 1 ранга Денш, начальник штаба командующего военно-морскими силами Германии адмирала Редера, заявил следующее: он «убежден, что Германия действительно стремится создать самую крупную армию в Европе, а Англия пусть имеет крупнейший военно-морской флот и что две эти страны будут править миром».

Предстояло доказать на практике, что разведывательное управление ВМС в современной войне должно будет существенно отличаться от того, каким оно было в предыдущей войне. 5-й и 6-й отделы, только еще зарождавшиеся в 1914 году, к 1939 году превратились в обладающие большим опытом независимые организации, управляемые гражданскими властями. Управление специальных операций предстояло еще создать, но в 1939 году в умах людей, сидящих в Уайтхолле, уже формировалась идея — агентурно-диверсионную деятельность нельзя отдавать под контроль военного министерства или одного из видов вооруженных сил. Это означало, что свобода независимых действий разведывательного управления ВМС, в отличие от времен Холла, значительно ограничивалась. А между тем Холл в свое время не считал в каком-либо отношении неправильными такие акции, как переговоры о мире с Турцией или организация захвата сэра Роджера Кейсмента. Точно так же если сравнить организацию операции «Минсмит» (см. стр. 45—46) в 1942 году с операцией по введению противника в заблуждение, результаты которой, как говорят, создали предпосылки для боя у Фолклендских островов в 1915 году, то разница сразу же станет очевидной: последняя зародилась, разрабатывалась и осуществлялась только адмиралтейством, в то время как первая планировалась и организовывалась группой, представляющей, по существу, все разведывательные ведомства Уайтхолла, хотя инициатива и в этом случае исходила от адмиралтейства.

Впрочем, ничто из этого не было очевидным в 1939 году, и Годфри, когда он принимал управление в феврале того же года, был чрезвычайно доволен тем, что в известной мере его деятельность будет направляться знаменитым предшественником — адмиралом Холлом. Вот что писал об этом сам Годфри:

«Ни перед кем другим я не нахожусь в таком долгу, как перед Реджинальдом Холлом, начальником разведывательного управления ВМС во время первой мировой войны. Он посетил меня 27 марта 1939 года и очень скромно предложил совершенно свободный доступ к своим обширным знаниям и суждениям в этой новой для меня области деятельности — разведке, о которой я имел в то время очень посредственное представление. Он понял, что мне необходимы связи, и сделал так, что вскоре я имел их в предостаточном количестве. Он устроил мне встречу с сэром Монтегью Норманом, с председателем банка Хэмбро и с двумя Ротшильдами, и все они тем или иным путем оказывали мне важную и плодотворную помощь и поддержку, особенно в вопросах подбора людей на должности по штату военного времени. Именно к таким людям обращался в свое время Холл за секретными фондами в тех случаях, когда намеревался проводить операции, о которых, по его мнению, Уайтхолл не должен был знать слишком много».

ГЛАВА 2

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ

Для офицера разведки любого ранга и важности, мужчины или женщины, особые источники являются заботливо выращиваемой и ревностно охраняемой собственностью. Так же как ипохондрик хвастливо говорит «мой доктор» или как сутяжный человек хвастливо заявляет «мой адвокат», так и военный, военно-морской или военно-воздушный специалист разведки может гордо и таинственно говорить «мой источник». Однако фактически чаще всего бывает так, что некоторые из его самых лучших источников оказываются принадлежащими разведке вовсе не того вида вооруженных сил, к которому относится данный специалист. Агенты, работавшие в период между 1939—1945 годами, оказались в конечном итоге под контролем самостоятельных управлений, подотчетных министерству иностранных дел и союзных правительств, и никогда не принадлежали разведывательным управлениям ВМС или армии, а воздушная фоторазведка портов и баз оккупированной Европы в интересах ВМС Великобритании лишь временно находилась под контролем министерства ВВС. Допрос военнопленных, независимо от того, кем они являлись до пленения — членами экипажей немецких подводных лодок или самолетов, проводился на межведомственной основе, но охрана, питание и размещение были возложены на военное министерство. Тем не менее географический отдел разведывательного управления ВМС, обеспечивший информацией флот, проявлял к имевшимся у него источникам чуть ли не отеческую заботу, иногда даже с известным чувством ревности. Офицерам этого отдела хотелось верить, если не доказывалось обратное, что так или иначе, но их специфическая информация превосходит информацию любых других отделов.

Это приводило к своего рода острому, но благотворному соперничеству, которое столь часто наблюдается среди авторов-ученых, когда они рецензируют работы друг друга. При таком духе соперничества человек, занимающий положение начальника — в разведывательном управлении ВМС таковым обычно являлся избранный сотрудник 17-го отдела — или заместителя начальника управления, мог подумать, когда он принимал решение, направлять ли информацию дальше, и если да, то в какой форме. Он обычно знал, что спор относительно возможностей того или иного источника и вероятности

сообщаемых им фактов уже состоялся и был выигран. В самом деле, к 1941 году коллектив разведывательного управления ВМС в достаточной мере сработался и во всех его звеньях появилась определенная уверенность. Высокодисциплинированные морские офицеры стали доверять своим вновь подготовленным и добродушно настроенным гражданским коллегам. Гражданские же сотрудники, как носившие военную форму, так и не носившие ее, быстро отказались от излишнего почитания старших офицеров, которое практиковалось на первых порах, и в управлении наладилось ничем не нарушаемое эффективное сотрудничество «военных и гражданских умов».

Перечень источников в приближенном порядке их надежности и важности дает представление о той мозаике, в которую сотрудник разведки обязан вписывать свои индивидуальные фрагменты.

1. Перехват, дешифрование и чтение важных шифрованных сообщений противника; информация совершенно секретная и почти всегда оцениваемая высшей оценкой.

2. Захваченные документы и вспомогательные материалы оперативной связи, изымаемые с кораблей, подводных лодок, в штабах и у военнопленных.

3. Определение координат места нахождения кораблей противника по пеленгам на работающие корабельные радиостанции, засекаемые станциями перехвата «Y»; перехват передаваемых теми же станциями сообщений открытым текстом или зашифрованных шифрсистемой малой надежности.

4. Фотографирование с воздуха специальными разведывательными самолетами ВВС с последующим дешифрованием аэрофотоснимков подразделениями дешифрования. Оценки зависят от погодных условий и других факторов.

5. Обнаружение кораблей противника экипажами самолетов: или специально подготовленными и высылаемыми для этой цели наблюдателями, или неподготовленными наблюдателями, выполняющими какие-либо другие задачи.

6. Различная информация, поступающая от агентов или дружественных разведывательных служб; оценивается по-разному, но всегда имеет гриф «совершенно секретно».

7. Допрос военнопленных и прослушивание записей разговоров между пленными, представляющими особый интерес или занимавшими высокое положение.

8. Заключения, производимые на основе анализа интенсивности и характера радиосвязи флота противника.

9. Анализ открытых сообщений противника, направления и характера его пропаганды; чтение прессы и других открытых материалов противника и нейтральных стран.

10. Намеки и факты, извлекаемые из писем, перехватываемых гражданской цензурой Великобритании и за ее пределами; просмотр переписки военнопленных, некоторые из которых пользуются простейшими кодами, полученными на родине.

11. Топографическая и техническая информация, получаемая из открытых источников (например, из Королевского географического общества или из библиотеки Британского музея) или в результате личных контактов с сотрудниками различных учреждений (например, с инженером, хорошо знавшим устройство ворот шлюза в Сен-Назере).

12. Информация, получаемая от наблюдателей дружественных и нейтральных стран, чаще всего дипломатических и консульских работников, но иногда и от коммерческих представителей, членов экипажей торговых и рыболовных судов и т. п.

13. Техническая и тактическая информация от наших и союзных кораблей, собираемая ими во время нахождения и действий в море; например, тактика противника при бомбардировке, дальность действия и другие характеристики торпед, методы преследования подводными лодками конвоев и т. п.

14. Обнаружение противника торговыми судами и береговыми наблюдателями; например, сигналы бедствия с судов, атакованных вооруженными рейдерами противника.

15. Сообщения моряков, спасенных с потопленных противником военных кораблей и торговых судов; в этих сообщениях могут содержаться данные о характере и месте нахождения тех или иных сил противника на данное время.

16. Разведывательная информация, поступающая из других видов вооруженных сил, содержащая данные о движении сил флота; иногда такая информация оказывается столь важной, что получает наивысшую оценку.

17. Указания, передаваемые разведкой противника своим агентам, находящимся под нашим контролем, другими словами, агентам-двойникам. Эти указания представляют собой скорее общий и стратегический интерес, чем оперативный или имеющий значение для флота. Такая информация всегда имеет гриф «совершенно секретно».

То, что существует такое многообразие источников, может удивить непосвященного, но не следует забывать, насколько полезным и важным может оказаться каждый из них для проверки другого. Так, например, 3 июня 1942 года адмирал Нимиц с нетерпением ждал в Пирл-Харборе сообщения о первом признаке появления большого соединения кораблей японского флота, которое должно было нанести внезапный удар по островам Мидуэй. Благодаря дешифровальной службе в Вашингтоне, читавшей радиообмен флота противника, Нимиц знал некоторые детали замыслов противника; однако он не мог быть абсолютно уверен во всем до тех пор, пока японские силы действительно не были обнаружены и он не убедился в том, что японцы не проводят хорошо разработанную отвлекающую операцию, о которой американцы также имели данные. Подтверждение, в котором нуждался Нимиц, было получено им утром этого дня от патрульного гидросамолета, который обнаружил корабли против-

ника, шедшие в ожидаемом направлении. Чтобы подтвердить массу совершенно секретных документальных данных, потребовалось простое визуальное наблюдение. Однако без помощи этих данных дешифровальной службы летчик патрульного самолета не знал бы, где искать противника.

Прежде чем перейти к детальному описанию различных источников, необходимо сказать несколько слов о существовавшем в адмиралтействе методе оценки информации. Решение Годфри разработать и ввести систему оценки информации — результат характерной для него инициативы и предусмотрительности. Без такой системы в информационных сообщениях флоту, в оценках, выводах и обозрениях могли бы появиться самые различные данные, в том числе сомнительной надежности и достоверности. Информация передавалась бы с такими пометками, как «по данным обычно надежного источника», «по данным источника, занимающего надежное положение», или даже с такими, например, как «эти вполне вероятные данные поступили от непроверенного источника». При подобном бессистемном обращении данные визуальной разведки, такие, например, которые тщательно собирались рисковавшим своей жизнью агентом в каком-нибудь норвежском фьорде или в порту Бискайского залива, запросто могли попасть в одну категорию со сплетнями, которые услышал военно-морской атташе на одном из приемов, или со слухами, намеренно распространяемыми противником через респектабельный нейтральный источник.

Такую путаницу и анархию новый начальник управления нашел нетерпимой. Разве нельзя разработать метод, который каждому коротко и ясно показывал бы ценность донесения и, если необходимо, давал бы оценку источнику и полученной от него информации? Не исключено, что ценная информация может поступить от источника, пользующегося плохой репутацией и, наоборот, дезинформация — от хорошего источника. Становилось все менее терпимым, когда на тех или иных совещаниях то и дело задавали вопросы — и на них приходилось отвечать — о надежности источника информации или о методе ее получения. Равным образом нетерпимым было и такое положение, когда командующий в море, такой, скажем, как командующий Флотом метрополии, или такой коллега по штабу, как начальник управления противолодочной обороны, должен был принимать оперативную информацию безо всякого намека на ее ценность и достоверность. Основываясь на данных, получивших высокую оценку, можно пойти и на риск — на расход, например, крупных материально-технических средств, связанный с выходом кораблей в море. В случае менее надежной и достоверной информации оперативные расчеты могут оказаться совсем иными.

В данном случае была принята простая и в то же время хитроумная система букв и цифр от «A1» до «D5», с которой по предложению начальника разведывательного управления ВМС согласились разведывательные службы других министерств. Буквой обозначается степень надежности источника, а цифрой — степень вероятности со-

ответствия информации действительности. Офицер, участвовавший в разработке системы, описал ее для меня следующим образом:

> «Хороший источник в каком-нибудь госпитале в Бресте можно обозначить буквой «А», если он сообщил нам данные относительно числа убитых и раненых во время воздушного налета; но тот же источник, по-видимому, будет обозначен буквой «С», если он сообщает о повреждениях, причиненных кораблю, который находился во время налета в доке. Столь же хороший источник, работающий у портового священника, может быть обозначен в донесении о повреждениях буквой «А», но он получит обозначение буквой «С», если сообщит о количестве убитых и раненых. Захваченный в плен младший специалист из дизельного отсека подводной лодки, отвечающий на допросе правдиво, может быть обозначен как источник «А» или «В», если он сообщает данные о дизеле, который находился в его заведовании, и как источник «С», «D» или «Е», если он сообщит что-нибудь о предполагавшемся районе действий той лодки, на которой служил.
>
> Окончательная оценка, даваемая адмиралтейством, предлагалась разведывательным управлением ВМС. Тот, кому предоставлялось право ответственной оценки — от его проницательности, честности и объективности зависела вся система — действовал исходя из обязательства не оставлять без внимания информацию просто потому, что она выглядит маловероятной, до тех пор, пока в его распоряжении не будет веских оснований считать ее таковой. Низко оцениваемая информация (например, «С3») может оказаться фактически весьма важной; таковыми были, например, первые донесения о летающих снарядах «V1» и «V2».

Есть такие вопросы, по которым почти невозможно получить надежную и точную информацию, например о перспективах развития оружия или об оперативных планах противника на будущее. Возможно, что противник еще не определил основное направление развития; возможно, что у представителей высшего командования существуют расхождения во взглядах; нельзя быть уверенным, что тот или иной механизм или устройство выдержит испытания; операция может быть спланирована, но затем отменена. По этим причинам первые сообщения о новом оружии не получают высокой оценки, но это не значит, что они не могут оказаться чрезвычайно важными, поэтому необходимо очень внимательно следить за всеми подтверждающими сообщениями и данными. О некоторых самых новейших усовершенствованиях в прошедшей войне сначала была получена весьма посредственная информация, на которую почти не обратили внимания.

Трудности при оценке информации могут возникнуть также в связи с использованием ошибочной терминологии. Можно получить старательно составленное донесение об оружии, например о летающей бомбе, в котором будут даны правильные цифровые данные, двигательная система, дальность действия и т. п., но источник может назвать это оружие «торпедой с крыльями». Когда это сообщение разошлют адресатам, начальник минно-торпедного управления в адмиралтействе может заявить, что разговор о торпеде с крыльями с дальностью действия 140 км — чепуха. Сообщение, возможно, будет после этого квалифицировано как не заслуживающее доверия, несмотря на то что в нем все, за исключением названия и предназначения, было указано абсолютно правильно. (Такое донесение было получено и направлено начальнику минно-торпедного управления.) Кроме того, противник иногда может сам находиться в заблуждении. В результате источник без всякого злого умысла может отправить ложную информацию, но его нельзя из-за этого переводить в категорию «не внушающих доверия». Бывало и так, что через какого-нибудь агента, или военно-морского атташе иностранного государства, или военнопленного к нам приходила информация о наших же маскировочных или вводящих в заблуждение планах и операциях и наша разведка не всегда распознавала их сразу.

При оценке сообщений военнопленных также встречаются известные трудности. Проводящий допрос оценивает честность и искренность допрашиваемого, его компетентность в той или иной области и вероятность соответствия действительности сообщенных им сведений. Начальник отдела, ведающий допросом военнопленных, принимает во внимание такие факторы, как способности допрашивающего, условия, в которых велся допрос, а также сведения, сообщенные другими военнопленными. Только после этого он дает свою оценку и источнику и сообщенным им сведениям.

Данные, полученные в результате воздушного фотографирования, не всегда оцениваются высшей оценкой, потому что задать фотографии вопросы и получить на них ответы невозможно. Их обычно оценивают «А2», «В1» или даже ниже. В данном случае играют роль различные причины, такие, как возможность ошибок дешифровальщика аэрофотоснимков, возможность принятия одного корабля за другой, если они принадлежат к одному классу, и т. п. Фотография оборонных укреплений может, например, указать на «артиллерийские позиции», которые в действительности не что иное, как маскировочные сооружения с целью ввести противника в заблуждение; или по фотографии, скажем, будут правильно сделаны выводы о наличии артиллерийских орудий, но по ней нельзя будет определить, что около орудий нет ни людей для их обслуживания, ни боеприпасов для ведения огня.

Перечислив столь широкий круг источников военно-морской разведки, хотелось бы расположить их на ступенях иерархической лестницы. Однако попытка осуществить такую расстановку никогда не удается, потому что основная проверка разведывательной информа-

ции — во всяком случае в военной разведке — всегда происходит в бою, при встрече с противником. Так, например, короткое и точное донесение с военного корабля или самолета, давшего свои координаты, которое приведет затем к встрече с противником и победе, может в конечном итоге оказаться не менее важным, чем донесения агента или перехваченные радиограммы противника, которые, возможно, сыграют какую-то положительную роль в достижении успеха в значительно большей по масштабам операции. Хотя штабной офицер, естественно, склонен очень высоко ценить различные тайные «наземные» источники, из которых он черпает свою информацию, особенно информацию, получаемую путем перехвата и анализа радиообмена, нельзя не согласиться, что хороший аэрофотоснимок, или, точное донесение об обнаружении противника в море, или даже донесение всего-навсего одного очевидца могут оказаться не менее ценными, чем те, которые имеет в своем распоряжении упомянутый штабной офицер.

Существует и еще одна причина нецелесообразности располагать источники в иерархическом порядке. Дело в том, что никакая информация сама по себе, взятая изолированно, обычно не представляет большой ценности. При поступлении информация весьма напоминает собой предложение без контекста. Разведывательное донесение в своем первоначальном виде редко бывает понятным для кого-либо, кроме эксперта, который извлекает из него данные или дешифрирует его. Обычно вы найдете в донесении несколько цифр, координаты каких-то мест, непонятные данные о походном порядке или ордере — и все это на местном жаргоне иностранного языка. Такое донесение нельзя прочитать и понять даже после того, как оно переведено на родной язык, если оно по-прежнему остается изолированным. Донесение агента или даже аэрофотоснимок не могут иметь большого значения, если они рассматриваются безотносительно к другим разведывательным данным, относящимся к данному предмету и, собственно, приведшим к необходимости сделать аэрофотоснимок или к получению и прочтению донесения агента. Это то, что раньше я называл мозаикой. Именно поэтому подсовывание «пикантной» информации командующим только потому, что она может быть для них «интересной», — опасная практика, которая, к сожалению, присуща некоторым штабным офицерам.

Каковы же слабые места и преимущества, характерные для перечисленных источников, и как они используются?

Перехват. Информацию, полученную в результате перехвата секретной радиограммы, телеграммы или телефонного разговора, всегда относят к категории высшей степени надежности и достоверности и относительно источника, и относительно сообщаемых им фактов. Обычно такая информация заслуживает высшей оценки «А1» на том основании, что она исходит от первоисточника и, следовательно, является чистейшей правдой. Однако офицер разведки никогда не должен забывать о возможности намеренного введения

в заблуждение. Противнику может быть известно, что его шифры и коды разгаданы и радиограммы дешифрируются или что телефонные разговоры подслушиваются. Вместо немедленных мер, направленных на прекращение использования шифров или линий связи, противник может сначала «навязать» дешифровальщикам или перехватчикам дезинформацию, которая автоматически получит высокую оценку. Классическим примером такого введения в заблуждение была проведенная англичанами операция «Минсмит». В результате этой операции немцы получили в свое распоряжение документы, которые считали личной перепиской «на самом высоком уровне». Испанская разведка, пользовавшаяся у немцев абсолютным доверием, передала им фотокопии документов, найденных в портфеле выброшенного на берег вблизи Уэльвы тела убитого английского майора морской пехоты. Вид и состояние трупа, как и прикрепленный к нему цепочкой портфель, не вызвали никаких подозрений. Содержание документов представляло чрезвычайный интерес, поэтому извлеченная из них информация заслуживала высшей оценки. В числе документов было личное письмо от заместителя начальника имперского штаба сухопутных войск в Лондоне генералу Александеру в Северной Африке; в письме содержались не вызывавшие сомнений намеки на намерение союзников высадиться в Греции и на Сардинию, а не на Сицилию, которая являлась действительной целью союзников.

В данном случае источник был фактически «первоисточником». Как же можно было думать иначе, если письмо написано рукой, помечено «совершенно секретно», исходит от заместителя начальника имперского штаба сухопутных войск, адресовано главнокомандующему союзными силами, подписано «Арчи» и к нему приложены другие документы секретного и личного характера? Немецкая разведка, как мы теперь знаем, дала этой информации высшую оценку и разослала ее в качестве особо важного совершенно секретного документа для принятия немедленных мер. На первый взгляд, поступая так, они были правы. Источник был «вполне заслуживающим доверия», намерения союзников представлялись вполне логичными и в высшей степени вероятными. Несмотря на то что Сицилия казалась очевидным следующим объектом Эйзенхауэра и его армий, остров этот был известен непреодолимостью возведенных на нем оборонительных сооружений. Тем не менее информация оказалась ложной, документы — подделкой, а их не вызвавшее сомнений качество — результатом того факта, что английские начальники штаба впервые в истории позволили уговорить себя принять личное участие в агентурной операции по введению противника в заблуждение.

Чтение сообщений противника, зашифрованных малонадежной системой шифрования; подслушивание его телефонных разговоров; просмотр совершенно секретной или даже предназначенной для служебного пользования корреспонденции; снятие копий с оперативных приказов или разведывательных документов и оценок — все это позволяет проникнуть в замыслы противника и оказаться в этом

отношении приблизительно в таком же положении, в каком находится ускользающий в автомобиле преступник, который слушает по радио все переговоры преследующей его полиции. Разведке становятся известными не только факты, которые противник считает строго засекреченными, но и образ его мышления, оценка им событий и фактов. Если бы, например, во время последней войны разговоры Гитлера с командующими и советниками записывались и направлялись в Лондон, то некоторые стратегические оценки, сделанные объединенным разведывательным комитетом (см. стр. 250), коренным образом отличались бы от тех, какими они фактически были. Сотрудники объединенного разведывательного комитета не исходили бы тогда в своих оценках из того, что фюрер действует на основе учета существующих фактов или что он принимает советы профессиональных специалистов, таких же объективных и политически независимых, каким являлся объединенный разведывательный комитет.

Средства и методы перехвата весьма разнообразны. Предатель в каком-нибудь штабе одной державы может выкрасть и дать на время агенту другой державы шифр высокой степени надежности, который будет последним сфотографирован, а затем использован противником для чтения целых серий сообщений и донесений. Цицерон — камердинер английского посла в Анкаре — был связан с немцами и проделывал такие операции с дипломатическими информационными обзорами и отчетами, которые раскрывали характер будущей стратегии союзников. В бою или наскочив на мину может затонуть военный корабль, причем так и в таком месте, что сохранится возможность достать с него коды и шифры и использовать их для чтения целого ряда оперативных радиограмм, а может быть, и для того, чтобы облегчить дешифровальщикам разгадывание других шифров и кодов. Нечто подобное произошло в начале войны с японской подводной лодкой, потопленной в районе порта Дарвин (Австралия), а также с английским крейсером «Йорк», потопленным в районе Крита в 1942 году. Редко, очень редко бывает и так, что корабли захватываются противником вместе с неуничтоженными секретными документами. Захватчики могут, если им это удалось, пировать с офицерами разведки и дешифровальщиками до тех пор, пока противник не узнает или не заподозрит о случившемся. Задача сотрудников контрразведывательной службы в разведке — принять в таком случае меры, направленные на ограничение круга лиц, которым известно о захвате корабля. По возможности, для объяснения определенных событий, которые нельзя скрыть от многочисленных наблюдателей, соответствующие люди должны выдумать и распространить «липовые» истории. К событиям, требующим «объяснения», следует отнести, например, буксировку в порт иностранной подводной лодки; прибытие в учреждение огромной пачки документов противника; неожиданное направление лицам, допрашивающим военнопленных, перечня новейших технических терминов и сленговых выражений и т. п.

Однако наиболее интересная форма перехвата — потому что она самая трудная и самая дорогая — та, которой достигают специалисты-дешифровальщики. Она также и наиболее строго охраняемая с точки зрения секретности, потому что плоды многолетней работы и полученные в результате знания из-за неосторожности можно утратить в течение нескольких часов, что приведет к смене раскрытого шифра или шифровальной машины. В мемуарах Деница — немецкие дешифровальщики предоставили ему возможность добиться ряда последовательных успехов в борьбе против атлантических конвоев — есть эпизод, в котором он описывает свое разочарование, вызванное сменой англичанами их малонадежного шифра для военно-морского флота. После нескольких месяцев успешного управления действиями своих лодок на основе ежедневно передававшегося английской радиостанцией обзора диспозиции немецких подводных лодок (по этому обзору Дениц судил не только о намерениях англичан, но и о каждодневной оценке адмиралтейством немецкой тактики и планов) немецкое командование подводными силами вдруг оказалось зависимым от таких простых и малоэффективных разведывательных источников, как свои же подводные лодки, как анализ направленности и интенсивности радиообмена противника или как агенты в Америке (агенты в Англии никогда не радовали немцев сколько-нибудь ценной информацией). Вместо того чтобы иметь создаваемую без особых усилий и представляемую по первому требованию ясную и полную картину, Дениц и его штаб были вынуждены теперь терпеливо, затрачивая много энергии и времени, выкладывать мозаику часто из отдельных ничтожных фрагментов.

Не удивительно поэтому, что сотрудники разведки с такой болью переживали — и все еще переживают — замалчивание и смазывание (во имя сохранения тайны) своих успехов в этой в высшей мере эффективной области их работы. Чтение оперативного радиообмена противника — это торжество наступательного духа и организации над оборонительным духом и организацией, эквивалент решающего морского боя; позволить противнику читать и использовать наш оперативный радиообмен равносильно проигрышу важной кампании.

В то же время опыт двух враждующих сторон в обеих войнах и в мирное время показал, что разведка, которая полагалась исключительно или даже в основном на дешифровальную службу, неминуемо «чахла». Она теряла мастерство и прилежание, которые необходимы для эффективного использования других источников и возможностей, таких, как аэрофотосъемка, военнопленные, наблюдатели нейтральных стран и даже болтливые пресса и радио. Можно сказать, что легко достающаяся информация начинает разлагать разведку, а когда исчерпывающая информация начинает «идти в руки сама», наступает полное разложение. Снижение эффективности английской военно-морской разведки в период между 1920 и 1938 годами частично объясняется излишней уверенностью, порожденной успехами дешифровальной службы в 1915—1918 годах в комнате 40 во времена адмирала Холла. Считалось само собой разумеющимся, что Ве-

ликобритания в случае новой войны сможет быстро добиться таких же успехов в этой области. О том же, что дешифровальной службе необходим широкий и непрерывный поток технической и оперативной информации, что работа дешифровальщиков вовсе не ограничивается только математическими расчетами и «угадыванием», об этом помнили лишь отдельные опытные сотрудники, которых можно было пересчитать по пальцам. Помимо этого службе дешифрования был необходим, так сказать, оборотный капитал, то есть фактическая подготовка и практика в вопросах, касающихся действий противника, а в мирное время, как известно, такие возможности весьма ограничены. Наконец, службе дешифрования нужен был счастливый случай, подобный имевшему место, когда английское адмиралтейство заполучило в 1915 году секретную документацию немецкого крейсера «Магдебург».

Наиболее широко известным историческим примером эффективного использования плодов работы дешифровальной службы является внезапный удар американских авианосных сил по более мощному японскому соединению у островов Мидуэй в 1942 году. Японское командование, уверенное в высокой степени надежности своих шифров, строго соблюдая радиомолчание, вело свои корабли через Тихий океан. Оно надеялось воспользоваться фактором внезапности и захватить острова Мидуэй, расположенные на пути из США в Австралию. Японцы рассчитывали, что этот удар, всего через несколько месяцев после катастрофы американского флота в Пирл-Харборе, окажется для адмирала Нимица невыносимым. Ему, как полагали японцы, сразу же прикажут освободить острова Мидуэй и снова овладеть ими, и поэтому американское командование будет вынуждено подставить свои авианосцы под удар бомбардировочной и истребительной авиации японских авианосных сил. (Благодаря преувеличенным данным о результатах удара японцев по Пирл-Харбору, не проверенным объективной разведкой и не опровергнутым американцами, японское командование считало, что в распоряжении Нимица имеется только два авианосца, в то время как в действительности их было три. Сверхчеловеческими усилиями авианосец «Йорктаун» был отремонтирован и вышел в море, но не через несколько месяцев, как рассчитывали японцы, а через несколько дней.)

Благодаря дешифровальной службе в Вашингтоне Нимиц располагал исчерпывающей информацией о намерениях японцев и времени планируемых ими действий. Поэтому он смог обеспечить решающее влияние фактора внезапности, несмотря на более слабые силы. Счастье, как всегда, тоже сыграло свою роль, однако факт остается фактом: этот решающий бой военно-морских сил в войне на Тихом океане американцы не провели бы так успешно и не добились бы победы — во всяком случае на этом этапе войны, — если бы их действия не обеспечивались более эффективной разведкой, основы которой были заложены в предшествующие годы.

Катастрофа в Пирл-Харборе, вполне возможно, способствовала

этому успеху на более позднем этапе, ибо она самым беспощадным образом преподала урок тем, кто получал и обрабатывал ценнейшую разведывательную информацию. Урок этот заключался в том, что ценные разведывательные данные бесполезны, если они не обрабатываются соответствующим образом и не передаются в кратчайшие сроки тем, кто поставлен на ответственные командные посты. Когда объединенная комиссия конгресса расследовала нападение на Пирл-Харбор, было установлено, что ни командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Киммел, ни кто-либо другой из старших офицеров его штаба не знали того, что было известно морскому министру, начальнику штаба и начальнику разведывательного управления военно-морских сил США, а именно: что существовали не вызывающие сомнений разведывательные данные о намерении японцев нанести в каком-то районе упреждающий удар. Донесения, направляемые в Токио хорошо подготовленным агентом японской военно-морской разведки Ёсикава, занимавшим должность вице-консула в Гонолулу, дешифровались и читались американской разведкой в Вашингтоне. Но поскольку аналогичные подробные донесения поступали и из других консульств, японской связи по линии Гонолулу — Токио особого значения не придавалось. Американцы, по существу, были введены в заблуждение планом обеспечения скрытности операции, с помощью которого небольшая группа японских офицеров, разрабатывавших нанесение удара по Пирл-Харбору, скрывала от своих же штабов в Токио тот факт, что основным объектом нападения будет американский флот в Пирл-Харборе. Если бы те немногие люди в Вашингтоне, которые читали дешифрованные донесения из Гонолулу в Токио, порекомендовали или приказали вести регулярную воздушную разведку и принять другие меры предосторожности в районе Пирл-Харбора, успех японцев мог бы быть значительно меньшим.

Приведенные примеры так или иначе иллюстрируют два основных положения, касающихся разведки связи противника. Первое — это то, что плоды такой разведки могут быть использованы для достижения решающей внезапности, которую командующие впоследствии склонны приписывать к числу своих заслуг. Второе — данные такой разведки можно так засекретить, что они не принесут никакой пользы командующим. Один из уроков, преподанных первой мировой войной (в Лондоне его, к счастью, не забыли, а в Вашингтоне, к несчастью, забыли), заключается в том, что военно-морская разведка, так же, впрочем, как и разведка военно-воздушных и сухопутных сил, не может быть исчерпывающей и эффективной, если она не располагает исчерпывающей информацией о планах и действиях своих военно-морских сил. Информация о действиях противника имеет значение лишь во взаимосвязи с действиями и планами наших собственных сил. Разведка должна располагать исчерпывающими данными по обстановке — в масштабе всей войны или в масштабе данного театра военных действий, — а это возможно только при условии, если командующие боевыми действиями и лица, планирующие эти действия, будут ставить в известность разведку о своих дейст-

виях и планах и если разведка будет сообщать командующим все, что ей известно о противнике, не обязательно раскрывая при этом, как ей удалось получить ту или иную информацию.

О дешифровальной службе и ее союзницах — радиостанциях перехвата «Y» мы еще расскажем в главе четвертой. Здесь же необходимо отметить, что бо́льшую часть разведывательных источников следует оценивать в свете этого источника. Мы рассмотрели его в первую очередь, ибо никакой другой не обеспечивает столь быстрого поступления столь достоверной информации. Этот источник может дать неполную картину; он может даже «подсунуть» дезинформацию и ввести в заблуждение; тем не менее благодаря этому источнику мы как бы слушаем разговор противника. Возможности перехвата и дешифрования скрытой связи, разумеется, распространяются в одинаковой мере на военную, дипломатическую, экономическую и политическую области. Именно поэтому в любой разведке эта служба обычно обозначается каким-нибудь специальным существительным или прилагательным, известным лишь немногим лицам в вооруженных силах и еще меньшему кругу лиц в политических органах. В стратегии и в оперативном искусстве значение этой службы эквивалентно значению подслушивания телефонных разговоров полицией или значению оборудованной электронной аппаратурой комнаты, используемой для подслушивания и других целей в промышленном шпионаже. Тайный, возможно, даже позорный, отвратительный и дискредитирующий метод, но тем не менее спасающий много жизней для той стороны, которая слушает.

Документы. Захваченные документы часто являются источником информации, получающим высшую оценку «А1». Так, например, документы и карты, взятые с немецкого рейдера или судна снабжения, могут содержать информацию о протраленных фарватерах, о маршрутах, которыми следуют корабли, охраняющие наши суда, захваченные в качестве призов, о методах установления связи по радио и районах рандеву с другими немецкими кораблями в море, шифры и коды (если командир захваченного рейдера не успел уничтожить их), информацию о других кораблях и т. п. С помощью таких документов оперативно-информационный центр разведывательного управления ВМС, который разработал специальную систему слежения за движением рейдеров и судов снабжения, иногда целыми неделями соблюдающих радиомолчание, может значительно пополнить свои данные о противнике и в тактическом и в стратегическом планах.

Иногда захваченные документы являются ценными главным образом в ретроспективном плане. Так, например, доставленные в Англию в 1945 году все архивные документы немецкого военно-морского флота за период, начавшийся с 1871 года, обеспечили разведку ценной информацией по многим аспектам войны на море, которые длительное время оставались загадкой для многих авторов исследовательских трудов и официальных историков. Эти документы сыграли

также существенную роль в подготовке военно-морских штабов будущего, так как способствовали более сознательному восприятию ими многих опасностей и необходимости проявлять большую осторожность. Значительный интерес архивные документы представили и в техническом плане: все, что касается торпедного оружия, двигателей, радиолокационных и гидролокационных станций, скоростей хода и глубины погружения немецких подводных лодок, — все это было немедленно использовано различными техническими управлениями адмиралтейства, а также теми, кто занимается составлением новейших словарей на языке противника для использования в будущем — при допросе военнопленных или при дешифровании скрытой связи.

Коротковолновые радиопеленгаторы. Радист на военном корабле, передающий ключом или принимающий на слух зашифрованные радиограммы и могущий лишь догадываться об их содержании, поскольку он имеет дело только с цифрами и знаками, вряд ли представляет себе, как бдительно следят за работой его станции и с каким нетерпением ожидают появления ее в эфире. Допустим, что мы имеем дело с немецким вспомогательным крейсером, возвращающимся в базу после пятнадцатимесячного рейдерства в море. Весь этот период крейсер соблюдал строгое радиомолчание. Англичане хотели бы узнать о нем что-нибудь, потому что слышали радиосигналы его жертв, потопленных в Южной Атлантике и в Индийском океане. Немцы, ожидающие возвращения крейсера в базу, хотели бы знать, каким маршрутом он пойдет и не встретится ли он случайно с находящимися в море немецкими подводными лодками. Таким образом, службы радиоперехвата обеих стран с нетерпением ждут появления в эфире радиосигналов крейсера, а широкая сеть разбросанных по всему миру коротковолновых радиопеленгаторов союзников готова засечь любой радиосигнал крейсера, каким бы непродолжительным он ни был, и передать его координаты адмиралтейству, которое, в свою очередь, предупредит свои боевые корабли и разведывательную авиацию дальнего действия.

Можно с уверенностью сказать, что обнаружение и определение места кораблей и подводных лодок противника с помощью радиостанций перехвата «Y» — наиболее успешный открытый вид деятельности военно-морской разведки. Перехватив радиосигнал противника, эти станции немедленно передавали радиочастоту радиопеленгаторным станциям, а последние пеленговали работающую корабельную станцию с нескольких различных направлений. Точка пересечения пеленгов на карте указывала на приблизительное местонахождение вышедшего в эфир корабля. Точность определения места зависела от погоды и условий проходимости радиоволн. В арктических районах такой метод давал менее точные результаты, однако чаще всего они были вполне достаточными, чтобы определить небольшой (скажем, триста квадратных миль) район поиска для самолетов или группы кораблей, выходивших туда по сигналу из оперативного

центра адмиралтейства. Как свидетельствуют архивные документы немецкого военно-морского флота, комбинация данных, обеспечиваемых коротковолновым радиопеленгованием, дальней воздушной разведкой и радиолокационными станциями, всегда была гибельной для немецких кораблей и подводных лодок. Возможность расположить радиостанции перехвата и пеленгаторные станции на многочисленных заморских базах позволила англичанам добиться решающих оборонительных преимуществ на таких морских театрах, как Атлантика и Индийский океан.

Важный вспомогательный источник информации в этом виде разведки обеспечивался возможностью изучать характерные черты радиотелеграфистов противника, особенно на подводных лодках. Длительная практика наряду с техническим устройством, предложенным первым секретарем объединенного комитета радиоразведывательных служб «Y», позволила изучать и распознавать характерные признаки работы на ключе отдельных радиотелеграфистов. Сигналы радиста записывались на специальной ленте, а затем с помощью точнейшего измерения знаков определялись индивидуальные характеристики радиста, позволявшие опознавать его с такой же безошибочностью, с какой опознают человека по отпечаткам пальцев. Этот метод «радиоотпечатков» пальцев оказался особенно эффективным и полезным в борьбе с подводными лодками противника, на которых наряду с молодыми радиотелеграфистами, как правило, имелся один опытный для передачи особо важных радиограмм. Опознавание «почерка» такого радиотелеграфиста в течение всего периода патрулирования подводной лодки позволяло прокладывать ее путь на большой карте обстановки, которую вели на посту слежения за движением подводных лодок, и раскрывать таким образом намерения и тактику противника и узнавать даже количество лодок, используя для этого всю другую информацию, накопленную в «биографическом» досье каждой подводной лодки.

В целях предотвращения атак подводных лодок использовалось и еще одно средство радиоразведки, которое обеспечивало кораблям охранения конвоев неоценимую тактическую информацию. Дело в том, что для навигационных целей некоторые корабли охранения были оснащены средневолновыми радиопеленгаторными станциями, а из захваченных в 1940 году документов противника оперативно-информационный центр разведывательного управления ВМС сделал вывод, что при проведении согласованных атак конвоев группы немецких подводных лодок используют для связи между собой средневолновые радиостанции. Поскольку детали всей процедуры наведения лодок с помощью такой связи были известны, с января 1941 года на кораблях охранения начали нести вахту с целью прослушивания радиообмена немецких лодок на средних волнах с тем, чтобы на основе полученных материалов разработать соответствующую систему предупреждения об опасности атак подводных лодок. К сентябрю 1942 года такая система была введена, и ни один атлантический конвой не выходил в море без кораблей охранения, оборудованных

средневолновой пеленгаторной станцией. Однако основным противником немецких подводных лодок по-прежнему оставался коротковолновый радиопеленгатор, дававший индивидуальный пеленг на работающую станцию подводной лодки.

Чтобы добиться эффективной и слаженной работы этого вида разведки, пришлось преодолеть множество трудных проблем. Необходимо было подготовить и задействовать большое число радиооператоров на многочисленных и широко рассредоточенных радиостанциях перехвата и пеленгования. Возникло большое напряжение в каналах радиосвязи, через которые материалы радиостанций перехвата передавались в соответствующий центр в Англии для прокладки на картах, анализа и дешифрования. Срочную и ценную информацию радиостанций перехвата пришлось передавать в течение какого-то периода средствами имевшейся радиосети флота, и без того загруженной большим радиообменом. Лишь к весне 1943 года военно-морская разведка создала свою собственную, независимую радиосеть, позволившую использовать этот источник информации наиболее эффективно и с максимальной оперативностью.

К исходу весны 1940 года в результате совместных усилий управлений связи трех видов вооруженных сил был создан еще один весьма полезный источник тактической информации. Служба радиоперехвата военно-воздушных сил Великобритании, следившая за радиообменом противника во Франции, сообщила, что в радиосвязи танков с самолетами немцы используют весьма высокую частоту и ведут ее открытым текстом. Поэтому, когда к концу лета 1940 года угроза вторжения в Англию достигла наибольшей вероятности, 9-й отдел разведывательного управления ВМС установил на мысе Норт-Фореленд небольшую радиостанцию, укомплектовав ее гражданскими радиооператорами и несколькими лингвистами, позаимствованными в сухопутных войсках. По косвенным данным из захваченных документов, а также по данным из других источников 9-й отдел пришел к заключению, что немецкие катера типа «Е» (быстроходные и хорошо вооруженные торпедные и артиллерийские катера) во время действий в проливе Ла-Манш и в водах Северного моря будут поддерживать радиосвязь между собой на весьма высокой частоте.

На основе опыта работы норт-форелендской станции подобные станции для перехвата и прослушивания радиопереговоров открытым текстом или с использованием простейших кодов были построены также в нескольких пунктах на южном и восточном побережье Англии. Работа этих станций обеспечила возможность оперативно-информационному центру разведывательного управления ВМС давать своевременные предупреждения о возможных атаках прибрежных конвоев, что спасло много судов и жизней как раз в тот период, когда удары немецкой авиации и легких сил ВМС по конвоям у восточного побережья серьезно угрожали сорвать снабжение Лондона и южных городов страны топливом и продуктами питания. Позднее рядовые моряки, знающие немецкий язык и снабженные соответст-

вующей радиоаппаратурой, включались в экипажи эскадренных миноносцев с целью сбора оперативной информации путем прослушивания открытых переговоров противника в море.

Аэрофотосъемка. Следующий источник информации по его значению для военно-морских сил — аэрофотосъемка. Рано или поздно корабли должны заходить в базы, и качественное регулярное фотографирование их с воздуха вскроет в той или иной мере их состояние, полученные ими повреждения, готовность к выходу в море и другие важные данные. В военное время крупный корабль не выходит в море один; его сопровождают тральщики, сторожевые корабли, танкеры и другие легкие силы флота, движение которых не может остаться незамеченным при регулярном воздушном фотографировании, а это, в свою очередь, позволит делать предположения о движении крупных кораблей, будь то карманный линейный корабль или вспомогательный крейсер. В начальный период второй мировой войны адмиралтейство безуспешно настаивало на регулярном высококачественном воздушном фотографировании немецких военно-морских баз в Балтийском море. Только в 1942 году в оперативно-информационный центр разведывательного управления ВМС и в штаб военно-воздушных сил в Медменхэме стал поступать непрерывный поток отличных аэрофотоснимков, а опытные дешифровальщики аэроснимков разработали надежные методы измерения и описания объектов, что позволило им в конечном итоге отвечать на любые вопросы, поставленные адмиралтейством. Несмотря на принятые противником меры по маскировке объектов и введению в заблуждение, качественное аэрофотографирование в некоторых случаях предоставляло информацию, получавшую высшую оценку, а в операциях флота Каннингхэма на Средиземном море оно сыграло решающую роль.

Помимо всего прочего, постоянное повторное фотографирование объектов вскрывает изменения в их боевой готовности с такой очевидностью, какая вряд ли возможна в других видах разведки. Этот метод в совокупности с донесениями агентов позволил, например, рассчитать, когда немецкие линейные корабли «Шарнхорст» и «Гнейзенау» будут готовы выйти из Бреста, а после 1942 года и до конца войны аэрофотографирование позволило внимательно следить за немецким флотом в Балтийском море, за строительством подводных лодок и за итальянскими военно-морскими базами на Средиземном море. И наоборот, неспособность немцев вести регулярную воздушную разведку английских баз и портов привела к тому, что вторжение союзников в Нормандию в июне 1944 года явилось для немецкого командования полной неожиданностью. Коль скоро немцы утратили господство в воздухе над Францией и проливом Ла-Манш, их аэрофоторазведка была сведена на нет.

Часто говорят, что фотокамера лгать не может. Тем не менее энтузиасты фотографирования считают, что от фотокамеры можно получить значительно больше, чем она фактически дает в нормаль-

ных условиях освещения и погоды. Практика фоторазведки оборонительных объектов в портах противника показала, что искусная маскировка может ввести в заблуждение; однако тот факт, что фотография не вскрывает батарею или другие оборонные объекты, вовсе не означает, что донесения агентов о наличии таких объектов не соответствуют действительности. Батарея может быть подвижной. Аэрофотоснимок позволяет судить о наклоне и размерах морского побережья, но он не дает возможности сказать что-нибудь о качестве песка, о котором хотели бы иметь представление водители машин и командиры десантновысадочных средств. Топливные цистерны и газгольдеры принимали за другие объекты при фотографировании с высоты восемь тысяч метров. Надежная и достоверная информация рождается только в результате объективного анализа всех относящихся к данному предмету сведений.

Обнаружение. Этот источник информации, то есть обнаружение противника кораблями или самолетами (будь то самолеты авианосной авиации флота или самолеты авиации берегового командования), я ставлю следующим по порядку с оговоркой, что силуэты немецких военных кораблей распознавались с большим трудом не только слабо подготовленными, но и хорошо обученными наблюдателями, специально натренированными отличать карманный линкор от тяжелого крейсера или даже от крупного эскадренного миноносца. Немцы испытывали аналогичные трудности в распознавании кораблей английского Средиземноморского флота и Флота метрополии, однако это объяснялось скорее отказом ВВС гитлеровской Германии предоставить командованию ВМС собственную разведывательную авиацию, чем неспособностью летчиков-наблюдателей. Донесения об обнаружении редко бывали совершенно точными, если они не подтверждались фотоснимками, но в них по крайней мере содержались точные координаты (хотя ошибки допускались и в этом отношении), а также, что еще важнее, направление движения, приблизительная скорость хода и состояние сил противника.

Известно, что немецкий линейный корабль «Бисмарк» был потоплен, по существу, в результате обнаружения его самолетом «каталина». Когда адмирал Каннингхэм преследовал в 1941 году итальянский линейный корабль «Витторио Венето» и планировал ночную атаку, последовавшую за боем у мыса Матапан, он использовал специального наблюдателя — капитан-лейтенанта Болта, поднявшегося в воздух вечером 29 марта на самолете, катапультированном с линейного корабля «Уорспайт» с целью получения квалифицированных донесений о направлении и скорости движения «Витторио Венето». Капитан-лейтенант Болт был способен увидеть и безошибочно оценить то, о чем обычный летчик-наблюдатель мог бы только догадываться, и его информация оказалась в высшей степени достоверной и ценной.

В то же время, как теперь известно, одной из причин, побудивших немцев отказаться в июле 1942 года от атаки пресловутого кон-

воя PQ.17 эскадрой линейных сил во главе с линкором «Тирпиц», было донесение летчика ВВС, ошибочно принявшего поплавковый гидросамолет, принадлежавший одному из английских крейсеров, за самолет с авианосца. (Гитлер дал строгий приказ, согласно которому атаковать конвой разрешалось только при условии, если в районе боевых действий не будет ни одного английского авианосца на расстоянии, с которого он мог бы нанести воздушный удар по немецким кораблям.) Таким образом, можно сказать, что точное донесение об обнаружении подготовленным летчиком-наблюдателем может оказаться весьма ценной информацией, но что то же самое обнаружение, осуществленное неопытным наблюдателем, может привести к опасному по своим последствиям заблуждению.

Классический — и трагический — случай донесения об обнаружении, которое несло в себе нотку сомнения и способствовало потоплению англичанами немецкого линейного корабля «Шарнхорст», имел место в день на святках в 1943 году в ходе боевых действий в районе мыса Нордкап. В то время как «Шарнхорст» выходил в море, чтобы предпринять вторую попытку атаковать один из союзных конвоев в Россию, поступило сообщение о донесении немецкого разведывательного самолета, пилот которого утверждал, что он обнаружил пять военных кораблей в районе северо-западнее северного побережья Норвегии, то есть в том районе, из которого «Шарнхорст» вышел шестнадцатью часами раньше. В штабе адмирала Шнивинда — командующего ВМС группы «Север» в Киле — не без оснований предположили, что в донесении летчика речь идет о пяти немецких эскадренных миноносцах, шедших вместе с «Шарнхорстом» и теперь возвращающихся в базу, так как из-за штормовой погоды дальнейшее следование совместно с линейным кораблем оказалось невозможным. Дело в том, что за несколько часов до этого адмирал Шнивинд приказал командиру отряда немецких кораблей контр-адмиралу Бею «рассмотреть возможность нанесения удара по конвою одним линейным кораблем без участия эскадренных миноносцев». Шнивинд направил такой приказ после того, как получил от Бея донесение, что «ввиду штормовой погоды действия эскадренных миноносцев сильно ограничены».

Однако штабу в Киле не был известен тот факт, что офицер разведки ВВС, получив от разведывательного самолета донесение: «Пять военных кораблей, *один, предположительно, большой,* в районе северо-западнее мыса Нордкап», вычеркнул из него слова, выделенные курсивом, на том основании, что военно-морскому флоту следует передавать только определенную информацию, а не предположения (правильный принцип разведки, если пользоваться им разумно). Шнивинда и его штаб эти вычеркнутые три слова, вполне вероятно, навели бы на мысль о возможности появления в операционной зоне тяжелого английского корабля (фактически это был линейный корабль «Дьюк ов Йорк»); «Шарнхорсту» в этом случае, вероятно, приказали бы прекратить проведение операции и возвратиться в фьорд таким курсом, который исключил бы возможность

встречи с кораблями противника. Вместо этого «Шарнхорст» продолжал идти навстречу своей гибели. Поскольку контр-адмирал Бей ушел на дно вместе с «Шарнхорстом», потопленным в конце этого дня «Дьюк ов Йорком» и сопровождавшими его эсминцами, остается неизвестным, как адмирал воспринял донесение самолета. Однако Дениц считает, что и Бея вычеркнутые три слова склонили бы к тому, чтобы прекратить операцию и спасти таким образом корабль, который всегда был эффективнее тем, что представлял собой угрозу, чем тем, что он мог фактически сделать.

Даже на кораблях, оснащенных современной аппаратурой обнаружения — радиолокатором, радиопеленгатором и гидролокатором, — пристрастное отношение к тому, что «видел вахтенный», все еще остается сильным. Тем не менее даже на последнем этапе войны, когда победа на море представлялась фактически уже одержанной, воображение «очевидцев» и других наблюдателей могло привести к известному «конфузу». Почти на протяжении двух лет разведывательное управление ВМС получало из различных источников донесения о новых немецких подводных лодках с двигателем Вальтера, имеющих более высокую надводную скорость хода и способных частично погружаться. Отдел, ведающий немецким флотом (1-й отдел), направлял эти донесения только техническим управлениям адмиралтейства для изучения. Будоражить флот информацией об оружии, находившемся в экспериментальной стадии разработки, не было никаких оснований. Когда в начале 1944 года стало известно, что произведены испытания этих подводных лодок и начато их строительство, было разослано информационное сообщение, в котором говорилось, что противник может начать использовать подводные лодки с двигателем Вальтера в любое время. Через какие-нибудь двадцать четыре часа начальник разведывательного управления ВМС получил донесение о том, что наблюдатель «видел» первую лодку «Вальтера», и такие донесения продолжали поступать в течение многих месяцев. Все они были необоснованными, но во всех случаях авторы их руководствовались хорошими намерениями.

Обнаружения, произведенные в условиях плохой погоды, или под огнем противника, или летчиком-наблюдателем, не обученным различать силуэты кораблей и распознавать их класс или тип, могут поэтому представлять известные трудности для офицера разведки, который обязан дать информации окончательную оценку. Уверенности того, кто что-то обнаружил, офицер разведки должен противопоставить возможность того, что летчик-наблюдатель принял крейсер за карманный линейный корабль или большой корабль в окружении тральщиков за большое торговое судно с кораблями охранения. Когда велись усиленные поиски какого-то определенного корабля, что часто фактически и происходило в отношении кораблей немецкого флота, легко было впасть в ошибку и подумать, что любой обнаруженный корабль — именно тот, который ищут. Свидетельством тому является, к счастью кратковременная, атака самолетами с авианосца «Арк Ройял» английского крейсера «Шеффилд» в мае 1941 года во

время поиска в средней части Атлантики немецкого линейного корабля «Бисмарк».

Агенты. Хороший агент, естественно, должен занять одно из первых мест в перечне источников. Надежный и преданный человек, находящийся на интересующем разведку объекте и имеющий безопасные и эффективные каналы связи с ней, может оказаться весьма ценным источником информации, особенно для специальных видов разведки. Весьма ценными для английской морской разведки во время второй мировой войны были, например, агенты, доносившие о выходе «Тирпица» и других крупных немецких кораблей из Альтенфьорда, Тронхейма и других норвежских портов. Эти два или три агента из норвежских вооруженных сил были настолько надежными, что оперативно-информационный центр в Лондоне всегда полностью доверял им и полагался на точность и регулярность их донесений. То же самое можно сказать об агенте, наблюдающем, например, за каким-нибудь участком водного пути, неизбежно используемом кораблями противника, или об агенте, сидящем в учреждении и имеющем доступ к важным документам, и о других агентах, занимающих подобное положение. В некоторых случаях донесения таких агентов имели решающее значение.

Услугами немецких или японских предателей или изменников, если иметь в виду истинный смысл этих терминов, английская военно-морская разведка фактически не пользовалась. Среди военнопленных, конечно, были нарушители долга, и некоторые из них давали разведке весьма полезную информацию или на основании того, что знали сами, или получая сведения от своих товарищей в лагере военнопленных. Во всех других отношениях можно с уверенностью сказать, что широко распространенное в службе безопасности немецкого военно-морского флота мнение, что их корабли и базы переполнены предателями, не имело никаких оснований. В то же время их опасения, что о любых действиях в базах подводных лодок в Западной Франции английской разведке становилось известно благодаря имевшейся там агентурной сети, были оправданы.

Необходимо помнить, что контролируемая английской и союзной разведкой довоенная агентурная сеть после неожиданного вторжения нацистов в европейские страны в 1940 году была почти полностью уничтожена. Чтобы вновь создать более или менее удовлетворительную агентурную сеть на оккупированных немцами территориях и решить трудные проблемы организации агентурной связи, потребовалось по меньшей мере два года. К тому времени, когда союзники перешли к наступательным действиям, агентурная сеть в Европе начала давать неплохую информацию, но к тому времени не менее хорошие результаты стали давать и многие другие источники и виды разведки.

Качество донесений агента определяется различными факторами. В малозаселенных районах Северной Норвегии, где любое подозрительное передвижение или действие привлекает внимание окружающих,

агент может передавать информацию только в определенные часы. Условия для агентурной радиосвязи в этом районе худшие в мире, и это накладывает дополнительные ограничения и дает дополнительную неуверенность. Вообще говоря, где бы ни находился агент, связь с ним всегда является лимитирующим фактором.

Ценность информации агента зависит от степени и качества его собственной информированности. Чтобы понять, какие действия противника «подозрительны» и, следовательно, достойны внимания, агент должен знать, какие из этих действий являются «обычными». Чтобы знать, о чем он должен донести и о чем нет, агент обязан в какой-то мере знать, что уже известно разведке, на которую он работает. В идеальном случае агент должен так же хорошо знать предмет, как его знают те, кто управляет его деятельностью; только при таких условиях он будет способен отличить правду от неправды, нужное от ненужного и, следовательно, заполнить своими донесениями пробелы в знаниях руководителей. Однако, поскольку руководители не могут быть «всеведущими», агент должен знать, по каким конкретно вопросам и проблемам им важно быть полностью информированными. Поскольку, однако, управляющие деятельностью агента хотят знать неизвестное, они никогда не в состоянии поставить ему абсолютно конкретные задачи.

Все это определяет необходимость непрерывной двусторонней связи между агентом и руководством: агент донесет о каких-то подозрительных или необычных явлениях или действиях, а руководство сделает предположения о их значении и поставит перед агентом задачу — подтвердить или опровергнуть ту или иную гипотезу, а также подскажет ему наилучшую линию поведения, исходя из уже накопленных данных по тому или иному вопросу. Таким образом, постепенно будут обнаруживаться новые направления и цели в деятельности агента.

Необходимо подчеркнуть, что начальник разведывательного управления ВМС никогда не осуществлял непосредственного руководства деятельностью агентуры; это была функция службы специальной разведки, а сотрудники комнаты 39 лишь поддерживали с ней тесный рабочий контакт. Иногда тот или иной работник военно-морской разведки участвовал в подготовке и постановке задач агенту, но такие непосредственные контакты были редким явлением. Добывание и передача военно-морской информации не являлись также функцией и агентурно-диверсионных групп, контролируемых управлением специальных операций. Иногда таким группам удавалось случайно добыть довольно ценную информацию, однако опыт показал, что одновременная постановка группе таких задач, как сбор информации и организация движения сопротивления и диверсий, не приводила к хорошим результатам, поскольку каждый вид агентурной деятельности требует разных исполнителей и различной специальной подготовки их.

Полезность донесения агента по вопросам, которые невозможно выяснить другими средствами разведки, видна на примере подготов-

ки рейда на Брюнваль в 1941 году. Командованию английских ВВС потребовались данные о немецкой радиолокационной системе, обеспечивавшей местную оборону против английских бомбардировщиков. Одна из радиолокационных установок находилась на вершине утеса вблизи Фекана на южном побережье пролива Ла-Манш. В связи с этим была подготовлена небольшая морская десантная операция, и у разведывательного управления ВМС запросили необходимые для ее проведения данные.

За десять дней до намеченной даты проведения рейда начальник штаба десантных операций обратился к начальнику отдела разведывательного управления ВМС капитан-лейтенанту Гонину и указал на то, что при рассмотрении последних аэрофотоснимков на краю утеса вблизи Фекана замечено подозрительное темное пятно. Что бы это могло быть? Пулеметное гнездо, дроковый кустарник или что-то еще? Гонин попробовал увеличить фотоснимки и дать их другим дешифровальщикам, но безрезультатно: вопрос оставался неясным; никто не мог ответить на него уверенно. Оставался единственный выход: попросить службу специальной разведки послать, если возможно, агента и выяснить вопрос на месте. Специальная разведка ответила, что послать агента можно, но начальник штаба десантных операций должен тогда принять на себя ответственность за возможное раскрытие противником цели рейда, в том случае, если агент будет захвачен.

Ответ агента пришел вовремя — за неделю до рейда. На скале не оказалось никакого пулемета, и рейд прошел вполне успешно. Позднее Гонину рассказали, как агент связался с торговцем из Фекана, который регулярно ездил в район расположения радиолокационной станции. Однажды этот человек намеренно оставил свой велосипед около скалы, а позднее, чтобы забрать его, перешел через скалу, и смог осмотреть нужное место.

Бесспорно, наиболее выдающимся зарубежным агентом, работавшим на разведывательное управление ВМС, был молодой лейтенант Петтерсен, который прибыл в Англию из Норвегии в июне 1943 года. После соответствующей подготовки Петтерсена вместе с другими агентами-радистами перебросили на подводной лодке в Северную Норвегию, в Альтен-фьорд, откуда они регулярно доносили английской разведке о движении немецких тяжелых кораблей. Петтерсен сумел легализоваться в небольшой деревушке Эльвебаккен в южной части фьорда, то есть непосредственно в немецкой базе. Устроившись на работу в качестве второго кассира в организации, ведавшей строительством дорог, Петтерсен имел возможность совершать регулярные поездки по району на автомашине с целью оплаты труда рабочих на местах, при этом он часто должен был проезжать мимо якорной стоянки линейного корабля «Тирпиц». Чтобы легализовать перед местным населением свое отсутствие на работе в те часы, когда в соответствии с расписанием нужно было передавать донесения в Англию, Петтерсен создал себе репутацию пьяницы.

Начиная с ноября 1943 года Петтерсен регулярно доносил о движении, ходе ремонта и степени готовности линейного корабля к выходу в море. Воздушный удар по кораблю, нанесенный авиацией ВМС в феврале 1944 года, осуществлялся на основе донесений Петтерсена, в которых наряду с другой информацией он сообщил о радиолокационных установках противника, о кабелях с высоким напряжением и о зенитной артиллерии. В день налета авиации он обеспечивал разведку регулярными (через каждые два часа) сообщениями о метеорологических условиях в районе Альтен-фьорда. После налета авиации немцы усиленно искали в районе Альтен-фьорда агентурную радиостанцию, и Петтерсен сообщил в Лондон, что он, возможно, попытается выехать в другое место. Однако руководство убедительно попросило его задержаться, так как планировалось провести еще три воздушные атаки, которые в действительности так и не осуществили. В марте 1944 года Петтерсен перебрался из Норвегии в Швецию, а позднее был награжден орденом «За выдающиеся заслуги».

Военнопленные. Военнопленные становятся все более важным источником информации по мере того, как такой метод разведки принимает все более широкие масштабы. Это объясняется процессом, в котором знание порождает новое знание. Опытный офицер-допросчик, сосредоточивший свое внимание, например, на работе с членами экипажей немецких подводных лодок или с итальянскими легководолазами-диверсантами, в состоянии получить исчерпывающее представление о жизненном пути солдат, хорошо известных офицеров и других личностей, подробные данные о базах и лагерях отдыха (включая имена дружривших с солдатами и офицерами девушек), слухах и сплетнях, касающихся нового вооружения или понесенных противником потерь, или о том, что происходит в глубоком тылу противника. Умелое использование полученных таким образом отрывочных сведений часто позволяло поколебать верность присяге и обязательству сохранять военную тайну какого-нибудь хорошо подготовленного офицера или солдата и заставить его почувствовать, что дальнейшее молчание и притворство бесполезны. Допрашивающий офицер — обычно молодой и симпатичный — казался допрашиваемому столь осведомленным, что отказываться от возможности «поговорить по душам», выкурить сигарету или выпить кружку пива представлялось ему бессмысленным. Когда военнопленные разговаривали между собой в обстановке, казавшейся им совершенно безопасной (в смысле возможности подслушивания), они часто упоминали факты, имена и места, не подозревая, что все это записывается на пленку. Офицер разведки, анализирующий записи таких разговоров, разумеется, должен был учитывать возможность того, что военнопленные, особенно если это были офицеры, понимающие, что их могут подслушивать, умышленно вели разговор со специальной целью ввести разведку в заблуждение (см. стр. 181—197).

В качестве источников информации об оружии и по другим техническим вопросам военнопленные занимали одно из первых мест.

Изучение радиообмена. Несмотря на ценность анализа интенсивности и характера радиообмена противника с целью определения предстоящих переходов кораблей или маршрута, который изберет корабль, возвращающийся в базу, этот источник информации относится к разряду тех, которые приобретают свое истинное значение лишь после сопоставления его данных с данными других источников. Конечные результаты деятельности разведки в этой области могут оказаться обоюдоострыми, ибо вряд ли существует что-нибудь более легко поддающееся симулированию с целью введения противника в заблуждение, чем специально создаваемый активный радиообмен, предшествующий всякой крупной операции. Введение в заблуждение немцев летом 1944 года относительно точных мест высадки союзных сил вторжения в Европу было достигнуто главным образом симуляцией необыкновенно большого оперативного радиообмена в районе, расположенном на противоположном от Кале берегу Дуврского пролива, то есть в районе, который союзники не намеревались использовать в качестве плацдарма для высадки войск. Однако более подробно мы остановимся на этом в главе четвертой.

Пресса и радио. Немаловажное место в ряду источников занимают различные коммюнике противника и его пропагандные заявления через прессу и радио. В свете наших собственных знаний значение имела не только допускавшаяся при этом утечка информации, но и то, что́ именно включалось противником в пропагандистские заявления, поскольку их содержание и направленность определялись известными нам тенденциями и линией поведения. Так, например, в начале 1942 года командиры немецких подводных лодок стали проявлять все большую и большую нервозность в связи с воздушными атаками, которые к тому времени стали проводиться в таких районах, где ранее подводные лодки находились в относительной безопасности; воздушные налеты осуществлялись теперь не только в дневное, но и в ночное время. В немецких радиопередачах и в газетных статьях, предназначенных для внутреннего использования, при всяком удобном случае стали говорить поэтому об успешном отражении подводными лодками воздушных атак. Таким же образом немецкая пропаганда подчеркивала эффективность гидролокационных станций своих лодок, в то время как в действительности они приносили больше вреда, чем пользы.

Адмиралтейство часто и жестоко критиковали за то, что оно настаивало на своих формулировках и выбирало время для публикаций коммюнике и рассказов о боевых действиях на море. Конечно, в некоторых случаях такие действия были недостаточно обоснованными и отражали существовавшую перестраховку, однако лорды адмиралтейства хорошо знали и понимали, как много могут выдать те, кто не имеет представления о работе разведки. Английское адмиралтей-

ство не осмеливалось искажать что-либо в своих коммюнике и принимало все возможные меры против преувеличения в них успехов. Коммюнике же немецкого штаба руководства войной на море, какими бы точными ни были донесения командующих в море, почти всегда обрабатывались, а то и полностью преображались пропагандистской машиной доктора Геббельса, и не столько для того, чтобы ввести в заблуждение англичан, сколько с целью обмана своего народа относительно хода войны и руководства Гитлера.

Кстати говоря, такие преувеличения немцы часто давали в своей пропаганде на Великобританию и на остальные страны мира с тем, чтобы спровоцировать адмиралтейство на заявление о потере или месте нахождения некоторых крупных кораблей, таких, например, как авианосец «Арк Ройял». В начальный период войны журналисты США и других нейтральных стран использовали такие заявления немецкой пропаганды в своих настойчивых запросах английскому министерству информации с требованием огласить данные, по поводу которых адмиралтейство хранило молчание.

Представление о том, что можно собрать по кусочкам и какие заключения можно сделать на основании коммюнике, рассказа о военных действиях или анализа пропаганды, дает меморандум, распространенный разведывательным управлением ВМС в 1942 году. Цель меморандума заключалась в том, чтобы разъяснить сотрудникам оперативного управления и управления информации адмиралтейства, как и что немцы преподносят английской разведке буквально «на тарелочке».

Так, например, простое и в высшей степени осторожное оглашение противником данных о потопленном им тоннаже судов может явиться первым признаком национальной принадлежности подводных лодок, действующих в определенном районе. Итальянцы, стремившиеся показать свое усердие по отношению к немцам за пределами Средиземного моря, не смогли удержаться от того, чтобы не объявить о своих успехах в водах Вест-Индии и у американского побережья. Это было первым и весьма ценным указанием на появление в этих районах итальянских подводных лодок. Столь же полезным было заявление немцев о том, что их подводные лодки топят суда в районе южнее Фритауна, поскольку число немецких подводных лодок, способных действовать на таком удалении от своих баз, было известно. Если две из них или более находились в Южной Атлантике, то число оставшихся, способных действовать против танкеров, следовавших в Вест-Индию и обратно, естественно, уменьшалось, и обнаруживать их было намного легче.

Обычно добивавшихся успехов командиров немецких подводных лодок, особенно во времена таких знаменитых асов, как Прайен и Кречмер, при возвращении лодки в базу во Франции или в Германии встречали огромные толпы людей на пирсах с оркестром, венками, микрофонами, а иногда их даже встречал сам Дениц. Торжественная встреча записывалась на пленку и передавалась немецкими широковещательными радиостанциями в такой же шумной и вы-

разительной форме, которую используют в наше время телевизионные комментаторы. Очень часто в такие передачи включались вопросы репортеров и ответы на них чествуемого командира и одного-двух старшин. Они, конечно, не предполагали в то время, что каждое их слово в этих передачах записывалось службой перехвата Би-Би-Си и передавалось по телетайпу в адмиралтейство, которое извлекало из них данные примерно следующего порядка:

— длительность патрулирования лодки и время, которое она проведет в базе;

— названия потопленных торговых судов и подробности нападения на конвои, что в сочетании с другими данными разведки помогало установить маршрут лодки;

— хвастливые ответы на вопросы, позволявшие судить о способностях и чертах характера командиров, а также об общей стратегии командования немецких подводных сил.

Если бы немецкие военно-морские цензоры не допускали оглашения имен командиров, неоднократно упоминавшихся в репортажах о патрулировании подводных лодок, если бы они исключали названия потопленных лодками судов, названия районов патрулирования и даты торжественных встреч, то разведывательное управление адмиралтейства лишилось бы довольно ценного источника информации.

Нетрудно представить себе, какие вопросы особенно беспокоили министерство Геббельса, когда речь шла о пропаганде в интересах немецкого военно-морского флота — куда менее мощной организации в Берлине, чем адмиралтейство в Лондоне. «Как мы можем поддерживать высокий моральный дух наших подводников, если не говорить об их успехах публично?» «Как немецкий народ и люди во всем мире могут поверить нашим победным заявлениям, если мы не будем давать в них подтверждающих подробностей в форме названий потопленных судов и имен отличившихся командиров подводных лодок?» «Как мы можем оправдать строительство флота перед нашей партией и другими видами вооруженных сил, если не говорить об успехах флота в репортажах с фронта?» Такими аргументами, по-видимому, пользовались пропагандисты в спорах с военно-морскими властями; в Германии общественное мнение имело большое значение для политического режима, поэтому не удивительно, что немецкие пропагандисты в Берлине пользовались бо́льшими правами, чем английские в Лондоне.

Официальные коммюнике и репортаж о военных действиях тщательно изучались разведкой и с целью обнаружения в них сведений о повреждениях, причиненных воздушными бомбардировками и минным оружием. Немцы не объявили, например, о повреждениях, причиненных линейным кораблям «Шарнхорст» и «Гнейзенау» во время прорыва их из Бреста в Вильгельмсхафен в феврале 1942 года, когда они подорвались на минах, поставленных авиацией бомбардировочного командования. Лишь спустя несколько недель об этом донесла агентура, и адмиралтейство было в состоянии объявить, что корабли вышли из строя на несколько месяцев. А между тем в течение

всех этих недель английская пресса и парламент жестоко критиковали наш флот и авиацию за неспособность предотвратить прорыв кораблей через пролив и прибытие их в немецкую базу, где они представляли собой, по существу, меньшую угрозу, чем в Бресте.

Цензура. Цензура писем и телеграмм в Англии и в английских заморских владениях являлась полезным источником подробной информации о движении иностранных кораблей и судов, а также о случаях прорыва блокады. Цензура могла также навести на следы агентурных и диверсионных планов в таких странах, как Бразилия и Мексика. Как источник информации, влияющей на проведение морских операций, цензура может иметь и еще большее значение.

Топографическая разведка. Некоторым представляется, что вся информация топографического характера открыта и общедоступна. Но это не так. Значительную часть такой информации можно найти в книгах и в головах обычных людей; однако подробные, специальные данные, необходимые для набеговой наземной или морской операции, иногда приходится добывать агентурными и опасными методами, о которых мы расскажем в одной из следующих глав. Все новейшие данные о занятых противником районах, в которых планируются те или иные боевые действия, становятся секретными в силу самого факта. Ничто не выдаст противнику намерений военного руководства с такой вероятностью и очевидностью, с какой их выдает сам факт сосредоточения внимания большого числа гражданских служащих на каком-нибудь определенном районе. Поэтому межведомственное топографическое управление в Оксфорде и его родственные организации на Ближнем и Дальнем Востоке, как источники информации, могли занимать в ряду других любое место от совершенно секретных до совершенно открытых.

Старослужащие помнят, как люди, занимавшиеся планированием военных операций в 1914—1918 годах, ошибочно предположили, что войска, высаженные на полуостров Галлиполи, найдут там питание, топливо и воду. Военнослужащие помоложе знают, как войска, высаженные столь поспешно в Норвегию в 1940 году, не располагали точными данными о снежном покрове и состоянии дорог, которыми им пришлось пользоваться в районе Нарвика. Машины, участвовавшие в операции «Торч», двигаясь по прибрежным дорогам вдоль тунисского побережья, застревали на целые недели в грязи. Даже тогда — в 1942 году — никто не знал, что на расстоянии всего пятидесяти миль от уреза воды в этом районе машины могли бы проехать по твердому грунту; знай они об этом, группировка Роммеля могла бы быть ликвидирована на несколько месяцев раньше, поскольку возникла бы угроза его тылу. И так далее.

Опыт и уроки, полученные в Норвегии, открыли нам глаза, и были немедленно приняты меры к устранению печального по своим последствиям пренебрежения к топографической разведке, которым характеризовалась эта операция. Количество подробных данных, не-

обходимых для успешной высадки экспедиционных войск и последующей поддержки и снабжения их современным оружием и другими предметами материально-технического обеспечения, необычайно велико. Даже в том случае, если высадке войск не оказывается серьезного противодействия, военно-морское командование должно располагать надежными данными о навигационной обстановке, состоянии береговой обороны и т. п. Если же высадке оказывается противодействие, необходима тщательная предварительная подготовка с использованием средств аэрофоторазведки, диверсионно-разведывательных групп, агентуры, перекрестного опроса людей, знакомых с географией и топографией районов высадки, подводной разведки, изучения геологических факторов и т. п.

После 1940 года и методы добывания, и чрезвычайно разнообразный характер такой информации стали обозначаться одним термином — «топографическая разведка». Объединенное топографическое управление не только выпускало разнообразные карманные справочники и указатели с ценной информацией топографического характера, но и отвечало за установление «контактов», то есть за поиск, подбор и опрос людей, хорошо знающих те или иные места или районы, например в Нормандии или в таких отдаленных районах, как, скажем, Бирма. Это было необходимо для подготовки сотен боевых приказов, которые печатались с помощью издательства Оксфордского университета, а также для кропотливого поиска в крупных библиотеках и институтах страны материалов, содержащих информацию ботанического, геологического, минералогического, агрономического и медицинского порядка, знание которой способствовало эффективности и успеху войск, действующих на заморских театрах.

Наблюдатели дружественных стран и беженцы. В ходе войны в Англию теми или иными путями попадали тысячи различных беженцев. Для работы с ними и опроса их с целью получения полезной информации был создан специальный отдел военной разведки (МI.19). В нем работали также представители других организаций, заинтересованных в получении информации с оккупированных территорий Европы. Из этого источника были получены новейшие данные о мерах немецких административных властей и органов безопасности, ценные данные о так называемой агентурной обстановке (порядок нормированного обеспечения населения продуктами, состояние железнодорожного и автомобильного транспорта, моды, нравы и обычаи, разговорный жаргон и т. п.), которые были крайне необходимы управлению специальных операций для подготовки агентов, перебрасываемых для действий на оккупированных территориях Европы. Радиовещательная корпорация Би-Би-Си узнавала здесь о том, кто и как на этих территориях слушает радиопередачи из Англии, как их слушают военнопленные; министерство экономической войны получало данные о состоянии сырьевых ресурсов и нехватке бензина и т. п.

Представитель разведывательного управления ВМС, работавший в 19-м отделе военной разведки в королевской патриотической школе в Уондсуэрте, непосредственно в процессе «просеивания» беженцев не участвовал. Для тщательного опроса в интересах военно-морского флота люди отбирались только после завершения этого процесса. (В ходе просеивания было раскрыто немало немецких агентов, выдававших себя за беженцев.) Среди них был, например, человек, участвовавший в строительстве укрытий для подводных лодок в Лориане и Тронхейме; француз, который видел первую площадку для запуска снарядов «V1»; английские или норвежские рыбаки, которые были знакомы с порядком и маршрутами перехода немецких судов прибрежного плавания, обеспечивавших снабжение отдаленных гарнизонов и баз. Получаемая из этих источников информация обрабатывалась и хранилась в том или ином отделе разведывательного управления ВМС, а позднее — при возникновении вопросов, на которые она отвечала, — соответствующим образом использовалась.

Особо интересный случай, когда мы получили ценную информацию из нейтрального источника, занимавшегося своей обычной повседневной деятельностью, произошел в Швеции. Разведывательное управление ВМС всегда интересовала всякая информация о движении немецких подводных лодок, и в частности опознавание их в тех или иных местах по присвоенным им номерам. Установить номер лодки было очень трудно, так как он нигде не обозначался открыто, а экипажи распознавали свои корабли только по номеру полевой почты. Однако в тех случаях, когда командир принимал топливо, продовольственные запасы или ставил лодку на ремонт, он был обязан заполнять форменный бланк и указывать в нем фактический номер своего корабля. Пользуясь посредничеством норвежской и польской разведок, разведывательному управлению ВМС удалось получить копии нескольких таких форменных бланков, заполнявшихся или на шведских танкерах во время бункеровки подводных лодок в Данциге, или в доках Бергена и Тронхейма, куда они часто заходили для производства ремонта. По количеству принятого подводной лодкой топлива можно было судить о том, предстоит ли ей заниматься боевой подготовкой или она намерена выйти на боевое патрулирование. Эта информация, разумеется, являлась весьма полезным дополнением к данным, на основании которых в адмиралтействе велась карта подводной обстановки.

Техническая и тактическая информация (со своих кораблей). Донесения и отчеты, направлявшиеся нашими кораблями в адмиралтейство после каждого боевого столкновения или контакта с противником, тщательно анализировались с целью извлечения из них полезной технической информации (оружие, боеприпасы, мины) и тактических уроков (боевое маневрирование эскадренных миноносцев и торпедных катеров противника, управление боевыми действиями группы подводных лодок и т. п.).

Обнаружение противника торговыми судами и береговыми наблюдателями. При слежении за немецкими вспомогательными крейсерами донесения атакованных ими судов или рассказы спасшихся с этих судов членов экипажей часто являлись единственным свидетельством появления этих крейсеров в том или ином районе или методов их действий. В узкостях и прибрежных водах по периферии оккупированных территорий в Европе и Азии береговой наблюдатель или какой-нибудь рыбак оказывались иногда весьма полезным разведывательным источником. Наиболее эффективными источниками этой категории были наблюдатели разведывательной сети в Норвегии.

Спасенные с потопленных кораблей и судов. Информация очевидцев о действиях уже упоминавшихся немецких вспомогательных крейсеров, которые неожиданно нападали на суда, совершавшие одиночные переходы в отдаленных районах, куда не доходили немецкие подводные лодки, попадала в адмиралтейство самыми разнообразными окольными путями. Уцелевшие члены экипажа английского или союзного торгового судна могли быть подобраны, например, в Южной Атлантике бразильским судном; за несколько дней до этого у них было всего несколько минут, в которые они едва успевали сесть в спасательные шлюпки перед тем, как немецкий рейдер потопил их судно. По прибытии в какой-нибудь южноамериканский порт со спасенными моряками немедленно связывался и опрашивал их военно-морской атташе из ближайшего английского посольства, который посылал затем в Лондон все собранные им предварительные данные о появлении рейдера в таком-то районе, о времени и месте, в котором было потоплено судно, о тактике, которой следовал рейдер, и т. п.

Однако в лучшем случае такой опрос лишь частично заменял квалифицированную постановку вопросов, что имело место через несколько недель в разведывательном управлении ВМС в Лондоне. Офицер разведки, имеющий многие другие сведения об этих таинственных и неуловимых кораблях противника, в состоянии сопоставить детали, которые часто приводили к безошибочному опознанию того или другого из них. Офицер уже имел в своем распоряжении карту с нанесенными на нее местами обнаружений каждого рейдера и поэтому был в состоянии помочь опрашиваемому находить более точные и правильные ответы на вопросы. Некоторые из получаемых таким образом данных удостаивались высшей оценки «A1», но были и такие, которые заслуживали только низшей — «D5».

И снова, в который уже раз, начальнику разведывательного управления ВМС приходилось настойчиво внушать тем, кто действовал на местах, что предварительный опрос, даже преследующий чисто тактические и местные цели, может причинить больше вреда, чем сделать пользы. Почти всегда получалось так, что предварительные опросы делали очевидцев непригодными для последующих опросов специалистами. На предварительных опросах очевидцев, как правило, заставляли быть более конкретными и точными, чем позволяла

наблюдательность; в их головы как бы вкладывались идеи и выводы; в результате они становились предубежденными в пользу тех объяснений, которые предпочитал услышать первый опрашивавший их офицер. Классическим подтверждением вышесказанного был случай со спасенными с английского вспомогательного крейсера «Равалпинди», происшедший в начале войны, когда в таких делах у нас еще не было опыта. 23 ноября 1939 года, когда место нахождения немецких линейных сил все еще оставалось тайной, «Равалпинди» донес, что он обнаружил линейный корабль «Шарнхорст», а позднее внес поправку, что он видел не «Шарнхорст», а карманный линейный корабль «Дейчланд». Эти донесения вызвали путаницу и замешательство в адмиралтействе, а когда были допрошены спасенные с «Равалпинди», путаница усилилась. Вот как рассказывает об этом Годфри:

> «Было очень важно установить название или хотя бы тип корабля, потопившего «Равалпинди». Единственным источником информации были спасенные с этого корабля. Старший по чину из них — главный старшина — был направлен в адмиралтейство и после нескольких опросов на пути предстал перед адмиралом Паундом, который задал ему ряд очень важных вопросов. К тому времени, когда старшина появился в разведывательном управлении ВМС, он был настолько запутан вопросами, что не мог уже быть объективным очевидцем событий. За это время он услышал так много различных предположений, что его личное представление о силуэте и размерах немецкого корабля стало абсолютно неясным».

Разведка других видов вооруженных сил. Англичанам потребовалось время, чтобы понять (а немцы и итальянцы так никогда полностью и не поняли этого), что разведка одного вида вооруженных сил может оказать неоценимую помощь другим видам вооруженных сил, или, выражаясь точнее, что взаимодействие между оперативными органами одного вида вооруженных сил и разведывательными органами другого вида вооруженных сил оказывается весьма эффективным. Так, например, информация, собранная разведкой военно-воздушных сил Великобритании о составе и передвижении немецких авиационных частей и соединений, всегда одновременно указывала и на намерения военно-морских сил противника, будь то в Норвегии, в проливе Ла-Манш или в восточной и западной частях Средиземного моря. Для обороны портов, для перехвата блокадопрорывателей, шедших с Дальнего Востока в порты Бискайского залива, для защиты арктических конвоев обмен разведывательной информацией между ВВС и ВМС имел большое значение и производился непрерывно; то же самое можно сказать о несомненном значении информации морской разведки, например данных о протраленных проходах и о маршрутах конвоев, для операций ВВС по минированию тех или иных вод противника.

Информация о передвижении и неосторожных действиях агентов абвера содержала признаки намерений немецкой армии; информация о планах немецкой армии, касающихся, например, использования коммуникаций с армией Роммеля, одновременно содержала весьма полезные данные для английских подводных лодок, действовавших против конвоев противника на линии между Италией и Северной Африкой. Пожалуй, самой сенсационной из всех была информация о 8-й английской армии, добытая немецкими дешифровальщиками, которым удалось раскрыть дипломатический шифр, использовавшийся американским военным атташе в Каире для связи с Вашингтоном и информирования американского руководства о планах и диспозиции английских войск.

Интересы адмиралтейства распространялись на весь мир, и их невозможно было предсказать заранее, поэтому разведывательному управлению ВМС приходилось поддерживать тесный контакт с разведкой министерства иностранных дел, министерства обороны и министерства ВВС. Только при таком контакте данные разведки приобретали должное значение, в противном случае они значили очень немногое. Разработка противником новых типов самолетов, казалось бы, должна была интересовать только ВВС, однако разведывательные данные могли, например, выявить, что определенный тип самолета предназначается для борьбы с нашим судоходством; кроме того, те же данные могли пролить свет на другую информацию, остававшуюся для адмиралтейства пока неясной. Информация о немецких ВВС позволила в 1940 году предсказать намерения гитлеровской армии. Аналогично этому, пытаясь оценить мощь сил союзников, готовящихся к вторжению в Нормандию в 1944 году, немцы нашли полезные данные в перехваченном радиообмене наших ВВС и в донесениях гестапо, наблюдавшего за французскими группами Сопротивления.

Агенты-двойники. Подробно рассказать о той роли, которую сыграли агенты-двойники в добывании информации, по вполне очевидным причинам невозможно. Агент-двойник как источник информации появился чуть ли не с первых дней существования разведки. Во время последней войны метод использования разведкой агентов-двойников получил большее распространение и стал более совершенным благодаря появлению сложной аппаратуры для радиосвязи. Где, когда и кто вел радиоагентурные игры, остается тайной, но польза от таких игр с точки зрения получения позитивной информации несомненно была, правда, о ней мало что известно.

Указания, направляемые агенту-двойнику, который создал себе неплохую репутацию, иногда выдавали намерения его первоначальных хозяев. Упор на определенный характер запрашиваемой у агента информации (например, данные о повреждениях, причиненных бомбардировкой) отражает тактическое мышление тех, кто добивается такой информации. Если агента-двойника перебросили, подготовив его для действий по нескольким вариантам, то вопросы, кото-

рые поставят ему его новые хозяева, подскажут, какому варианту из нескольких следовать. Осенью 1940 года, когда над Англией нависла угроза вторжения противника, именно такой радиообмен между находившимся в наших руках немецким агентом и его руководителями в Европе убедил начальника разведывательного управления ВМС в том, что Гитлер отложил операцию «Си-Лайон» на неопределенное время.

Военно-морские атташе. Военно-морских атташе мы рассматриваем в этой главе последними потому, что в военное время всякий представитель разведывательного управления ВМС за рубежом, особенно если он находится в важном районе какой-то страны или в ее столице, фактически становится руководителем разведывательной сети, состоящей из различных источников. По этой причине сравнивать или оценивать такого представителя с любым другим из упомянутых выше источников не представляется возможным. В разное время разведывательное управление ВМС получало от военно-морских атташе данные разведки нейтральных стран; сведения, извлеченные из перехвата радиообмена немцев с Берлином; информацию, полученную от лиц, приезжавших из Японии, Италии и оккупированных стран Восточной Европы; от журналистов нейтральных стран; от друзей из среды торговых моряков, рыбаков, и торговцев и из многих других источников. Все они приносили ту или иную пользу; о некоторых результатах работы с такими источниками будет рассказано в особой главе.

Наиболее эффективно наши военно-морские атташе работали в столицах нейтральных стран, где противник и представители союзников действовали, так сказать, бок о бок, в неприятном, но корректном соперничестве. Как источник информации, интересующей военно-морские силы, Стокгольм занимал среди столиц особое место ввиду близости его к Балтийскому морю и к оккупированным Норвегии и Дании. Мадрид с его необычным политическим обликом и как наблюдательный пункт за Гибралтаром, западной частью Средиземного моря и Северной Африкой сыграл несколько иную роль, и из него поступала информация совсем другого рода. Анкара и Стамбул скорее имели такое же значение, как Мадрид, чем как Стокгольм. Основное достижение здесь — участие Турции в войне на стороне союзников; как и в Мадриде, военно-морской атташе здесь был занят больше политикой, чем разведкой, хотя его информация об обстановке и характеристика важных личностей балканских стран, которую он собирал в Турции, пригодилась нам в 1944 году.

Специфическое положение военно-морского атташе в Вашингтоне быстро утратило свое значение, поскольку между морским министерством США и английским адмиралтейством начало развиваться тесное сотрудничество и взаимодействие. Обязанности военно-морского атташе по информации адмиралтейства о состоянии и действиях американского флота все больше и больше перекладывались на группу специалистов, связанных с адмиралтейством через 18-й отдел

разведывательного управления ВМС; передача же американцам опыта англичан и данных их разведки осуществлялась через постоянных представителей адмиралтейства в Вашингтоне, которые были открыто направлены туда после нападения японцев на Пирл-Харбор.

В странах Латинской Америки обязанности военно-морских атташе сводились главным образом к наблюдению за деятельностью немцев в таких областях, как шпионаж, прорыв блокады, ведение антианглийской пропаганды и т. п. Когда США вступили в войну, немцы стремились активизировать свою деятельность именно в этих областях.

Лишь в редких случаях, да и то главным образом из Мадрида и Стокгольма, военно-морские атташе присылали важную информацию оперативного значения. Впрочем, сеть береговых наблюдателей в проливе Каттегат, руководимая норвежцами, довольно часто обеспечивала поступление своевременных данных о передвижении немецких военных кораблей. Очень ценными иногда оказывались информация, сплетни и слухи, которые доходили до нас через шведских, испанских и турецких военно-морских офицеров и других лиц, побывавших в Берлине, Риме или Париже. Иногда сплетни и слухи распространялись немцами умышленно, в надежде на то, что они дойдут до союзников, иногда это был результат полезной для нас болтливости немцев, а иногда — результат непосредственного наблюдения во время рейса туристских судов, посещений различных объектов, доков и т. п.

«ОТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» К ГОРЯЧЕЙ

ГЛАВА 3

Сравнивать разведывательное управление ВМС, принятое Годфри 3 февраля 1939 года, с тем управлением, которое он оставил через четыре года, было бы в высшей степени несправедливо по отношению к усилиям его предшественника, если при этом не принять во внимание разницу между положением управления в мирное и в военное время. В самом деле, не было такого правительства мирного времени, которое не сталкивалось бы — и не сталкивается теперь — с серьезными трудностями при решении вопроса: нужно или не нужно постоянно выделять на разведку средства и затрачивать усилия на ее совершенствование. Когда не было противника, разведка чахла, ее время, силы и средства затрачивались на сбор устаревающей информации. Целое поколение офицеров имело весьма смутное представление о стратегических функциях разведки. Да и как офицеры могли иметь ясное представление об этом, если подавляющее большинство их не имело опыта, который подтвердил бы роль и значение разведки в оперативном искусстве. Лишь немногие в вооруженных силах располагали таким опытом и поэтому были в состоянии судить о разведке правильно. Большим достижением считалось уже то, что разведка в какой-то степени следила за развитием оружия вероятного противника. Известно, что в военное время военно-морская разведка занята главным образом и прежде всего наблюдением за движением кораблей и судов противника и сбором информации, необходимой для обеспечения безопасности движения своих кораблей и судов. Если не считать эпизода в Абиссинии и гражданской войны в Испании, то в период 1918—1936 годов на морских театрах не происходило ничего такого, за чем нужно было бы внимательно следить; во всяком случае, ничего такого, что можно было бы сравнить с происходившим в период холодной войны после 1945 года и что держало бы разведку в постоянном напряжении. (Абадан, Корея, Палестина и позднее Суэц, Малайский архипелаг, Восточная и Западная Африка.)

Больше всего инициативу и целеустремленность разведки до середины тридцатых годов сдерживали ежегодно повторявшиеся напоминания кабинета министров трем видам вооруженных сил о том, что Черчилль сформулировал в двадцатых годах следующим образом:

> «При рассмотрении проекта государственного бюджета по расходам следует исходить из предположения, что в течение ближайших десяти лет Великобритания не будет вовлечена ни в какую крупную войну и ей, следовательно, не потребуются для этих целей никакие экспедиционные войска».

Хотя адмирал Чэтфилд прилагал все усилия к тому, чтобы восстановить флот, насколько это было возможно в рамках скудных ассигнований, ждать, что разведывательное управление перестанет существовать на правах «золушки», было бы нереально.

Насколько же плачевным было положение? Может быть, дело было только в недостатке средств, отсутствии соответствующего аппарата и четкого руководства со стороны кабинета министров? Но откуда было взяться инициативе и усердию? Кто мог сказать, в каком районе мира и на какое побережье придется высаживаться английским силам или какой порт им придется использовать? Кто мог тогда предвидеть, что омываемое водами Ла-Манша побережье Франции — нашего главного союзника — станет первостепеннейшим объектом разведки к концу войны, в ходе которой английские войска были вытеснены из Европы? Кто мог предсказать, что морская авиация Японии будет бомбардировать Коломбо? К чему было начинать глубокое и всестороннее изучение каких-либо объектов, если не было соответствующих специалистов для поддержания в порядке существующих дел и картотек? В таких условиях считалось вполне достаточным наблюдать за флотами Германии, Италии и по возможности Японии, которые все больше и больше становились полицейскими государствами со строго охраняемыми военными секретами; регистрировать ту немногочисленную информацию, которую присылают военно-морские атташе, а в остальном полагаться на ограниченные возможности агентурной сети специальной разведки, которой ежегодно выделяли менее 500 000 фунтов стерлингов. Всем руководителям, включая восемь начальников разведывательного управления, занимавших эту должность после Холла в 1918—1937 годах, было ясно, что военно-морская разведка была не более чем тенью того эффективного и мощного органа, каким она была в годы первой мировой войны.

К счастью, один человек из когорты Холла все еще находился на достаточно влиятельном посту, чтобы бросить камушек в этот еще не застоявшийся пруд. В 1935—1938 годах должность заместителя начальника главного морского штаба занимал вице-адмирал Уильям Джеймс, который после 1918 года был заместителем начальника разведывательного управления ВМС и руководил тогда деятельностью сотрудников комнаты 40, дешифровавших и изучавших немецкую военно-морскую и дипломатическую секретную связь и переписку. В 1936 году, обеспокоенный кризисом в Абиссинии и поведением итальянцев на Средиземном море, он поставил начальнику управления оперативного планирования и начальнику разведывательного

управления вопрос: «Что произойдет, если внезапно объявят войну?»—и попросил их представить ему свои соображения. Джеймс не полагался на то, что успех дешифровальной службы 1916 года повторится, да и сотрудников этой службы почти не осталось. Ставить все в зависимость от такого источника информации было бы рискованно и совсем не обязательно. «Существует обширное поле деятельности, — писал он в своей памятной записке, — для радиоразведки, обработки донесений агентуры, наших кораблей и судов и т. п., если на эту работу поставить проницательных людей, то, я не сомневаюсь, очень скоро мы будем иметь в своем распоряжении ценную оперативную информацию».

Особую тревогу за последнее время у адмиралтейства вызывала необходимость точного опознавания подводных лодок, которые топили торговые суда в Средиземном море: принадлежали ли эти лодки испанским националистам или это были лодки других государств? Штат, методы работы и оборудование крохотного отделения разведки, следившего за движением кораблей и судов, не соответствовали стоявшим перед ним задачам. Уильям Джеймс настойчиво продолжал подгонять людей и ставить перед ними задачи, в результате чего в июне 1937 года в разведывательное управление ВМС решили направить капитан-лейтенанта Нормана Дэннинга для создания организации, необходимой оперативно-информационному центру в военное время. Дэннинг быстро сообразил, что существовавшая до него организация не отвечала элементарным требованиям и что поступавшая информация была весьма далека от того, в чем нуждался совет адмиралтейства. Дэннинг позволил себе провести три недели среди специалистов радиосвязи и шифровальщиков на станции «Х», чтобы досконально изучить, как работает радиоразведка и что она могла бы дать при условии усиления ее. Возвратившись в адмиралтейство, Дэннинг установил, флоты каких вероятных противников интересуют главный морской штаб в первую очередь, и тотчас же приступил к созданию соответствующей картотечной системы. Приоритет в то время устанавливался в такой последовательности: Италия, Япония, Германия; последняя была на третьем месте потому, что, как полагали, действовали положения Лондонского договора, согласно которым строительство Германией военных кораблей было ограничено.

Следующая неотложная задача заключалась в том, чтобы усилить радиопеленгаторную службу и службу радиоперехвата («Y») настолько, чтобы обеспечить возможность более глубокого изучения всех каналов радиосвязи потенциальных противников. Это произошло как раз в то время, когда в гражданской войне в Испании начали принимать участие итальянские подводные лодки, что и было с успехом установлено, хотя Дэннинг писал в январе 1938 года:

> «Нам до сего времени неизвестны названия большей части участвующих в боевых действиях подводных лодок... мы все еще не установили фактической принад-

лежности итальянских подводных лодок, которые были переданы испанским националистам... данные о немецких и итальянских подводных лодках, находящихся в их собственных водах, имеют огромное значение для определения национальной принадлежности пиратствующих лодок методом простого исключения».

Поскольку английский флот на Средиземном море осуществлял лишь патрулирование против пиратских действий, а сам в боевых действиях не участвовал, особого смысла в разработке сложной системы обеспечения этого флота текущей информацией не было. Однако Дэнниг имел возможность собрать немало примеров, подтверждавших трудности доведения информации до заинтересованных инстанций, которым она могла оказаться крайне необходимой. Это позволило ему доказать, что существовавшая многоколенная система передачи информации кораблям и другим управлениям была нетерпимо сложной и к тому же не отвечала элементарным требованиям оперативности. Пользуясь поддержкой Джеймса, несмотря на опасения своего начальника контр-адмирала Траупа и гражданских сотрудников управления, Дэннинг создал ядро оперативно-информационного центра, который мог передавать разведывательную информацию оперативного значения непосредственно заинтересованным инстанциям как в рамках адмиралтейства, так и за его пределами. После настойчивых просьб и увещеваний многих старших офицеров и гражданских сотрудников управления Дэннинг наконец получил для своего отделения три комнаты, в которых к нему присоединились специалисты по связи. В одной из комнат на картах и планшетах велась прокладка текущих переходов кораблей и судов, другая была оборудована пневматическими почтовыми трубопроводами и телефоном с автоматическим шифровальным устройством, связывавшими центр с военной регистратурой, через которую проходили все входящие и исходящие телефонограммы, телеграммы и радиограммы. По стандартам мирного времени это было роскошью. Так появился оперативно-информационный центр.

Мюнхенский кризис в августе — сентябре 1938 года, во время которого в отделение Дэннинга влилось несколько офицеров, остававшихся в нем в течение всей войны, явился основанием для полезного прогресса. Работа отделения была столь успешной, что Дэннинг смог доложить: «Мы наблюдали за всеми немецкими кораблями, находившимися вне пределов Германии, а за значительной частью ее крупных торговых судов мы следили непрерывно». Информация о движении немецких кораблей и судов со всей очевидностью указывала на то, что в то время немецкий военно-морской флот не ждал большой войны в ближайшем будущем и не намеревался участвовать в ней. Отделение Дэннинга предоставило командованию точную дислокацию немецкого флота на 28 и 29 сентября.

Это было, пожалуй, самым крупным достижением контр-адмирала Траупа на должности начальника разведывательного управления

ВМС. При поддержке па самом высоком уровне он писал своему старшему гражданскому начальнику:

> «Необходимо как можно скорее создать подземный оперативно-информационный центр и обеспечить его совершенными средствами связи. Господин Ли-Мейтри может рассматривать указание о средствах связи как решение совета адмиралтейства».

После того как Мюнхен слегка ослабил запоры на государственном кошельке, специалисты радиоразведки получили «добро» на заказ нескольких новых американских радиоприемников и на покупку более совершенных радиопеленгаторных установок у фирмы Маркони. К огорчению министерства почт, разведывательное управление ВМС приобрело на секретные фонды две средневолновые радиопеленгаторные станции и установило их в двух пунктах на севере страны. И, что еще важнее, как раз перед тем, как в феврале 1939 года Годфри стал начальником управления, было получено «добро» на установку системы, оснащенной буквопечатающей аппаратурой для передачи информации извне в военную регистратуру, а затем по прямому каналу — в подземное бомбоубежище, куда намечалось перевести и оперативно-информационный центр. Эта система должна была справиться как с большим разнообразием, так и с объемом поступающего материала. Материалы радиообмена противника, собираемые станцией «Х» (на ней работали эксперты по связи и дешифровальщики) поступали в телетайпную комнату, а оттуда вручную направлялись в различные отделы и отделения. Все данные радиопеленгаторных станций, расположенных на территории Англии, координировались в одном или двух пунктах и передавались по телетайпу и пневматическим трубопроводом в оперативно-информационный центр. Данные заморских радиопеленгаторных станций поступали по радиоканалам в военную регистратуру, а затем вручную в оперативно-информационный центр. Данные воздушной разведки поступали из трех штабов авиации берегового командования в Плимуте, Норе и Розайте. Донесения с кораблей в водах метрополии и с береговых наблюдательных постов сопоставлялись в штабах военно-морских районов и передавались по телетайпу. Донесения агентов, если они были срочными, передавались по телефону, а обычные — по телетайпу или в письменном виде почтой. Различные организации ВМС передавали свою информацию по радио или телеграфом; донесения из организации Ллойда и с торговых судов поступали по особому каналу. Там, где раньше один человек имел дело лишь с несколькими фактами, теперь была огромная организация, напоминающая агентство новостей.

Фактически 8-й и 9-й отделы разведывательного управления ВМС перебрались в подземное убежище в середине августа 1939 года. В начале октября того же года 16 офицеров в звании капитан 3 ранга и выше, 11 — в звании капитан-лейтенант и ниже,

11 гражданских сотрудников и 2 секретаря-делопроизводителя начали «войну умов» с Редером и Деницем. «К осени 1939 года,— говорит Дэннинг,— мы располагали достаточными силами для войны с одной державой». Осуществить такие кардинальные перемены менее чем за три года оказалось возможным только благодаря настойчивости адмиралтейства и помощи со стороны гражданских властей.

В чем же, собственно, заключалось различие между оперативно-информационным центром и другими отделами разведки? Повседневная оперативная разведка является по отношению к долгосрочной стратегической тем же, чем повседневные новости на первых страницах газет являются по отношению к большим обзорным статьям и комментариям, которые появятся в воскресном номере газеты или в еженедельнике.

При организации и планировании работы нового оперативно-информационного центра те немногие люди, которые помнили времена Джелико и гранд-флита, должны были сделать все возможное, чтобы не повторить глупейшей неосведомленности, из-за которой в Ютландском бою Джелико упустил из-под носа то, что могло бы принести ему решающую победу. Мадер рассказывает, как 31 мая 1916 года некий капитан 1 ранга Джексон из оперативного отдела послал командующему флотом сообщение, согласно которому немецкий флот находился в базе, в то время как фактически он за несколько часов до этого вышел в море. Джексон спросил комнату 40 (в ней дешифровывался радиообмен немецких военно-морских сил) о месте нахождения немецкого флагманского корабля, ничего не сказав о том, для какой цели ему нужна эта информация, и не поставив позднее комнату 40 в известность о том, что он направил неправильно понятый ответ командующему гранд-флитом. И что еще хуже, несколько позднее в тот день никто не сообщил Джелико о дешифрованной радиограмме, которая ясно указывала на то, что немецкий флот идет в базу.

Эти ошибки, названные позднее Джелико гибельными, явились результатом трех недостатков в организации того времени. Во-первых, сотрудникам комнаты 40 не разрешалось интерпретировать и представлять разведывательные данные в свете тех глубоких знаний флота Германии, которыми они располагали благодаря постоянному дешифрованию радиообмена. Во-вторых, оперативный отдел интересовался лишь сырой, необработанной информацией, содержавшейся в отдельных, не сопоставленных с другими расшифрованных радиограммах, переданных в различных условиях с тем или иным запозданием по времени. В-третьих, сотрудникам разведки никогда ничего не сообщалось о действиях собственного флота, а отсутствие таких сообщений не позволяло им соотносить свои знания намерений противника с намерениями своего оперативного отдела или командующего. Комната 40 рассматривалась как комната «неотложной помощи», к услугам которой прибегали лишь в самых крайних случаях, да и это было дозволено строго ограниченному кругу лиц.

Если и в войне с Гитлером счастье снова будет на нашей стороне — то счастье, благодаря которому в комнату 40 попал доставленный из Ирана чемодан с немецкими шифрами,— очень важно исключить возможность каких бы то ни было неувязок, недоразумений и ошибок. Оперативно-информационный центр должен с самого начала быть «притертым» к оперативному и плановому управлениям, а те в свою очередь должны быть «притертыми» к оперативно-информационному центру. Между разведкой и планово-оперативными органами должен быть полный обмен информацией, а функция интерпретации последней должна принадлежать только разведке. Даже в том случае, если мы не будем располагать данными дешифровальной службы в том объеме, в каком располагали ими в 1916 году, все равно вся другая информация должна изучаться, интерпретироваться и рассылаться только таким путем. Таким образом, в сентябре 1939 года штаб ВМС был готов вступить в войну, имея хорошо отработанную организацию для централизованного управления боевыми действиями на море.

В идеальном случае оперативно-информационный центр должен воспроизвести обстановку, которая существует в оперативном отделе противника, однако достичь такого идеального положения удается очень редко. Тем не менее в идеальном случае требуется именно это — воспроизвести оперативное мышление противника путем постановки себя, насколько это возможно, на его место, при той информации, которой он располагает, и одновременно оставаясь на своем собственном месте и располагая полной информацией относительно намерений, состава и диспозиции своих собственных сил. Когда в оперативно-информационный центр позвонит, скажем, начальник отдела противолодочной обороны, или командующий округа западных подходов, или первый морской лорд, или даже сам премьер-министр, он должен быть вполне уверен, что получит ясный, точный и краткий ответ на вопрос: «Что намерен предпринять сейчас противник?» Так же, как полководец должен знать черты характера противостоящего ему полководца, как радисты распознают сотни подводных лодок противника по «почерку» их радистов, так и хороший сотрудник оперативной разведки должен «читать» мысли и намерения противника. Такая техника опознавания практиковалась не только в отношении подводных лодок, но и в отношении крупных кораблей, торпедных катеров в Северном море и Ла-Манше, рейдеров, тральщиков, блокадопрорывателей, немецкой авиации, действовавшей против нашего судоходства и осуществлявшей минные постановки, а также в отношении движения торговых судов противника на Балтике, в Северном море и в Ла-Манше. Бывало так, что когда начальник штаба флота метрополии находился в базе, он звонил Дэннингу по нескольку раз в день. Сотрудница отделения 8Е, следившая за движением торпедных катеров и других малых кораблей противника в Ла-Манше, могла позвонить офицеру разведки в штабе Плимутского района и предложить «ночную охоту» для наших артиллерийских катеров и канонерских лодок. А первый мор-

ской лорд мог поставить в критический момент простой, но решающий вопрос офицеру, следящему за состоянием и движением таких кораблей, как «Бисмарк» или «Тирпиц».

Деятельность поста слежения за движением подводных лодок, являвшегося одним из отделений оперативно-информационного центра, описывается в самостоятельной главе. Организация работы соприкасавшихся отделений рассматривается ниже, однако их работа будет видна еще лучше, если мы приведем конкретные примеры в одной из последующих глав, где преследование «Бисмарка» анализируется с точки зрения разведки (см. главу 7).

В ходе войны происходил процесс специализации, новые методы и идеи распространялись на заморские станции и районы, там в разведку приходили новые люди. Передав пост слежения за движением подводных лодок другому сотруднику, Дэннинг стал отвечать за разведку главных сил немецкого флота, действий вспомогательных крейсеров, всех прибрежных сил, таких, как торпедные катера, тральщики, за воздушную разведку немецких баз, минных заграждений и протраленных фарватеров, а также за все действия авиации противника, связанные с операциями на море. Небольшие группы сотрудников, ведавшие разведкой деятельности отдельных видов этих сил, докладывали информацию Дэннингу, который составлял на ее основе более или менее полную картину. Среди отделений были такие, которые имели дело с перехватом радиообмена противника, следили за сохранением тайны нашей собственной скрытой связи, изобретали различные хитроумные методы и способы для использования их нашим управлением связи. Маленькое итальянское отделение занималось просмотром информации станции «Х» и других источников с целью отбора того, что могло представить интерес для аналогичного оперативно-информационного центра в Александрии, а позднее в Алжире и Бизерте, по мере того как командующий Средиземноморским флотом менял место пребывания своего штаба.

Итальянское и японское отделения направляли в заморские оперативно-информационные центры только ту информацию, которой они располагали здесь, в Англии, но почти никак не участвовали в проводимых на этих театрах операциях. Главная задача этих отделений заключалась в том, чтобы информировать адмиралтейство и военный кабинет о текущих боевых действиях противника в соответствующих районах. Фактически они обеспечивали поступление самых свежих данных по обстановке на Средиземном море и на Тихом океане.

Общий вид, звуки и даже запах в помещениях оперативно-информационного центра напоминали обстановку в редакции газеты на Флит-стрите в какой-нибудь миле от него. Здесь почти всегда стоял гул голосов, и казалось, все суетились. Редко бывало так, чтобы в какой-нибудь комнатке одновременно не говорили по двум телефонам; офицеры, гражданские служащие и секретари-делопроизводители (обычно женщины) непрерывно сновали по узким коридорам с совершенно секретными делами, папками, реестрами, телетайпными лентами или

с непонятным текстом дешифрованных радиограмм. В помещениях «цитадели» — подземного убежища — поддерживалась вполне удовлетворительная, по стандартам того времени, чистота, они вентилировались и обогревались, однако двадцать футов стали и цемента, которые отделяли цитадель от свежего воздуха расположенного над ней парка Сент-Джеймс, все же давали себя чувствовать. Фактически это было, вероятно, самое надежное бомбоубежище в Лондоне.

Находясь во время налетов немецкой авиации в своем бомбоубежище, оборудованном в подвале дома, который находился всего в шестистах метрах от «цитадели», премьер-министр, возможно, не раз задавал себе вопрос — не хлынут ли к нему воды Темзы в результате прямого попадания бомбы. Совсем иначе чувствовали себя сотня мужчин и женщин оперативно-информационного центра, работавшие в «цитадели». Их жизнь была в безопасности даже в случае прямого попадания, и это, конечно, придавало бодрость их духу, но зато они должны были мириться с полной изоляцией от внешнего мира. Здесь был только рабочий гул голосов. Это было «машинное отделение» разведывательного управления ВМС.

В течение восемнадцати месяцев до того, как Годфри принял дела начальника управления, его предшественник контр-адмирал Трауп занимался подбором и наймом гражданских сотрудников. К апрелю 1939 года в списке кандидатов, из которых можно было выбирать, числилось 150 человек, а незаполненных вакансий оставалось не более 30—40. Новый начальник управления вспомнил, как успешно подбирал себе сотрудников Холл, принимая на работу, как казалось, «странноватых, неортодоксальных и невоодушевленных» людей. Некоторые назначения происходили совершенно неожиданно — люди сваливались как с неба; бóльшую часть рекомендовали друзья; с рекомендованными беседовали, им говорили, что, если их услуги потребуются, им сообщат об этом. Затем осуществлялась проверка через службу безопасности, и при отсутствии возражений они включались в список кандидатов. Единственное, что Трауп не смог сделать для своего преемника, — это подобрать сотрудников, которые были необходимы во время войны для комнаты 39. В начале 1939 года Годфри начал заниматься поиском таких же «гражданских талантов», каких двадцать пять лет назад нашел для Холла биржевой маклер Клод Серколд. В эти месяцы подготовки Годфри поддерживал с Холлом очень тесный контакт, и они вместе обсудили много кандидатур из среды ушедших в отставку толковых офицеров флота, адвокатов и их помощников, писателей и журналистов. В качестве своего личного помощника Годфри избрал молодого биржевого маклера (Яна Флеминга), который когда-то готовился и к службе в армии, и для деятельности на дипломатическом поприще; для замещения должности личного секретаря выбор пал на помощника адвоката (Эдварда Меррита), обладавшего способностью хорошо и грамотно писать, а также налаживать дружеские отношения между людьми при возникновении напряженности.

Принцип, которому Годфри следовал в подборе сотрудников и в

использовании их, заключался в том, что он полностью доверял им, предоставлял определенные права и возлагал ответственность, стараясь избегать какого бы то ни было вмешательства. Это, как он понимал, было диаметрально противоположно тенденции некоторых старших офицеров, которые «узупировали функции своих подчиненных», но он привык к такому порядку за свою бытность молодым офицером в подчинении коммодора Рудольфа Бёрмстера — начальника штаба Средиземноморского командования во время первой мировой войны, которым он тогда восхищался.

О том, как и почему люди попадали работать в разведывательное управление ВМС, рассказывали много забавных историй. На бирже труда отыскали морского биолога, которого зарегистрировали как специалиста по споровым растениям и который попал в конечном итоге в отделение, занимавшееся анализом радиообмена противника. Среди принятых был адвокат Уинн, предложивший свои знания для допроса военнопленных с немецких подводных лодок и закончивший службу на должности начальника поста слежения за движением подводных лодок. Или, например, такой человек, как специалист по Египту Тодд, заведовавший отделом в фирме «Томас и сыновья», который стал в управлении начальником отдела скандинавских стран; или историк изящных искусств Митчелл, который собирал и изучал всю информацию, полученную от военнопленных. Только в одном отделе сотрудники были, пожалуй, близки по своей профессии к содержанию работы: в информационном отделе трудились такие известные писатели, как Чарльз Морган, Хиллари Сондерс (библиотекарь из палаты общин), Уильям Пломер, а позднее и редактор литературного приложения к газете «Таймс» Симон Новелл-Смит.

Годфри потратил много времени на знакомство с редакторами и владельцами газет, чтобы найти среди них таких, которые могли бы выполнять функции информаторов и цензоров. Эти функции будут возложены на управление во время войны. Он рассмотрел также много кандидатур из сотрудников иностранных посольств и деловых учреждений Лондона, которые могли бы дать полезную консультацию по дипломатическим, финансовым и социальным проблемам, если таковые неожиданно возникнут перед управлением. В этом отношении Годфри сознательно шел по следам Холла, всегда считавшего, что перед разведывательным управлением могут возникнуть самые неожиданные проблемы, которые оно должно решать. Адмиралтейство при его ведущей роли и с его интересами во всех уголках мира должно иметь свои собственные источники информации, по крайней мере до того времени, когда будут найдены и испытаны другие источники. Критики Годфри не без оснований утверждали в те дни, что он возводит своего рода «империю», однако справедливость требует отметить, что эти критические голоса умолкли, как только началась война. Если обратиться к аналогии в журналистской деятельности, можно отметить, что всякая порядочная газета пользуется информацией как внутреннего агентства новостей Пресс Ассошиэйшн, так и агентства зарубежных новостей Рейтер, но любая такая

газета предпочитает иметь своего собственного корреспондента, если речь идет об освещении важных событий.

О типичном примере использования таких личных контактов в июне 1940 года сам Годфри рассказал следующее:

> «В начале 1939 года Холл представил меня лорду Тайреллу, который в свое время был послом Великобритании в Париже, а затем многие годы оставался на должности несменяемого помощника министра иностранных дел. Это был пожилой и болезненный человек, но недуги никоим образом не отразились на проницательности его ума и способности судить о положении в Европе. Холл уговорил меня пойти и встретиться с Тайреллом в его квартире на площади Чесхэм, а потом я довольно часто посещал его по своей инициативе. Несмотря на дряхлость, Тайрелл, казалось, был хорошо осведомлен обо всем, что происходило, а его прогнозы, как правило, оказывались правильными, хотя министерство иностранных дел имело обыкновение не принимать его предупреждений всерьез.
>
> Когда Франция терпела поражение и Александер (первый лорд) и адмирал Паунд собирались предпринять последнее усилие, чтобы связаться с французским морским министром (Дарланом) в Бордо, Тайрелл позвонил мне по телефону и попросил немедленно посетить его. Он позвал меня, чтобы сказать, что Дарлану верить нельзя. Такое мнение о нем сложилось у Тайрелла многие годы назад, когда он был послом в Париже. Я вернулся в адмиралтейство как раз в тот момент, когда Паунд отбывал во Францию, и, конечно, передал ему эту информацию, но Паунд не поверил ей. Паунд считал невероятным, что о Дарлане можно было сказать что-нибудь, кроме того что он честный и прямой человек, которого он встречал и с которым говорил год или два назад».

Конечно, одно дело было планировать разведывательное управление на бумаге и собрать его сотрудников в начале войны и совсем другое дело наладить работу этой организации в напряженное военное время, когда во всем мире в отношении кораблей и судов противника осуществляется блокада, а всякое торговое судно союзников находится под постоянной угрозой атаки авиацией, подводными лодками или подрыва на минах. Сначала не все шло гладко, были промахи, недоразумения, допускались ошибки. Вот выдержка из неопубликованных мемуаров Годфри, в которых он описывает работу адмиралтейства в последние месяцы 1939 года:

> «В 1939 году «зеленая линия» и другие секретные системы телефонной связи еще не существовали, поэтому много времени уходило на беготню то к первому лорду

адмиралтейства господину Черчиллю, то к первому морскому лорду адмиралу Паунду, то к заместителю начальника морского штаба вице-адмиралу Тому Филлипсу, то в оперативно-информационный центр. Идея о том, что Паунд и Филлипс должны были ежедневно по приходе на службу спускаться в оперативно-информационный центр, чтобы ознакомиться с текущей обстановкой, так никогда и не осуществилась, и поэтому созданная для них специальная дверь почти никогда не использовалась ими.

Сфера ответственности начальников управления оперативного планирования, управления торгового судоходства и отдела противолодочной обороны все еще не была четко разграничена. В 1939—1940 годах в адмиралтействе ощущался острый недостаток помещений, что затрудняло строгое разграничение функций между этими управлениями и соотношение этих функций с необходимым разведывательным обеспечением.

Проводились бесконечные совещания по вопросам пропаганды, цензуры и различным проблемам, связанным с работой министерства информации, которое находилось в более затруднительном положении, чем адмиралтейство, и которому бесконечно докучали пресса и палата общин, последние буквально изводили все управления. Когда происходил какой-нибудь «морской эпизод» или появлялись признаки того, что вот-вот должны развернуться какие-то серьезные события, все имеющие отношение к ним собирались в маленькой «конференц-комнате» оперативно-информационного центра. Туда же иногда заглядывали и Черчилль, и Паунд, и другие лорды адмиралтейства. Там мы, бывало, ждали новых сообщений о таких эпизодах, как бой у Ла-Платы или потопление вспомогательного крейсера «Равалпинди». Часто в душной мрачной атмосфере оперативно-информационного центра мы проводили в томительном ожидании долгие ночные часы, и это, конечно, не способствовало продуктивности нашей работы на следующий день. Иногда получалось так, что к утру оставалось время только на то, чтобы принять ванну, позавтракать и снова вернуться к чтению телеграмм и документов, чтобы подготовиться к дневным совещаниям в той же «конференц-комнате». И сама комната, и ее ночные обитатели очень редко начинали следующий день в бодром состоянии, поэтому люди на ежедневных утренних совещаниях, в 09.30, часто были утомленными, раздражительными, грубыми, а атмосфера в комнате тяжелой, мрачной, душной».

В первую очередь к войне готовились оперативно-информационный центр и комната 39, но нужно было позаботиться об укомплек-

тований и других важных отделов, секций и отделений, имевших отношение к оперативной деятельности разведывательного управления. Необходимо было расширить географические отделения, ведавшие Германией, Италией, Японией и Соединенными Штатами. Нужно было сформировать отдел для допроса военнопленных. Необходимо было поставить на ноги аппарат заместителя начальника управления, в задачу которого входило наблюдение за сохранением на флоте военной тайны. В соответствии с различными уровнями нужно было организовать ознакомление с ходом войны всего личного состава военно-морского флота: на кораблях и на береговых объектах, офицеров, старшин и рядовых, военнослужащих мужского и женского пола, гражданских служащих и военных. На опыте войны 1914—1918 годов Годфри знал, что собранная информация часто рассылалась неразумно и попадала совсем не тем, кто в ней нуждался. Офицеры и команды кораблей, особенно на заморских театрах, часто были лишены элементарной информации о ходе военных действий. Но если это должно было быть правильно организовано в войне с Гитлером, то предстояло преодолеть определенные трудности. Информация должна не только попадать по назначению быстро, но и с гарантией, что она не окажется в руках противника. Чем ценнее информация и источник, из которого она получена, тем тщательнее надо позаботиться о ее распределении и рассылке. Весной 1939 года после немалых трудов и переговоров от непременного секретаря адмиралтейства было получено «добро» на создание информационного отдела управления (19-й отдел).

Идея обеспечения флота полной и правдивой информацией о политических и военных событиях содержала в себе известный риск. Не исключалась возможность утечки этой информации и случаев, когда она попадет не по назначению. Еженедельная информационная сводка по военно-морским и политическим вопросам издавалась под грифом «для служебного использования» и предназначалась для кадровых офицеров и офицеров военно-дипломатической службы. Через последних она становилась иногда достоянием офицеров иностранных армий и флота, посещавших наши заграничные миссии. Таким именно путем весной 1940 года экземпляр сводки с откровенным описанием трудного и ненадежного положения французского премьер-министра Даладье попал на письменный стол последнего. Посол Великобритании, наносивший визит вежливости французскому премьер-министру, оказался в весьма неудобном положении, когда Даладье достал из ящика своего стола эту оскорбительную статью и раздраженно положил ее перед послом, сопроводив свой жест гневными словами.

Через несколько недель французы прекратили сопротивление немцам и об этом инциденте забыли, но для начальника разведывательного управления ВМС эти недели были заполнены «ядовитыми остротами и желчью». Годфри упрекал и советник министерства иностранных дел, и один из руководителей министерства Кадоган, и, наконец, премьер-министр через Дадли Паунда.

Несмотря на эту неудачу, 19-й отдел продолжал делать все возможное, чтобы обеспечивать флот информацией, и стал с этой целью издавать новую, меньшую форматом и весьма удобную сводку под названием «Еженедельный информационный бюллетень», который укладывался в карман форменной фланелевой рубахи. Цвет этого авторитетного и надежного еженедельника менялся для каждого издания, и все надеялись, что это поможет забыть неудачу, постигшую информационную сводку предыдущего издания. А военно-морским атташе и зарубежным миссиям пришлось сообщить, что периодические информационные сводки больше не издаются.

Установить точно, насколько флот понимал и сознавал те огромные усилия со стороны разведывательного управления, которые оно предпринимало для своевременной информации личного состава о происходящих в мире событиях, очень трудно. Разумеется, мыслящие представители флота высоко оценивали эти усилия. Если бы с самого начала в этом отношении ничего не предпринималось, то позднее многие, вероятно, оценили бы эти усилия так же высоко. Возможно, что качество и регулярность обеспечивавшейся 19-м отделом информации воспринимались большинством как нечто само собой разумеющееся.

Честь признания и предвидения потребности в такой информации в будущем несомненно принадлежит Годфри. Как и всегда в своей деятельности, он исходил из воспоминаний о том, как он, будучи молодым офицером флота, чувствовал себя в окружающей обстановке в 1916 году. Если не считать передачу последних известий радиовещательной корпорацией Би-Би-Си, то во всем остальном проблема информации оставалась такой же. Офицеры и команды кораблей флота не будут читать английских газет целыми неделями; то, что они прочтут в газетах, пройдет через цензуру, будет ограничено в объеме и не даст той информации, в которой нуждается офицер флота для формирования своего суждения или для передачи знаний подчиненным. На основании чего же, в таком случае, у офицеров может формироваться правильный и сбалансированный взгляд на успехи и промахи? Каково в действительности положение дел в оккупированной Европе? Как и в каком направлении изменяются цели союзников в войне?

Следовательно, информационный документ должен представлять собой нечто среднее между сводкой разведывательных данных и еженедельным бюллетенем новостей, в котором необходимо было отражать правдивый, хорошо обоснованный конфиденциальный взгляд на воюющий мир и на то, как в нем защищаются интересы Великобритании, причем все это нужно было излагать особым, предназначенным для англичанина языком. Личный состав флота надо было знакомить с фактами о противнике, с позднейшими данными о его потерях в подводных лодках, о строительстве им новых подводных кораблей, о месте нахождения его крупных кораблей, о новом оружии и тактических приемах. Нужны были аэрофотоснимки баз противника. Они должны были показать, что мы знаем о нем и что

можем узнать. Иногда в информационном документе целесообразно было рассказать об успешных действиях на сухопутных фронтах, о выслеживании и потоплении немецких подводных лодок самолетами авиации берегового командования, о первых перелетах через Африку с запада на восток по новому воздушному пути на Ближний Восток, о стойкости воинов, обороняющих Мальту от массированных налетов немецкой авиации, об опасных действиях в прибрежных водах, имевших своей целью обеспечение снабжением 8-й английской армии в Ливии. Материалы такого характера, регулярно помещаемые в «Еженедельном информационном бюллетене», формировали личные взгляды офицеров и давали им знания, которые они использовали для ответов на вопросы подчиненных.

Гражданские сотрудники, работавшие в информационном отделе, очень гордились тем, что их знания и таланты нашли себе применение в военной организации.

В целях сохранения объективности помещаемой в бюллетене информации потребовалось принять ряд мер, направленных к тому, чтобы он не мог попасть тем, кому не предназначался. Бюллетень беспрепятственно могли получить американцы, но, кроме них, его никому не давали.

Но даже при таком порядке рассылки бюллетеней помещаемый в них материал иногда приводил к конфликтам с некоторыми старшими офицерами флота, которые возражали против тех или иных замечаний или описываемых фактов: оспаривалась, например, честь потопления какой-нибудь немецкой подводной лодки, выражалось несогласие с деталями описания какого-нибудь боевого эпизода, поступали возражения против тех или иных политических определений или, например, информации топографического характера. Когда у берегов Малайи в результате попадания шести японских торпед был потоплен линейный корабль «Принс ов Уэлс», этот факт соответственно отразили в бюллетене. Версия этой информации в том или ином виде появилась на страницах корабельных газет, доступных всем экипажам. Однако, поскольку упомянутый линейный корабль был построен с расчетом выдержать удар двенадцати торпед, информация была воспринята, во-первых, как вызов начальнику кораблестроения и вооружения ВМС и кораблестроительным фирмам и, во-вторых, как нежелательный удар по моральному духу экипажа однотипного корабля «Кинг Джордж V». Скептический упрек командующего Флотом метрополии адмирала Тови, позвонившего Годфри по телефону из Скапа-Флоу, явился для него первым сигналом по этому неприятному делу. Годфри признал свою вину, и на этом дело закончилось.

Убедить совет адмиралтейства в том, что в разведывательном управлении необходимо иметь специальный информационный отдел, стоило немалых трудов. Адмиралы, занимавшие руководящие посты, которые в любое время могли увидеть и узнать все, что пожелают, всегда недооценивали трудности и не хотели считаться с тем, что их подчиненные часто «не видели леса из-за деревьев». Младший офи-

цер флота, служивший, например, на каком-нибудь тральщике в заморском районе, желавший узнать, как в целом идет война, чтобы быть в состоянии отвечать на вопросы подчиненных, мог прочитать в информационном бюллетене такой материал и взять из него такие данные, которые не разрешалось публиковать ни одной газете. Аналогичным образом бюллетень держал в курсе всех событий на флоте и на море ответственных сотрудников Би-Би-Си, занимавшихся составлением пропагандистских радиопередач на территорию противника и в оккупированные его войсками страны, сотрудников различных департаментов Уайтхолла, персонал аппаратов дружественных нам военных и военно-морских атташе и др. Таким образом, значительный объем полезной и важной информации (за исключением совершенно секретной, конечно) в удобочитаемой форме доводился до сравнительно широкого круга лиц и в то же время не попадал в нежелательные руки. Однажды Хиллари Сондерс и Чарльз Морган задумали даже сделать свой еженедельник несколько более «веселым» с помощью иллюстраций, шуток, анекдотов, книжных обозрений и, возможно, даже с помощью помещения в нем «захватывающих» рассказов с концовкой «продолжение следует». Такой «новый подход» к бюллетеню понравился среднему звену офицеров на кораблях, однако адмиралы, и особенно командующий Плимутским районом, категорически запротестовали, и бюллетень снова стал «строгим».

То, что безопасность, то есть сохранение военной тайны, является неотъемлемой частью разведки и что цензура и ее противоположность — гласность должны поэтому контролироваться начальником разведывательного управления, в принципе неоспоримо. Если безопасность и разведку разделить, получится неразбериха. Однако если и то и другое подчинено одному человеку, он, несомненно, будет сильно перегружен. В феврале 1939 года Годфри этого не знал. Как и любого другого подготовленного штабного офицера на каком-то этапе его служебной карьеры, Годфри привлекла перспектива «управления» прессой, возможность «довериться» редакторам и журналистам и следить за тем, чтобы они получали всю необходимую информацию, в надежде на то, что в случае затруднений или чрезвычайных обстоятельств он сможет обратиться к ним и попросить о помощи. Это вполне обоснованный расчет, и иногда он оказывается правильным, но при условии, если политические руководители и вышестоящее командование ВМС предоставляют начальнику разведывательного управления полную свободу действий. В 1939 году Годфри переоценил возможности, и это является и поныне проблемой между Флит-стритом и Уайтхоллом.

По традиции начальник разведывательного управления отвечал и за цензуру, и за то, что публиковалось, и, следовательно, за сохранение военной тайны в широком смысле этого слова. Когда Годфри вступил в должность начальника управления, было предпринято несколько попыток изъять из его ведения отделение прессы и пе-

редать его непременному секретарю адмиралтейства, а также поставить разведывательное управление ВМС в такое положение, при котором оно не являлось бы связующим звеном между адмиралтейством и службой безопасности. Однако Годфри воспротивился этому, так как считал, что деятельность этих органов слишком близко касается начальника главного морского штаба и его заместителя, которых он, Годфри, собственно, и представлял. В условиях, когда вот-вот должна была начаться война, поручать руководство деятельностью этих органов несменяемым гражданским служащим было бы нецелесообразно. Итак, попытки эти успехом не увенчались, и Годфри приступил к осуществлению своего плана. Завязав личное знакомство со всеми редакторами и с некоторыми владельцами газет, он завоевал доверие журналистов с помощью откровенных и неофициальных пресс-конференций и создал своеобразный институт военно-морских корреспондентов на кораблях и в частях флота.

Происшедшая в мирное время авария с подводной лодкой «Тетис» в процессе приемочных испытаний показала адмиралтейству, что может случиться во время войны. Организация на случай какого-то крупного события на флоте оказалась несостоятельной, и никто точно не знал, где начинается и где кончается ответственность за публикацию тех или иных коммюнике и за ответы на вопросы корреспондентов. На адмиралтейство обрушились упреки и удары со стороны членов парламента, прессы и общественности. Годфри пишет:

> «Общественное мнение столь настойчиво требовало информации, а его способность критиковать была столь велика, что на какое-то время все, кто имел хоть какое-то отношение к этому событию, были вынуждены «все бросить» и сосредоточить свое внимание не столько на подъеме «Тетиса», сколько на сдерживании стремительного потока слов, который угрожал «стащить адмиралтейство с его якорной стоянки».

В результате этого эпизода, во-первых, был значительно усилен персонал отделения прессы под руководством капитана 1 ранга Брукинга, и, во-вторых, все убедились в том, что необходимо проводить неофициальные пресс-конференции. С целью ознакомления с методом проведения пресс-конференций Годфри присутствовал несколько раз на инструктаже Чарльза Пика в отделе печати министерства иностранных дел. Посоветовавшись с редакторами крупных газет и с директорами агентств Рейтер и Пресс Ассошиэйшн и с некоторыми другими работниками печати, Годфри начал проводить свои пресс-конференции в библиотеке или в большом конференц-зале. Такие конференции длились меньше часа, а когда началась война, на них иногда присутствовали также начальники отдела ПЛО, управления торгового судоходства и других управлений и отделов. На третьей по порядку конференции председательствовал сам Черчилль,

скорее — по мнению некоторых — как старый журналист, чем как первый лорд адмиралтейства.

Почувствовав вскоре, как много времени отнимает эта затея и как все это отражается на выполнении основных обязанностей по руководству управлением, Годфри подчинил информационный отдел и отделение прессы контр-адмиралу в отставке Макнамаре. Старший по рангу, весьма осведомленный и очень спокойный по характеру, этот человек оказался весьма ценным на таком посту, но его неожиданно направили в распоряжение командующего Норским военно-морским районом, который считал, что ему необходимо два или даже три начальника штаба. На освободившееся место назначили вице-адмирала Теодора Хэллетта (выбор Дадли Паунда), более живого человека, который недооценил заинтересованность первого лорда адмиралтейства в «управлении» прессой и поплатился за это.

Хэллетт имел обыкновение проводить пресс-конференции в министерстве информации в понедельник в утренние часы. Выбор дня недели оказался неудачным, ибо Черчилль любил выступать в передачах Би-Би-Си в среду и накапливал для таких выступлений пикантные новости, которые содержались иногда в информационных сводках и радиограммах. Когда Хэллетт «украл» у Черчилля такие новости в первый раз, ему следовало бы заметить «красный свет», несмотря на то что он сверкнул лишь на какое-то мгновение. Второй случай вызвал, по словам Годфри, «постоянный красный луч запрета», а третий — «пиротехническое представление».

> «Большего Черчилль вынести не мог. Состоялась неприятная встреча, в ходе которой на мою голову обрушился поток гневных слов. Утром следующего дня я был вынужден вызвать к себе Хэллетта и заявить ему, что первый лорд назначает его на флот, а отделение прессы становится отделом, подчиненным непосредственно первому лорду».

Хотя Годфри и сожалел об уходе из управления Хэллетта, эта буря и вызванное ею решение оказались тем, о чем говорят: не было бы счастья, да несчастье помогло. Адмирал Хэллетт завоевал себе огромный авторитет и славу на должности начальника управления подготовки морских десантных операций. Его место на посту начальника отдела прессы занял генерал-лейтенант морской пехоты Трипп, военная форма цвета хаки которого весьма озадачивала иностранных корреспондентов в министерстве информации, но зато недоразумения и конфликты, связанные с отделом прессы, пошли на убыль.

Не меньше беспокойства в эти первые недели и месяцы войны доставили начальнику разведывательного управления ВМС настойчивые приказания первого лорда морскому штабу приступить к планированию операции «Кэтрин». Черчилль предлагал дополнительно вооружить устаревшие линейные корабли типа «R» и осуществить

на них рейд в Балтийское море под самым носом немецких военно-воздушных сил. Идея такой операции строилась на предположении (оно основывалось на опыте гражданской войны в Испании) о том, что зенитная артиллерия кораблей вполне справится без помощи истребительной авиации с немецкими обычными и пикирующими бомбардировщиками. Считая предложение и предположение Черчилля совершенно нереалистичными, начальник управления оперативного планирования (сначала Дэнквертс, а затем Дэниэль) настойчиво возражал премьер-министру, но без существенной поддержки со стороны Паунда. В этом споре от начальника разведывательного управления потребовали заключения. Фактически он был вынужден выделить на планирование операции «Кэтрин» своего заместителя как раз в такое время, когда последний был больше всего нужен в управлении.

В дополнение ко всему прочему на начальнике разведывательного управления лежала весьма деликатная ответственность за безопасность и за сохранение военной тайны в ВМС. Эту задачу Годфри решал через своего специального заместителя и его аппарат. Как только началась война, начальник управления убедился, что ему приходится иметь дело с некоторыми совершенно незнакомыми проблемами безопасности: необходимо было сделать так, чтобы 5-й отдел не относился слишком строго к крупным техническим специалистам с довольно либеральным политическим прошлым, которых намеревались принять для работы на объектах ВМС; искоренить неучтивость, допускаемую офицерами всех рангов, включая одного героя первой мировой войны; положить конец бунтам и саботажу на кораблях и в береговых частях ВМС. (К июлю 1940 года с кораблей было получено тридцать одно донесение о случаях саботажа, сорок — с фабрик и заводов и двенадцать — с других объектов, работавших на ВМС, но только семь из них были признаны саботажем «в интересах противника».) Когда служба безопасности возбуждала дело против служащего ВМС, в обязанности начальника разведывательного управления входило представить совету адмиралтейства свои соображения и предложения и проследить за тем, чтобы они, если их утвердят, были проведены в жизнь. Много хлопот доставляли опасные разговоры и сплетни. В июне 1940 года Годфри был вынужден разослать в шестьдесят пять адресов в адмиралтействе следующую директиву с упреком:

> «В ходе расследований, проведенных в течение последних трех месяцев, службой безопасности обнаружено слишком много лиц, информированных или случайно узнавших о предстоящих секретных операциях, а также прискорбно большое количество случаев безответственной болтовни по совершенно секретным вопросам. Элементарное правило — передавать информацию только тем, кого нельзя оставить в неведении во избежание провала, — очень часто не соблюдается».

ГЛАВА 4

Прежде чем рассмотреть некоторые операции, в которые было вовлечено разведывательное управление ВМС, необходимо сказать несколько слов о самом характере начавшейся 3 сентября 1939 года «радиовойны» и о работе поста слежения за движением немецких подводных лодок.

Война умов с помощью радио, длившаяся в течение шести лет на Атлантике и на других океанах, началась еще в 1936 году в Красном море. Если гражданская война в Испании дала немцам, итальянцам и русским возможность испытать и проанализировать результаты бомбардировки с пикирования, новую тактику пехоты и позднейшие виды боеприпасов, то нападение Италии на Абиссинию предоставило немецкой дешифровальной службе возможность снять первый «урожай» в результате обработки радиообмена английских военно-морских сил. Не будет преувеличением сказать, что подготовительные мероприятия адмиралтейства к применению санкций против Муссолини привели к тому, что через три года английскому военно-морскому и торговому флотам пришлось начать войну с гитлеровской Германией в весьма тяжелых и невыгодных условиях. Это не будет преувеличением потому, что бо́льшая часть радиообмена по вопросам о том, что должны были делать военные корабли и какие конвои запланированы (их маршруты, места сосредоточения судов, время отбытия и прибытия, различные коррективы планов), читалась немецкой службой радиоперехвата и дешифрования, анализировалась и накапливалась немецкой военно-морской разведкой и передавалась органам, занимавшимся оперативным планированием боевых действий подводных лодок, надводных рейдеров и авиации дальнего действия. Правда, это трагическое и потрясающее нарушение скрытности связи было полностью устранено к лету 1943 года, однако почти в течение четырех критических лет адмирал Дениц снимал богатый урожай потопленных судов с грузами. Лишь в одной Северной Атлантике суммарное водоизмещение потопленных судов составило 11,5 миллиона тонн, не говоря уже об унижении и потерях, понесенных нами в ходе Норвежской кампании 1940 года и в других районах.

Как же это произошло?

В период между октябрем 1935 и июнем 1936 года несколько кораблей Ост-Индийского флота, базировавшихся на Аден, наблюдали за районом Красного моря и за итальянскими приготовлениями к вторжению в Абиссинию. Поскольку эти корабли находились, по существу, на военном положении, радиопереговоры открытым текстом с командующим Средиземноморским флотом в Александрии прекратились, и корабли стали вести радиообмен, используя шифры и коды, которые предназначались для всех военно-морских сил на военное время. Поскольку корабли находились в ограниченном районе и для совершенно очевидных целей и поскольку их названия были легко доступны агентуре на берегу (или даже из лондонской прессы), их ежедневный радиообмен служил прекрасным материалом для перехвата и анализа дешифровальной службой. Расшифровать позывные сигналы было совсем нетрудно: основные слова и фразы повторялись регулярно. Из Александрии в Аден направили капитан-лейтенанта интендантской службы для организации снабжения в базе, но его пришлось переключить на другую работу с целью наведения порядка в шифровальной и дешифровальной службе на кораблях, в которых из-за долгого отсутствия практики в этом деле царил невообразимый хаос. Однако потом коды и шифры изменили так мало (регулярная смена шифров и кодов — первое правило против разгадывания их противником), что шифровальщики и офицеры знали значение некоторых цифровых сочетаний наизусть. «Несмотря на то что прошло тридцать с лишним лет, я помню их, — сказал один офицер автору, — 7761 означало «абзац»; 4834 — «точка». Из-за повторяемости эти значения «оседали» в памяти офицеров, из-за нее же они «оседали» в картотеках будущих противников. В этом мы убедились при изучении в 1945 году немецких архивов.

Как раз в то время — в середине тридцатых годов — американцы начали отказываться от использования шифров, изготовленных вручную, и переходить на шифровальные машины, которые обеспечивали высокую степень безопасности скрытой связи и работу которых можно было распознать только с помощью очень сложной электронной аналитической техники. Военно-морской историк тридцатых годов решил бы очень трудную задачу, если бы установил точно: почему, на основании каких аргументов или из каких опасений английский военно-морской штаб не пожелал в те дни произвести аналогичную перемену на своем флоте. В армии и в ВВС уже начали испытывать шифровальную машину типа «X», изготовленную в Англии; фактически к 1937 году эту машину производили в ограниченном количестве для ВВС. В то время никому в голову не пришла мысль о необходимости объединить усилия и технические достижения в этой области всех трех видов вооруженных сил или использовать унифицированное для всех радиооборудование, или предпринять совместные шаги с целью усиления безопасности скрытой связи. Правда, наши специалисты по кодам и шифрам работали под общим руководством, которое, по идее, должно было учитывать потребности всех министерств и служб; однако представляется вполне

вероятным — и это можно понять, — что руководство было меньше озабочено безопасностью своей скрытой связи, чем изысканием возможностей раскрыть и читать скрытую связь других стран. В конце концов в первой мировой войне дешифровальщики (главным образом под руководством начальника морской разведки) достигли поразительных успехов, поэтому имелись все основания продолжать усилия в этом направлении.

Как бы то ни было, создается впечатление, что безопасность скрытой связи рассматривалась многими старшими офицерами как нечто относящееся к обороне и поэтому не имеющее особенно важного значения и не представляющее особого интереса. Лорд Маунтбэттен, являвшийся выдающимся специалистом по связи и новатором в этой области, рассказывает о своей попытке в 1936 году изменить взгляды адмиралтейства на эти проблемы. В то время он был капитаном 3 ранга в управлении авиации ВМС. Путем официальных докладов и неофициальных переговоров он пытался заинтересовать другие управления идеей о том, что используемые адмиралтейством методы обеспечения безопасности скрытой связи, несомненно, устарели и что тайна связи, возможно, нарушается. Он не считал, что в то время имела место значительная утечка информации, но был озабочен войной, которая, вероятно, разразится в ближайшие пять лет. Ничего не добившись «через обычные каналы», Маунтбэттен решил обратиться к начальнику кораблестроения и вооружения ВМС адмиралу Гендерсону. Однажды, проводя конец недели в Суссексе, после продолжительных разговоров и споров Маунтбэттен убедил адмирала Гендерсона в том, что американцы обгоняют англичан в области шифровальных машин, что адмиралтейство, следовательно, должно коренным образом пересмотреть положение со скрытой связью и что наилучшим началом в этом направлении было бы купить четыре или пять машин типа «X», с которыми проводят опыты ВВС. Адмирал Гендерсон последовал этому совету и приказал провести испытания машин в море. Однако вскоре к нему поступили доклады о том, что машины отказывают в условиях плохой погоды, что они могут выйти из строя и подвести, что они очень сложны и т. п. Маунтбэттен придерживался мнения, что при испытаниях имел место самый обыкновенный саботаж, что еще раз подтвердился старый гибельный консерватизм адмиралтейства в технических вопросах и что именно поэтому дело не продвинулось ни на шаг вперед. Не удивительно поэтому, что американцы, когда они вступили через пять лет в войну, были крайне обеспокоены и раздражены той системой скрытой связи, которой пользовались англичане («требует массы времени, старомодная и опасная» — так отозвался о ней один американский штабной офицер в разговоре с представителем разведывательного управления ВМС Великобритании). Тем не менее, несмотря на громоздкость и неудобства, английские шифры были приняты как безопасные.

В оправдание лордов адмиралтейства необходимо сказать, что очень немногие из старших офицеров того времени видели собственными глазами, как ловко дешифровальные службы могли распра-

виться с секретами и тайнами связи на флоте. Методы и результаты работы комнаты 40 во время первой войны против Германии были известны очень немногим; то один, то другой старший морской офицер задавался вопросом, сможет ли дешифровальная служба повторить свой успех в случае новой войны, но вся эта работа уже не находилась больше под исключительным контролем ВМС. Более того, очень многие в ВМС считали, что если во время операции корабли будут соблюдать строгое радиомолчание, то будет сделано все необходимое, чтобы «оставить безработными» станции радиоперехвата и дешифровальную службу противника. Когда Годфри стал в 1939 году начальником разведывательного управления, один из его собственных старших офицеров радиоразведки оспаривал целесообразность содержания сил и средств радиоразведки, поскольку, по его мнению, немцы и итальянцы будут соблюдать во время войны радиомолчание и это положит конец всем планам использования радиопеленгаторных станций, прокладке на карте движения кораблей противника и т. п. Такое отношение к этим вопросам кажется сейчас глупым, если не сказать больше, но подобная аргументация того времени станет понятной, если вспомнить, что в шестидесятых годах можно было услышать, как достаточно образованный, но не подготовленный в специальных вопросах человек высмеивал возможность использования в разведывательных целях летающих по орбитам искусственных спутников Земли.

Когда началась война, все изменилось. Кодирование и шифрование, раскодирование и расшифрование стали неотъемлемой составной частью дневной и ночной работы на борту сотен английских военных кораблей и торговых судов, разбросанных по всему миру. Нарушение безопасности шифров могло означать теперь смерть и беду, а не только выговор, который получали в таких случаях на учениях мирного времени. Вопрос состоял теперь не в том, слушает и перехватывает ли противник наш радиообмен; мы были абсолютно уверены, что он делает это. Когда мы посылали подводные лодки в опасные районы, туда, где их могли потопить и поднять или повредить и захватить, разведывательное управление обязано было убедиться в том, что на них находится минимум секретных документов и что коды и шифры, используемые ими для связи с базой, в случае возможной компрометации в результате боевых действий можно немедленно изъять из употребления. В апреле 1940 года в известном морском бою в районе Нарвика получил повреждения и выбросился на берег Уфут-фьорда эсминец «Харди», и на его борт попали немцы. Поскольку такой случай был не первым, 10-й отдел разведывательного управления ВМС, отвечавший за безопасность скрытой связи, был вынужден разослать на корабли соответствующие указания об аннулировании действующих документов, и это на длительный период парализовало связь на флоте. 10-й отдел поступил именно так, потому что вынужден был предположить, что весь комплект кодов и шифров командира флотилии эсминцев попал в распоряжение дешифровальной службы противника. Немецкий военно-морской архив

показывает, что фактически этого не произошло, но в 1940 году такое предположение было для адмиралтейства единственным, гарантирующим безопасность скрытой связи. Совершенно случайно меры, принятые адмиралтейством в связи с этим эпизодом, доставили немецкой дешифровальной службе первые с начала войны серьезные неприятности и затруднения. Тем не менее и в этом, и в других подобных случаях сотни английских кораблей в метрополии и на заморских театрах необходимо было обеспечить посредством специальных курьеров тысячами новых кодовых книг и шифровальных таблиц, чтобы запутать и поставить в тупик дешифровальщиков в Берлине.

Разведывательное управление ВМС сознавало, что английские малонадежные шифры, вероятно, будут разгаданы. И действительно, в армии и в ВВС они были разгаданы обеими сторонами. Там, где требуются незамедлительные действия, где решаются скорее тактические, а не стратегические задачи, где приходится иметь дело с большим количеством получателей в штабах низшего звена, попытки использовать надежные системы шифра себя не оправдывают. Поэтому подслушивание и запись слабо закодированных переговоров, ведущихся то ли торговыми судами, то ли танками, то ли самолетами, хотя и считались само собой разумеющимися, переговоры такие тем не менее разрешались. Однако при этом постоянно существовала опасность того, что те или иные командные инстанции, получив совершенно секретную оперативную или разведывательную информацию, зашифрованную шифрами высокой надежности, могли передать ее нижестоящим инстанциям, пользуясь менее надежными системами шифра. Такие ошибки могли предоставить дешифровальной службе противника (если она располагала достаточным штатом) необходимый материал, чтобы по уже раскрытым шифрам малой надежности со временем раскрыть и шифры высокой надежности со всеми вытекающими отсюда последствиями для безопасности последних. Во время войны это произошло с шифрами обеих сторон, и адмиралтейство вряд ли можно было винить за допущение такого риска. Впрочем, когда после 1942 года мы начали проводить крупные операции, в которых существенную роль играл фактор внезапности и в которых участвовало огромное количество кораблей и войска большой численности, то и такой «позволительный» риск, казалось, был исключен путем огромных усилий, направленных на повышение бдительности людей и упорядочение методов и процедуры скрытой связи. Эти усилия оказались настолько эффективными, что были для немцев не только неожиданными, но и поставили их в тупик.

Еще в начале 1940 года сотрудники 10-го отдела разведывательного управления ВМС стали проявлять все возраставшее беспокойство по поводу того, что унаследованная ими организация не отвечает своему назначению. Сами они вовсе не были дешифровальщиками — создание кодов и шифров и раскрытие их не входило в задачи ВМС, — но с помощью своих коллег в оперативных и разведывательных органах они могли видеть и анализировать события, которые показывали, что немцам известно о передвижении английских

кораблей и намерениях командования ВМС, причем эти знания никак не могли явиться ни результатом воздушной разведки, ни результатом обнаружения кораблей в море. Очевидно, те в немецком штабе руководства войной на море, кто отвечал за действия подводных сил и другие операции флота, прилагали невероятные усилия, чтобы не обнаружить поступление достоверной информации; тем не менее совпадения имели место все чаще и чаще. Появление немецкой подводной лодки, способной идти со скоростью не более шести узлов, на курсе одиночного быстроходного судна, следующего со скоростью пятнадцать узлов и поддерживающего строгое радиомолчание с момента выхода из порта; воздушная атака эскадры крейсеров Флота метрополии в условиях и обстановке, при которых обнаружение кораблей воздушной разведкой до атаки было исключено; сосредоточение большого количества подводных лодок на пути следования хорошо охраняемого конвоя — все это были «совпадения», которые снова и снова заставляли офицеров разведывательного управления задаваться вопросом: почему же такое происходит? Стремление объяснять такие случаи совпадениями, а не утечкой информации, было довольно сильным. Известно, что военнопленные офицеры — наиболее вероятный источник раскрытия успехов разведки противника. Однако, насколько известно автору, допрос военнопленных офицеров в то время никаких указаний на такой успех не давал; почти до самого конца войны ничего подобного не обнаруживалось и из захватываемых документов. Деятельность немецкой службы дешифрования была столь же засекречена, сколь и успешна.

Независимо от непрерывного обсуждения проблем безопасности скрытой связи, что происходило в управлении и отделах связи, а также в оперативно-информационном центре, попытки проникнуть в тайну шифров иногда предпринимались талантливыми офицерами-шифровальщиками, потратившими многие часы на разгадывание используемых кораблями шифров, однако заметных успехов в этом деле добились лишь тогда, когда начали проводить крупные морские десантные операции. Чтобы затруднить работу дешифровальной службы противника, изобрели новые устройства и методы скрытой связи, и, как теперь известно из немецких документов, скрытая связь в более поздних крупных наступательных операциях оказалась совершенно неприступной для немецких дешифровальщиков. Выдающейся в этом отношении была операция «Торч» — высадка в ноябре 1942 года союзных войск в Северную Африку. Это была одна из тех операций, сохранение фактора внезапности в которых представлялось наименее вероятным. Высадить сначала 90 000 человек, а позднее еще 200 000 со всем их имуществом, снаряжением и оружием на предположительно враждебную территорию, перебросив войска на расстояние 1500 миль из Великобритании и 3000 миль из Соединенных Штатов в район, где свободно могла действовать немецкая и итальянская разведывательная авиация, базирующаяся на Сицилию, да еще при условии, что конвои формировались и авиация сосредоточивалась, можно сказать, на глазах испанцев в Гиб-

ралтаре — все это оказалось возможным лишь потому, что до самого последнего момента противник не имел никакого представления относительно конечного назначения сосредоточиваемых сил. Что силы находились в районе Средиземного моря или что они шли туда — скрыть было невозможно. Но для какой цели это делалось? Малейший намек мог выдать все планы. Только абсолютная безопасность скрытой связи обеспечила сохранение тайны стратегического замысла.

Однако то, что оказалось возможным сделать во время операции «Торч» и позднее, во время проведения еще более крупных операций, таких, как «Нептун» в проливе Ла-Манш, нельзя было сделать для союзных военно-морских операций в более ранний период. Поэтому нам придется возвратиться назад и проследить основные этапы радиовойны — войны умов между двумя военно-морскими флотами.

История начинается с кода, который английские ВМС использовали еще с 1934 года для административной (а не оперативной) связи и который был скомпрометирован во время событий в Красном море. (О них уже говорилось.) К 1938 году немцы уже раскрыли и имели в своем распоряжении значительную часть кода. Однако в дешифровальной службе немцев было слишком мало людей, чтобы раскрыть и тот шифр, который англичане использовали для оперативной связи. К тому же в августе 1939 года, за десять дней до объявления войны, адмиралтейство приняло некоторые меры предосторожности, сильно затруднившие работу немецких дешифровальщиков. Тем не менее в течение следующих шести недель немцы добились существенного успеха и получили возможность читать небольшую часть интересующих их шифрованных радиограмм, особенно тех, которые касались движения кораблей и судов в Северном море и в проливе Скагеррак. Немцы узнали строго охраняемую нами тайну использования бухты Лох-Ю в качестве базы Флота метрополии. Когда крупные немецкие корабли вышли в Атлантику и в ноябре 1939 года «Шарнхорст» потопил «Равалпинди», немцы были в состоянии прочитать множество наших радиограмм, прошедших через эфир в связи с контрмерами Флота метрополии.

Но худшее было еще впереди. Весной 1940 года, во время триумфа нацистов в Норвегии, а позднее и во Франции, немецкая дешифровальная служба обеспечила возможность заранее узнавать практически все, связанное с действиями наших сил в Норвегии и у побережья этой страны: ей удавалось в этот период расшифровывать и читать от тридцати до пятидесяти процентов радиообмена наших ВМС. Кроме того, немецкое командование располагало точнейшей информацией о диспозиции кораблей Флота метрополии. Немецкий штаб руководства войной на море лишился такой информации в августе 1940 года, после того как адмиралтейство сменило и административный и оперативный коды и шифры. Это означало некоторый перерыв и известные трудности для немецкой дешифровальной службы, штаты которой непрерывно расширялись. Постепенно немцы

начали приближаться к раскрытию новых систем шифров, но в январе 1941 года перед ними возникло новое препятствие: по предложению 10-го отдела разведывательного управления ВМС в методы и порядок скрытой связи были внесены некоторые изменения. В течение четырех последовавших недель противник не мог прочитать ни одной радиограммы; после еще одного месяца немецкие дешифровальщики опять напали на след, но прежних успехов добиться уже не смогли. К сожалению, дальнейшие изменения, произведенные в сентябре 1941 года и имевшие своей целью еще больше затруднить работу немецкой дешифровальной службы, кажется, наоборот, облегчили ее. К началу 1942 года дешифровальщики противника снова достигли прежних вершин и поставляли Деницу и Редеру неоценимую информацию.

На основании немецких архивов теперь установлено, что к тому времени, когда адмиралтейство сменило коды и шифры, штаб немецких подводных сил получал от дешифровальной службы следующую информацию, основанную на чтении более 2000 радиограмм в месяц.

(а) Время прибытия атлантических конвоев в прибрежные воды Великобритании и данные о распределении прибывших судов по портам назначения. На основании этого представлялось возможным делать далеко идущие заключения о времени выхода и прихода конвоев.

(б) Информация об успехах эскортных сил, об атаках немецких подводных лодок, причиненных им повреждениях или потоплении.

(в) Районы подхода конвоев или одиночно следовавших судов.

(г) Представление о количестве одиночно следовавших судов.

(д) Информация о метеорологических условиях со всех океанов.

Прежде чем перейти к описанию дальнейших событий, необходимо указать на следующее: обеспечить безопасность скрытой связи и прекратить утечку информации — необычайно трудоемкая, выполняемая неделя за неделей, месяц за месяцем административная задача. Так, например, печатание кодов (часть издательства Оксфордского университета была занята этим в течение всей войны) — само по себе очень большое дело, но кроме того, отпечатанные книги и таблицы необходимо было, соблюдая особые меры секретности и безопасности, рассылать с курьерами на все корабли флота. Эта функция была одной из многих функций административно-строевого управления адмиралтейства. Чтобы в условиях военного времени в течение нескольких недель разослать шифры на корабли, разбросанные по семи морям и океанам, нужно было иметь весьма четко действующую организацию, и этого не следует забывать никаким критикам. О том, чтобы проводить такое мероприятие без особой нужды, не могло быть и речи. Обсуждая после войны встававшие перед

англичанами трудности, сотрудники немецкой дешифровальной службы искренне восхищались настойчивостью, с которой эти трудности преодолевались.

Тем не менее история шифра, которым пользовались главным образом для обеспечения конвойных операций в Атлантике, прискорбна. После того как в октябре 1941 года в этих операциях начали играть активную роль Соединенные Штаты, объем радиообмена в связи с ними, естественно, значительно возрос, и немцы вскоре заметили это. Этот радиообмен легко отличался от других по характерным позывным сигналам и потому еще, что он происходил почти исключительно между силами охранения конвоев. Используемый в этом радиообмене шифр немецкая дешифровальная служба назвала «конвойным шифром». К февралю 1942 года немцы уже достигли значительного прогресса в раскрытии «конвойного шифра» и читали бо́льшую часть зашифрованных им радиограмм, которые относились не только к североатлантическим конвоям. В период между февралем 1942 года и июнем 1943 года (когда эту систему шифра заменили другой, которую немцы так никогда и не раскрыли) немецкий штаб руководства войной на море регулярно получал и читал передававшуюся адмиралтейством во многие адреса ежедневную сводку о диспозиции подводных лодок противника. Это, несомненно, давало немецкому командованию представление о том, что думали о планах и возможностях Деница руководители английского поста слежения за движением подводных лодок противника и командование оперативно-информационного центра адмиралтейства. К счастью, более детальные и более секретные радиограммы адмиралтейства шифровались другой системой шифра, которую немецкая дешифровальная служба так никогда и не разгадала. Этот специальный шифр использовался для связи командующего Флотом метрополии с командующим силами округа западных подходов к Англии.

Между тем немецкой дешифровальной службе удалось раскрыть еще один шифр, используемый в битве за Атлантику. К октябрю 1942 года они уже знали бо́льшую часть этого шифра и читали радиообмен с конвоями настолько быстро, что Дениц иногда получал информацию о предстоявшем движении судов за десять—двадцать часов до фактического осуществления того или иного маневра. Эта информация дополнялась той, которую немцы без труда извлекали из чтения повседневного радиообмена между командованием округа западных подходов и Галифаксом, а также из радиопереговоров по коду для торговых судов. Раскрытие кода для торговых судов явилось прямым следствием соблюдавшейся английским правительством экономии и господствовавшего убеждения, что «войны больше не будет», это и привело в конечном итоге к такому положению, при котором наш огромный торговый флот вступил в борьбу с немецкими подводными силами, не располагая средствами надежной скрытой связи.

Дениц и его подводные лодки пользовались не только этой информацией. До июня 1942 года наши силы не располагали каким-то

специальным шифром для связи между тремя видами вооруженных сил в таких совместно проводимых операциях, как операция в Норвегии, или позднее в рейдах на Дьепп и Сен-Назер. Вместо специального шифра в таких случаях использовалась шифр-система для связи различных постов видов вооруженных сил с отделениями министерства иностранных дел в доминионах и в колониях. Немцы быстро раскрыли эту систему, и, поскольку она использовалась консульствами для донесений о движении судов в нейтральных портах, они легко узнавали о маршрутах одиночно следовавших судов, о некоторых мерах английских ВМС, предпринимавшихся для борьбы с вооруженными немецкими рейдерами. К счастью, в ноябре 1941 года это стало вызывать подозрения в Уайтхолле, и для береговых военно-морских властей была введена новая шифрсистема.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что успех немецкой дешифровальной службы в раскрытии тактических кодов и шифров английских ВМС был переменным, поскольку зависел от количества перехваченных радиограмм в тот или иной период проведения операции и от длительности периода действия того или иного шифра. Так, например, немцы очень редко могли заблаговременно извлечь информацию о передвижении военных кораблей. В операции «Торч» в ноябре 1942 года был использован специально изданный для этой операции шифр, и немцы не смогли раскрыть его; не прочитали они ни одной радиограммы и во время операций Флота метрополии, приведших к потоплению «Шарнхорста» у норвежских берегов в декабре 1943 года. Они перехватили около тридцати радиограмм Флота метрополии, но, несмотря на то что применявшийся при этом шифр доживал последние дни, им не удалось расшифровать ни одной из них. Попытки раскрыть этот шифр предпринимались немцами до 10 января 1944 года, но безуспешно. Еще один пример успешного применения шифра имел место при высадке в Анцио в январе 1944 года. Здесь также был использован специально изданный на операцию шифр, и немецкой дешифровальной службе, несмотря на то что она перехватила 158 радиограмм, раскрыть этот шифр не удалось.

Однако на последних стадиях войны успех немецкой дешифровальной службы в раскрытии тактических кодов и шифров снова повысился. Возможно, это объясняется тем, что боевые действия надводных кораблей и авиации союзников в битве за Атлантику к этому времени значительно активизировались и число контактов с немецкими подводными лодками, следовательно, возросло. В эфир стали отправлять значительно больше тактических донесений, и это давало немцам возможность извлекать ценную информацию о наших противолодочных операциях и о прибрежных конвоях. Немцы утверждают, что в этот период им удавалось читать до 1500 радиограмм в месяц, а такое количество, по мнению наших специалистов, удивительно велико. Однако летом 1944 года еще один ценный источник информации о маршрутах конвоев перестал приносить плоды немецкой разведке: союзники ввели новый, значительно более на-

дежный шифр для связи с судами конвоев. Все попытки немцев раскрыть этот шифр успехом не увенчались.

Как противник использовал информацию, извлекаемую из радиоперехвата и дешифрования, и насколько ценной она была для командиров подводных лодок, хорошо видно на специфическом примере проводки конвоев HX.229 и SC.122, которым пришлось вести длительную борьбу с большой группой немецких подводных лодок в период с 16 по 19 марта 1943 года, то есть как раз перед тем как инициатива в битве за Атлантику перешла на сторону союзников. До первой атаки лодками этих конвоев штаб немецких подводных сил прочитал шестнадцать радиограмм, в которых содержалась заблаговременная информация о движении обоих конвоев. Особенно важными среди них были радиограммы, отправленные в 22.10 4 марта и в 19.32 13 марта. В первой сообщались подробности океанского маршрута для конвоя HX.229 и для отставших от него одиночных судов, а во второй обоим конвоям давался приказ уклониться от маршрута на основании данных о диспозиции немецких подводных лодок, сообщенных оперативно-информационным центром адмиралтейства. Хорошо информированный штаб немецких подводных сил сосредоточил для атаки этих конвоев сорок подводных лодок, и это закончилось для союзников потерей двадцати одного судна суммарным водоизмещением 140 000 тонн, в то время как немцы потеряли всего одну подводную лодку. Официальный английский военно-морской историк назвал это «серьезным бедствием для дела союзников». В главе, где описывается это событие, капитан 1 ранга Роскилл цитирует заключение английского морского штаба: «Немцы никогда не были столь близки к полному нарушению коммуникаций между Новым и Старым светом, как это им удалось в первые десять дней марта 1943 года».

В том, что период ужасных потерь и кризисов с удивительной быстротой сменился периодом триумфального контрнаступления, в результате которого к июню 1943 года немецкие подводные лодки были вынуждены уйти из Северной Атлантики, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что с этого времени и впредь немецкая дешифровальная служба перестала обеспечивать подводные силы информацией, к которой они так привыкли. Именно в июне 1943 года была введена в действие новая система шифра, решившая многие проблемы для ВМС. Постоянно и настойчиво проводившиеся адмиралтейством меры по обеспечению безопасности скрытой связи увенчались наконец успехом. Дениц признал поражение своих подводных сил 24 мая, когда «приказал подводным лодкам перейти в район к юго-западу от Азорских островов, соблюдая при этом чрезвычайные меры осторожности». Ежемесячные потери немецких подводных сил в процентном отношении к количеству действовавших в море лодок стали резко увеличиваться: с 3,9 процента в первой половине 1942 года до 9,2 процента в первой четверти 1943 года.

В отличие от многих других командующих во второй мировой войне, Дениц не скрывал и не преуменьшал роли и значения дешиф-

ровальной службы разведки, особенно в свете того, что немецкая авиация не смогла обеспечить воздушную разведку на большом удалении от баз. Дениц пишет в своих мемуарах:

> «Я уже несколько раз упоминал о замечательной работе немецкой дешифровальной службы, которой неоднократно удавалось раскрывать шифры противника. В результате командование подводных сил читало не только английские радиограммы и указания конвоям о маршруте движения, но и сводку адмиралтейства о диспозиции немецких подводных лодок (в январе и феврале 1943 года), которая ежедневно передавалась по радио командирам конвоев и в которой указывались известные английской разведке и предполагаемые места нахождения немецких лодок в различных районах».

Содержащиеся в этих сводках данные, продолжает подчеркивать Дениц, являлись для него весьма ценным материалом, который позволял представить, что́ именно было известно английской морской разведке (то есть оперативно-информационному центру) о диспозиции немецких подводных лодок и с какой степенью точности она определяла места и районы их действий. Другими словами, передававшиеся на корабли и суда сводки адмиралтейства, содержавшие результаты анализа и умозаключений работников разведывательного управления ВМС, использовались немцами для контроля за безопасностью своей скрытой связи и радиообмена, обеспечивавшего управление действиями подводных лодок. Поскольку действиями любой немецкой лодки в Атлантике управляли из центра на суше и поскольку сосредоточение лодок для атаки конвоев производилось Деницем на основе донесений с этих лодок, постоянно существовала реальная опасность того, что интенсивный радиообмен между лодками в море и центром на суше может оказаться таким же доступным и ценным для англичан, каким был английский радиообмен для немцев. Небольшая группа из шести офицеров в штабе Деница в процессе ведения наступательной разведки непрерывно вела и оборонительное наблюдение за действиями англичан, будь то действия эскортных сил, или действия сил поддержки, или действия по отклонению конвоев от ожидавших их волчьих стай, или действия прикрывающей конвой авиации. Немецкая разведка внимательно следила за любым признаком того, что англичанам удавалось заблаговременно устанавливать место нахождения немецких кораблей, когда эту информацию нельзя было отнести на счет обыкновенного радиопеленгования или воздушной разведки или на счет логических расчетов и умозаключений опытных сотрудников морской разведки, внимательно следивших за разведывательной картой обстановки в Северной Атлантике.

Такое наблюдение убедило немецкий штаб в том, что их дешифровальная служба намного опередила дешифровальную службу

английской разведки и настолько же искусно изобретала надежные коды и шифры, насколько искусно раскрывала их. В этой связи стоит привести нижеследующие слова Деница:

> «За исключением двух-трех сомнительных случаев, выводы англичан основывались на легко доступной для них информации о наших подводных лодках, на данных радиопеленгования работы их радиостанций и на данных прокладки движения лодок в сочетании с вполне осуществимым процессом логической дедукции. Наиболее важный результат нашего исследования — неоспоримое доказательство того, что с помощью оснащенной радиолокацией авиации противник способен с достаточной точностью вскрывать диспозицию наших подводных сил и соответственно изменять направление движения своих конвоев».

Это было написано Деницем в 1944 году, когда немецкие подводные лодки потерпели поражение. В 1941 году штаб Деница, еще не добившийся таких больших успехов в дешифровании английского радиообмена, каких он достиг в последующие годы, был менее уверен в безопасности своей скрытой связи; о периоде 1941 года Дениц пишет:

> «Читал ли противник наш радиообмен, и если да, то в какой степени,— установить уверенно, несмотря на все наши усилия, нам не удалось. Во многих случаях резкое изменение курса конвоя наводило нас на мысль, что противник делал это. В то же время было много и таких случаев, когда, несмотря на оживленный радиообмен подводных лодок в определенном районе, одиночно следовавшие суда противника и даже конвои шли прямо в тот район, где только что были потоплены суда или даже имел место бой с атаковавшими конвой подводными лодками».

На более поздних этапах войны, когда успехи в дешифровании английского радиообмена сошли на нет, немецкая разведка стала проявлять большее беспокойство относительно надежности своей скрытой связи. Мучительно переживая свою неспособность предсказать район высадки союзников во Франции в июне 1944 года, немецкая разведка, естественно, еще больше обеспокоилась возможностью того, что англичане добились успеха в дешифровании скрытой связи немцев, которая до этого была, несомненно, более совершенной и более механизированной, чем английская. Экипажи немецких подводных лодок начали проявлять все возраставшее беспокойство в связи с тяжелыми потерями в подводных силах. Архивные материалы противника показывают, что в июле 1944 года, через месяц после вторжения союзников в Нормандию, немецкая разведка утверждала следующее:

«Современное положение характеризуется серьезной тревогой экипажей подводных лодок, вызванной неудовлетворительным ходом боевых действий. Однако каких-либо прямых доказательств ненадежности наших шифров нет... Случаи предательства, которые произошли до настоящего времени и которые обсуждали в ВМС, с нашими главными шифрсистемами связаны не были».

Описание немцами огромного успеха, достигнутого союзниками с помощью радиопеленгования, заканчивается почти абсолютной уверенностью в себе и в непогрешимости своей скрытой связи: «Надежность шифров, используемых в нашей скрытой связи, очень высокая». Принимая во внимание, что это глубокое исследование надежности скрытой связи проводилось под руководством специалиста ВМС по связи, такое хвастовство не удивительно. Экспертов всегда с большим трудом удается убедить в том, что они не правы.

Такая излишняя самоуверенность противника объяснялась и еще одним фактором. Немцы всегда отставали в развитии радиолокационной техники и поэтому имели тенденцию приписывать английским кораблям и самолетам безграничные возможности дальнего обнаружения. Кроме того, из-за ревнивого отношения Геринга к ВМС немецкий флот был лишен чего-либо подобного английскому береговому командованию, выполнявшему задания адмиралтейства.

Наиболее важным результатом этого исследования явилось почти полное доказательство того, что штаб Деница переоценивал возможности воздушной разведки и фотографирования. Все это привело немцев к нежеланию поверить в то, что англичане или американцы могли когда-либо добиться сколько-нибудь значительных успехов в перехвате и дешифровании их радиообмена. Они никогда не теряли уверенности в надежности своих шифровальных систем, использовавшихся всем флотом, и строго следили за своевременностью их смены: малых шифров — ежедневно, крупных — через более длительные периоды, добиваясь таким образом двойной гарантии безопасности. Именно поэтому разведывательное управление ВМС адмиралтейства за период с марта 1942 года и до начала 1943 года не получало от своей дешифровальной службы никаких данных о немецких подводных лодках в Атлантике. И то, что этот период был самым тяжелым в битве за Атлантику, вовсе не является простым совпадением.

И наконец, последнее. Необходимо помнить, что, хотя немецкий флот фактически и не находился под непосредственным влиянием и контролем партии нацистов, он, как и другие виды вооруженных сил, был одержим нацистскими идеями. В Германии был такой режим, при котором больше опасались предательства и нелояльности, чем ошибок и неспособности. Немецкую военную разведку, когда ею руководил адмирал Канарис (он, как обнаружилось в 1944 году, был давнишним противником Гитлера), подтачивали интриги и личное соперничество. В Германии одновременно существовали по меньшей мере четыре соперничающие разведывательные системы. В резуль-

тате работа службы радиоперехвата и дешифрования в морской разведке была окружена (как, впрочем, и в Англии) строжайшей тайной, и поэтому любые допускавшиеся ею ошибки или обвинения, которые нужно было бы предъявить ей, приписывались после соответствующих расследований предательству; однако, кроме представителей оперативных и разведывательных органов, участвовать в таких расследованиях никто не имел права.

На страницах 326—328 своей книги Дениц заявляет:

> «Мы, естественно, должны были предполагать, что в наших базах на территории оккупированной Франции действовала разветвленная шпионская сеть противника. Хорошо организованная разведка противника во всяком случае имела возможность собирать данные о распределении подводных лодок по различным базам, о времени их выхода в море и возвращении в базы, а возможно, также и о предназначенных для лодок районах действий в море».

Приведенные слова Деница указывают на глубокое уважение английской военно-морской и специальной разведки (немцы не разграничивали эти две службы); немецкий флот питал такое уважение со времен первой мировой войны на основе тщательного изучения военно-морским штабом ее уроков. В действительности английская агентурная сеть в базах немецких подводных лодок, особенно в норвежских базах, стала эффективной лишь на последних стадиях войны, и только тогда оперативно-информационный центр адмиралтейства получил возможность точнее следить за движением отдельных подводных лодок противника.

Для историка дело должно пока на этом закончиться. Мы можем быть совершенно уверены в том, что, не попади в наши руки их архивы, немцы никогда и ничего не опубликовали бы об успехах своей разведки. Они надеялись бы, что по крайней мере криптография как оружие,— пожалуй, наиболее ценное для страны, потерпевшей поражение,— избежит внимательного исследования, проводимого союзническими органами разоружения. (Штурмовая группа № 30, созданная разведывательным управлением ВМС, обнаружила в 1944 году на острове Капри важный шифр секретной службы: итальянцы не передали его союзникам, хотя должны были сделать это в соответствии с принятыми ими условиями капитуляции.) Послевоенное сотрудничество между дружественно настроенными немецкими штабными офицерами и английскими и американскими историками и исследователями могло бы привести к раскрытию некоторых секретов немецкой радиоразведки и дешифровальной службы и, следовательно, к установлению наших собственных ошибок и промахов; однако полной уверенности в этом нет. Во всяком случае маловероятно, чтобы английская военно-морская разведка, штат которой сокращен к 1951 году с четырех тысяч до восьмидесяти человек,

сможет выделить силы и средства для проведения длительного исследования, чтобы путем анализа и дедукции проверить то, что немецкие архивы подносят нам, так сказать, на тарелочке.

То же самое относится и к разведке союзников. Несмотря на отдельные намеки и незначительную утечку секретных данных — больше в США, чем в Англии,— нет причины, которая могла бы заставить союзных криптографов раскрыть, насколько их деятельность и методы были успешными. Очевидно, что успехи у них были: традиции первой мировой войны и комнаты 40 так или иначе сохранились. Захват кодов и шифров и шифровальных машин на немецких кораблях и подводных лодках обеспечивал криптографов материалом, который, несомненно, обеспечивал периоды успеха, несмотря на то что немецкие основные машинные шифры были невероятно трудными для раскрытия на протяжении почти всей войны. Эфир был переполнен радиообменом тактического порядка, происходившим в авиации и сухопутных войсках с помощью малонадежных шифров, и противник понимал, конечно, что этот радиообмен не ускользнет от внимательного изучения. Радиообмен в немецких военно-морских силах, когда велась подготовка к проведению особой операции — будь то операция подводных лодок, или линейных кораблей, или небольших надводных кораблей в проливе Ла-Манш,— представлял собой нечто такое, из чего сотрудники английской военно-морской разведки с их памятью и картотеками и с их воображением могли коечто извлечь. Некоторые немецкие подводные лодки отличались необыкновенной «радиоразговорчивостью», и ими допускались дорогостоящие ошибки, подобные той, которая произошла с «Бисмарком» (см. стр. 176). Даже в 1940 году вторжение немецких войск в Норвегию могло бы быть обнаружено за целый день, если бы оперативно-разведывательный центр придал должное значение предупреждению молодого радиста из военно-морской секции центра радиосвязи «Х». К сожалению, это произошло на первой фазе войны, когда веры в такие возможности радиоразведки еще не было. В данном случае старший офицер, выслушавший молодого радиста по телефону, поверил ему, но этот старший офицер знал, что ему, в свою очередь, не удастся убедить вышестоящее командование в том, что на основании таких скудных данных следовало привести в движение весь Флот метрополии.

Чтобы осознать ценность криптографов, работающих на свои министерства обороны и виды вооруженных сил, полезно сравнить их с исследователями в области математики и медицины. Последние представляют собой далекое от политики международное сообщество, свободно и охотно обменивающееся информацией и идеями через прессу или специально создаваемые для этих целей институты. По самым незначительным признакам, данным или намекам члены этого сообщества способны приходить к заключению о том, что́ их коллеги в других странах делают или пытаются делать. Криптографы же, в противоположность им, скованы необходимостью держать свою работу в тайне. Их исследования одновременно имеют и

наступательное, и оборонительное значение. Профессиональное чувство криптографов по необходимости должно быть ревнивым и националистическим. Их задача состоит в том, чтобы разработать методы, пользуясь которыми, их правительства смогут быстро и тайно связаться со своими союзниками, вооруженными силами за рубежом, дипломатическими представителями и миссиями, агентами разведки и даже с различными ведомствами внутри страны. В то же время криптографы стремятся раскрыть тайну методов скрытой связи, используемых с точно такими же целями другими странами, то есть усилия в одном направлении помогают усилиям в другом направлении, на первый взгляд, совершенно противоположном. Таким образом, если криптографам какой-то страны будет разрешено похвастаться прошлыми успехами с указанием определенной даты, определенного района и определенного противника, то обнаруженные при этом признаки и данные могут представить значительный интерес и оказаться весьма ценными для фактических или потенциальных противников.

Осведомленность англичан и американцев о всех достижениях немецких криптографов в течение шести лет войны имеет чрезвычайно большое значение. Каким образом успехи были достигнуты ими в отношении радиообмена военно-морских сил союзников? Получить доступ к документам и войти в контакт с немецкими криптографами было одной из основных целей специальных полевых групп разведывательного управления ВМС во время продвижения союзных войск весной 1945 года к балтийским портам, в которых находились немецкие военно-морские штабы. Помимо других соображений существенную роль при этом сыграло и то обстоятельство, что был нежелателен захват немецких экспертов русскими, поскольку немецким дешифровальщикам было слишком много известно об английской системе скрытой радиосвязи. Дениц приказал Купферу и его подчиненным выехать из Берлина во Фленсбург на Балтике и вступить в сотрудничество с англичанами и американцами путем предоставления им любой информации и оказания помощи, о которой их попросят специальные представители адмиралтейства. Факт за фактом, документ за документом убедительно доказывали, что успехи немецкой дешифровальной службы в раскрытии английских кодов и шифров оказались намного большими и длились значительно дольше, чем ждали англичане. В конечном итоге принятые англичанами и американцами меры безопасности возымели свое действие, особенно во время крупных наступательных десантных операций во второй половине войны, однако путь к этому оказался трудным и длинным.

Летом 1945 года в Лондоне тот офицер, которого посылали девять лет назад в Аден и который понял, что с методами скрытой связи на флоте не все обстоит благополучно (см. стр. 94), готовился уходить из 10-го отдела разведывательного управления ВМС, в котором он служил с 1941 года. Глубоко заинтересовавшись докладами младших офицеров, производивших допрос немцев в Фленсбурге, он попросил командование отложить на шесть месяцев назначение его на флот.

Из прибывавших в то время в Лондон немецких военно-морских архивов он намеревался установить точно, каковы же были результаты дуэли между 10-м отделом и немецкой службой радиоперехвата и дешифрования. Этот офицер хотел узнать, какие изменения и уловки, осуществленные его коллегами в шифрах и кодах, сработали; как и когда немецкие дешифровальщики раскрыли высоконадежные коды и шифры; какие из поражений в конвойных операциях или в операциях флота можно было бы отнести целиком на счет отлично работавшей немецкой радиоразведки и дешифровальной службы; какие силы и средства имели в своем распоряжении эти службы. Офицера перевели на полгода в управление связи, где он приступил к исследованию, о результатах которого уже говорилось.

Было установлено, что на протяжении бо́льшей части войны дешифровальная служба немецкой военно-морской разведки состояла не более чем из пятидесяти дешифровальщиков, которые в июне 1945 года оказались во Фленсбурге. При большем штате они, несомненно, достигли бы еще бо́льших результатов, потому что значительная часть материала осталась необработанной. После того как Дениц стал в 1944 году главнокомандующим ВМС, они пользовались его особой протекцией, а в другие времена им приходилось намного труднее. Захваченные документы и шифровальные машины противника оказали им лишь незначительную помощь; то, что они извлекли из них, оказалось только небольшим дополнением к тому, что они уже знали. Все они были уверены в себе и надеялись, что их сотрудничество, несомненно, приведет к такой же уверенности и их коллег в английской разведке.

Через пять месяцев доклад был готов. Его отпечатали в двух экземплярах и направили начальникам разведывательного управления и управления связи ВМС. Что произошло с ними дальше — неизвестно. Можно с уверенностью сказать, что в адмиралтействе его прочитали очень немногие. Начальники разведывательного управления ВМС в послевоенный период, которым надо было бы знать, насколько уязвимой может быть скрытая связь, также не видели этого доклада. Усталость от войны, смена правительства, изменение и сокращение штата разведывательного управления ВМС — все это создавало атмосферу, в которой post-mortem'ы не возбуждали особого интереса. К тому же можно было, конечно, заявить, что доклад отражает не только успех, но в не меньшей мере и неудачу. В самом же 10-м отделе разведывательного управления, который нельзя было считать ответственным за плачевное состояние дел, унаследованное им от предвоенного периода, считали, что он вполне справился со своей задачей. С конца 1944 года начальник 10-го отдела играл ведущую роль в центральной организации, созданной при кабинете с целью обеспечения в будущем вполне надежными системами шифра не только трех видов вооруженных сил, но и всех правительственных органов.

Непрофессионал может позволить себе сделать два замечания. Во-первых, представляется весьма вероятным, что в результате реор-

ганизации 1922 года, когда все функции и вопросы, связанные со скрытой связью и шифрами, были изъяты из ведения видов вооруженных сил и переданы гражданским организациям, ответственность за надежность и безопасность скрытой связи не была достаточно четко сосредоточена в одном месте. В части, касающейся связи в военно-морских силах, было ясно, что обязанность управления связи адмиралтейства заключалась в том, чтобы обеспечить эффективные методы быстрой и четкой связи, а обязанность разведывательного управления адмиралтейства — следить за сохранением секретности документов по связи, за поддержанием радиомолчания во время проведения операций и за проведением радиообмена на таком техническом уровне, который не выдавал бы противнику время и направление движения кораблей или соединений флота. При этом оба управления имели все основания рассчитывать, что коды и шифры, которыми их снабжают, во-первых, совершенны в техническом отношении и, во-вторых, вполне надежны с точки зрения возможности раскрытия противником. В самом деле, очень трудно понять, почему в тревожные годы между гражданской войной в Испании и вторжением немцев в Польшу Уайтхолл не позаботился о создании хотя бы небольшой группы криптографов, которая занялась бы проверкой надежности скрытой связи в ВМС и продемонстрировала бы офицерам флота, к чему может привести «радиоразговорчивость» в море и что, пользуясь ею, может вскрыть достаточно подготовленная радиоразведка и дешифровальная служба противника.

Мы уже рассказали, как министерство ВВС взяло на себя инициативу в попытке применить шифровальную машину и какие усилия были предприняты, чтобы заинтересовать в этом адмиралтейство; мы говорили также о том, как американцы даже в 1941 году были удивлены и раздражены тем, что им предложили пользоваться устаревшими и ненадежными, по их мнению, методами скрытой связи. Английские военно-морские силы были предупреждены, поэтому довоенное адмиралтейство обязано принять на себя часть вины за потерю сотен судов и кораблей и за провал десятка планов операций.

Одно из объяснений длительного использования военно-морским флотом ненадежных шифрсистем с началом войны заключается, повидимому, в том, что не было налажено соответствующее взаимодействие между криптографами адмиралтейства и нашей службой дешифрования, которые, как следует предположить, пытались разгадать шифры противника и которые, несомненно, могли бы создать надежные шифры для нашего флота. По-видимому, секретность работы этих органов была настолько строгой, что правая рука, не знала, что делает левая, и из-за этого пострадали наши же интересы.

До сих пор мы затрагивали в этой главе только наиболее чувствительные и секретные аспекты радиовойны. Стремление каждой стороны перехватить и полностью расшифровать наиболее важные оперативные радиограммы другой стороны — конечная цель всей разведывательной работы. Но существует и еще один аспект радиовойны, не

менее интересный и захватывающий, но во многом уступающий первому по степени секретности, в котором 10-й отдел разведывательного управления адмиралтейства достиг некоторых примечательных результатов оборонительного значения. Речь идет о систематическом изучении радиосвязи важных центров, таких, как, например база Скапа-Флоу, таких штабов, как штаб военно-морского округа западных подходов или штаб Средиземноморского флота в Александрии. В таких случаях изучаются характер и схема радиообмена, присущего, например, выходу кораблей в море, возвращению их в базу, организации воздушной разведки и т. п.

Так, например, действия или операции, осуществляемые кораблями флота в Хартленде, вызывали увеличение количества зашифрованных военно-морским шифром первоочередных и длинных радиограмм. Последние перехватывались станциями «Y», а затем фиксировались и рассматривались радиоцентром во Фрингленде. Предостережения, передававшиеся радиоцентром во Фрингленде, вызывали реакцию Хартленда, в связи с чем сразу же увеличивалось количество срочных, но коротких радиограмм, зашифрованных тем же шифром. В первом случае Хартленд передавал подробные, но не срочные приказы о передвижении и образе действий, о которых, как предполагалось, противник ничего не знал; во втором случае та же станция передавала короткие и срочные приказы, имевшие своей целью навести наши силы на противника (или, наоборот, избежать его), место нахождения которого было известно.

Уже через несколько дней после начала войны любая входящая и исходящая оперативная радиограмма адмиралтейства попадала в 10-й отдел разведывательного управления для внимательного изучения. Радиообмен на первых порах был так велик, что сотрудники отдела явно не справлялись с ним. Чтобы выйти из положения, начальник отдела принял на службу группу гражданских сотрудников, одев их в форму. Ни один из них не имел ни малейшего понятия о предстоящей работе. «Я подбирал людей, имеющих склонность к анализу и наделенных предприимчивым складом ума»,— говорил начальник отдела капитан 3 ранга Уилсон. Он принял к себе биолога, являвшегося экспертом по рифам на острове Грейт-Барьер, геолога, стряпчего, фармацевта, бухгалтера и хранителя индийской секции музея Виктории и Альберта. Они сразу же приступили к изучению стиля и характера прошлого и текущего радиообмена на флоте. Их первый зарегистрированный успех относится к концу 1939 года, когда в Южной Атлантике происходила охота за карманным линейным кораблем «Граф Шпее», закончившаяся боем в устье реки Ла-Плата в декабре того же года. Эти молодые сотрудники 10-го отдела показали, как немецкая радиоразведка без особого труда могла бы узнать, что крейсер «Ахиллес» шел из Новой Зеландии для участия в поиске немецкого линейного корабля. Они обосновали это утверждение следующим образом.

Изучение радиообмена, проходившего через радиостанцию адмиралтейства в Рагби в течение ограниченного периода времени, пока-

зывает, что радиограммы, передававшиеся в район Тихого океана у западного побережья Южной Америки, никогда не начинались с каких-нибудь других адресных групп, кроме «HAP» или «PSH», причем вместе эти группы никогда не фигурировали. В результате можно заключить, что они касались только одного корабля. Из других радиограмм можно было понять, что 2 октября этот корабль находился в районе мыса Горн на переходе из Тихого океана в Южную Атлантику. Этот переход явился следствием несомненно известного немцам движения их линейного корабля в районе Пернамбуко. То, что радиограммы адресовались легкому крейсеру, немцы могли предположить на основании того, что к началу войны в Новой Зеландии находилось два таких корабля. А поскольку командир эскадры держал свой флаг на «Линдере», который можно было бы опознать по характерным признакам радиограмм, передаваемых в адрес флагманских кораблей, можно было заключить, что в данном случае радиограммы адресуются второму крейсеру, то есть «Ахиллесу». Поскольку этот факт установлен, адресную группу крейсера «Линдер» можно считать скомпрометированной, то есть ее можно будет опознать и читать, когда она будет использована, где бы ни находился в это время сам корабль. Для вящей убедительности сотрудники 10-го отдела указали также, что до 3 октября радиограммы в адрес «Ахиллеса» передавались менее двух раз в день; 4 октября их было передано уже пятнадцать, 5 октября — восемнадцать, а 10 октября, когда крейсер выходил из Вальпарайсо,— двадцать две. Все зто дополняло указания на совершенно очевидное намерение выйти в море в результате оперативных распоряжений адмиралтейства.

В данном случае нет особого смысла задаваться вопросом, читали и понимали ли немцы то, что передавалось «Ахиллесу»; почти наверное можно сказать, что они не читали. Сотрудники 10-го отдела лишь продемонстрировали, как можно допустить утечку информации одним только «выходом в эфир» в напряженный период, когда любая радиограмма почти наверняка перехватывается и анализируется противником. Эта сравнительно новая и усложняющая скрытую связь проблема должна быть решена начальниками разведывательного управления и управления связи в первую очередь.

В наставлении по этим вопросам, изданном позднее, 10-й отдел разведывательного управления обратил внимание офицеров флота на разнообразие информации, которую можно извлечь из статистических данных о радиообмене и из тщательного анализа этих данных. Важнейшее значение имеет, конечно, используемая радиостанциями частота, которая в конечном итоге позволяет опознать корабль; затем географические координаты передатчика, которые определяются радиопеленгованием; используемые для связи методы, например повторение передачи одной станцией или дублирование ее другой; детали адресной группы или групп, по которым можно опознать получателей; дата и время передачи, которые позволяют судить о скорости и направлении движения кораблей; очередность радиограммы, по которой можно судить о ее срочности и важности; объем радиограммы,

указывающий, например, на донесение о повреждениях, передачу разведывательных данных или специальных указаний. Старательное накопление таких данных и тщательное изучение их — немцы занимались этим с 1936 года — в течение длительного времени позволит получать в конечном итоге весьма ценную оперативную информацию.

Увеличение количества первоочередных радиограмм, исходящих от какого-нибудь корабля или штаба,— верный признак того, что начинается какая-то операция. Подготовка флотилии торпедных катеров к действиям ночью сопровождается, как правило, необычным увеличением радиограмм в адрес других кораблей (чаще всего тральщиков), в штабы ВВС, в штабы соседних военно-морских командований и т. п. Выход из норвежских фьордов крупных немецких кораблей и сопровождавших их эскортных сил почти всегда предоставлял английским станциям радиоперехвата возможность услышать связанный с этим оживленный радиообмен. Характерные радиопереговоры с базой Скапа-Флоу, пока мы не ввели строжайшую дисциплину в этом деле, наверняка давал немецкой радиоразведке вполне достаточный материал, чтобы предсказать предстоящий выход Флота метрополии в море. Как только радиостанции перехвата предупреждали о вероятном передвижении сил противника, разведывательное управление стремилось обнаружить их с помощью воздушной или корабельной разведки. Результаты визуального обнаружения, если их быстро передавали дешифровальной службе и экспертам, следившим за передвижением сил, помогали делать все более приближающиеся к истине заключения о содержании перехваченных радиограмм. Радиоразведкой было установлено, что наши заблаговременные приказы о каких-либо действиях (например, о посылке группы кораблей Флота метрополии к норвежским берегам для действий против немецкого судоходства) вызывали резкое увеличение количества длинных первоочередных радиограмм, зашифрованных военно-морским шифром; в тех же случаях, когда приказы о действиях давались в порядке реакции на действия сил противника (например, в результате обнаружения итальянских кораблей, шедших па перехват конвоя в центральной части Средиземного моря), увеличивалось количество коротких первоочередных радиограмм. Другими словами, радиоразведка противника могла легко различать по этому признаку действия, предпринимаемые нами по своей инициативе, от действий, являвшихся реакцией на действия противника.

Очевидно, что для такого вида разведки и анализа нужно, чтобы был противник и чтобы он вел оперативный радиообмен, чего в мирное время практически не бывает. Однако в 1937 году в ходе патрульных операций на Средиземном море против пиратствовавших подводных лодок можно было кое-что предпринять. Конечно, без фактических действий против скрывающегося противника симулировать близкие к действительным условия для ведения эффективной радиоразведки вряд ли возможно. Однако если немцы сумели обеспе-

чить себя в мирное время достаточным материалом, позволившим им читать значительную часть нашего радиообмена в 1939 году, то очень трудно поверить в то, что англичане не могли организовать в мирное время хотя бы предварительное и частичное изучение радиообмена противника.

Вряд ли необходимо указывать на то, что в сложных условиях военного времени интересы оперативного управления, управления связи и разведывательного управления могут оказаться противоречивыми. Начальник 10-го отдела разведывательного управления ВМС утверждал, например:

> «Меня никогда не переставало беспокоить то обстоятельство, что предпринимаемые нами меры безопасности скрытой связи могли привести к нежелательным задержкам в связи и, следовательно, к срыву некоторых оперативных планов действий спл в море. Такая возможность была сама по себе уже достаточно серьезной, но мне приходилось опасаться еще и того, что если такое случится, то поддержание тех стандартов безопасности скрытой связи, которые я считал минимально необходимыми, стало бы еще труднее».

Серьезное недоразумение такого порядка почти наверняка привело бы к расследованию, в котором некоторые офицеры получили бы возможность утверждать, что «фанатикам разведки» позволили наложить на них слишком много пут, а возможно, нашлись бы и такие, которые выразили бы эту мысль пословицей: «Заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет».

Мы уже достаточно сказали в подтверждение того, что деятельность 10-го отдела бок о бок с оперативно-информационным центром была одной из важнейших функций руководимого Годфри и Рашбруком разведывательного управления ВМС. Резкий поворот в битве за Атлантику летом 1943 года — яркое свидетельство того, что безопасность скрытой связи имела для победы союзников такое же значение, какое имели до этого поворота для немцев успехи их радиоразведки и дешифровальной службы. Для одной стороны раскрытие кодов и шифров означало сбережение людских ресурсов, экономию времени, спл и средств, обеспечение внезапности боевых действий на море, возможность своевременного сосредоточения спл. Для другой стороны раскрытие используемых ею шифров означало разгром конвоев, непрерывное наблюдение противника за действиями Флота метрополии, подслушивание разговоров о планах и намерениях военно-морского штаба в Лондоне. При этом на протяжении всей войны ни одна из сторон не знала, в каком из этих двух положений она находится и происходит ли вообще смена этих положений.

К немалому разочарованию историков и комментаторов, холодная война в послевоенный период в течение длительного времени накладывала на этот предмет табу. Однако прошло время, и мно-

гие методы времен Гитлера стали в результате технологического прогресса устаревшими и потеряли свое былое значение. Из мемуаров командующих и государственных деятелей, из шпионских судебных процессов, а также из неофициальных и официальных рассказов и описаний народы всего мира узнали, что не только военные державы, но даже и нейтральные страны используют против друг друга все посильные для них формы радиоперехвата и дешифрования. Из официальных английских историков только Роскилл, писавший свой труд в пятидесятых годах, позволил себе упомянуть об успехах немецкой дешифровальной службы. Тем не менее если историю войны пересмотреть в свете того, что известно теперь, то чрезвычайно невыгодные условия, в которых английские ВМС и торговый флот вступили в войну в 1939 году, и весьма критическое положение, при котором мы едва не потерпели поражение в войне на море, обнаружились бы намного яснее и стали бы более понятными.

Нам представляется весьма важным, что не только военнослужащие будущего, но и гражданские служащие, и политические деятели, и те, кто формирует общественное мнение, должны получить ясное представление о том, насколько важен этот вид разведки для сохранения мира как в отношениях между двумя враждующими державами, так и между группировками держав. Никакая военная держава не может позволить себе пренебрегать этим видом разведки, будь то в наступательных или оборонительных целях. Сотрудничество в этой области является важнейшим признаком доверия между союзными странами.

Если английская радиоразведка снова смогла стать эффективной против отлично подготовившегося к радиовойне противника, то это произошло в значительной мере благодаря усилиям и настойчивости тех людей, которые вели трудную борьбу за кадры в Уайтхолле.

Для иллюстрации тех трудностей, с которыми эти люди столкнулись к концу лета 1939 года, автор решил проследить в деталях ограниченный, но важный — и совершенно секретный в то время — процесс подбора сотрудников предшественником Годфри — контр-адмиралом Трауном. Уайтхолл рассматривал в то время предложение о создании новой военно-морской службы из гражданских радиотелеграфистов, которыми можно было бы укомплектовать станции «Y» в Англии и за рубежом; речь шла о радистах, способных перехватывать и записывать радиообмен иностранных станций. Без достаточного резерва хорошо подготовленных специалистов такого профиля не смог бы начать функционировать важнейший отдел оперативной разведки. От результатов работы таких специалистов зависела вся система обнаружения и слежения за движением кораблей и подводных лодок противника с помощью радиопеленгования. Эта система, как полагали, должна была удивить и обескуражить немцев. От работы таких специалистов зависела также обеспеченность «сырьем» нашей — а позднее и американской — дешифровальной службы. Даже при наличии примерно тридцати работавших на них

радиотелеграфистов военно-морского флота радиостанции «Y» оставались в 1938 году далеко не укомплектованными необходимыми специалистами. Станция радиоперехвата в Гибралтаре, например, была свернута из-за нехватки радистов, и в то же время, имея в виду потребности военного времени, морская разведка строила для себя несколько новых станций «Y». При этом было очевидно, что если начнется война, то необходимость укомплектовать радистами корабли флота будет рассматриваться как первоочередная, и это наверняка приведет к тому, что выход из положения будут искать за счет специалистов на станциях «Y».

На состоявшемся в мае 1938 года совещании заинтересованных сторон решили, что наилучший выход из положения состоит в том, чтобы сформировать при адмиралтействе гражданскую береговую радиотелеграфную службу со штатом около 180 человек по образцу и подобию служб, существовавших в ВВС и сухопутных войсках. Эта мера, как полагали, позволит высвободить для кораблей флота 29 радистов в метрополии и — если будут найдены соответствующие жилищные условия — 49 радистов на заморских станциях.

Гражданские чиновники адмиралтейства без промедления приступили к работе и доложили, что министерство ВВС набирает специалистов только из числа уволившихся в запас и ушедших на пенсию бывших радиооператоров ВВС и платит им по 4 фунта стерлингов в неделю плюс 2 шиллинга ежегодная надбавка за выслугу, но не более 4 фунтов 16 шиллингов в неделю. Слабое место этого прецедента состояло в том, что бывшие специалисты ВВС не обязывались при этом служить за границей, а для военно-морского флота такое обязательство было необходимо.

Только через два месяца, в июле, адмиралтейство возбудило ходатайство по этому вопросу перед государственным казначейством; четыре члена совета казначейства пожелали разобраться в этом секретном и важном вопросе более детально, вследствие чего имели место переговоры еще приблизительно с десятью офицерами и официальными сотрудниками адмиралтейства. Прошло пять недель, прежде чем казначейство дало свой ответ: в принципе оно не возражало против такой службы в ВМС при условии, что она будет сформирована на таких же основах, как в армии и ВВС. (Казначейство в своих отношениях с видами вооруженных сил, естественно, внимательно следило за тем, чтобы не возникали новые прецеденты в расходовании средств и чтобы не изменялись уже существующие.) Казначейство обратило внимание на два обстоятельства в просьбе адмиралтейства.

Во-первых, штат из 180 человек для гражданской береговой радиотелеграфной службы ВМС серьезно отличался от штата таких же служб в армии и ВВС, в которых он не превышал 30—40 человек. В принципе это различие не вызывало особых возражений, но его необходимо было объяснить тем, что перед ВМС стоят задачи глобального масштаба и что персонал новой службы потребуется в таких отдаленных местах, как Аден, Тринкомали, остров Стонкаттерс

в Гонконге и Мальта. Принципиальное возражение казначейства по предложению адмиралтейства вызывало другое обстоятельство, а именно: «ежедневная специальная надбавка к оплате радистов, имеющих дело с японской азбукой Морзе». Адмиралтейство начало было оспаривать это возражение на основании того, что радисты военно-морского флота уже получали эту маленькую надбавку и что работающим рядом с ними гражданским радистам также следует ее выплачивать. В конце концов не так уж много у нас радистов, способных понимать японскую морзянку, утверждало адмиралтейство. Нет, ответило казначейство (в тот день, когда Чемберлен встретился с Гитлером в Мюнхене), эта надбавка может вызвать возмущение военного министерства, поскольку радисты этого министерства не получают такой надбавки. Адмиралтейство, по-видимому, почувствовав, что это является приглашением к борьбе на суше, где на победу морякам рассчитывать нельзя, быстро решило отказаться от идеи с этой надбавкой. Документ с предложением о создании новой службы получил одобрение во всех инстанциях, и в начале января 1939 года было наконец опубликовано объявление, в котором разъяснялись условия и приглашались на службу кандидаты.

Потребовалось восемь месяцев, чтобы протолкнуть вперед, обсудить и предпринять первые практические шаги для удовлетворения не терпящего отлагательства требования разведки, в котором речь шла пока только о нескольких десятках человек. К этому незначительному, но далеко не тривиальному примеру господствовавшего в то время отношения к требованиям разведки мы еще вернемся в одной из следующих глав, в которой расскажем о замечательной работе станций радиоперехвата «Y». Годфри имел все основания быть благодарным своему предшественнику: тот вел изнурительную борьбу против того, что можно было бы назвать в наше время замороженным разоружением, а также за полное опровержение убеждений некоторых кругов адмиралтейства в том, что люди в гражданских костюмах не способны хранить военную тайну так же, как ее хранят люди в военной форме.

ГЛАВА 5 ПОСТ СЛЕЖЕНИЯ ЗА ДВИЖЕНИЕМ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК

Честь наладить работу поста слежения за движением немецких подводных лодок выпала на долю одного из бывших сотрудников Реджинальда Холла — капитана 3 ранга интендантской службы Тринга, работавшего в 1916—1918 годах с потоком дешифрованных немецких радиограмм в знаменитой комнате 40. Тринг, которому было уже за шестьдесят, вернулся на службу в 1938 году, чтобы организовать и расширить начатую Дэннингом работу, которую мы описали во второй главе; сам Дэннинг к тому времени переключился на слежение за действиями надводных сил противника. Обладая неоценимым опытом в этой сложной, требующей огромного напряжения ума деятельности, Тринг принес с собой присущий ему и совершенно необходимый для разведчика на таком участке непоколебимый скептицизм. Он хорошо знал, насколько трудно заявить с полной уверенностью о потоплении той или иной подводной лодки противника. Получив донесение эскортных кораблей или самолета берегового командования о потоплении подводной лодки, каким бы красочным ни было описание этого события, Тринг, бывало, только насмешливо фыркал. Писатель-романист и критик Чарльз Морган, служивший в разведывательном управлении ВМС с 1939 по 1943 год, записал свое впечатление о Тринге в то время, когда его осторожность и скептицизм подвергались обстрелу со стороны другого ветерана времен Джелико — первого лорда адмиралтейства Черчилля.

> «Некоторые выходили из себя и гневно осуждали Тринга за его скептицизм, но он по-прежнему невозмутимо «сидел в центре своей паутины». На него не действовали ни «масляные пятна», ни «плавающие трупы немецких моряков», ни какие-либо другие «неопровержимые дополнительные доказательства» потопления лодки. Тринг в таких случаях лишь неохотно соглашался на оценку «вероятно, потоплена». Любой доклад о потоплении лодки он встречал с сомнительным ворчанием до тех пор, пока не получал действительно неопровержимые доказательства».

Выучка и советы Тринга принесли огромную пользу тем, кто оказался на его месте в январе 1941 года, когда здоровье самого

Тринга начало заметно сдавать; должность Тринга занял адвокат Уинн. Назначить на этот ответственный пост гражданского человека, да еще в самом начале войны, — это было смелое решение, которое, кстати, поддержал начальник отдела ПЛО того времени капитан 1 ранга Джордж Кризи. Кризи вспоминает, как он обсуждал кандидатов с Годфри и как он почувствовал облегчение, когда убедился, что начальник управления полностью разделяет его мнение, что Уинн — самый подходящий человек на этот пост. Они согласились, что, хотя за деятельностью оперативно-информационного центра должен будет наблюдать один из кадровых офицеров, высоко образованный гражданский сотрудник вполне справится с этими обязанностями при условии, что он сможет консультироваться с одним-двумя опытными моряками.

Как раз в это время — к концу 1940 года — начали давать результаты новые методы анализа и дедукции движения немецких подводных лодок. В течение первого года войны отделение «8S», как тогда его называли, представляло собой не что иное, как хранилище собранной информации о прошедших действиях и текущих перемещениях немецких подводных лодок в море. Картотеки и карты этого отделения содержали главным образом данные о прошедшем, а не о настоящем и, что было бы еще важнее, не о будущем периоде. Говорят, что однажды начальник оперативного управления штаба Флота метрополии — в то время им был капитан 1 ранга Эдвардс — заявил Трингу: «Все это очень интересно и поучительно; но почему бы вам не попытаться подумать и подсказать нам, что противник намеревается сделать в течение следующей недели или завтра?» Тринг к идее, которую он назвал «гаданием», отнесся весьма скептически, но его заместитель Уинн считал, что дело стоит того, чтобы по крайней мере попытаться.

Так настал день, когда капитан 1 ранга Эдвардс, склонившись над картами, поставил перед Уинном следующий вопрос: «Юго-западнее Ньюфаундленда находятся два весьма ценных танкера, которые без охранения идут по дуге большого круга в направлении Норт-Чаннела. Скажите, как бы вы поступили с ними при существующей сейчас обстановке с точки зрения диспозиции и намерений немецких подводных лодок?» Просмотрев в течение нескольких минут карты, Уинн ответил: «У меня совершенно определенное мнение на этот счет. В прошлую полночь из точки в 200 милях восточнее и в 100 милях южнее того места, где сейчас находятся танкеры, какая-то немецкая подводная лодка передавала длинную радиограмму, состоящую более чем из 300 групп. Или эта лодка, закончив патрулирование, возвращается в базу и доносит в штаб результаты своей боевой деятельности, или она докладывает о каких-то повреждениях и неисправностях. Можно с девяностопроцентной уверенностью предположить, что она пойдет на север, и танкерам поэтому есть смысл отвернуть на юг».

Эдвардс направился затем на оперативный пост управления торгового судоходства и изложил предложение Уинна соответствующему

начальнику; тот посмеялся над расчетами Уинна и пренебрежительно попросил, чтобы пост слежения за подводными лодками занимался своим делом и не вмешивался в функции управления торгового судоходства. Однако после настоятельных рекомендаций Эдвардса было решено пойти на компромисс и произвести эксперимент: одному танкеру приказали пойти северо-восточным курсом, а другому — уклониться на юго-восток. Утром следующего дня, прочитав входящие шифровки, Эдвардс, озабоченный и возбужденный, спустился в пост слежения за подводными лодками и заявил собравшимся вокруг стола с картами подводной обстановки: «Ну вот, выдуманный нами эксперимент закончился печально: один из двух танкеров потоплен». Уинн, не зная о данных танкерам указаниях об отклонении от курса, спросил: «А каким курсом, сэр, шел этот танкер? Наверное, северным?» Не будучи в состоянии ответить на этот вопрос, Эдвардс направился в управление торгового судоходства проверить исходящие шифровки и, возвратившись оттуда через несколько минут, извинился перед Уинном, который был прав в своих вчерашних расчетах: потопленный танкер шел северным курсом.

В результате этого случая и подобных ему начальник оперативного управления рекомендовал совету адмиралтейства регулярно изменять маршруты конвоев в соответствии с данными и прогнозами оперативно-информационного центра; этой практики стоило придерживаться даже тогда, когда на успех можно было рассчитывать только в 51 случае из 100. Однако прежде чем продолжить рассказ, необходимо подробнее остановиться на проблеме, с которой столкнулся пост слежения за движением подводных лодок.

Решающее преимущество системы конвоев заключается в том, что при проводке конвоя можно планировать маршруты судов и уклонение их от опасных районов, а также в том, что наиболее ценные суда можно охранять. Для борьбы с подводными лодками и авиацией противника система конвоев позволяет сосредоточивать необходимые воздушные и надводные силы охранения. Однако последнее выполнимо лишь тогда, когда имеется достаточное количество эскортных сил и когда дальность и длительность их действия позволяет охранять конвой на всем его пути, от начала до конца. До 1943 года таких условий не существовало. Таким образом, в течение первых самых критических четырех лет войны, когда все необходимое для будущего победоносного наступления в Европе приходилось доставлять из-за Атлантики или посылать на заморские театры из Англии, шансы адмиралтейства перехитрить Деница и уберечь суда от атак подводных лодок зависели в основном от выбора безопасных маршрутов или от своевременного уклонения с опасного курса. Для успешного перехода конвоев и одиночных судов была необходима хорошая разведка в сочетании с квалифицированным расчетом скорости, направления движения, условий погоды и намерений противника.

Вот тогда-то роль оперативной разведки (ее зарождение описано в главе 3) и обнаружилась в полной мере. Разведывательное управление ВМС и управление торгового судоходства работали бок о бок, в соседних комнатах самого нижнего «этажа» цитадели адмиралтейства, в помещениях, отведенных под оперативно-информационный центр капитана 1 ранга Клэйтона. Капитан 3 ранга (позднее капитан 1 ранга) добровольческого резерва ВМС Роджер Уинн следил за движением немецких подводных лодок и наносил их позиции на карту подводной обстановки, капитан 3 ранга Ричард Холл следил за движением всей массы союзных судов в Атлантике и давал им указания уклоняться с опасных курсов. Холл давал Уинну расчетные позиции всех торговых судов в Атлантике; Уинн давал Холлу все известные и предполагаемые позиции немецких подводных лодок. Их общий девиз был таков: «поезда никогда не должны встречаться друг с другом». Никакое судно — пусть это было даже приказание самого Черчилля — не выходило из Англии, не получив из комнаты Холла маршрута следования, который проверялся перед этим в комнате Уинна. Это было одно из величайших и сердечнейших «товариществ» войны; каждое утро в семь часов эти два человека ехали в адмиралтейство в одной машине. Когда адмирал Иделстен принимал должность помощника начальника морского штаба (ПЛО и торговое судоходство) от своего предшественника адмирала Мура, последний сказал ему: «Если эти два человека когда-нибудь прекратят деловую перебранку между собой, мы проиграем войну».

Чтобы иметь более полное представление о характере деятельности поста слежения, необходимо рассказать не только о мерах обороны, к которым мы были вынуждены прибегать, но и о возможностях, которые предоставлялись нам тактикой Деница. То, о чем пойдет речь, автор узнал от адмирала флота Джорджа Кризи, который во времена первых успехов поста слежения за подводными лодками являлся начальником отдела ПЛО адмиралтейства.

Ключом к пониманию системы конвоев является разница в скорости хода между торговым судном и подводной лодкой в подводном положении. Средняя скорость хода конвоев, даже в условиях хорошей погоды, составляла семь—девять узлов. Скорость хода немецкой подводной лодки в подводном положении до тех пор, пока в 1944 году Дениц не начал вооружать их шноркелем, составляла не более двух-трех узлов. Если бы лодка решила пойти, скажем, шестиузловой скоростью, ее аккумуляторные батареи быстро разрядились бы и она вынуждена была бы всплыть на поверхность для подзарядки их. Таким образом, «дошноркелевскую» немецкую подводную лодку можно было рассматривать как своего рода подвижную мину, имеющую контактную антенну, радиус действия которой ограничивался дальностью хода ее торпед и дальностью видимости через перископ.

Чтобы атаковать идущее полным ходом одиночное судно, подводной лодке нужно было или по счастливой случайности, или благодаря хорошо организованной разведке (Дениц располагал таковой

до 1943 года) оказаться на позиции где-то впереди обнаруженной цели. Но даже и в таком случае неожиданный маневр цели в сторону (зигзаг) мог привести к тому, что лодка не была бы в состоянии занять позицию для атаки. Точно так же и для атаки тихоходного конвоя подводная лодка в погруженном состоянии должна была бы оказаться в выгодном для обнаружения конвоя положении, предпочтительнее на носовых курсовых углах и уж, конечно, не за пределами траверза походного ордера; кроме того, за исключением светлых лунных ночей, увидеть цель через перископ и успешно атаковать ее из подводного положения ночью было почти невозможно. Если подводная лодка все же выстреливала торпеды из подводного положения, то перезарядить аппараты и догнать конвой для повторной атаки она была уже не в состоянии.

Таковы были непреодолимые трудности, заставившие Деница отказаться от боевого использования одиночных подводных лодок в подводном положении и перейти к так называемой тактике волчьих стай, то есть к групповому использованию подводных лодок в надводном положении, в котором они могли маневрировать на сравнительно высоких скоростях и погружаться только тогда, когда им грозила опасность преследования. Подводные лодки, следовательно, перестали быть подводными кораблями в истинном значении этого термина, а стали лишь кораблями, способными при необходимости скрываться под водой.

Переход Деница к тактике волчьих стай неизбежно ставил перед ним новые проблемы, которые одновременно создавали известные возможности для оперативно-информационного центра адмиралтейства. Во-первых, Дениц должен был искать конвой. На широких просторах Атлантики даже самые крупные конвои представляли собой не более, чем крохотное пятнышко. Даже в тех случаях, когда разведка сообщала Деницу назначенный маршрут и время выхода конвоя из порта, приказы адмиралтейства об отклонении от генерального курса создавали неразрешимые проблемы в расчетах о движении судов. Исследование, выполненное для капитана 3 ранга Холла, показало, что две группы его же сотрудников, которым были даны все переданные по рекомендации Уинна приказы об изменении курса конвоя, оказались не в состоянии рассчитать правильное место этого конвоя на какое бы то ни было последующее время или дату; ошибки в их расчетах достигали не менее пятисот миль. Таким образом, если штаб немецких подводных сил получал точнейшие данные разведки о дате выхода конвоя и намеченном для него маршруте, но не мог своевременно расшифровывать совершенно секретные радиограммы адмиралтейства об изменениях курса конвоя, то сосредоточение подводных лодок, для чего требовалось несколько дней, могло оказаться совершенно напрасным.

Вторая проблема Деница заключалась в том, что о конвое, обнаруженном одной из его подводных лодок, необходимо было немедленно докладывать; подводная лодка, обнаружившая конвой, должна была непрерывно следить за ним, а в это время Дениц направлял на

перехват конвоя другие лодки. Неизбежные при этом радиопереговоры перехватывались радиопеленгаторной службой адмиралтейства, а сравнение полученных таким образом позиций подводных лодок (на картах Уинна) с запланированным курсом и рассчитанным местом конвоя (на картах Холла) позволяло давать конвою соответствующие приказы об отклонении от опасных районов. Другими словами, жертвуя скрытностью, которую обеспечивали подводным кораблям радиомолчание и подводное положение, и вступая вместо этого в неограниченные радиопереговоры с базой, немецкие подводные лодки шли на еще больший риск быть услышанными и обнаруженными.

Английский морской штаб убедился, рассказывает адмирал Кризи, что гидролокатор, на который возлагали столько надежд в тридцатые годы, для обнаружения подводной лодки в надводном положении оказался почти бесполезным; что крохотный силуэт подводной лодки, особенно если она находилась в позиционном положении, обнаружить человеческим глазом ночью почти никогда не удается; что 130-сантиметровый радиолокатор на малых кораблях, предназначенный для обнаружения надводных целей, оказался куда менее эффективным, чем ожидали; что фактически для борьбы с подводными лодками важное значение имели только два средства: радиопеленгатор, особенно если им оснащались эскортные корабли, и эскортный самолет, который принуждал подводную лодку погружаться и, следовательно, терять контакт с конвоем.

Еще зимой 1940/41 года мы знали, продолжает адмирал Кризи, что новую тактику подводных лодок (на первых порах она застала нас врасплох) можно преодолеть, если у нас будет достаточное количество подготовленных эскортных кораблей и самолетов авиации берегового командования; однако должно было пройти немало времени, прежде чем мы получили бы эти силы и средства. Поэтому единственной мерой борьбы с подводными лодками пока оставалось уклонение конвоев от опасных районов. В этом и заключалась круглосуточная работа людей в комнатах 8 и 12 в цитадели. Что же представляли собой эти комнаты и чем занимались работавшие в них сотрудники?

Попасть в комнату Уинна было куда более трудным делом, чем, скажем, в комнату 39. Вы должны были постучать, подождать ответа и заявить, что вам, собственно, нужно. Войдя в комнату, вы могли сначала подумать, что это большая бильярдная с несколькими столами и снующими вокруг них людьми. Освещение над большим столом в средней части комнаты не выключалось ни днем ни ночью; на нем находилась карта Северной Атлантики. Множество воткнутых в карту булавок и натянутых между ними эластичных нитей показывали, где уже шли или где должны будут пройти те или иные конвои и суда. В любой момент на карте регистрировались этапы перехода больших караванов судов, доставлявших в Англию продукты питания, сырье, военные материалы или вывозивших из Англии на заморские театры продукцию ее фабрик и заводов. На этой же карте прокладывались длинные маршруты немецких подводных лодок, вы-

ходивших из портов Балтийского моря или Бискайского залива, чтобы искать и атаковать эти караваны судов.

На карте Северной Атлантики отмечали карандашом место, время и дату самых различных событий: обнаружение, передачу радиограмм, потопление, запеленгованные места работающих радиостанций — все, что тем или иным образом указывало на нахождение в данном районе немецких подводных лодок. Красными дугами, проведенными из точек, в которых находились базы авиации берегового командования, на карте был показан радиус действия патрульных самолетов, осуществлявших поиск и уничтожение подводных лодок. Подводные лодки наносились на карту соответствующими символами, дополнявшими запись о пройденном лодками пути, которая производилась на основании поступавшей информации. Каждому источнику информации соответствовал прикалываемый к карте флажок определенного цвета: красный — место, определенное радиопеленгованием; белый — обнаружение или уверенный контакт техническими средствами; синий — надежные данные радиоразведки и т. п. Другими флажками обозначали конвои и силы охранения, время атаки и потопления судов, маршруты полетов наших патрульных самолетов и самолетов противника, возможную схему развертывания лодок той или иной волчьей стаи и другие данные.

На стенах комнаты были развешаны графики потоплений и строительства новых подводных лодок, а на одном из столов у стены — карты с системой координат немецкого военно-морского флота, в соответствии с которой все моря и океаны были разделены на множество квадратов, обозначаемых цифрами и буквами алфавита. Для непосвященного посетителя общий вид и обстановка в этой секретной комнате ни о чем не говорили. То, что было ясно для, самое большее, трех офицеров, представлялось другим неразберихой и путаницей.

К 12.00 каждого дня данные о движении лодок обобщались и включались в ежедневную сводку для рассылки адресатам по списку. То же самое происходило в комнате Холла, где в сводку включались данные о местоположении конвоев для последующего нанесения их на карту обстановки, которую вели в кабинете премьер-министра. Один раз в неделю во время ночного дежурства офицеры переносили всю обстановку на чистую карту, причем старались делать это очень тщательно, так как Уинн несомненно заметил бы любую ошибку или неточность.

Бо́льшую часть рабочего дня Уинн или его заместитель проводили у этого центрального стола с картой. Они прокладывали курсы подводных лодок и конвоев, измеряли дистанции, рассчитывали вместе с Холлом курсы отклонения из опасных районов для того или иного конвоя или одиночного судна, готовились к «неизбежному бою конвоя через несколько часов» (иногда Уинн предсказывал вероятность атаки конвоя подводными лодками за несколько дней до того, как она фактически происходила) или обдумывали на несколько дней вперед — какое влияние окажет на наши планы и развертыва-

ние сил вероятное появление немецких подводных лодок в районе намного южнее Азорских островов, у мыса Доброй Надежды или в водах Вест-Индии.

В комнату 8 поступал нескончаемый поток фактов: срочные донесения на телетайпной ленте; донесения-молнии со станции «X», которая перехватывала радиограммы и анализировала радиообмен различных схем связи противника; пеленги на работавшие радиостанции противника со станций «Y», а вслед за ними и определенные по этим пеленгам места тех или иных объектов; донесения с эскортных кораблей, установивших контакт с немецкими лодками в районах за тысячи миль от адмиралтейства; донесения об обстановке из штабов округа западных подходов, Ливерпульского района и других морских командований, установивших тот или иной контакт с противником; информация из оперативного поста управления торгового судоходства о выходе и прибытии конвоев; выдержки из захваченных документов; подробные отчеты о допросах немецких военнопленных подводников и многие другие данные.

Данные всех этих источников позволяли следить за основными этапами «жизни и деятельности» каждой подводной лодки. Когда новая подводная лодка впервые появлялась в водах Балтики с целью прохождения испытаний и отработки экипажей, ее номер и другие данные иногда становились известными в результате перехвата и дешифрования радиообмена между эскортными кораблями, местными береговыми штабами и плавучими маяками в бухтах или в открытом море; как правило, для радиообмена в этих случаях использовались шифры малой надежности. Немцы должны были хорошо знать, что все эти переговоры перехватывались нашими станциями «Y» и передавались для обработки на станцию «X». Здесь радиограммы дешифровывались и передавались по телетайпу в оперативно-информационный центр, где заводилось «досье» на еще одну подводную лодку противника и ее командира.

Такой же процесс продолжался и тогда, когда подводная лодка, сопровождаемая эскортными кораблями, выходила из Балтики в Северное море в свое первое боевое плавание, когда она прибывала в базы на норвежском побережье или в Бискайском заливе или когда возвращалась в базы на побережье Германии. Такие фрагменты вполне надежной информации в дальнейшем позволяли делать вполне обоснованные предположения о месте нахождения той или иной подводной лодки. Если, например, подводная лодка проходила в какой-то день через пролив Бельт, то через определенное время следовало ожидать, что по прибытии в зону патрулирования она даст соответствующую радиограмму. На основании этих данных можно было делать заключение о скорости хода лодки данного типа, о дальности плавания, о длительности периодов боевого патрулирования, отдыха, пополнении запасов и т. п.

Нам были известны характерные черты тех или иных радиограмм подводных лодок. Мы могли, например, отличить радиограммы, которыми лодки доносили в штабы об обнаружении конвоев или сообща-

ли об условиях погоды в районе патрулирования, или длинные радиограммы (хотя расшифровать их, как правило, не удавалось) о полученных повреждениях. Мы знали также о средней продолжительности боевого патрулирования лодки: она не могла оставаться в море более месяца, а если получала повреждения или расходовала свои торпеды, то период патрулирования соответственно сокращался. Любая подводная лодка могла возвратиться в базу только по одному из трех путей: в Бискайский залив, между Исландией и Фарерскими островами и по прибрежным норвежским фарватерам в Балтику; наблюдение же за этими путями патрульными кораблями и авиацией непрерывно усиливалось и совершенствовалось. Объем накопленных данных и возможность на основе этих данных делать предположения достигли такого уровня, что к 1942 году пост слежения за подводными лодками был способен прослеживать все этапы жизни и деятельности подавляющей части немецких подводных кораблей.

Наиболее срочные и важные факты передавались сотрудникам, работавшим над основной картой, в сыром, необработанном виде; подавляющая же часть информации предварительно обрабатывалась и анализировалась так, чтобы данные можно было сразу же наносить на карту, где они становились элементами общей обстановки. На дежурстве в посту круглосуточно находились сотрудники, которые принимали данные радиопеленгования и наносили их на главную карту обстановки только после тщательной обработки и анализа. Другие сотрудники занимались обработкой на малых столах донесений береговых наблюдателей, донесений кораблей и торговых судов об обнаружении подводных лодок или о произведенных ими атаках, показаний спасшихся с потопленных судов, донесений воздушной разведки, заключений, которые можно было сделать из передач широковещательных радиостанций противника и т. п. Бо́льшая часть этих данных оказывалась не имеющей особого значения и малоценной, но иногда и среди них попадались такие, которые были весьма полезными для уточнения обстановки на главной разведывательной карте.

Собираемые данные и сделанные на их основе предположения, заключения и выводы необходимо было доводить до заинтересованных инстанций, а это, в свою очередь, требовало обсуждения. Каждый день, не позднее девяти часов утра, происходили 15—20-минутные телефонные разговоры с начальником штаба военно-морского округа западных подходов в Ливерпуле и начальником штаба авиации берегового командования. Уинн или его заместитель докладывали основные данные, поступившие за прошедшую ночь: насколько усилились или уменьшились опасности, о которых сообщалось накануне, какие новые ситуации могли возникнуть в ближайшее время, какие были допущены ошибки и просчеты. Они обсуждали вероятность атак подводных лодок, желательные в связи с этим отклонения конвоев с курсов, сравнивали состав подводных сил противника и противолодочные силы, которые могли быть использованы против них.

Более ясное представление о деятельности поста слежения за движением подводных лодок читатель получит, если мы расскажем об обязанностях двенадцати сотрудников, работавших в комнате Уинна.

Гражданские дежурные сотрудники. Получали все донесения и вели вахтенный журнал поступающих данных; вели прокладку движения наших конвоев на основании данных, получаемых из оперативного поста управления торгового судоходства; регистрировали движение наших военных кораблей. Важнейшие оперативные донесения сразу же передавались дежурным офицерам военно-морского флота.

Прокладчики радиопеленгов (8X). В этой группе был только один офицер военно-морского флота. Сотрудники группы поддерживали постоянную связь с центральным радиопеленгаторным постом, куда по телефону сообщались данные пеленгования со всех радиопеленгаторных станций. Проложив на своей карте поступившие радиопеленги на выходившие в эфир подводные лодки, они сообщали полученные таким образом данные дежурному офицеру для нанесения их на главную карту обстановки.

Дежурные офицеры военно-морского флота (8S). Вели прокладку движения всех кораблей и подводных лодок противника и круглосуточно следили за главной картой обстановки. Когда, по их оценке, возникала опасная ситуация, они немедленно докладывали о ней Уинну или его заместителю; последние в свою очередь, докладывали обстановку начальнику отдела ПЛО и начальнику оперативного управления. В составе этой группы всегда дежурил, кроме того, офицер, представлявший начальника отдела ПЛО, который отвечал за подготовку сил ПЛО, тактику и используемое ими оружие.

Сотрудники, работавшие в дневное время. В эту группу входили только гражданские работники, занимавшиеся различного рода исследованиями и анализом, накоплением, систематизацией и обобщением данных, изучением показаний военнопленных, слежением за ходом строительства противником новых подводных лодок, ведением досье, картотек и т. п.

Основным во всей этой работе, какие бы данные ни поступали со станции «X», были, конечно, места подводных лодок, определенные радиопеленгованием. Каждый день в 11.30 дежурные прокладчики радиопеленгов сменялись, при этом вновь заступающая группа подробнейшим образом информировалась о событиях, происшедших за истекшие сутки. Главное внимание всегда уделялось радиопеленгаторному центру в северной части Англии, на который сообщались все радиопеленги, зафиксированные английскими станциями. Данные десятка различных радиопеленгаторных станций обрабатывались этим центром в течение нескольких минут, и результаты немедленно сообщались по телефону в адмиралтейство. Все пеленги регистрировались в журнале с указанием времени перехвата, источника, позывных групп и т. п. сведений. Во время групповых действий не-

мецкие подводные лодки (одновременно участвовало иногда до десяти—двенадцати единиц) в течение одного часа посылали в базу иногда тридцать—сорок донесений об обнаружении судов и результатах их атаки; пеленгование работы радиостанций лодок позволяло в таких случаях составить полную картину их боевого развертывания. Используемая лодками радиочастота и их повседневный радиообмен были хорошо изучены капитан-лейтенантом Питером Кемпом (8X) и подчиненными ему экспертами по радиопеленгам. Сотрудники этой группы, как и операторы радиопеленгаторных станций, научились лишь по одному взгляду на цифровые значения пеленгов определять район, из которого та или иная лодка передавала радиограмму. Само собой разумеется, что, как только немецкую лодку обнаруживали вблизи конвоя, командиру сил охранения немедленно направлялось соответствующее предупреждение.

Определение радиопеленгованием места вышедшей в эфир подводной лодки получало хорошую оценку, если ошибка не выходила за пределы сорока — пятидесяти миль; оценка «отлично» давалась в том случае, если ошибка не превышала десяти—пятнадцати миль. Принимая во внимание невысокую скорость хода лодки в подводном положении (в среднем не более трех узлов, а в надводном положении при благоприятной погоде — не более одиннадцати узлов), можно сказать, что сторожевые корабли и эскадренные миноносцы, особенно в условиях высокой волны на море, получив своевременно данные радиопеленгования, имели вполне реальную возможность установить контакт с лодкой и атаковать ее. Оснащенный же радиолокатором самолет имел еще бо́льшие шансы. Один из сотрудников поста слежения за подводными лодками помнит случай, когда засеченная радиопеленгованием в Балтийском море немецкая лодка была обнаружена и потоплена самолетом берегового командования в трех милях от сообщенного ему места, причем все это произошло в течение тридцати минут с момента перехвата работы радиопередатчика лодки.

Сотрудник, определяющий место лодки по радиопеленгам, если он обладает достаточно большим опытом, может определить по характеру и объему перехваченной радиограммы, давно ли лодка всплыла в надводное положение. Он может также с достаточной уверенностью предположить, передает ли она донесение об обнаружении судна или данные о погоде или докладывает ежедневную сводку о состоянии запасов топлива и торпед. По мере развития военных событий было введено «рафинирование» результатов работы радиопеленгаторщиков, которое осуществлялось с помощью сидящих рядом с ними младших научных сотрудников. Эти сотрудники давали советы, как из большого количества выделять наиболее надежные пеленги, как могут быть допущены ошибки и что надо делать, чтобы избегать их. Такая практика позволила оперативно-информационному центру оценивать работу отдельных радиопеленгаторных станций, совершенствовать подготовку их операторов и, следовательно, повышать точность радиопеленгования.

Самая напряженная умственная работа начиналась после получения первичных данных, то есть после того, как лодка выходила в эфир и выдавала этим свое место. На этом этапе за работу брался Уинн: в каком направлении пойдет эта лодка? Очевидно, в направлении к конвою, если она обнаружила его и сообщила об этом, или она будет наводить на конвой другие лодки волчьей стаи. В таком случае можно предположить, какими курсами пойдут к конвою другие лодки и с достаточной точностью рассчитать время их выхода на позиции. Точность этих расчетов зависела от погодных условий и от того, насколько хорошо мы знали тактические приемы противника. Последние становились нам известными частично в результате изучения отчетов о боевых действиях конвоев, частично из допросов военнопленных. На основании допущения различных вероятностей и обоснованной оценки обстановки часто появлялась возможность предсказать, в каком районе можно ожидать следующую атаку подводными лодками и направить соответствующее предупреждение командиру конвоя и командиру сил охранения.

С помощью бывших сотрудников поста слежения за движением подводных лодок автор воспроизвел картину того, что происходило в комнате 8 в типичном случае напряженной обстановки. Во второй половине дня, например, могло поступить донесение от авиации берегового командования, базирующейся на Исландию или на Северную Ирландию, об обнаружении немецкой подводной лодки в надводном положении в районе, не отмеченном на карте обстановки никакими булавками и символами. «Смотри-ка, Роджер, — сказал бы в этом случае один из помощников Уинна, — появилась какая-то новая. Интересно, откуда она пришла сюда?»

Затем, вооружившись циркулями, булавками и значками, они начинали подсчитывать и рассчитывать, действительно ли это новая лодка или та, за которой уже следили, но, возможно, ошиблись по каким-либо причинам в прокладке маршрута ее движения. Они находили такую лодку, которая могла бы за прошедшее время пройти расстояние из района, в котором ее обнаружили последний раз, однако при существовавших погодных условиях это казалось маловероятным. Но недалеко отсюда была и такая лодка, которая могла изменить направление своего движения после последнего засечения ее радиопеленгами. Какая же из них попала в этот новый район?

После того как этот вопрос так или иначе решался — а иногда благодаря необыкновенной способности Уинна угадывать образ действий подводных лодок он решался очень быстро, — возникали другие вопросы. «Куда сейчас идет эта лодка?», то есть прямо в направлении такого-то и такого-то конвоя или нет? «Есть ли в этом районе другие немецкие лодки?», то есть является ли обнаруженная лодка одной из патрулирующих на каком-то рубеже? Если так, то как расположен этот рубеж и какова его протяженность? Пока кто-то занимался рассмотрением различных вероятностей и возможностей, Уинн мог сказать: «Лучше, пожалуй, пригласить сюда поскорей Холла».

В комнату 8 из соседней комнаты 12 поспешно входил Холл и

спрашивал: «О каком конвое идет речь, Роджер?» «Об НХ.42, — отвечал Роджер. — Видишь, вот здесь появилась подводная лодка, которую мы не ждали. Она всего в пятидесяти милях к югу от конвоя. Возможно, там есть и другие. А как у тебя дела с конвоем?»

Холл знакомился с обстановкой на карте; Уинн обращал его внимание на опасность.

«С конвоем дело плохо, — задумчиво говорил Холл. — У кораблей охранения на исходе запасы топлива, и приказать конвою существенно изменить курс просто невозможно. А ты уверен, Роджер, что опасность серьезна?»

«Уверен! Ты знаешь не хуже меня, Дик, что в этой игре в кошки-мышки ни в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Но предчувствие подсказывает мне, что твой конвой, если он пойдет прежним курсом, не избежит атаки».

«Ну хорошо, — говорил Холл, — пойду переговорю со штабом западных подходов и информирую их, что может быть в худшем случае»,— и выходил из комнаты 8. Минут через двадцать Холл возвращался. Его расплывшееся в счастливой улыбке круглое лицо напоминало черты его отца — выдающегося адмирала, начальника разведывательного управления во времена Ютландского боя. «Мы спасены, — радостно сообщал он, — западные подходы говорят, что у них есть сейчас группа кораблей, которую они могут послать к конвою, если мы отклоним его от курса, а прежние корабли охранения смогут пополнить запасы топлива в Исландии».

«Ну вот, — говорил Уинн, — это уж намного лучше. Давайте теперь посмотрим, куда выгоднее отклонить конвой».

Вооружившись измерителями, они начинали обсуждать новую проблему. Если подводная лодка шла в таком-то направлении в надводном положении со средней скоростью десять узлов,— может быть, немного меньше из-за плохой погоды, — то она должна обнаружить конвой и донести о нем в такое-то время и в таком-то районе. Если она является одной из лодок на рубеже патрулирования, то остальные смогут сосредоточиться приблизительно через пять-шесть часов. Для полной гарантии Уинн предлагает приказать конвою НХ.42 отвернуть на 90° на восток и пройти новым курсом четыре часа, а затем сделать поворот на 45° в обратном направлении и пройти так еще один час. «Возможно, что это окажется недостаточным, — говорил Уинн, — но поскольку к этому времени к конвою присоединится новая группа кораблей охранения, можно пойти на риск встречи их с лодками противника».

Предложение Уинна обсуждено, и, поскольку решение принято, начинают быстро делать все необходимое, чтобы отправить конвою радиограмму через командующего военно-морским округом западных подходов, предварительно завизировав ее у начальника управления торгового судоходства. Затем начинается знакомое утомительное и напряженное ожидание. Все, что можно было сделать, сделано. Уинн и его сотрудники продолжают выяснять и анализировать движение многих других подводных лодок и конвоев, но одновре-

менно то и дело посматривают на часы, чтобы убедиться, правильным ли было их решение отклонить конвой HX.42, удалось ли им еще раз перехитрить Деница или в этом районе произойдет еще один ожесточенный бой. Если бой все же произойдет, все будут знать, что, по крайней мере, было сделано все, чтобы избежать тяжелых потерь, атака противника не будет неожиданной, разведка свою миссию выполнила.

Можно представить себе, что необходимое для такой борьбы с тактикой Деница огромное умственное напряжение Уинн и его сотрудники выносили только потому, что борьба, по существу, превращалась для них как бы в игру на шахматной доске. В течение пяти лет участия в этой борьбе Уинну и его основным помощникам приходилось держать под строгим самоконтролем свое воображение, рисовавшее картину тяжелых жертв и ужасных страданий людей, если случалось так, что разведке не удавалось предотвратить несчастье. Не будь они способны на такой самоконтроль, напряжение оказалось бы слишком большим. Впрочем, однажды имел место случай, когда охватившее их горькое чувство подавить было трудно. Некий капитан 3 ранга Бойл, всеми уважаемый и любимый сотрудник комнаты 8, работавший в ней в течение многих напряженных месяцев, а затем переведенный на флот, командовал силами охранения конвоя из одиннадцати танкеров, шедших из Тринидада. (Жена его работала в то время в комнате 8 секретарем.) Уинн и его сотрудники оказались беспомощными наблюдателями того, как день за днем противник уничтожал из состава этого важного и уязвимого конвоя одно судно за другим, пока в нем не остался всего один танкер. К счастью, сам Бойл остался жив.

Типичным примером умелых и уверенных действий группы Уинна является следующий эпизод. Холл следил за переходом через Бискайский залив ценного, следовавшего самостоятельно торгового судна и хотел убедиться в том, что оно избежит встречи с подводной лодкой, показанной на карте Уинна и, вероятно, шедшей в восточном направлении в подводном положении со скоростью три узла. Уинн заявил, что если имеется полная уверенность в точности места нахождения судна в данный момент, то, по его мнению, опасности встречи его с лодкой нет. Тогда Холл приказал судну нарушить радиомолчание и сообщить свои координаты. Когда пришел ответ с координатами судна, Уинн доказал, что если оно пойдет прежним курсом, то встречи с подводной лодкой не произойдет, поскольку судно пересечет курс лодки далеко за ее кормой. Десятью днями позднее капитан судна прибыл в адмиралтейство и потребовал приема у помощника начальника морского штаба, отвечающего за конвои. Капитан с возмущением пожаловался на то, что адмиралтейство приказало ему нарушить радиомолчание и сообщить свои координаты, поставив тем самым судно в опасность и нарушив строжайшие приказы о соблюдении радиомолчания. Лишь с большим трудом капитану 3 ранга Холлу удалось убедить капитана в том, что если бы адмиралтейство не уточнило координаты его судна и не при-

казало ему следовать намеченным курсом, то, вполне возможно, он был бы не в состоянии прибыть в адмиралтейство и заявить свою жалобу.

Авторитет, которым пользовался в адмиралтействе пост слежения за движением подводных лодок, несмотря на то, что главную роль в нем играли переодетые в военную форму гражданские сотрудники, был большим. Поскольку события иногда развивались очень быстро, утверждать что-нибудь с полной уверенностью чаще всего было невозможно. Но, как однажды сказал об этом сам Уинн, сотрудники должны были развивать в себе способность «рабочей выдумки». «То, что в действительности представляло собой всего лишь расчеты и догадки, приходилось принимать за факты и соответственно действовать». Во всем адмиралтействе, пожалуй, не было таких, кто мог бы позволить себе не считаться с выводами, заключениями и предложениями комнаты 8. Работавшие в ней сотрудники не имели возможности консультироваться на более высоком уровне, да они и не нуждались в этом, потому что располагали всей имевшейся информацией. Начальник поста слежения за подводными лодками с самого начала был огражден начальником разведывательного управления и начальником оперативно-информационного центра от давления вышестоящих начальников, что коренным образом противоречило традиционному порядку в ВМС, в соответствии с которым вышестоящий офицер всегда был прав.

Заместитель Уинна с 1942 года капитан-лейтенант добровольческого резерва ВМС Патрик Бисли припоминает случай, когда комната 8 вышла победителем в конфронтации с вышестоящими офицерами. Размышляя однажды вечером над одной из труднейших проблем относительно конвоя, Уинн и Бисли пришли к заключению, что имеющиеся данные разведки позволяют сделать два вывода, причем ни один из них не был убедительнее другого. Действия в соответствии с одним из этих выводов — назовем эти действия вариантом «А» — причинили бы флоту много хлопот, связанных с изменением курсов, переформированием сил охранения и т. п., в то время как вариант «Б» не требовал ничего подобного. Уинн не без труда убедил Бисли, что следует избрать вариант «А», несмотря на то что вышестоящему начальству этот вариант, естественно, не понравится.

Когда для обсуждения решения в пост слежения за подводными лодками спустилось «высокое начальство», Бисли с удивлением услышал, как Уинн начал подробно излагать аргументы в пользу действий по менее беспокойному варианту «Б», то есть те аргументы, которые только что отстаивал Бисли в споре с Уинном. Закончив изложение, Уинн добавил с характерным для него красноречием адвоката, что существует другой взгляд на обстановку и другой вариант действий, о которых он должен беспристрастно доложить, поскольку этого взгляда придерживаются его коллеги, суждение которых он, Уинн, уважает. Однако он, Уинн, понимает, что этот вариант вряд ли приемлем, поскольку потребует затруднительных для штаба изменений плана и диспозиции сил охранения. Умиленное возмож-

ностью показать свое безразличие к такого рода аргументам и хоть один раз не согласиться с доводами Уинна, высокое начальство приняло решение действовать по варианту «А», то есть по тому варианту, который предпочитал Уинн.

Один из бывших сотрудников Уинна, офицер добровольческого резерва ВМС, рассказал автору о работе комнаты 8 следующее:

> «Старшие офицеры морского штаба иногда менялись. Было очень интересно наблюдать за их первой реакцией при встрече с Уинном и за тем, как с течением времени между ними устанавливалось тесное и дружественное рабочее сотрудничество, несмотря на явное недоверие и скептицизм на первых порах со стороны кадровых офицеров флота, только что переведенных с корабельной службы на береговую. Уинн был всегда корректен со старшими офицерами и относился к ним с уважением. Для привлечения внимания слушателей к своей точке зрения Уинн полностью использовал свое юридическое образование и адвокатское красноречие, часто преподнося какой-нибудь непопулярный взгляд таким путем, что помощник начальника штаба или другой высокопоставленный офицер начинал верить, что это он, а не Уинн проник первым в существо проблемы и нашел правильное решение.
>
> Уинн был в высшей степени индивидуалистом, и хотя наша работа носила групповой характер, он стремился лично познакомиться с мельчайшими фактами и свидетельствами и никогда не полагался на выработанные своими сотрудниками предложения и решения каких-либо частей общей загадки. Я думаю, что это было вполне естественно для него и что по-другому он просто не смог бы работать. Но, откровенно говоря, такой подход был в то же время необходим. Начальник на таком участке не мог позволить себе пренебречь какой бы то ни было информацией; он должен был лично тщательно просматривать, оценивать и решать все части общей проблемы, а не только ее центральную задачу.
>
> Уинну все время приходилось испытывать огромное напряжение. И дело не только в том, что у него был продолжительный рабочий день — он редко работал меньше, чем по одиннадцати часов в сутки, а часто, при напряженной обстановке, намного больше,— но и в том, что он постоянно чувствовал возложенную на него огромную ответственность. Минуты, не использованные для своевременной оценки данных, для рекомендации конвою курса уклонения из опасного района или для составления проекта радиограммы с указаниями, часто могли стоить потери нескольких судов и, что еще важнее, многих жизней. Уинн всегда держался спокойно и не терял контроля ни над со-

бой, ни над обстановкой, но он достигал этого лишь благодаря огромному нервному и физическому напряжению.

Недюжинные умственные способности и твердая уверенность в себе Уинна дополнялись высоким чувством моральной ответственности. Решения, которые он рекомендовал, могли иметь, и часто действительно имели, далеко идущие последствия. Люди всегда склонны давать своим начальникам такой совет, какой последним хотелось бы получить, но Уинна обвинить в подобной слабости было бы несправедливо. Взгляды Уинна на такие вопросы, как: увенчалась ли успехом попытка атаковать немецкую подводную лодку; в каком районе Дениц сосредоточит свои силы в ближайшее время; каковы темпы строительства немцами новых подводных лодок; каковы возможности немцев продолжать подводную войну из норвежских баз в случае, если территория собственно Германии будет покорена, и на многие другие часто делала его непопулярным — по крайней мере на время — среди тех, кто должен был действовать в соответствии с этими взглядами. Решения и предсказания Уинна обычно оправдывались или опровергались в течение нескольких дней, а иногда и в течение нескольких часов, и для признания этого тоже требовалось немало мужества, ибо на карту ставилось очень многое.

В моей памяти осталось два эпизода, ярко иллюстрирующих готовность Уинна принять ответственное решение и стойко придерживаться его. Запомнилась его непоколебимая решимость пытаться во что бы то ни стало вести прокладку движения подводных лодок от их последнего известного места, несмотря на недостаточность или даже полное отсутствие новых данных. Нельзя забыть и другого — его предчувствия, что немцы запланировали предпринять в 1943 году наступление подводных лодок в районе мыса Доброй Надежды. Оснований для такого предположения было очень мало, тем не менее день за днем мы тщательно прокладывали путь вышедших из Бискайского залива лодок, «довели» их до экватора и далее в Южную Атлантику. Никто не утверждал, что мы ошибались в наших предположениях, но большинство очень удивилось, когда оказалось, что в конечном итоге мы были правы.

Работать с таким человеком было нелегко. Он держал сотрудников, что называется, в ежовых рукавицах и не стеснялся в выражениях, когда считал, что кто-нибудь из нас сделал что-то далеко не лучшим образом. Тем не менее все мы видели и понимали, что к себе он предъявляет еще более жесткие требования, чем к нам, и что он всегда оказывал нам полную поддержку и ревностно защищал

нас, если мы принимали то или иное решение в его отсутствие. В результате он добился такого порядка, при котором вышестоящее начальство стало полагаться на советы и решения сотрудников, дежуривших ночью, почти так же, как оно полагалось на прогнозы и решения самого Уинна днем. Вследствие этого, хотя в центре внимания всегда был сам Уинн — и надо сказать, вполне заслуженно,— все мы чувствовали себя частью общего организма и испытывали чувство гордости за полезную деятельность комнаты 8 и за высокую репутацию, которую она завоевала в адмиралтействе. Можно даже сказать, что многие из нас смотрели на себя не иначе как на играющих главную роль в достижении победы».

Уинн всегда настаивал на том, чтобы его сотрудники выражали единое и единственное мнение. Между собой они могли спорить сколько угодно, могли критиковать друг друга и выражать свое несогласие. Но если в комнате появлялся посторонний, то во избежание недоразумений и путаницы ему должны были излагать только официально принятый взгляд, согласованное мнение и решение.

К 1943 году адмирал Иделстен, занимавший тогда должность помощника начальника штаба ВМС по ПЛО и торговому судоходству, установил порядок, согласно которому без его разрешения ни одно судно или конвой не могли быть отправлены в плавание по такому маршруту, который противоречил бы рекомендациям Уинна. Иногда по соображениям оперативного порядка и в свете требований министра военного транспорта или других высокопоставленных руководителей пост слежения за подводными лодками вынуждали менять принятое им ранее решение. Уинн припоминает, как в декабре 1942 года ему заявили, что лайнер «Керамик», перевозивший в Такоради срочно потребовавшихся там специалистов по аэродромам, необходимо отделить от конвоя, с которым он шел и как можно быстрее направить в порт назначения на побережье Африки. «Керамик» шел в составе конвоя, направлявшегося на юг по рекомендованному Уинном маршруту: Галифакс — Нью-Йорк — Хаттерас — Карибское море — Ресифе. Затем следовал короткий переход через Южную Атлантику. В течение четырех дней Уинн отказывался отделить «Керамик», потому что считал, что за конвоем ведут наблюдение и доносят о нем немецкие подводные лодки, но в конце концов вынужден был уступить давлению министерства торгового судоходства и согласился отделить от конвоя лайнер и два эскадренных миноносца. Через два-три часа после выхода из конвоя «Керамик» обогнал сопровождавшие его эсминцы; позднее он был потоплен подводной лодкой, которая подобрала лишь одного спасшегося с него человека. Уинн взял на себя всю ответственность за решение, которое, как он считал, было принято им под значительным давлением и вопреки его суждениям.

В комнате 8, как и во всех других комнатах оперативно-информационного центра, люди находились в постоянном напряжении. Отчасти это объяснялось характером работы, отчасти продолжительностью рабочего дня в подземелье при электрическом освещении, отчасти влиянием лондонской жизни с частыми воздушными налетами авиации противника, нехваткой продуктов питания и другими трудностями. Вот как об этом рассказал автору еще один младший сотрудник Уинна:

> «Уинн не щадил никого в своем стремлении быть как можно полнее информированным в отношении обстановки для участия в различных совещаниях, ибо от его информированности зависела репутация поста слежения и методов работы в нем...
>
> Он был безжалостным руководителем. Невыспавшие и усталые дежурные ночной смены были обязаны подробно и точно докладывать ему обо всех событиях, происшедших во время их дежурства. За любую ошибку или упущение люди жестоко наказывались; для них не существовало никаких оправданий.
>
> Тем не менее Уинн был близким другом и товарищем для каждого сотрудника. Во внеслужебное время все называли друг друга уменьшительными именами и каждый чувствовал себя совершенно равным. Уинн никогда не упускал возможности похвалить в присутствии старших офицеров своих подчиненных за хорошую работу. И такие адмиралы, как Генри Мур и Джон Иделстен, никогда не были против царившей на посту непринужденной рабочей атмосферы».

Уместно поставить вопрос: все ли было правильно организовано в этом в высшей мере секретном мозговом центре управления битвой за Атлантику? В военно-морских кругах, среди тех, кто знал работу комнаты 8, упоминание поста слежения за подводными лодками вызывало немедленную похвалу, будто речь шла об известном игроке в крикет или знаменитом артисте — высокая репутация не вызывала никакого сомнения. Тем не менее Уинн и его сотрудники никогда не скрывали того факта, что ими допускались ошибки, иногда обходившиеся очень дорого. Возникает вопрос: можно ли было избежать таких ошибок?

По мнению автора (оно основано на знании условий работы в цитадели и на беседах с бывшими сотрудниками оперативно-информационного центра), несомненно, допускались такие ошибки, которых можно было избежать.

Во-первых, потому, что сначала на одного человека, а позднее на двух были возложены слишком тяжелые обязанности. В конце 1942 года напряжение отразилось на здоровье Уинна настолько сильно, что его врач был склонен запретить ему продолжать работать.

Уход Уинна в этот период — за шесть месяцев до коренного перелома в борьбе с немецкими подводными лодками — вне всякого сомнения, имел бы далеко идущие последствия. Создалось положение, при котором глубоким и всесторонним знанием тактики и намерений Деница обладал только один человек — Роджер Уинн.

Во-вторых, старшим офицерам надо было бы уделить больше внимания бытовым удобствам работавших в оперативно-информационном центре. Правда, по сравнению с адмиралтейством времен первой мировой войны цитадель являлась безопасным убежищем. В нем было чисто, тепло, поддерживалась сравнительная тишина. Но все помещения были явно переполнены сотрудниками. Для сна и отдыха, исключая самых высоких начальников, места не было. Дэннинг, например, во время преследования линейного корабля «Бисмарк» спал под своим столом; его секретарша отдыхала на койке, которая редко пустовала более одного-двух часов. Медицинское наблюдение за состоянием здоровья сотрудников, выполнявших ответственные функции, было поверхностным.

В-третьих, отрицательное влияние на людей оказывала примитивность оборудования рабочих мест и отсутствие хорошо организованного питания. Когда американцы после настоятельных рекомендаций англичан построили свой оперативно-информационный центр, они оборудовали его настолько совершенной техникой и аппаратурой, что случайно побывавшие в нем сотрудники лондонского центра сгорали от зависти: бесшумные пишущие машинки, механизированная передача донесений, удобные хранилища для дел и картотек, совершенная фотоаппаратура и множество других вспомогательных устройств для правильной и рациональной организации работы. Положение английских сотрудников в сравнении с американскими было не лучше, чем положение Робинзона Крузо.

Вообще говоря, оперативно-информационный центр адмиралтейства не был уж столь неприветливым и неудобным местом, как могут подумать некоторые. Если бы для прохода из адмиралтейства в цитадель не нужно было предъявлять специальный пропуск бдительному часовому из морской пехоты, то в оперативно-информационном центре собиралось бы немало любителей поболтать и узнать последние новости. Однако правом входа в различные кабинеты центра пользовались лишь немногие люди, те, кому действительно была необходима та или иная информация. Высокопоставленные адмиралы, среди них и сам Дадли Паунд, работавшие в адмиралтействе до позднего вечера или даже ночевавшие там, часто заходили в центр обменяться мнениями и посмотреть на карту обстановки, от которой в первые три года войны зависело очень многое. Вечером сюда иногда звонил дежурный по адмиралтейству. Он интересовался, нет ли каких-нибудь новостей — хороших или плохих,— которые можно было бы передать премьер-министру для трансатлантического телефонного разговора с Рузвельтом. Иногда сюда по нескольку раз в день на протяжении двух-трех недель подряд заходил помощник начальника штаба ВМС по ПЛО и торговому судоходству, потому

что он внимательно следил за тем или иным ценным конвоем, следовавшим по назначению с оружием, продуктами питания или топливом или перебрасывавшим в Египет вокруг мыса Доброй Надежды одну и единственную бронетанковую бригаду с ее танками.

Изредка, аналогично тому, как простой мирянин иногда вдруг захочет узнать, на каком основании метеоролог делает прогноз погоды, какой-нибудь высокопоставленный офицер настаивал на ознакомлении его с фактами и аргументами, на которых было обосновано то или иное предположение или решение разведывательного управления. Однажды в подобном инциденте участвовал адмирал Макс Хортон, который за год до этого — в ноябре 1942 года — стал командующим военно-морским округом западных подходов. Он пожаловался на случаи, когда были потеряны корабли и суда, действовавшие в соответствии с рекомендациями Уинна. Отличаясь властным и безжалостным характером, адмирал Хортон считал, что сможет научить кое-чему сотрудников, работающих в цитадели, и поэтому попросил рассказать ему о тех методах и приемах, которыми они пользуются, когда приходят к тем или иным выводам и заключениям о движении сил противника. Уинн вежливо ответил, что сможет самым подробнейшим образом ознакомить адмирала со всем материалом во время следующего визита его в адмиралтейство. Когда Хортон прибыл в следующий раз, перед ним положили на стол кипы радиограмм, донесений об определении мест по радиопеленгам и множество других документов, имевших отношение к эпизоду, на который он жаловался, а также карту обстановки периода, о котором шла речь. Адмиралу объяснили, как в данном случае обращались с противоречиями и неопределенностями и на каком основании избирался тот или иной образ действий. Затем адмиралу предоставили возможность разобраться во всем самому. Поработав над документами несколько часов, он зашел в полнейший тупик и, как утверждает его биограф, согласился с фактами. «На его лице появилась знакомая улыбка, которую некоторые называли кошачьей, а другие милостивой; он протянул руку для пожатия и заявил: «До свидания, Роджер, я вполне полагаюсь в этом деле на вас». И действительно, после этого случая он никогда не жаловался на Уинна.

Для тех, кто знаком с историей освоения Уинном этого сложного процесса, вышеописанный эпизод имеет и свою комическую окраску. Дело в том, что в свое время, нуждаясь в практическом знании трудностей, с которыми сталкиваются командиры подводных лодок, а также для ознакомления с подготовкой, которую они получают, чтобы преодолевать эти трудности, Уинн обращался с вопросами не к кому иному, как к Хортону (в то время командующему подводными силами), который не без удовольствия поучал молодого и любознательного офицера добровольческого резерва ВМС. В то время никто, конечно, не мог знать или даже вообразить, что через два года этот молодой офицер будет фактически учить адмирала и ветерана военно-морского флота тому, как он должен использовать вверенные ему корабли, чтобы перехитрить немецкие подводные

лодки и оказаться победителем. Хортон, служивший в Ливерпуле, знал, что имеет дело с сильным человеком, да еще таким, который не находится в его подчинении; поэтому отношения между ними стали строго деловыми.

В декабре 1944 года начальник разведывательного управления ВМС Рашбрук, при котором был достигнут крутой перелом в борьбе с немецкими подводными лодками, прочитал Клэйтону, Уинну, Бисли и другим сотрудникам поста слежения за подводными лодками поздравления уходившего в отставку помощника начальника штаба ВМС по ПЛО адмирала Иделстена:

> «После двухлетнего тесного сотрудничества с работниками поста слежения за движением подводных лодок противника я считаю, что было бы крайне нелюбезным с моей стороны не выразить огромнейшую благодарность тем, кто работал в этом отделе вашего управления.
>
> Адмирал Клэйтон постоянно держал под своим контролем пульс немецких подводных сил, и его готовность в любой момент дать совет и консультацию оказывала мне огромную помощь в ведении борьбы с подводными лодками, а также при необходимости принимать многие трудные решения.
>
> О работе сотрудников поста слежения за движением подводных лодок противника я могу отозваться только словами наивысшей похвалы. Под мастерским руководством капитана 1 ранга Уинна сотрудники этого отделения, несмотря на трудные условия, работали отлично.
>
> Я неоднократно убеждался в том, что конвои и одиночно следовавшие суда избегали опасности благодаря данным разведки, предположениям и предвидению сотрудников этого отделения при эффективной помощи капитана 3 ранга Холла и его сотрудников на оперативном посту управления торгового судоходства.
>
> 31 декабря 1944 года».

Интересно отметить, что немцы, со своей стороны, имели аналогичную группу сотрудников для ведения «войны умов», но их группа состояла исключительно из офицеров военно-морского флота. Дениц всегда держал в штабе командующего подводными силами (будь то в Берлине, Париже или Лориане) группу из пяти человек, которая работала круглосуточно и обсуждала каждый шаг в войне за «суммарный тоннаж». В группу входили начальник штаба Годт, офицер по оперативным вопросам, офицер, отвечавший за «оценку противника», за эскортирование подводных лодок, выходящих на патрулирование и возвращавшихся в базы, и специалист по скрытой связи. Офицер, выполнявший последние обязанности в 1939—1943 годы, рассказал автору о напряженных размышлениях и анализе обстановки, пред-

шествовавших передаче подводным лодкам тех или иных приказов и инструкций. Дениц лично беседовал с каждым возвратившимся из патрулирования командиром подводной лодки, а затем командира опрашивали четыре офицера из вышеупомянутой группы, выясняя все интересующие их детали боевых действий. Офицер, ведавший скрытой связью, анализировал все радиограммы, переданные и полученные командиром лодки; тщательно анализировались все записи в вахтенном журнале лодки; командир был обязан докладывать о всех использованных им тактических приемах, и, если это было необходимо, его тут же критиковали; любая информация о тактике английских противолодочных сил и конвоев тщательно регистрировалась; каждый случай потери подводной лодки тщательно и придирчиво расследовался.

Находясь почти в течение четырех лет в зависимости от информации, извлекаемой дешифровальной службой из радиообмена союзников, эта небольшая группа при штабе немецких подводных сил была постоянно озабочена возможностью того, что англичане могли иногда читать их собственный радиообмен. В связи с централизованным управлением действиями лодок, на котором настаивал Дениц, обмен этот был весьма обширным, и поэтому какая-то утечка информации казалась неизбежной. Вопрос был только в том, велика ли эта утечка? Только в 1943 году в состав упомянутой группы из пяти человек ввели еще одного офицера, возложив на него обязанность тщательно рассматривать и анализировать все подозрительные случаи и обстоятельства: уклонения американских и английских конвоев от поджидавших их на линии патрулирования немецких лодок; окружение немецких подводных лодок снабжения; обоснованное предвидение неожиданного переразвертывания подводных лодок из одного района океана в другой и т. п. Все это было результатом работы поста слежения за движением подводных лодок. Противник, особенно его дешифровальная служба, снова и снова задавался вопросом, но ответ всегда был отрицательным.

В ноябре 1966 года автор спросил адмирала Деница, чувствовал ли он во время битвы за Атлантику, что ему противостоит ум командующего, читающий его, Деница, мысли и намерения? «Нет,— ответил тот,— не чувствовал до тех пор, пока в ноябре 1942 года руководство борьбой против немецких подводных сил не поручили адмиралу Хортону». Представляется вероятным, что работа оперативной разведки, как ее понимали в адмиралтействе, немецкому штабу руководства войной на море была неизвестна. Дениц и его офицеры получали данные разведки в обработанном и обобщенном виде, напечатанными на телетайпной ленте; ведение операций и изучение намерений и сил противника они пытались осуществить одним объединенным органом. А такая организация и метод коренным образом отличаются от положения, при котором разведывательный и оперативный органы, работая в тесном контакте, остаются, тем не менее, разделенными как организационно, так и по командной линии.

ЧЕРЧИЛЛЬ И ГОДФРИ

ГЛАВА 6

Сейчас, оглядываясь назад, можно сказать, что столкновение умов и воли Черчилля и начальника управления ВМС Годфри в начале войны было неизбежным. Расширявшееся управление должно было установить и придерживаться в дальнейшем определенных принципов работы, главный из которых сводился к следующему — давать правдивую информацию. Первый морской лорд адмиралтейства стремился морально подбодрить страну в такое время, когда активную борьбу с противником на широких просторах морей и океанов вел, по существу, один вид вооруженных сил — ВМС. Осенью и зимой 1939/40 года еще не настало время, когда стране ничего нельзя было обещать, кроме «крови, пота и слез», как это сделал позднее Черчилль. В период «странной войны» английский народ хотел получить такую информацию в цифрах и фотографиях, которая показывала бы, что Великобритания, не сумевшая защитить Польшу, не сидела сложа руки, не причиняя никакого вреда нацистам; Черчилль стремился найти и опубликовать такую информацию как в интересах военно-морского флота, так и в своих личных интересах.

Необходимо помнить, что с тех пор, как в 1915—1916 годах Черчилль был первым лордом адмиралтейства, он никогда после этого не являлся непосредственным руководителем военно-морского флота. Вполне возможно, что в 1939—1940 годах он представлял себе военно-морскую разведку главным образом в виде существовавшей двадцать пять лет назад комнаты 40, обеспечивавшей адмиралтейство и министерство иностранных дел сенсационными фактическими данными — результатами дешифрования радиообмена противника. В 1939 году таких данных разведка дать не могла, да и надеяться на их получение не было никаких оснований: дешифровальная служба, как и все остальное, относящееся к обороне, после того как Керзон добился в 1922 году перевода ее из адмиралтейства в гражданское ведомство, полностью захирела. Кабинету и начальникам штабов видов вооруженных сил срочно требовались неопровержимые и исчерпывающие данные, но они могли получить лишь отрывки разрозненной информации, собранной в результате длительных обсуждений, споров и догадок. Огромный запас знаний, который позволял на более поздних этапах войны без труда извлекать из них надежную

информацию, надо было еще накапливать и создавать. Поэтому, когда Черчилль пожелал получить и опубликовать для всего мира точные и вместе с тем обнадеживающие цифровые данные о потопленных немецких подводных лодках и о строительстве Германией новых подводных кораблей, он оказался в весьма затруднительном положении.

Годфри сталкивался с Черчиллем на двух фронтах: во-первых, как руководящий работник военно-морского штаба, отвечавший за получение разведывательных данных и за сохранение их в тайне, и, во-вторых, как руководитель, направлявший работу отдела информации, который, подчиняясь капитану 1 ранга Брукингу, отвечал за то, чтобы, получив от адмиралтейства по возможности более полную и широкую информацию, удовлетворять запросы общественного мнения и следить за тем, что печатается в национальных газетах и журналах. Позднее начальник разведывательного управления ВМС освободили от этих двойных обязанностей — лесника, охраняющего дичь, и браконьера. И хотя эта мера была логичной, практичной она выглядела только на бумаге. Кто же, как не начальник разведывательного управления, располагавший наиболее полными знаниями о противнике, об операциях и о требованиях сохранения тайны, мог лучше других судить о том, что́ можно и что́ нельзя передавать органам печати и радиовещательной корпорации Би-Би-Си. Фактически, как об этом говорилось в третьей главе, это была работа постоянно и тесно связанная с политикой, требовавшая непрерывных консультаций с другими видами вооруженных сил, подлежащая вмешательству со стороны официальной цензуры, отвлекавшая начальника разведки и его офицеров от решения главных задач и поэтому приносившая разведке скорее вред, чем пользу.

Следовательно, речь шла о таком положении, которое больше, чем что-либо другое в адмиралтействе, могло привлечь внимание Черчилля, ибо первый лорд адмиралтейства очень часто — и надо сказать, вполне обоснованно — считал себя журналистом. Черчилль считал себя способным и имеющим право на особый, только ему присущий подход к английскому народу; он не боялся, если это соответствовало его стремлению служить интересам страны, ведущей войну, исказить правду или преподнести что-нибудь в розовом свете. Положение осложнялось, а неизбежность столкновения Годфри с политиками усиливалась еще и потому, что в 1939—1940 годах министерство информации выступало с жесткой критикой цензоров и их покровителей, стремясь получить правдивую информацию о ходе войны. В адмиралтействе, получившем в отношении информации репутацию самого скрытного вида вооруженных сил, шел ожесточенный спор, из которого первый лорд, разумеется, хотел выйти победителем.

Вместо того чтобы направить все усилия на добывание информации, а не сидеть и не ждать, пока она поступит сама, то есть вместо того чтобы создать, по его выражению, «наступательную» разведку, Годфри вынужден был заниматься урегулированием конфликтов

с управлением информации, а также удовлетворением просьб и требований первого лорда адмиралтейства, которые обычно начинались словами «прошу вас доложить мне...» или «прошу вас сообщить, почему... не было сделано». В своих воспоминаниях Годфри писал:

> «Такие просьбы и требования передавались нам, как правило, поздней ночью и являлись для прибывавших на службу утром полной неожиданностью. Формулировки в них были настойчивыми, часто даже резкими и суровыми, ответы на вопросы обычно требовались к определенному времени, например к 17.00... Они неизбежно заставляли нас «обороняться» и являлись для нас тяжелой дополнительной нагрузкой к напряжению первых месяцев войны».

На вопросы и требования Черчилля необходимо было в течение нескольких часов давать полные и убедительные ответы, причем такого содержания и в такой форме, которые исключили бы возникновение новых вопросов или, что еще хуже, неудовлетворенность ответами на уже поставленные. Вот тогда-то Годфри и оценил незаменимую роль своего личного помощника лейтенанта добровольческого резерва ВМС Яна Флеминга, сидевшего в комнате 39. Опыт работы Флеминга в агентстве Рейтер помог ему приобрести «чувство прессы», благодаря которому он запросто, без особого напряжения «расправлялся» с любым запросом, как бы резко он ни был сформулирован. Ко времени второго завтрака или чуть позднее на столе Годфри обычно появлялся проект справки по затронутым вопросам, подписанный небрежными инициалами «17F» или просто «F». После обсуждения проекта с некоторыми другими заинтересованными инстанциями Годфри обычно одобрял его и отправлял к мисс Кэмерон, печатавшей наиболее ответственные документы адмиралтейства. Затем документ направлялся в канцелярию первого лорда для доклада «бывшему моряку», который в период между вторым завтраком и 17.00 всегда отдыхал, чего сотрудники его штаба не могли позволить себе до самого позднего вечера.

В начале войны Черчилль стремился получить путем таких запросов и требований не столько разведывательную информацию, сколько информацию для оглашения и завоевания таким образом популярности. Однако, когда дело коснулось вопроса о потоплении немецких подводных лодок, в запросах об информации постепенно стал превалировать разведывательный аспект. Но прежде чем перейти к описанию сложной конфронтации между первым лордом адмиралтейства, первым морским лордом и начальником разведывательного управления ВМС, позвольте отметить, что однажды Годфри наблюдал за подготовкой одного из выступлений Черчилля по радио, касавшегося главным образом военных действий на море. В один из октябрьских дней 1939 года поздно вечером Черчилль попросил Годфри присутствовать при диктовке им проекта своего выступления,

чтобы проверить, все ли факты, которые он упомянет, соответствуют действительности. Ниже мы приводим отрывок из воспоминаний Годфри:

«Мне хорошо помнится обстановка в его кабинете: высококвалифицированная стенографистка, молчаливая машинистка, печатавшая три экземпляра текста выступления на половинных листах стандартной писчей бумаги, длинные паузы для нескольких глотков виски с содовой, необыкновенно большие сигары и сам господин Черчилль в помятой обеденной куртке, диктовавший и непрерывно расхаживавший при этом по просторному кабинету, не обращавший внимания ни на падающий на жилет пепел сигары, ни на выплескивающееся на него же виски с содовой... Он диктовал предложение за предложением, и это, казалось, не требовало от него ни малейшего напряжения ума.

Время от времени он делал некоторые поправки, которые каким-то волшебным, непонятным для меня образом вносились в текст. Мое вмешательство и незначительные поправки охотно принимались и тоже вносились в текст. Через какие-нибудь две минуты после окончания диктовки три прекрасно отпечатанных экземпляра выступления были быстро разложены и скреплены; один из них я должен был взять с собой и сделать свои замечания к десяти часам утра следующих суток. Потом все это было сведено до своеобразного «белого стиха». Такого рода «стихи» я видел позднее в хранилищах Би-Би-Си. Черчилль использовал их во время своего обращения по радио ко всему миру.

Это был единственный случай, когда мне была предоставлена возможность быть свидетелем рождения одной из тех речей, которые вселяли надежду и поднимали дух многих миллионов людей в разных уголках земного шара».

Точную дату, когда началась упомянутая конфронтация, установить трудно, однако можно отметить, что 12 ноября 1939 года, всего через десять недель после начала войны, Черчилль заявил в выступлении по радио, что «атакам немецких подводных лодок препятствуют наши силы» и что «в результате подводные силы противника несут большие потери». Каковы же были основания для такого ободряющего утверждения? Начиная с 3 сентября начальник разведывательного управления ВМС издавал еженедельные сводки потерь немецких подводных лодок, основанные на заключениях комитета по оценке подводных сил противника, который тщательно рассматривал все поступающие с флота донесения об уничтожении лодок. В этот комитет входили начальник отдела ПЛО, начальник управления

боевого использования авиации ВМС, начальник минно-торпедного управления, представитель авиации берегового командования и офицер французского военно-морского флота. Эта еженедельная сводка, хотя и имевшая гриф «секретно», рассылалась во многие адреса как в адмиралтействе, так и за его пределами, ибо источники нашей информации были в то время и немногочисленными, и не столь уж секретными.

Сопутствовавшей этим еженедельным сводкам являлась официальная ежемесячная сводка о количестве построенных немцами новых подводных лодок, основанная, естественно, на наиболее вероятных предположениях и, следовательно, подлежавшая периодической корректировке по мере поступления дополнительной информации от агентуры, военнопленных, фоторазведки и данных исследований специалистов министерства экономической войны; постепенно такие ежемесячные сводки становились более детализированными, а их данные более надежными. Путем изучения этих сводок мы рассчитывали через некоторое время выработать обоснованные прогнозы способности Германии возмещать потери подводных лодок (и, разумеется, их подготовленных экипажей), а также получить представление о том, какие потребуются усилия судостроительной промышленности Великобритании и ее союзников, чтобы справиться с наступлением немецких подводных сил. Поскольку весь ход войны в будущем, способность Великобритании перейти в контрнаступление и ее возможности перевооружить и прокормить весь народ зависели от противодействия наступлению подводных сил противника, усилиям обеспечить точность данных в упомянутых сводках необходимо было придать особо важное значение как по военно-морской линии, так и по линии экономической разведки.

Можно утверждать — и такие политики, как Бренден Брэкен, действительно утверждали,— что в положении, имевшем место в 1939—1940 годах, о немецких подводных силах нужно было публиковать информацию двух видов: одну, по возможности более точную,— для специалистов и военного кабинета, и другую, построенную на ободряющих догадках и предположениях,— для общественного мнения и парламента. Если придерживаться этого взгляда, необходимо обеспечить такой порядок, при котором информация первого рода, известная лишь немногим, никогда не станет достоянием других, даже на флоте.

До 12 декабря число случаев «уверенного» потопления немецких подводных лодок составляло только восемь; однако в сводках разведывательного управления упоминалось восемнадцать случаев «вероятных потоплений», пять случаев «вероятно, получивших серьезные повреждения» и десять случаев «вероятно, получивших легкие повреждения»; при этом в каждом случае указывались названия и количество действовавших союзных кораблей или самолетов. Такой порядок был принят по двум соображениям. Во-первых, для того, чтобы сохранить все сложные оттенки характера и масштабов проблемы в умах работников морского штаба и технических управлений,

которые должны были повышать и совершенствовать борьбу с подводными лодками, и, во-вторых — что имело вряд ли меньшее значение,— чтобы воодушевить всех тех на флоте, кто непосредственно участвовал в этой борьбе.

Таким образом, имея в виду именно эти цифры, первый лорд адмиралтейства позволил себе заявить, что немецкие подводные силы «несут большие потери». Теперь из немецких военно-морских архивов мы знаем, что состояние подводных сил Германии в день выступления Черчилля по радио было следующим: из пятидесяти семи лодок, существовавших к началу войны (что вовсе не означает «действовавших», так как две трети имеющихся лодок обычно находились на пути в море или обратно, а также на ремонте и на отдыхе), потоплено было только шесть. По данным же разведывательного управления ВМС, было потоплено шесть из шестидесяти шести, то есть число потопленных было определено правильно, а общее число лодок в строю завышено на девять единиц. О шести лодках из шестидесяти шести вряд ли можно было говорить как о «больших потерях», но о шести из двух десятков, находящихся в море, сказать так, пожалуй, можно было. Во всяком случае, так было сказано.

Затем Черчилль начал применять «вето». 24 ноября на своем экземпляре еженедельной сводки № 6 от 21.11.39 г. о потерях немцами подводных лодок он написал: «С этими данными не знакомить никого, кромо первого морского лорда, заместителя начальника морского штаба и первого лорда адмиралтейства. Месячную сводку подготовить для рассылки во все адреса, но до рассылки показать мне». Тогда начальник разведывательного управления ВМС заявил, что, поскольку начальник управления противолодочной обороны адмиралтейства является председателем оценочного комитета, сводки о состоянии подводных сил противника надлежит готовить ему, а когда необходимо — составлять и соответствующий документ об успешном потоплении той или иной лодки для ознакомления с ним командующего и старших офицеров. Таким образом, флот будет знать об отдельных случаях потоплений, но общими данными располагать не будет. С таким порядком согласились еще до конца 1939 года, и ежемесячные сводки стали достоянием лишь весьма ограниченного круга лиц.

Следующие ободряющие «сведения» Черчилль сообщил публике в своем выступлении по радио 20 января 1940 года. «На сегодня можно с достаточной уверенностью сказать,— заявил он,— что половина подводных лодок, с которыми Германия начала войну, уничтожена, а строительство противником новых лодок оказалось значительно менее интенсивным, чем мы предполагали».

Такое заявление при всех обстоятельствах вызывало удивление. Сказать, что первоначальная оценка возможностей Германии строить новые подводные лодки была завышена, было бы правильно; но утверждать, что темп строительства новых лодок по какой-то причине снизился, — это совсем другое дело.

Чтобы объяснить подоплеку вольного обращения Черчилля с фактами (думаю, что Черчилль предпочел бы здесь термин «недооценка»), необходимо вернуться назад, к предвоенному времени.

Перед началом войны адмиралтейство было введено в заблуждение инспирируемыми в Берлине сообщениями и слухами, которые имели своей целью создать впечатление, что Гитлер располагает бо́льшим количеством подводных лодок, чем это было в действительности. С одной стороны, немцы утверждали, что в строительстве подводных лодок они не выходят за пределы, установленные англо-германским военно-морским договором; с другой стороны, во время Мюнхенского кризиса и весной 1939 года они распространили слухи, что их подводные лодки уже находятся на боевых позициях в Южной Атлантике, а в одном случае даже, что две подводные лодки находятся на скрытых позициях в районе Портсмута. В умах английских министров поэтому создалась угрожающая картина, и на внесение ясности в нее начальнику разведывательного управления ВМС потребовалось немало времени и усилий. Странно, но в какой-то мере этот миф нашел свое отражение и в мемуарах Черчилля. В первом томе на странице 282 своей работы «Вторая мировая война» он пишет, что Гитлер «все время спешил строить подводные лодки, не обращая внимания на какие бы то ни было договоры». Фактически в отношении количества подводных лодок немцы договора не нарушили, а вот в отношении водоизмещения и размеров линейного корабля «Бисмарк» они действительно пошли на обман. Ранее мы уже отмечали, что гитлеровская программа строительства военно-морского флота, рассчитанная до 1944 года, исходила из того, что войны с Великобританией пока не будет.

По этим причинам оценка адмиралтейства, согласно которой Германия располагала в сентябре 1939 года шестьюдесятью шестью подводными лодками (вместо фактических пятидесяти семи), была вполне приемлема. Интересно отметить, что это преувеличение в известной мере было компенсировано сильной тенденцией считать лодки потопленными не только в случаях, не вызывавших сомнений, но и в случаях, квалифицированных как «вероятно потоплена». Таким образом, количество немецких подводных лодок на январь 1940 года было определено хотя и случайно, но правильно — сорок девять единиц. Однако это была чистая случайность, и уверенности в то время, что эта цифра соответствует действительности, не было.

К моменту выступления Черчилля по радио существовала полная уверенность в потоплении только девяти подводных лодок. Добавив к этому количеству шестнадцать «вероятно потопленных», Черчилль получил общее количество, равное двадцати пяти, а позднее, то ли с помощью собственных подсчетов, то ли воспользовавшись статистикой Линдемана, довел эту цифру до тридцати пяти. Это и привело к «более чем половине потопленных лодок» из того количества, с которым, по мнению адмиралтейства, Германия начала войну. Не удивительно поэтому, что первый лорд адмиралтейства позволил себе

такое ободряющее заявление по радио! Рассмотрим более детально, как разгорались споры по этому вопросу.

18 января начальник разведывательного управления ВМС разослал следующий документ, содержащий данные разведки о состоянии немецких подводных сил:

Имелось на 1 сентября 1939 г.	66
Увеличение за период 1 сентября 1939 г. — 1 января 1940 г.	9
Уверенно известные потери	9
Предположительно потоплены	17
Вероятное увеличение к 1 июля 1940 г.	48
Предполагаемое общее количество на 1 июля 1940 г., не принимая во внимание возможные потери за период 1 января 1940 г. — 1 июля 1940 г.	109

22 января Черчилль подверг эти данные критике. По сделанным в то время Годфри пометкам имеется возможность восстановить форму документа, в котором замечания Черчилля и ответы на них начальника разведывательного управления были представлены на рассмотрение совета адмиралтейства. Для наглядности замечания и ответы приводятся в форме нижеследующей таблицы:

Замечания первого лорда адмиралтейства от 22.01.40 г.	Комментарии начальника разведывательного управления ВМС от 26.01.40 г., предназначенные заместителю начальника морского штаба адмиралу Филлипсу
Документ начальника разведывательного управления ВМС фактически имеет своей целью сообщить приятную новость: предшествующий прогноз разведки о строительстве новых подводных лодок был преувеличенным.	1 сентября 1939 г. наши расчеты основывались на наиболее вероятных предположениях, которые подлежали ежемесячной корректировке. В месячных сводках, запрещенных первым лордом адмиралтейства 24 декабря, мы пытались показывать общее количество подводных лодок, число вновь построенных и число потерянных. Цель документа — не сообщать хорошие или плохие новости, а обеспечить командование возможно более полной и правдивой информацией. Взгляды основаны на исследованиях, проведенных разведывательным управлением ВМС и министерством экономической войны.
Для предсказания цифры 109 необходимо допустить, что до конца 1939 г. было потоплено не более 26 лодок, в то время как следует считать, что потоплено самое меньшее 35 лодок.	35 — это преувеличение. Было бы неблагоразумным основывать наши расчеты, принимая желаемое за действительное.

1939—1940. Абсурдно исходить из предположения, что немцы не понесут потерь; с начала года имели место по меньшей мере пять случаев вероятного потопления.

(Замечание Годфри: «Фактически с 1 по 18 января не потоплено ни одной лодки.)

Число 109, разумеется, можно уменьшить, в зависимости от степени оптимизма или пессимизма при оценке наших усилий весной и летом 1940 г. Я считаю, что пять «вероятных» потоплений — это преувеличение.

Если предположить, что в течение следующих шести месяцев немцы будут нести такие же потери, какие они несли за прошедшие четыре месяца, а именно: 2 лодки в неделю, то из 109 надо вычесть 52, и тогда на 1 июля будет 57. (Замечание Годфри, сделанное им в 1948 году: «По данным разведывательного управления, управления противолодочной обороны и министерства экономической войны, в течение прошедших 18 недель было «уверенно» потоплено 9 и «вероятно потоплено» 17 лодок; фактически было потоплено только 9 лодок. Значит, темп потерь был не 2 лодки в неделю, а 1 в две недели.)

2 в неделю — это, вероятно, преувеличение. Неразумно столь оптимистично предполагать, что в течение шести месяцев немцы потеряют 52 подводные лодки.

Необходимо подготовить новый документ, придав должное значение всем действующим факторам. До рассылки документа адресатам он подлежит обсуждению: первым морским лордом, заместителем начальника морского штаба и мной. Заявления о потерях немецких подводных лодок — вопрос большой политической важности.

Я несколько сомневаюсь в действенности такого заявления, поскольку оно основано на предположениях о неизвестных факторах. Если мы не предположим, что немцы намерены приложить значительные усилия в целях увеличения количества подводных лодок, то лишимся побудительных мотивов для осуществления соответствующих усилий с нашей стороны, направленных на преодоление угрозы, а это рано или поздно скажется отрицательно на наших приготовлениях. Я считаю очень важным, чтобы вероятности были отражены в документе в том виде, в каком их представляет себе морской штаб, без предубежденности и без принятия желаемого за действительное.

В комментариях Годфри, приведенных в правой колонке, чувствуется рассерженный голос, предостережение и призыв к благоразумию. В управлении оперативного планирования, где работникам разведки приходилось бороться против некоторых наступательных планов первого лорда адмиралтейства, этот призыв повторялся неоднократно. А сколько раз этот призыв пришлось повторять позднее в связи с заявлениями бомбардировочного командования о разрушениях заводов, строящих подводные лодки, и укрытий для них, а также в связи с заявлениями о повреждениях линейных кораблей в

Бресте. Казавшиеся слишком скептическими предупреждения разведки воспринимались командующими и политическими деятелями с таким же возмущением, с каким воспринимается ворчание докторов.

К концу февраля 1940 года началась инфляция. Когда первый лорд адмиралтейства получил довольно мрачную месячную сводку, он снова настоял на том, чтобы с ней были ознакомлены только немногие. Он написал: «Я очень сожалею, что в период между 4 декабря и 30 января нам не удалось потопить ни одной немецкой подводной лодки. С этими неутешительными результатами нашей борьбы с подводными силами противника ознакомить только первого морского лорда, заместителя начальника морского штаба и меня. Уинстон Черчилль». В то время мы этого, конечно, не знали, но в феврале оценка разведывательным управлением общего количества подводных лодок противника была завышена на семь единиц: считалось, что немцы имеют пятьдесят шесть лодок (вместо фактически существовавших сорока девяти); однако в сообщении из Гааги упоминалась еще бóльшая цифра — восемьдесят восемь единиц. Насколько бы теперь ни казалась эта цифра неправдоподобной, вычитание из нее пятидесяти шести единиц оставляло тридцать две «неучтенные» лодки. Поскольку после сводки в конце февраля были успешно атакованы и потоплены три немецкие лодки, первый морской лорд приплюсовал их и считал, что всего потоплено тридцать пять лодок. Черчилль пошел еще дальше и заметил 17 февраля: «Приемлемая рабочая гипотеза, но я считаю, что сорок пять — ближе к истине». (Фактически к тому времени было потоплено одиннадцать лодок, а разведывательное управление считало потопленными десять единиц.)

Годфри, разумеется, был встревожен тем, что такое значительное преувеличение данных останется в силе и что первый морской лорд сделал немалый вклад в миф своим же убористым почерком и зелеными чернилами. Были приняты немедленные меры по прекращению дальнейшего распространения документа с этими данными. Это была первая конфронтация начальника разведывательного управления с тем, что позднее он называл «желаемое вместо действительного на высоком уровне» (см. главу 15).

Через два месяца, 15 апреля, темные места на высоком уровне были озарены светом подлинного приказа немецкой подводной лодке на боевое патрулирование, который попал в руки англичан в результате потопления подводной лодки «U-49». Из него вытекало, что немцы располагали тогда сорока тремя подводными лодками и что двадцать две к тому времени были потоплены, в отличие от «рабочей гипотезы» первого лорда адмиралтейства, согласно которой к началу февраля было потоплено сорок пять лодок. Об этом говорили неопровержимые данные, получившие оценку «A1».

Кстати, хотя начальник разведывательного управления давно уже отказался от распространенной до войны концепции, что немцы могут вводить нас в заблуждение системой дублирования номеров

подводных лодок, Черчилль вернулся к ней в своем последнем замечании, написанном им еще тогда, когда он был первым лордом адмиралтейства: «Из этого вовсе не следует, что немцы не могли присваивать номера потопленных лодок другим, действующим».

Одно дело было получить с захваченной лодки достоверную информацию о количестве построенных подводных кораблей; иной представлялась проблема получить точные данные о темпах строительства. Потребовалось значительно улучшить фотографирование с воздуха и увеличить количество самолетов разведывательной авиации, прежде чем мы смогли уточнить свои ранние предположения и весьма скудные донесения агентуры по этому вопросу. Расчеты адмиралтейства оставались преувеличенными. И действительно, как 15 июля 1940 года заметил премьер-министр Черчилль, утверждение, что немцы имели в строю от шестидесяти до шестидесяти пяти лодок, было завышенным. Теперь мы знаем, что с начала войны к этому времени немцы построили и ввели в строй только двадцать две лодки, а не тридцать восемь, как мы полагали.

Практика строгого засекречивания данных о состоянии подводных сил противника существовала до января 1941 года. Только на этом этапе войны было решено возобновить старый порядок рассылки информации об «уверенных» и «вероятных» потоплениях лодок на флот и заинтересованным управлениям и отделам береговых штабов. Таким образом, в течение четырнадцати месяцев развивавшегося наступления немецких подводных сил такие важные инстанции, как управление оперативного планирования, отделы управления действиями кораблей в море, заместители начальника морского штаба в водах метрополии и на заморских театрах, начальник управления кораблестроения и вооружения и четвертый морской лорд, обязанности которых состояли в том, чтобы строить корабли и обеспечивать их оружием и запасами для битвы за Атлантику, были официально лишены необходимой для них подробной информации. Частично эту секретную информацию они узнавали из разговоров с теми, кому она была известна, и, по существу, она привлекала к себе в таких случаях даже еще большее внимание; однако в данном случае интересным и важным, с точки зрения разведки, является сам по себе мотив, которым руководствовались политические деятели, накладывавшие вето на информацию.

В то время как личная ответственность Черчилля за памятные записки, написанные его рукой, не вызывает никакого сомнения, уверенности в том, что отражавшиеся в них расчеты сделаны тоже им, нет. Вполне возможно, что какое-то отношение к этим расчетам имел профессор Линдеман с подчиненным ему в адмиралтействе специальным отделом. В свое время начальник разведывательного управления с одобрения совета адмиралтейства попытался сформировать статистический отдел, в задачу которого входило бы представлять в легко понятной форме данные о потерях торговых судов, состоянии немецких подводных сил и прочие статистические материалы.

Идея брала свое начало от статистического отдела, созданного еще в 1917—1918 годах первым лордом того времени Джиддесом; отдел возглавлял тогда Джордж Бихаррел. Он с успехом выявил серьезные заблуждения, благодаря которым недооценивались наши потери в судах и преувеличивались возможности торгового судоходства. Годфри посоветовался с Бихаррелом и узнал от него, что необходимо для создания такой организации и как она должна работать. Однако с одобрения Черчилля Линдеман взял осуществление идеи в свои руки, и отдел, который мыслилось создать в качестве вспомогательного для других управлений морского штаба, превратился, по существу, в небольшой статистическо-исследовательский орган — сначала при первом морском лорде, а затем при премьер-министре, — ведавший всеми аспектами войны. Следует ли объяснять вышеописанные недоразумения и искажение фактов этим обстоятельством — мы не уверены. О чем можно сказать с полной уверенностью, так это о том, что упомянутый эпизод позволил разведывательному управлению настоять на своих принципах и доказать военно-морскому штабу необходимость следования определенным методам и стандартам.

Описанное выше искажение разведывательных данных политическими деятелями длилось недолго. Вскоре после того как Черчилль стал премьер-министром, начал превалировать реализм, хотя новый первый лорд адмиралтейства Александер вступил на пост, твердо веря, что к июлю 1940 года по меньшей мере тридцать немецких подводных лодок было потоплено. Впрочем, иллюзии на этот счет в конечном итоге не имели большого значения, ибо наступление подводных сил противника очень скоро достигло таких масштабов, которые не оставляли места никаким иллюзиям в отношении будущего. Однако пример другого, сравнимого с этим процесса, к которому Черчилль, правда, не имел никакого отношения, заслуживает подробного рассмотрения. Он оказал серьезное и далеко идущее влияние на выбор и проектирование нами линейных кораблей и привел в свое время к нескольким случаям неоправданной доверчивости, в которые трудно было бы поверить, если бы они не подтверждались документами.

Может быть, не всегда без достаточных оснований, но многие ответственные руководители являлись в свое время ярыми сторонниками таких действий, и многие события складывались так, что в результате адмиралтейство было вынуждено согласиться вооружить линейный корабль «Кинг Джордж V» 356-мм артиллерией, в то время как немецкий линейный корабль «Бисмарк», имевший бо́льшие размеры, бо́льшую дальность плавания и лучшую броневую защиту, вооружался 380-мм артиллерийскими орудиями. Ошибка, как оказалось позднее, не была фатальной. Однако, как об этом свидетельствуют официальные отчеты о преследовании «Бисмарка» в 1941 году, она вполне могла оказаться фатальной. Стремление принимать желаемое за действительное характерно для политических деятелей, занимающихся военными проблемами (настолько же, впрочем, на-

сколько оно характерно и для военных, занимающихся политикой). В этом эпизоде такое стремление проявилось даже с большей силой, чем в эпизоде с информацией о потоплении немецких подводных лодок.

История начинается с англо-германского военно-морского договора, заключенного в июне 1936 года и освободившего немецкий военно-морской флот от ограничений, наложенных на него Версальским договором. Поскольку в марте 1935 года Гитлер отказался признать этот договор действительным, Лондон нашел целесообразным наладить отношения с новым режимом в Германии в надежде, что военно-морской флот этого потенциального противника можно будет удерживать в рамках обусловленного договором процентного соотношения с флотом Великобритании. Так рассуждало адмиралтейство. Принимая во внимание позицию Гитлера, занятую им в то время по отношению к Великобритании, расчеты адмиралтейства нельзя назвать необоснованными, ибо, как теперь известно, Гитлер не намеревался, по крайней мере в ближайшем будущем, бросать вызов господству нашего флота в Европе и надеялся избежать войны с Великобританией.

Слабое место такого урегулирования заключалось в том, что Великобритания уже была ограничена в строительстве военных кораблей соглашением, в котором Германия, когда она закладывала «Бисмарка», не участвовала,— вашингтонским военно-морским договором и позднее Лондонской конференцией, которая ограничивала водоизмещение линейных кораблей 35 000 тонн. Если бы немцы построили корабли большего водоизмещения, такие, для преследования и уничтожения каждого из которых англичане должны были бы использовать два-три своих корабля или более, принцип договора 1936 года, сводившийся к тому, что немецкий флот никогда не должен составлять более тридцати пяти процентов от английского, потерял бы свое основное значение. Такой расчет не вызывал сомнений в том, что адмирал Редер приказал строить и «Бисмарк», и «Тирпиц» водоизмещением 45 000 тонн каждый, решившись на намеренный обман в отношении обязательств своего правительства.

Каким же образом велась эта нечестная игра и на каких этапах немцы перехитрили англичан? 1 июля 1936 года германское посольство в Лондоне конфиденциально информировало министерство иностранных дел, что основные тактико-технические данные линейного корабля «F» будут следующими: водоизмещение 35 000 тонн; ширина 36 метров; калибр главной артиллерии 380 мм; средняя осадка 7,9 метра. Через несколько недель, 5 сентября, начальник управления кораблестроения заметил в связи с этим, что бо́льшая (на 4,6 метра) ширина немецкого корабля, по сравнению с шириной «Кинг Джорджа V», продиктована, по-видимому, сравнительно малой осадкой, которая, в свою очередь, необходима ввиду малых глубин Кильского канала и Балтийского моря. В том же месяце управление оперативного планирования в Лондоне, которое активно участвовало в разработке различных военно-морских соглашений — и

поэтому верило в них, — также прокомментировало сообщенные немцами данные. Капитан 1 ранга Том Филлипс, ставший позднее, при Черчилле, первым заместителем начальника морского штаба, отметил: «Проекты немецких линейных кораблей указывают, по-видимому, на то, что в настоящее время больше, чем в прошлом, взоры Германии обращены на Балтику с ее мелководными берегами и подходами к ним». Другими словами, в управлении оперативного планирования считали, что на эти линейные корабли можно было смотреть скорее как на предназначенные для использования против России, чем против Англии.

Однако в отделе разведывательного управления, который занимался Германией, к сообщенным тактико-техническим данным кораблей относились с подозрением, частично ввиду поступивших агентурных донесений о том, что эти данные неточны, а частично из-за предположения, что нацисты могли лгать. На совещании в начале 1937 года во время обсуждения вопроса о «Бисмарке» обнаружилось расхождение во мнениях между техническими специалистами управления кораблестроения и разведывательного управления, с одной стороны, и офицерами нетехнических специальностей—с другой. Поскольку советники начальника разведывательного управления разделились, он оказался не в состоянии противопоставить свой скептицизм оптимизму других. 5 августа того же года начальник управления кораблестроения писал:

> «Сообщенные данные недостаточны сами по себе для обоснованного заключения о том, что стандартное водоизмещение 35 000 тонн умышленно превышается... Если исходить из нашего опыта с «Горицией», то вполне возможно, что проектировщики в этих странах не обязаны быть абсолютно точными в своих расчетах. Выражаясь точнее и принимая во внимание отклонения в величине водоизмещения английских кораблей, построенных еще до установления пределов договором, можно сказать, что проектировщики 35 000-тонного корабля не были бы осуждены, если бы водоизмещение построенного по их проекту корабля оказалось равным 36 000 тонн; такая цифра больше соответствовала бы сообщенной длине и ширине корабля, чем цифра 35 000 тонн».

Эта ссылка на «Горицию» должна была бы встревожить совет адмиралтейства, ибо она указывала на допущенный оптимистами риск в отношении «Бисмарка». Тщательный осмотр итальянского крейсера во время нахождения последнего в доке в Гибралтаре показал, что его броневой пояс превышает разрешенные договором 10 000 тонн приблизительно на две—четыре тонны. А никаких оснований считать, что политика Гитлера в отношении линейных кораблей более честна и открыта, чем политика Муссолини, не было. Тем не менее начальник управления оперативного планирования позво-

лил себе написать: «Наша основная гарантия против такого нарушения договорных обязательств покоится на доброй воле подписавших этот договор».

Может ли кто-нибудь обвинить Филлипса за такую позицию, если курс Уайтхолла, установленный политиками и тем, что они считали настроением избирателей, сводился к тому, чтобы надеяться на лучшее и «потравливать» в руки диктаторов побольше той веревки, на которой те намеревались их повесить? Функции управления оперативного планирования заключаются не в том, чтобы оспаривать договоры, а в том, чтобы составлять в рамках отведенных ему возможностей оптимальные и реальные планы.

Должен ли нести ответственность за такие вопросы начальник управления кораблестроения? С одной стороны, представляется, что загадка с малой осадкой «Бисмарка» не была достаточно тщательно изучена теми в этом управлении, кто проектировал и строил эквивалентные английские линейные корабли. С другой стороны, ясно, что они находились под большим давлением новой кораблестроительной программы, и более глубокое изучение проектов немецких кораблей почти наверняка не заставило бы их внести изменения в наши собственные проекты, поскольку это потребовало бы нарушения договорных обязательств. Когда в 1941 году от спасшихся с потопленного линейного корабля и из главного морского штаба Советского Союза была получена информация, подтверждающая подозрения начальника разведывательного управления, что водоизмещение «Бисмарка» близко к 45 000, а не к 35 000 тонн, то даже для начальника управления кораблестроения стало ясно, что «загадка» с малой осадкой «Бисмарка» уже не являлась более загадкой. Фактически осадка «Бисмарка» очень мало отличалась от осадки английских линейных кораблей, и уменьшенные данные о ней имели своей целью лишь скрыть значительно преуменьшенные данные о водоизмещении.

Что особенно раздражало Годфри в то время, так это готовность его коллеги сразу же поверить тем данным из России, которые до этого предлагало ему разведывательное управление и которым он упорно не хотел верить.

Из документов немецкого военно-морского архива мы знаем теперь, что происходило за кулисами в Берлине в то время, когда адмиралтейство надеялось и строило догадки. 11 февраля 1937 года оперативное управление немецкого штаба военно-морских сил писало Редеру:

> «В виду стесненных условий в наших гаванях предельным водоизмещением вновь строящихся кораблей следует считать 42 000 тонн, в противном случае нам придется расширять гавани и каналы, а также Кильский канал в местах поворотов... Необходимо решить и политические аспекты дальнейшего увеличения водоизмещения кораблей, вопреки ограничениям, накладываемым договором,

Управление кораблестроения считает, что, поскольку мы связаны 35 000-тонным лимитом, который уже превышен на 7000 тонн, дальнейшего увеличения допускать не следует, так как скрыть такое увеличение будет вряд ли возможно... Управление кораблестроения предпочло бы построить еще один корабль, вместо того чтобы превышать 35 000-тонный лимит.

Даже в том случае, если флоты других стран будут считать необязательными для себя ограничения лондонского договора или зададутся целью вооружить свои корабли 380-мм артиллерией... нам не следует стремиться к увеличению кораблей ввиду состояния наших каналов, а также ввиду договорных обязательств... решение принять невозможно, пока не будут рассмотрены различные аспекты, включая военные факторы и положения договора».

В данном случае кое-кто пытался быть честным. Однако превалирующее значение придавалось не моральному, а техническому аспекту проблемы. Моральная сторона вопроса фактически не интересовала этих людей.

Оперативное управление немецкого морского штаба рассматривало эту проблему по-другому. В памятной записке от 18 февраля 1938 года на имя начальника морского штаба оно заявило, что фактическое водоизмещение «Бисмарка» на двадцать процентов больше того, которое сообщено англичанам; однако управление считало, что сообщать Англии, России и Японии, что тоннаж больше, чем тот, о котором им уже сообщено, было бы неправильным, поскольку «нас обвинят в начале гонки вооружений».

Что же в таком случае делал английский военно-морской атташе в Берлине? Был ли он искусно введен в заблуждение, и если да, то каким образом? Основывались ли подозрения разведывательного управления ВМС в какой-нибудь мере на его докладах? В докладе английского военно-морского атташе в Берлине капитана 1 ранга Траубриджа министерству иностранных дел, датированном 23 декабря 1936 года (копии начальнику разведывательного управления ВМС и командующему Флотом метрополии), говорилось:

«Англо-германский военно-морской договор был в послевоенное время одним из главных принципов политики, характеризующей отношение Германии к своим бывшим противникам. *История показывает, что, когда настанет время, Германия, вне всякого сомнения, поступит с этим договором так же, как она поступала с другими; но такое время еще не настало».*

Текст, выделенный курсивом, в годовом отчете английского посла был опущен (Э. Фиппс — господину Идену, 12 января 1937 года, C357/357/18). Когда начальник разведывательного управления на-

правил уже упоминавшемуся в этой главе начальнику управления оперативного планирования капитану 1 ранга Филлипсу доклад Траубриджа, содержавший вышеупомянутые (выделенные курсивом) строки, Филлипс написал на нем 1 января 1937 года: «Весьма желательно узнать, что послужило основанием для столь категоричного утверждения на странице 2 доклада».

Такое скептическое утверждение, кажется, было пределом того, на что оказался способным Траубридж, и поэтому нет никаких сомнений, что информация, поступавшая в адмиралтейство из Германии, была бессодержательной и малоценной. Почему дело обстояло именно так — не совсем ясно; после 1934 года нацисты никогда не пытались скрывать свои успехи в перевооружении, а, наоборот, стремились показать, на что они способны. Например, французскому атташе Стилину они предоставили неограниченную возможность увидеть все, что немецкая авиация будет способна сделать во Франции (см. главу 15). Представляется вероятным, что нашей разведывательной службе не ставилось специальной задачи добывать сведения о военном кораблестроении в Германии, по-видимому, из-за господствовавшего в официальных кругах оптимизма относительно действенности договора.

Спустя десять лет Годфри спросил Траубриджа, может ли он объяснить, каким образом мы оказались в таком неведении и заблуждении? Траубридж ответил так:

> «Я считаю, что, вообще говоря, тот факт, что мы оказались «одураченными» немцами, как в отношении подводных лодок, так и в отношении тоннажа линейных кораблей, объясняется тем, что в то время (после заключения англо-германского договора) мы были склонны верить им в этих вопросах.
>
> Признаюсь, что видимая серьезность и искренность Редера, убеждавшего меня в том, что Германия намерена строго придерживаться положений договора, вполне могли повлиять на разведывательное управление ВМС, читавшее мои отчеты. Я приступил к исполнению своих обязанностей без каких-либо предупреждений, хотя, прочитав работу Вудворда «Великобритания и военно-морской флот Германии», старался держать ухо востро.
>
> Для характеристики моего мышления в 1936 году я сошлюсь на годовой отчет военно-морского атташе, приложенный к годовому отчету посла, в котором, насколько мне помнится, я выразил мысль, что англо-германский военно-морской договор остается краеугольным камнем военно-морской политики Германии. В подходящий момент этот договор, писал я, несомненно будет разорван, но момент этот еще не наступил.
>
> Сотрудники канцелярии лорда-канцлера отказались включить этот абзац, но он сохранился в копиях, направ-

ленных мною начальнику разведывательного управления и командующему Флотом метрополии.

Сомнения относительно водоизмещения «Бисмарка» возникли вскоре после спуска его на воду, когда поступила информация от вице-консула в Гамбурге Уильямса, в которой сообщалось, что осадка корабля оказалась значительно большей, чем должна была быть.

То, что Редер лгал мне и моему предшественнику, — неоспоримый факт. Мюрхед-Гоулд (военно-морской атташе в Берлине до Траубриджа) всегда говорил мне, что Редер — лгун, но боюсь, что в известной мере я был усыплен его видимой искренностью. Кроме того, я не мог понять, почему ему было необходимо лгать. В то время понять это — значило понять извилистое мышление тевтонского ума. Иногда они лгут ради лжи».

Когда архивы станут доступными, интересно будет посмотреть, сумеют ли историки узнать причину, по которой Эрик Фиппс исключил столь важный абзац из отчета военно-морского атташе. Наиболее правдоподобное предположение: он думал, что его подчиненный должен заниматься вопросами военно-морского флота и воздерживаться от политических обобщений и выводов.

Ложь, действительность и разница между ними наглядно показаны в приводимой ниже таблице:

Факты о „Бисмарке"

Источник	Посольство Германии (официальное заявление)	Спасшиеся с „Бисмарка" и записная книжка	Русский штаб ВМФ	Немецкие архивы	„Кинг Джордж V"
	апрель 1939	октябрь 1941	октябрь 1942	октябрь 1944	
Водоизмещение (*т*)	35 000 [1]	41 150 [1]	45 000	53 000 [2] 45 000 [1]	35 000
Длина (*м*)	241,4	241,4	241,4	241,4	227,1
Ширина (*м*)	36	36	36	36	31,4
Осадка (*м*)	7,9	10,3	10,4	10,4	10,4
Мощность (*л. с.*)	80 000	150 000	150 000	150 000	111 000
Артиллерия (*мм*)	8—380	8—380	8—380	8—380	10—356
Главная броня (*мм*)	229	330	330	306	381
Полная скорость (узлы)	27	30,3	30,3	30,3	28,3
Дальность плавания (мили)	?	?	17 500 (18 узлов)	17 500 (18 узлов)	14 500 (10 узлов)
Запас топлива (*т*)	?	?	8500	8500	3860

[1] Стандартное водоизмещение.
[2] Полное водоизмещение.

Ошибки и пропуски в данных большей частью касаются разведывательного управления довоенного времени, которое испытывало трудности в получении информации, описываемые в других главах. Однако в защиту управления того времени необходимо сказать следующее. Морской штаб мирного времени упорно не желал считаться с какими бы то ни было взглядами или фактами, излагаемыми специалистами разведки, если они могли оказаться «неприемлемыми» или создающими «щекотливое положение», то есть если они резко противоречили принятой стратегической доктрине или политической оценке положения. Штаб, вероятно, считал, что если Германия действительно прибегает к обману и можно доказать ее вероломство, то никто в министерстве иностранных дел или на Даунинг-стрит не сможет обоснованно обвинить ее. Зачем же в таком случае пытаться?

Но, по-видимому, и наши технические специалисты были склонны не верить тому, что для «Бисмарка» совместимы и высокая скорость хода, и большая дальность плавания, и мощная броневая защита при 380-мм артиллерии; аналогично они были склонны не верить тому, что немецкие подводные лодки могут погружаться на такую глубину, на какую они действительно погружались, или что их подводная скорость хода может быть повышена до уровня, достигнутого к 1944 году. Возможно, англичане недооценивали тех огромных преимуществ, которые они получили бы, если бы решились сделать кое-что заново или начать все сначала (как это делали немцы); возможно, этому препятствовало изобилие ранее принятых решений и неуклонно принимавшиеся меры экономии. Как бы то ни было, ясно одно: кое-кто, а может быть и многие, не пожелал прислушаться к неприятной правде, о которой сообщала и предупреждала разведка.

Вспоминая этот эпизод, Годфри говорит о трех больших уроках:

1. Нежелание людей, облеченных властью, верить информации, которая чревата политическими осложнениями.

2. Тенденция офицеров военно-морского флота и других лиц, принимавших участие в переговорах, вставать на защиту честности людей, с которыми они пришли к соглашению, и терять чувство скептицизма, которое является составной частью бдительности.

3. Наши технические специалисты могут оказаться далеко не лучшими судьями намерений и достижений противника. Иногда им трудно поверить, что непосильное для них самих или то, до чего они сами не додумались, может оказаться по плечу другой стороне.

КТО ПРЕДАЛ „БИСМАРКА"?

ГЛАВА 7

Автор официальной истории боевых действий на море капитан 1 ранга Роскилл в мастерском описании операции по уничтожению немецкого линейного корабля «Бисмарк» ссылается на ту роль, которую сыграла разведка для обеих сторон. Роскилл вполне справедливо придает разведке второстепенное значение по отношению к сложной и захватывающей истории маневрирования, преследования и боя, который, как теперь известно, навсегда расстроил первоначальные немецкие планы достигнуть временного господства на торговых путях Атлантики посредством использования надводных кораблей. Тем не менее разведка обеих сторон сыграла решающую роль в этих событиях, и сейчас имеется возможность детально изучить усилия англичан, направленные на вскрытие намерений немцев, так же как и попытки немцев проникнуть в планы англичан.

Во время решающей фазы недельного преследования адмиралтейство, а точнее, центральный оперативный пост и оперативно-информационный центр разведывательного управления ВМС, работавшие совместно, имели счастливую возможность пользоваться полными и достоверными данными результатов наблюдений сначала с крейсеров «Суффолк» и «Норфолк», следивших за «Бисмарком» и «Принцем Ойгеном» с помощью радиолокатора, затем со следовавшего за ними «Принс ов Уэлса», потом с патрульного самолета и снова с тех же крейсеров. Только в течение тридцати часов 25 и 26 мая, когда непосредственный контакт с «Бисмарком» был утерян, адмиралтейству пришлось прибегнуть к предположениям и прогнозированию, поскольку не было уверенных данных разведки, за исключением одного радиопеленга на вышедший в эфир и связывавшийся со своей базой «Бисмарк»; этот пеленг дал приблизительное, но оказавшееся решающим указание на направление, которым следовал «Бисмарк». Немецкие оперативные и разведывательные органы, напротив, плохо обеспечивались данными воздушной разведки и на протяжении длительного времени оставались в неведении из-за того, что два их корабля соблюдали радиомолчание. На основании записей в вахтенном журнале тяжелого крейсера «Принц Ойген» их служба радиоперехвата не была в состоянии дать точные данные о передви-

жениях Флота метрополии, что позволило бы исправить ошибки немецкой авиации.

Можно заметить, что в оценке событий, приведших к потоплению «Бисмарка», немецкий штаб руководства войной на море проявлял тенденцию принимать желаемое за действительное, и это рассматривается в других разделах настоящей книги как основная причина неудач немецкой разведки. И действительно, имеется свидетельство того, что немецкая воздушная разведка с баз в Норвегии, которая являлась основным источником информации для оценки состава действующих сил Флота метрополии на любой данный момент, очень часто сообщала штабам ошибочные данные. Если в настоящей главе говорится больше о взглядах работников немецкой, а не английской разведки, то только потому, что имеющиеся материалы с поразительной очевидностью вскрывают весьма посредственные возможности соответствующих должностных лиц в английской военно-морской разведке, трудности ведения оперативной разведки на широких просторах Атлантики и то глубокое уважение, которое немцы питали к агентам аморфного и всеведущего чудовища — английской секретной службы, которая в действительности не сыграла никакой роли в операции по уничтожению «Бисмарка».

Проведенное немецким штабом руководства войной на море летом 1941 года расследование обстоятельств потери линейного корабля было беспокойным и затянувшимся. Потопление «Худа» вызвало чувство большой гордости даже у тех немецких офицеров, кто помнил, что этот корабль построен двадцать лет назад; однако флот Редера не мог позволить себе размен с англичанами по принципу корабль за корабль, особенно если это касалось крупных боевых кораблей. В результате такого размена возможности каких-нибудь шести немецких надводных кораблей вести беспокоящие действия, а скорее угрожать переходом к беспокоящим действиям на торговых путях Атлантики, были бы вскоре утеряны. Эти корабли должны были по возможности избегать таких дорогостоящих боевых столкновений. Необходимо было установить, почему «Бисмарк» и «Принц Ойген» не достигли внезапности после прорыва в Атлантику, почему их сразу же обнаружили и почему вся сеть судов снабжения и разведки, расставленных в океане до выхода «Бисмарка» и «Принца Ойгена» из Балтийского моря 18 мая, была нарушена к середине июня и при этом было потеряно девять судов, из них шесть очень ценных танкеров.

Со временем загадка гибели судов обеспечения начала беспокоить начальника немецкой морской разведки даже больше, чем гибель «Бисмарка», поэтому в июле 1942 года было проведено новое расследование обстоятельств гибели не только уже упомянутых девяти судов, но и трех других, не связанных непосредственно с операцией «Рейнское учение», как условно обозначались действия двух кораблей. Выдвинутое объяснение, которое анализируется ниже, реабилитировало лиц, ответственных за безопасность кодов и шифровальных

таблиц. В действительности, как и в случае потопления «Бисмарка», конкретного обвинения не предъявили ни одному должностному лицу, ни какому-либо ведомству.

Свидетельства, на которых основывали расследование представители разведки, ограничивались вахтенным журналом «Принца Ойгена», следовавшего совместно с «Бисмарком» до вечера 24 мая; свидетельскими показаниями его офицеров и радистов; радиограммами, полученными базой от адмирала Лютьенса, после того как он узнал, что за ним следят; некоторыми материалами радиоперехвата «Принцем Ойгеном» английского тактического радиообмена и опубликованными адмиралтейством отчетами об обстоятельствах обнаружения, преследования и потопления «Бисмарка». И только одного никому не удалось осуществить: прочитать мысли покойного командира немецкой эскадры адмирала Лютьенса. Его замыслы и оценка им обстановки, как замыслы и оценка обстановки его преследователя адмирала Холланда на борту «Худа», остались тайной.

Неудачная попытка немецких кораблей прорваться в океан незамеченными объяснялась очень просто. Когда 20 мая в период между 06.00 и 08.00 корабли в сопровождении эсминцев и тральщиков выходили из Балтийского моря через проливы Каттегат и Скагеррак, их видел шедший в это же время вдоль своих берегов шведский крейсер «Готланд». Адмирал Лютьенс сразу же предположил, что англичане узнают о передвижении немецких кораблей, и с понятным разочарованием доложил об этом в свой штаб. Его предположение оправдалось: утром следующего дня в 06.45 немецкая радиоразведка перехватила передававшийся английской радиостанцией приказ об организации воздушного поиска двух линкоров и трех миноносцев противника, шедших в северном направлении. Вскоре после 07.00 вахтенный сигнальщик на «Принце Ойгене» обнаружил на некотором удалении четыре самолета неустановленной принадлежности. Позднее в тот же день немецкие корабли были замечены самолетами авиации берегового командования в Корс-фьорде, к югу от Бергена, где они принимали топливо. Как все это произошло?

Капитан 1 ранга Дэнхэм, в то время военно-морской атташе в Стокгольме, рассказал автору, как в день выхода «Бисмарка» в море по установившейся традиции он проводил один из двух еженедельных вечеров в обществе с норвежским военно-морским атташе, который был другом руководящего работника шведской разведки. Последний рассматривал донесение «Готланда» как обычное сообщение и упомянул о нем как об информации, не являющейся особо секретной. Дэнхэм донес об этом адмиралтейству сразу же по возвращении домой, считая информацию достойной высшей оценки и передав ее серией «весьма срочно»: «Каттегат, сегодня, 20 мая, в 15.00 два крупных военных корабля в сопровождении трех эсминцев и пяти сторожевых кораблей, а также десяти или двенадцати самолетов прошли Марстранд курсом северо-запад». К 03.30 следующего утра оперативно-разведывательный центр «не удивленный и не очень взволнованный» информировал береговое командование.

Немецкая военно-морская разведка оценивала события, происшедшие до настоящего момента, следующим образом:

> «Вполне очевидно, что во время следования через Большой Бельт и Каттегат эскадра, возглавляемая «Бисмарком», была обнаружена находившимися на берегу наблюдателями противника и агентами английской разведки, столь известной своей эффективностью, и что данные об обнаружении были переданы в Лондон через английского военно-морского атташе в Стокгольме».

Авторы, кажется, не учитывают, что немецкие ВВС по требованию ВМС были заняты проведением напряженной визуальной и аэрофотографической разведки над Скапа-Флоу (при этом они уделяли особое внимание разведке погоды в узком Датском проливе на участке между Исландией и кромкой полярных льдов у восточного побережья Гренландии) и что вся эта оживленная деятельность была замечена английской разведкой, которая информировала командующего Флотом метрополии.

Фактически немцы были более заинтересованы — и эта заинтересованность, почти навязчивая, замечалась неоднократно — в утверждении, что секретность операции была нарушена в результате предательства и неосторожности. Планы операции обсуждались по телефону между штабом руководства войной на море и оперативными отделами в Париже и Киле. В организации материально-технического обеспечения операции участвовало слишком много людей. Меры по сохранению тайны были явно недостаточными. Жена одного офицера с «Бисмарка» «говорила среди гражданских лиц» о том, что корабль вышел в море; во время отхода линейного корабля от пирса в Гдыне оркестр исполнял печальную балладу.

Однако, с точки зрения всех технических аспектов операции, находившихся под контролем ВМС, командование приложило значительные усилия для обеспечения скрытности. Командующий балтийской оборонительной зоной приостановил движение торговых судов через Большой Бельт и Каттегат в ночь на 20 мая и на следующее утро — предосторожность, очевидно, вызвавшая подозрения. Для прикрытия возможного увеличения объема радиообмена, связанного с выходом соединения в море, были организованы ложные радиопередачи, которые должны были ввести в заблуждение английскую службу радиоперехвата. Кроме того, на линкоре впервые было введено шифрование передач, что обеспечило обмен информацией только между допущенными к этому лицами, причем исключительно в оперативных целях; в открытом море надлежащим образом соблюдалось радиомолчание до тех пор, пока адмирал Лютьенс не установил, что его преследуют два английских крейсера.

Что же можно было предпринять еще? Печать раздражения и беспомощности сквозит в докладе о том, что немецкий флот все время находится как бы в клетке под постоянным наблюдением английской

разведки, прикрывшей выходы в Северное море. И снова специалистам по связи было дано заверение в безусловном обеспечении скрытности связи: «В результате новой всесторонней проверки установлено, что все специалисты единодушно исключают возможность расшифровки телеграмм противником».

И они были совершенно правы: ни одна радиограмма, посланная соединению «Бисмарка» или отправленная соединением, не была расшифрована в Англии. Этот факт еще больше углубляет тайну «предательства» «Бисмарка».

Офицеры ВМС и гражданские лица, ответственные за этот доклад, не были бы людьми, если бы не постарались намекнуть на упущения других служб, за которые нельзя винить ВМС. Они, например, утверждали, что, по мнению службы радиоконтроля контрразведки главного командования сухопутных войск, англичане имели широкую и хорошо организованную сеть агентов, оснащенных радиопередатчиками, особенно на территории Норвегии. Наиболее опасными в то время считались районы эстуария Жиронды, Бреста, Шербура, Флекке-фьорда и Тронхейма, то есть порты базирования боевых кораблей немецкого флота. Кроме того, хотя телефонная система, используемая немецким штабом руководства войной на море для связи между группой «Запад» и командующим подводными силами, являлась частью военно-морской сети связи, эти линии проходили через усилительную трансформаторную станцию на оккупированной территории, а эту станцию нельзя было укомплектовать исключительно немецким персоналом. На этом основании допускалось, что «подслушивание переговоров на этих линиях английскими агентами вполне вероятно». В действительности ничего этого не было.

И это все, что можно сказать о неудачных попытках немецких кораблей выйти незамеченными в Атлантику или даже в Северное море. Эти неудачи можно было бы объяснить недостатками немецкой службы безопасности, если бы каждый успех английской разведки, пользовавшейся помощью нейтральной страны, можно было свести лишь к упущениям немцев. Но это абсурд. Теперь давайте обратимся к подлинному провалу в организации разведки, допущенному немецкими ВВС. Нам необходимо помнить, что ВМС Германии в ходе всей войны не имели своей воздушной разведки и испытывали из-за этого серьезные затруднения, так как были лишены возможности готовить для нее кадры, информировать ее и управлять ею. Неурядицы и обострение взаимоотношений между разведывательным управлением ВМС и береговым командованием, пока не было достигнуто благоприятное и плодотворное сотрудничество, не шли ни в какое сравнение с тем, что довелось испытать Редеру и Деницу.

Прежде всего разведка Датского пролива — выхода в Атлантический океан — с его сложной ледовой обстановкой и плохими условиями видимости была недостаточно эффективной. Она была достаточной, чтобы насторожить англичан в отношении подготовки каких-то действий. Вместе с тем разведка не смогла установить, что патрулирование этого пролива, осуществляемое крейсерами Флота

метрополии, никогда не ослабевало. Далее. В донесениях о Скапа-Флоу, которые получал адмирал Лютьенс, содержались ошибочные и неполные сведения о дислокации и боевом составе главных сил англичан. Например, указывалось, что «Худ», один из трех кораблей, способных вести непосредственный бой с «Бисмарком», находится в Гибралтаре или в Скапа-Флоу.

Дислокация авианосца «Викториес», сведения о котором имели важнейшее значение, не была точно установлена, а количество крейсеров было преуменьшено. Таким образом, ни немецкая военно-морская разведка, ни адмирал Лютьенс не знали, что адмирал Тови, командующий Флотом метрополии, мог использовать не только «Худ» и «Принс ов Уэлс», но и линейный корабль «Кинг Джордж V» и авианосец «Викториес», не говоря об оперативном соединении «Н» находившемся в Гибралтаре.

Сравните это с успешными действиями разведки Флота метрополии и оперативно-информационного центра разведывательного управления, которые предупредили адмирала Тови относительно возможной попытки противника прорваться из Норвегии, хотя «Гнейзенау» и «Шарнхорст» были заблокированы в Бресте действиями авиации бомбардировочного командования. Таким образом, когда 21 мая Тови стало известно, что авиация берегового командования обнаружила «Бисмарк» и «Принц Ойген» в Корс-фьорде, он направил «Худ», «Принс ов Уэлс» и шесть эсминцев в Хваль-фьорд в Исландии, где они могли принять топливо и выйти в море для перехвата немецкого соединения на любом из двух маршрутов, который оно могло избрать. В Датском проливе «Суффолк», оснащенный новой радиолокационной аппаратурой, нес патрульную службу совместно с «Норфолком», в то время как два других крейсера — «Бирмингам» и «Манчестер» — с помощью тральщиков прикрывали второе направление между Фарерскими островами и Исландией.

Следовательно, когда около 20.00 22 мая Тови получил сообщение, что немецкие корабли вышли из Бергена, его корабли уже подготовились к этому (как он и оперативно-информационный центр разведывательного управления правильно оценили) прорыву в Атлантику. Через три часа главные силы Тови уже вышли из Скапа-Флоу, чтобы поддержать эскадру во главе с линейным крейсером «Худ». Благодаря предупредительным мерам в отношении радиообмена, принятым на кораблях, это передвижение, как оказалось, осталось незамеченным немецкой службой радиоперехвата.

Примерно в то же время командование группы «Север» (немецкие корабли подчинялись этому командованию до их переподчинения командованию группы «Запад» во время попытки прорваться во Францию) сообщило Лютьенсу последние разведывательные данные о противнике. В вахтенном журнале командира «Принца Ойгена» капитана 1 ранга Бринкмана имеется запись о том, что воздушная фотографическая разведка Скапа-Флоу была невозможна из-за плохих метеорологических условий, однако присутствие четырех тяжелых кораблей было подтверждено визуальными наблюдениями. К этому

было добавлено, что «противник, по-видимому, еще не знает о выходе кораблей».

Такой вывод основывается на донесении командира авиагруппы «Север» (эта группа взаимодействовала с флотом), что 22 мая визуальная разведка подтвердила наличие в Скапа-Флоу тех же сил, которые были обнаружены в результате аэрофоторазведки 20 мая. Метеорологические условия не позволили провести аэрофотосъемку. Таким образом, исходя из устного доклада экипажа одного из самолетов сделали предположение, что четыре линкора, возможно, один авианосец и, как считалось, шесть легких крейсеров и несколько эсминцев все еще находились в базе Флота метрополии. В действительности же к этому времени «Худ» уже вышел из базы, а остальные корабли Флота метрополии шли на перехват немецкой эскадры.

Вечером 22 мая командир авиагруппы «Север» коренным образом исправил свое предшествующее донесение и сообщил следующее:

> «Трех линкоров и трех крейсеров, как об этом сообщалось ранее по данным визуальной разведки, в Скапа-Флоу в настоящее время нет; отмечены только два корабля, очевидно легкие крейсера, и артиллерийское учебное судно».

Позднее в тот же вечер он доносил:

> «По уточненным данным, в Скапа-Флоу находится только один легкий крейсер и шесть эсминцев, а также несколько малых кораблей и торговых судов».

Столь резкое изменение выводов просто поразительно. Позднее от группы «Север» поступили разведывательные сообщения о том, что в радиообмене самолетных радиостанций не отмечено «ничего, заслуживающего особого внимания». Не было перехвачено никаких оперативных радиопередач, не наблюдалось никаких признаков выхода «Бисмарка» в море или приказа английского командования о поиске этого корабля; отмечено только усиление воздушной разведки северо-восточного сектора Норвегии.

Как констатация фактов такое заявление разведки можно считать обычным; как оценка вероятной дислокации кораблей Флота метрополии это заявление свидетельствует о стремлении принять желаемое за действительное, а также об отсутствии глубокого анализа действий противника.

Вахтенный журнал «Принца Ойгена» свидетельствует о том, что эти успокоительные сообщения штаба были восприняты скептически. Помимо всего прочего, это были негативные разведывательные данные, и хотя такая информация часто может представлять определенный интерес, люди обычно не доверяют ей. Можно испытывать лишь чувство сострадания к штабу и командиру, получающим такую

вводящую в заблуждение информацию. Тот факт, что немецкая военно-морская разведка не допускала более резких осуждений компетенции люфтваффе, свидетельствует только о сдержанности первой.

Мнение штаба руководства войной на море после расследования сводилось к следующему:

> «Последующие донесения показывают, что данные визуальной разведки от 22 мая, на основе которых сообщалось о нахождении в Скапа-Флоу четырех линкоров, оказались неверными. Обратная прокладка курса английских кораблей показывает, что главные силы Флота метрополии должны были выйти из Скапа-Флоу рано утром 22 мая, очевидно сразу же по получении донесения с самолета, который разведывал фьорды в районе Бергена и установил, что кораблей там нет, и тем самым подтвердил, что немецкая эскадра вышла в море. 24 мая стало ясно, что нельзя полагаться только на данные визуальной разведки, проведенной в неблагоприятных метеорологических условиях. Во второй половине дня, после боя (в ходе его «Худ» был потоплен), командир авиагруппы «Север» доносил: «Визуальная разведка была возможна только через просветы в облаках, однако места стоянок кораблей осмотрены. Три линкора, среди них, вероятно, «Худ». Находится ли на стоянке авианосец — удостовериться не представилось возможным. Помимо этих кораблей, вероятно, легкие крейсера».

Немецкая военно-морская разведка не считалась с тем, что утром 22 мая находившийся в море адмирал Лютьенс, видимо, по-прежнему предполагал, что главные силы Флота метрополии все еще оставались в Скапа-Флоу. Он мог рассчитывать, что если они утром выйдут в море и направятся полным ходом к южному входу в Датский пролив, то должны будут пройти 1200 миль, то есть покрыть такое же расстояние, какое к тому времени уже покрыли «Бисмарк» и «Принц Ойген». Едва ли в таком случае они смогли бы настичь немецкие корабли.

Казалось, на обоих кораблях не были сильно удивлены, когда во время прохождения Датским проливом в туман и снегопад радиоразведчики на борту «Принца Ойгена» перехватили первое донесение «Суффолка» адмиралтейству об установлении им контакта с противником. Это было в 19.22. В 20.46 немецкие радиоразведчики обнаружили еще один корабль. Введенные в заблуждение позывными крейсера, они приняли его за линкор «Кинг Джордж V», что удивило и обеспокоило капитана 1 ранга Бринкмана. В 23.53 поступило новое донесение: «Наблюдается оживленная деятельность противника». В 03.00 23 мая данные радиоперехвата показали, что преследователи быстро выявляют скорость и курс преследуемых кораблей. Иными словами, несмотря на сложные погодные условия и плохую види-

мость, а также применение немецкими кораблями зигзага, английские корабли преследовали их неотступно. Через два с половиной часа «Худ» и «Принс ов Уэлс», наведенные на противника «Суффолком» и «Норфолком», вступили в бой.

Только через четыре часа после его окончания, когда преследование было возобновлено, командир «Принца Ойгена» записал свое мнение: англичане, должно быть, располагают аппаратурой обнаружения с большой дальностью и точностью действия, хотя не исключалось, что противник пеленговал сигналы радиолокационной станции «Принца Ойгена». По-видимому, командир победоносного «Бисмарка» пришел к такому же заключению: если такое преследование возможно, тогда единственное спасение в разделении кораблей так, чтобы «Принц Ойген» стал замыкающим кораблем и единственным преследуемым. Никто из этих офицеров не был предупрежден, что высокие скорости хода их кораблей и неблагоприятные погодные условия не дадут преимуществ из-за наличия у англичан мощной радиолокационной аппаратуры. Трудно критиковать немецкую разведку за эту неосведомленность, так как она располагала очень незначительными возможностями доступа к техническим секретам Англии. Эффективность нашей радиолокационной аппаратуры стала мечтой для немецких штабов ВМС и ВВС.

В 04.00 25 мая «Суффолк» потерял контакт с немецкими кораблями, и в течение тридцати часов — часов лихорадочного беспокойства и напряженных усилий, а также споров между оперативно-информационным центром разведывательного управления и оперативным управлением в цитадели адмиралтейства — местонахождение «Бисмарка» в бескрайних просторах Атлантики было неизвестно. (Только в 10.30 на следующий день, когда самолет «каталина» обнаружил «Бисмарк», следующий на юго-восток к берегам Франции, появилась реальная возможность принять решение о дальнейших действиях.) В 10.45 адмирал Тови получил от оперативно-информационного центра радиопеленги, которые из-за ошибки при прокладке курсов заставили его пойти на северо-восток, в то время как «Бисмарк» следовал на юго-восток. В 11.00 на следующий день оперативно-информационный центр смог сообщить соединению «Н» во главе с авианосцем «Арк Ройял», находившемуся южнее Гибралтара и шедшему на север, что преследуемые корабли противника, возможно, идут к портам Бискайского залива. Это же сообщение семью часами позднее было направлено адмиралу Тови, очевидно в связи с обнаружением необычно активного радиообмена, зафиксированного станцией «Х» в районе группы «Запад» (Франция) и вызванного подготовкой немецких ВВС и ВМС к оказанию помощи «Бисмарку». С этого момента главенствующую роль вновь приобрело визуальное наблюдение самолетов и кораблей, а не радиоразведка, прогнозирование или оценки. Теперь снова вернемся к действиям немецкой эскадры.

Как только сражение закончилось и «Худ» затонул, адмирал Лютьенс больше не мог рассчитывать на получение из базы разве-

дывательных данных. Он, должно быть, понимал, что англичане постараются использовать для преследования все имеющиеся корабли, чтобы отомстить за гибель знаменитого линейного крейсера. Немецкой авиации не оставалось ничего другого, как рыскать в открытом море с целью обнаружения их.

После того как Лютьенс оторвался от преследующих его кораблей, он, разумеется, не мог запросить у командования ни информации, ни распоряжений или рекомендаций, так как любая его радиограмма была бы перехвачена английской системой радиопеленгования или радиооператорами на кораблях Флота метрополии. Примерный район нахождения его кораблей был бы тогда определен в течение нескольких минут. Лютьенс должен был решать сам, какой курс ему избрать.

К сожалению, он переоценил английские силы преследования. Через семь часов после того как «Суффолк» потерял контакт, на «Бисмарке» все еще продолжали считать, что его преследуют. Исходя из этого, Лютьенс решил, что подробный доклад в Германию об обстановке не причинит вреда. Беспокойство в штабе руководства войной на море было не меньшим, чем беспокойство в цитадели в Лондоне — ведь целый день от Лютьенса не поступало никаких известий.

Эта радиограмма от 25 мая — ее передавали с «Бисмарка» в течение получаса начиная с 08.52 — явилась для англичан поистине даром. Работа корабельной радиостанции позволила определить место «Бисмарка», о движении которого англичане ничего не знали уже больше восьми часов. Когда английские станции получили пеленги и передали их в Лондон, возбуждение в цитадели достигло предела. Все радиопеленгаторные станции союзников были приведены в готовность и вели наблюдение — их донесения начали поступать в адмиралтейство по телефону и телетайпу еще до того, как «Бисмарк» закончил передачу радиограммы. О том, что произошло после, рассказывает капитан-лейтенант Кемп, который отвечал за прокладку курсов кораблей противника на картах оперативно-информационного центра для Уинна и Дэннинга. Он пишет:

> «Нанесенные на карту радиопеленги показали, что «Бисмарк» находится значительно восточнее района, в котором он был в момент утраты «Суффолком» непосредственного контакта с ним. К сожалению, засечка была выполнена весьма приближенно, что не позволяло определить точные координаты на этом этапе. Адмирал Клейтон, капитан 1 ранга Эдвардс и Дэннинг собрались, чтобы обсудить результаты радиопеленгования, и все мы согласились, что «Бисмарк» находился на несколько сот миль дальше к востоку, чем мы ожидали, исходя из предположения, что он или следует по маршруту прорыва в Атлантический океан, или возвращается в базу.

Из-за ошибочного предположения, что в распоряжении командующего Флотом метрополии, находившегося на «Кинг Джордж V», есть несколько эсминцев, оснащенных радиопеленгаторными установками, и что он мог, следовательно, получить место «Бисмарка», ему были сообщены лишь данные об отдельных пеленгах в «сыром» виде, а не координаты, полученные на карте в адмиралтействе. Помню, что я настаивал перед Клэйтоном на сообщении координат, и, полагаю, Дэннинг поддерживал меня, но Клэйтон оставался непреклонным и решил сообщить только отдельные пеленги. Я считал, что мы допускаем ошибку, поскольку неправильно предлагать командующему в критический момент крупной операции анализировать необработанные данные разведки, а не сообщить ему уже обработанные сведения. В действительности у командующего не было эсминцев, оснащенных радиопеленгаторами.

Нанесенные на карте флагманского корабля пеленги показали, что противник находится намного севернее, хотя в действительности он был восточнее. Это заставило командующего сделать неправильный вывод, что «Бисмарк» направляется в базу через Северное море. Позднее, когда операция была завершена, я проложил пеленги на навигационной карте и сразу понял, что произошло. Офицер радиоразведывательной службы на флагманском корабле прокладывал пеленги на обыкновенной навигационной карте, а не на карте в гномонической проекции. Нанесенные им пеленги дали место «Бисмарка» почти на 200 миль севернее действительного».

Дэннинг в общем согласен с этим объяснением ошибок, которые, собственно, и могли привести к потере Флотом метрополии контакта с «Бисмарком».

Однако, по его мнению, оперативно-информационный центр разведывательного управления сообщал командующему только необработанные пеленги по его же просьбе, высказанной им перед выходом в море. Дэннинг подтверждает, что адмирал Клэйтон действительно настаивал, что командующему следует сообщать только пеленги, так как считал, что корабли смогут получить более точное место противника, чем береговые радиопеленгаторные станции.

Плавание «Бисмарка» в мае 1941 года проходило следующим образом:

18 мая — Совместно с «Принцем Огейном» вышел из Гдыни в Балтийское море.

20 мая — Находящийся в Скапа-Флоу адмирал Тови предупрежден. Немецкие корабли обнаружены в проливе Каттегат, о чем сообщено в адмиралтейство.

21 мая — Командование береговой авиации организовало усиленные поиски и обнаружило корабли в Корс-фьорде около Бергена, где они принимали топливо.

22 мая — Следует в Атлантический океан через Датский пролив. Вечером самолет морской авиации, вылетевший с Оркнейских островов, установил, что в Корс-фьорде кораблей нет. Флот метрополии под командованием Тови вышел в море.

23 мая — Обнаружен в 19.22 «Суффолком»; начато преследование крейсерами.

24 мая — Непосредственный контакт потерян из-за снежного заряда, но вскоре после полуночи снова установлен. В 06.00 потоплен «Худ». Крейсера продолжают преследование.

24 мая — 18.00. «Бисмарк» и «Принц Ойген» разделились. Крейсер пошел на запад, а линкор — на юго-восток к берегам Франции.

25 мая — 03.06. Контакт с «Бисмарком» потерян преследовавшими кораблями на 30 часов; Флот метрополии часть этого времени вел поиск в ложном направлении. В 08.52 «Бисмарк» выходит в эфир с большой радиограммой, что помогло адмиралтейству определить его приближенное место и дать указание Флоту метрополии лечь на правильный курс.

26 мая — 10.30. Самолет «каталина», руководствуясь указаниями оперативно-информационного центра разведывательного управления, обнаружил «Бисмарк».

26 мая — 20.47. Атакован авианосной авиацией с «Арк Ройяла».

27 мая — 08.47 — 08.49. Начало завершающей атаки Флота метрополии и соединения «Н».

В 10.36 «Бисмарк» затонул.

Таким образом, «Бисмарк» выдал себя сам. Предоставленный его ошибкой шанс едва не был упущен из-за технической ошибки (вполне понятной), которую допустили в адмиралтействе и на флагманском корабле.

Должно быть, вскоре после этого система радиосвязи ВМС группы «Запад» начала работать на частотах, которые использовались группой «Север» в Германии, в результате чего произошло неожиданно резкое возрастание радиообмена, немедленно замеченное в Лондоне. В совокупности с другими данными это позволило предположить, что «Бисмарк» шел в Бискайский залив.

Что касается немецкого штаба руководства войной на море, то в течение какого-то времени «Бисмарк» был единственным источником быстро передаваемой информации для определения следующего этапа действий: что должны делать подводные лодки; какие самолеты целесообразно выслать для прикрытия «Бисмарка» и бомбардировки преследующих его английских кораблей, когда они окажутся в зоне дальности действия авиации с баз во Франции. Относительно решения Лютьенса отправить довольно длинную информационную радиограмму штаб руководства войной на море высказал следующее:

«Работа корабельной радиостанции, продолжавшаяся свыше получаса, кажется, предоставила последнему [противнику] хорошие возможности точной засечки корабля с помощью радиопеленгаторных станций. Станции в Гибралтаре и в Исландии запеленговали корабль под углом 90°. Английский командующий, установив на этой основе, что он находится уже западнее «Бисмарка», приказал «Кинг Джордж V» и «Роднею» повернуть на северо-восточный курс, а во второй половине дня, когда английские корабли пересекли курс «Бисмарка», он приказал им лечь на параллельный курс. После того как новые радиопеленги показали, что «Бисмарк» утром 25 следует юго-восточным курсом, английскому адмиралтейству стало ясно, что он направляется к западному побережью Франции».

В действительности английский командующий, конечно, получил из адмиралтейства радиограмму с указанием на допущенную ошибку.

С помощью немецких архивов представляется возможным восстановить с известной степенью достоверности характер доводов, которые привели адмирала Лютьенса в западню, подготовленную Флотом метрополии и соединением «Н» (и которые позволили английской разведке утверждать, что «Бисмарк» пойдет на юг). Немецкий штаб руководства войной на море, видимо, длительное время колебался в оценке опасностей и преимуществ действий кораблей из баз Балтийского моря или Норвегии, Бискайского залива или Северного моря. Успешный рейд «Шарнхорста» и «Гнейзенау», вероятно, также становился время от времени предметом размышлений; во время совещания на борту «Бисмарка» в день его выхода в море длительному обсуждению был подвергнут также вопрос о целесообразности следования Датским проливом, а также о погодных условиях, необходимых для этого. Таким образом, не удивительно, что выводы, которые позволяют сделать немецкие документы, в значительной мере напоминают оценку, сделанную оперативно-информационным центром разведывательного управления в ходе событий.

Контр-адмирал Клэйтон, капитан 1 ранга Дэннинг и их помощники, наблюдавшие в течение двух лет за всеми передвижениями тяжелых немецких кораблей и знавшие проблемы, которые стояли перед командующим Флотом метрополии в Скапа-Флоу, не считали невозможным проследить ход рассуждений адмирала Лютьенса. Однако важно отметить, что в то время они не знали степени повреждений, полученных «Бисмарком» в результате попаданий двух снарядов с «Принс ов Уэлса»; взрыв одного из них вызвал утечку топлива, а это привело к тому, что «Бисмарк» оставлял за собой нефтяной след, который заметил наблюдавший за ним самолет.

Приведем поэтому оценку немецкого штаба руководства войной на море хода мыслей Лютьенса при рассмотрении им альтернатив,

открывшихся после потопления «Худа». Первым был вопрос о дальности. Если бы он направился по кратчайшему пути в Сен-Назер, ему пришлось бы пройти около 1700 миль; однако маневрирование в течение половины дня с целью оторваться от преследователей увеличило бы этот путь до 2000 миль. Если бы он повернул на север, в сторону Норвегии, то до Бергена пришлось бы покрыть 1150 миль, а до Тронхейма (через Датский пролив) — 1400 миль.

Можно было бы выбрать более протяженный маршрут — до берегов Франции, если бы утечка топлива, вызванная попаданием одного из снарядов с «Принс ов Уэлса», не стала бы увеличиваться под влиянием ухудшающейся погоды или в связи с возможной артиллерийской стрельбой. Если бы «Бисмарк» направился в Брест или Сен-Назер, то он смог бы осуществлять и в дальнейшем рейды в Атлантический океан, очевидно, совместно с «Шарнхорстом» и «Гнейзенау». Выбор этого курса свидетельствовал бы о тенденции к наступательным действиям.

Кратчайший путь в Берген быстро выводил корабль в район, где могла быть оказана помощь со стороны люфтваффе, но тогда пришлось бы пройти вблизи английских морских и воздушных баз. Если, как сообщала разведка, часть Флота метрополии все еще находилась в Скапа-Флоу, то курс между Фарерскими и Шетландскими островами вывел бы «Бисмарка» прямо на противника. То же самое произошло бы в случае прохождения в Тронхейм южным от Исландии путем.

В пользу выбора Датского пролива была ограниченная видимость у кромки полярных льдов и меньшая уязвимость от авиации в прогнозируемых погодных условиях. Кроме того, при следовании этим маршрутом «Бисмарк» с наибольшей степенью вероятности мог бы избежать встречи с главными силами Флота метрополии, которые шли в район боя, происшедшего утром.

Почему же тогда Лютьенс не повернул на север? Вполне вероятно, что командиры обоих немецких кораблей считали, что «Кинг Джордж V» идет совместно с преследующими крейсерами. Если это было так и если «Принс ов Уэлс» получил лишь незначительные повреждения, то превосходство этих кораблей над одним «Бисмарком» без «Принца Ойгена» было бы слишком большим. (Лютьенс не знал, что «Принс ов Уэлс» получил серьёзные повреждения, так же как капитан 1 ранга Лич не знал, что его орудия вызвали серьезную течь топлива у «Бисмарка».) Кроме того — и это было, вероятно, решающим соображением, — из радиограмм, посланных Лютьенсом, и из вахтенного журнала «Принца Ойгена» следует, что командиры немецких кораблей были сильно поражены эффективностью английской аппаратуры слежения, для которой, как уже отмечалось, метеорологические условия в Датском проливе не явились серьезным препятствием.

Попытка оторваться от преследователей путем разделения кораблей, а затем движения на юг была правильным решением. Оказалось, что ночью 25 мая штаб руководства войной на море, тогда не

знавший о характере и степени повреждений «Бисмарка», подумывал об отдаче Лютьенсу приказа следовать в южном, а затем в западном направлении для выхода на атлантические маршруты конвоев; однако штаб решил, что «было бы неверно оказывать на него влияние в любом определенном направлении» — на месте было виднее, что делать.

Штаб руководства войной на море пришел к заключению, что адмирал Лютьенс строго руководствовался чувством долга:

> «Учитывая личные качества адмирала Лютьенса и присущее ему чувство долга, можно с уверенностью предположить, что решающим фактором в этих условиях был не столько вопрос о порте, в который корабль смог бы прийти наиболее безопасным путем, сколько стоявшая перед Лютьенсом задача... использовать корабли для активных действий на коммуникациях противника в Атлантическом океане».

Немецкий штаб, как и адмиралтейство, не знал тогда, что ухудшение погоды и повторный обмен залпами с «Принс ов Уэлсом» между 18.00 и 19.00 24 мая усилили утечку топлива на «Бисмарке». Таким образом, в действительности выбора следовать во Францию или нет не было. В случае когда свободы выбора нет, разведывательные данные утрачивают решающее значение. Поскольку соединение «Н», двигаясь на север для перехвата «Бисмарка», соблюдало строгое радиомолчание, а немецкая дешифровальная служба оказалась не в состоянии разобраться в массе оперативных радиограмм между адмиралтейством и Флотом метрополии, немецкая военно-морская разведка не имела возможности рекомендовать что-либо радикальное. События, вероятно, развернулись бы совсем по-иному, если бы немецкая разведка знала или могла предсказать решение Тови о том, что если к полуночи с 26 на 27 мая движение «Бисмарка» не будет замедлено, то придется прекратить преследование из-за недостатка топлива и угрозы со стороны подводных лодок, а также бомбардировщиков, совершавших налеты на снизивший скорость хода «Кинг Джордж V».

Что же произошло тем временем с кораблями, сопровождавшими «Бисмарк»? Рано утром 25 мая «Принц Ойген», отделившийся от «Бисмарка» в 18.00 24 мая, принимал топливо с танкера «Шпихерн». (В его трюмах было всего лишь 250 вместо 3233 тонн, которыми он располагал, выйдя из Норвегии.) «Принц Ойген» должен был при поддержке дозорных кораблей «Гонзенхайм» и «Кота Пенанг» действовать на южной части маршрута конвоев НХ. Капитан 1 ранга Бринкман надеялся, что преследование «Бисмарка» отвлечет английские тяжелые корабли от конвоев и что он может встретить одиночно следующие суда или слабо охраняемые конвои. С целью организации этих действий в течение трех дней происходил радиообмен между крейсером и находившимися в его распоряжении судами

снабжения. Этот факт встревожил капитана 1 ранга Бринкмана, который 27 мая записал в вахтенном журнале крейсера: «Следует отметить, что не являющийся необходимостью радиообмен, который мог быть засечен радиопеленгаторными станциями противника, раскрыл наше место». К счастью для Бринкмана, серьезные неполадки в машинах «Принца Ойгена» вынудили его направиться в Брест, куда он прибыл 1 июня.

Это извлечение из вахтенного журнала приводится здесь по той причине, что ему, как это ни странно, кажется, не придали должного значения те лица, которые были уполномочены провести расследование причин гибели судов снабжения, из которых по крайней мере три активно взаимодействовали с «Принцем Ойгеном» и вскоре были потоплены: «Гонзенхайм» (затоплен 4 июня после атаки «Эсперансом Бей» и самолетом морской авиации), «Эссо Гамбург» (затоплен 4 июня после атаки крейсером «Лондон») и «Фридрих Бремэ» (потоплен «Шеффилдом» 12 июня).

Даже при повторном расследовании в июле 1942 года, вызванном информацией, которая была получена, как утверждают, от английских военнопленных с досмотрового судна «Малвернпан», кажется, имела место решимость не рассматривать продолжительный радиообмен или любое другое нарушение правил радиосвязи в качестве причины гибели в июне судов снабжения и траулеров метеослужбы. Решающее свидетельство, кажется, было получено в результате захвата 4 июня «Марсдейлом» судна снабжения «Геданиа» (о чем немцы получили данные от спасенных членов экипажа «Малвернпана»). Секретные документы этого судна дали англичанам ответы на следующие вопросы:

а) что знали немцы о местонахождении английских кораблей;

б) операционный район действий подводных лодок в Северной Атлантике (к югу от 42° с. ш., к востоку от 30° з. д. и к северу от 5° с. ш.);

в) точное местонахождение траулера метеорологической службы;

г) маршруты следования судов, захваченных в качестве призов;

д) маршруты в Бискайский залив и протраленные фарватеры для захода в порты этого залива.

Захваченные документы явились ценной информацией для английской разведки (очевидно, эта информация была использована для планирования рейда в Сен-Назер в марте 1942 года) и весьма необходимые данные для изготовления в разведывательном управлении подробной копии немецкой карты квадратов района боевых действий в Атлантике. Помимо этого, на «Геданиа» имелись подробные инструкции по снабжению надводных кораблей, в том числе сопровождающих «Бисмарк», данные о рандеву с танкером «Эгерланд» (потоплен 6 июня эсминцем «Бриллиант» и крейсером «Лондон») и курсах следования к нему. Документы, захваченные на этом судне, таким образом, могли объяснить некоторые успехи, достигнутые англичанами в последующие дни.

Затем англичане захватили танкер «Лотринген» (15 июня) и получили новое подтверждение данным, добытым при захвате «Гедании», и дополнительно получили сведения о месте рандеву. Немецкая военно-морская разведка пришла, таким образом, к следующему заключению:

«1. Гибель двух метеорологических судов «Фризе» и «Мюнхен» объясняется, вероятно, предательством норвежцев;

2. Захват «Гедании» мог дать противнику доступ к оперативным документам, из-за чего позднее, вероятно, удалось перехватить танкеры «Эгерланд» и «Эссо Гамбург» в квадрате ER, рандеву, упоминавшиеся в боевом приказе для «Гедании», а также потопить «Лауенбург».

3. «Гонзенхайм» и «Фридрих Бремэ» были потоплены почти на маршруте следования призовых судов к Бискайскому заливу, как он определен в приказе для «Гедании». Однако дата (оба были потоплены 4 июня) исключает предположение, что документы на борту «Гедании» послужили причиной гибели «Гонзенхайма». Поскольку оба судна были потоплены линкором, можно предположить, что их потеря связана с мерами противника по перехвату «Принца Ойгена» на маршруте следования призовых судов, о котором противник узнал раньше.

4. Танкер «Бельхен» (потоплен военными кораблями 3 июня), вероятно, был обнаружен патрульными самолетами, которые вели поиск «Бисмарка».

5. «Лотринген» был, очевидно, потоплен в ходе поисков на маршруте следования призовых судов или в зоне пополнения запасов в центральной части Атлантики, о которых противник узнал из документов «Гедании». Так как место гибели судна неизвестно, никакого твердого заключения сделать нельзя, однако факт использования авиации свидетельствует о том, что противник вел в указанном районе систематический поиск.

6. В отношении причин гибели «Бабитонга» (судно снабжения вспомогательных крейсеров в Южной Атлантике) и «Альстертора» (судно снабжения вспомогательных крейсеров в Индийском океане) никаких данных нет, однако полагают, что «Альстертор» мог быть случайно обнаружен во время поисков потерпевшего аварию самолета, на борту которого находился английский генерал. Кажется, нет никакой связи между потерей этих двух судов и потерей двух других».

Затем следует вывод, свидетельствующий о стоявших перед немецкой военно-морской разведкой трудностях на том этапе, когда она пыталась вскрыть, какие ошибки на море или в базе привели

к ликвидации этой важной и тщательно спланированной системы обеспечения — одной из решающих морских операций в битве за Атлантику.

> «При анализе причин потери кораблей становится очевидной прямая связь между пятью случаями. Для остальных семи случаев следует принять во внимание неблагоприятные обстоятельства, встречи с кораблями сопровождения конвоев, усиленное патрулирование на подступах к Бискайскому заливу; совершенно излишне допускать возможность раскрытия противником тайны кодов и шифров».

Уроки операции «Рейнское учение» для английской разведки абсолютно ясны. Это было удачное сочетание усилий различных видов разведки, причем каждый обеспечивал и дополнял другой, что и явилось решающей причиной успеха. О выходе кораблей противника в море сразу же донесла агентурная сеть военно-морского атташе в Стокгольме; хорошо отработанное взаимодействие между оперативно-информационным центром разведывательного управления и командованием береговой авиации позволило немедленно поставить задачи воздушной разведке и ориентировать ее относительно района поиска; решительный поиск, проведенный летчиками, обнаружение крейсерами кораблей противника с помощью радиолокационной аппаратуры, эффективность которой явилась неожиданностью для немцев, и передача этой информации в оперативно-информационный центр разведывательного управления и штаб Флота метрополии; хорошая работа станций радиоперехвата, установивших направление движения «Бисмарка», после того как контакт с ним был потерян; выводы оперативно-информационного центра о том, что «Бисмарк» идет к берегам Франции; подробный инструктаж экипажа самолета «каталина» для проведения окончательного этапа поиска. Нельзя было ожидать, что немецкая военно-морская разведка сможет предвидеть организацию такой высокоэффективной защиты торговых путей в Атлантике после той легкости и скрытности, с которой «Шеер», «Шарнхорст» и «Гнейзенау» осуществляли свои рейды ранее. Результативность английской военно-морской разведки за двенадцать месяцев значительно повысилась в отношении как ведения разведки, так и осуществления других действий, ибо практика совершенствует мастерство. Поэтому не удивительно, что начальник немецкой радиоразведывательной службы посетил Деница сразу же после гибели «Бисмарка» и рекомендовал ввести более строгие правила использования радиосвязи кораблями в открытом море.

После написания настоящей главы опубликованы результаты глубокого анализа этого эпизода, выполненного начальником отделения военно-морской истории адмиралтейства капитан-лейтенантом Питером Кемпом, который включил в анализ некоторые новые данные. Среди них имеется описание ошибки, допущенной адмиралтей-

ством 25 мая, когда непосредственный контакт с «Бисмарком» был утерян, ошибки, которая, однако, привела к успеху. В 13.20 в тот день была перехвачена радиограмма немецкой подводной лодки, находившейся в Центральной Атлантике и сообщившей, как мы теперь знаем, об обнаружении авианосца «Викториес»; место авианосца нанесли на карту в оперативном центре и сразу поняли, что оно находится на курсе, которым пошел бы «Бисмарк», если бы он решил направиться в Бискайский залив. В адмиралтействе предположили, что «вопреки всему опыту и известной немецкой процедуре радиосвязи, это мог быть «Бисмарк», который давал непосредственные указания подводным лодкам, используя выделенную для них частоту». Эти координаты сообщили командующему Флотом метрополии, а через несколько часов из адмиралтейства поступило другое распоряжение для всех кораблей в открытом море: действовать, принимая во внимание, что противник идет курсом к западному побережью Франции.

ГЛАВА 8

ВОЕННОПЛЕННЫЕ

I

Обстановка, в которой оказывается военнопленный, унизительна, а для чувствительных людей просто мучительна. Военнопленный теряет не только свободу, но и право на уединение и даже право быть человеком. Использовать затруднительное положение военнопленного с целью получить от него информацию, в результате чего, если информация достаточно точная, создается угроза для жизни его бывших товарищей, довольно подло. Именно так расценивали эти действия некоторые сотрудники английской военно-морской разведки, работавшие с военнопленными. Однако именно те, кто наиболее ясно представлял себе это, как правило, оказывались среди лучших сотрудников этой службы. Да это и не удивительно. Некоторые военнопленные, чувствуя такое понимание их положения, реагировали соответствующим образом. Конечно, немалое значение здесь имеет и то обстоятельство, насколько правильно организован допрос и как он ведется. Если по обе стороны стола, за которым ведется допрос, существует мнение, что война — не слишком привлекательное занятие и что она накладывает особый отпечаток на поведение людей, то у сотрудника разведки есть все шансы добиться весьма примечательных успехов, которых не достигнешь ни жестокостью, ни промыванием мозгов, ни воздействием на допрашиваемого химическими препаратами, ни применением каких-либо других форм насилия.

Однако необходимо понять, что успех проводящего допрос основывался на работе, в которой он редко или никогда не принимал участия. Об этом мы уже много говорили в предыдущих главах. Так обстояло дело в немецкой секции разведывательного управления ВМС (по работе с военнопленными), которая сосредоточивала у себя любую информацию о противнике, анализировала ее и передавала в обработанном виде лицам, проводившим допрос военнопленных. Из этого же органа поступали вопросы, на которые хотели бы иметь ответы как командиры кораблей и соединений, так и штабы, планировавшие операции. По окончании допроса специалисты этой секции придавали полученным данным форму, в которой они могли быть переданы для использования. Это они представляли начальнику разведывательного управления ВМС рекомендации о рассылке срочной информации и оценивали моральное состояние личного состава

флота противника. Так же происходил сбор разведывательной информации среди военнопленных итальянцев и японцев, проводившийся в Египте, на Цейлоне или в Бирме. Успех в конфронтации военнопленного и лица, проводившего допрос, основывался на глубокой теоретической подготовке, а также на тщательно организованной, а иногда и вдохновенной штабной работе. Противник делал все возможное по дисциплинарной линии, путем подробного инструктажа и предупреждений, чтобы подготовить немецких и итальянских моряков на случай, если они попадут в плен. Такой моряк знал свои права, предусмотренные Женевской конвенцией о военнопленных: его учили сообщать только имя, звание, личный номер и дату рождения. Его предостерегали, что любой разговор с товарищами в камере или в другом помещении может быть подслушан и записан противником, а «товарищ» может оказаться осведомителем, подсаженным по решению органов, проводящих допрос. Он знал, что беженцы немецкого происхождения, оказывающие помощь противнику, могут выдавать себя за убежденных нацистов. Ему объясняли, какую угрозу для жизни других немецких и итальянских моряков может представить болтливость или ошибка в поведении. Помимо этого, вплоть до 1943 года он верил, что Германия выиграет войну, а поэтому плен долго не продлится. Последнее, по-видимому, больше всего способствовало тому упрямству, с которым сталкивались лица, проводившие допрос. В некоторых случаях на преодоление такого упрямства уходили многие месяцы терпеливых усилий и настойчивого труда при неизменном разумном отношении к убеждениям того или иного индивидуума.

Как только военнопленный-подводник оказывался лицом к лицу с ведущим допрос, первое, что он замечал,— примерно одинаковый возраст его самого и ведущего допрос. В представлении пленного это был не офицер разведки и не то лицо, против которого его настраивали в процессе обработки, а, очевидно, такой же, как и он сам, хорошо, хотя и не в совершенстве, владеющий немецким или итальянским языком. Ведущий допрос не делал заметок и не ставил вопросы так, как это обычно делал неопытный следователь, поскольку прежде всего он пытался получить ответы на два вопроса: во-первых, относится ли военнопленный к категории упрямых людей или он готов сотрудничать и, во-вторых, если это еще не было известно, номер подводной лодки. Не зная последнего, ведущий допрос продолжал бы блуждать в потемках, так как не имел бы возможности применить свои добросовестно накопленные знания и, следовательно, произвести на пленного должное впечатление. Но как только допрашивающий узнавал номер лодки и имел возможность просмотреть соответствующее досье, он становился весьма общительным и разговорчивым, задавал первоначально вопросы общего порядка, а затем показывал удивительную осведомленность в вопросах истории подводной лодки, хорошо знал последние сплетни в базе относительно командиров и действий подводных сил, места увеселения, которые посещают подводники во внеслужебное время и в период отпусков.

На месте пленения подводника, в открытом море, такой неторопливый методичный допрос, конечно, невозможен.

При потоплении «Шарнхорста» в декабре 1943 года флагманский корабль Флота метрополии «Дьюк ов Йорк» подобрал 36 уцелевших моряков. Офицер штаба по разведке на борту корабля имел намерение действовать согласно инструкции, которая предусматривала, что допрос производится только в объединенном центре вооруженных сил по работе с военнопленными, однако командир артиллерийской боевой части «Дьюк ов Йорка» горел вполне понятным желанием установить немедленно: явились ли его первые залпы, если не самый первый, причиной резкой потери скорости кораблем. О расхождении во мнениях было доложено начальнику штаба, который запросил указаний от адмирала Фрезера. Старшего офицера штаба по разведке обвинили в близорукости и напомнили, что память военнопленных через неделю может притупиться: ему приказали приступить к допросу. Фактически он не смог получить никаких сведений от пленных: «они были в невменяемом состоянии из-за перенесенных страданий; если вообще существуют условия, при которых военнопленных лучше оставить в покое до более подходящего момента, то это как раз был такой случай».

Секрет успеха прост и состоит в том, что знание порождает знание: военнопленный начинает говорить лишь тогда, когда убеждается, что он не говорит ничего нового. Если ведущий допрос знает семь из десяти относящихся к данным условиям фактов, то при разумном подходе он использует их с успехом, чтобы вытянуть из военнопленного остальные три (тот подумает, что допрашивающий уже знает их). Предоставим здесь слово сотруднику немецкой секции разведывательного управления ВМС:

> «Старая гвардия допрашивавших — те, кто из месяца в месяц общался со всеми чинами и специалистами всех рангов и званий, пропитался духом немецких подводников. Они даже говорили на особом жаргоне — «немецком языке подводников». (Этот характерный для всех военнопленных-подводников всепроникающий тяжелый запах масла и спертого воздуха все еще преследует меня.) Мы, безусловно, узнали о немецком флоте неизмеримо больше, чем знали о своих ВМС, а вскоре мы знали о подводных силах противника даже больше, чем большинство тех, с кем имели дело. Вы могли бы попросить любого из старой гвардии вспомнить любой номер подводной лодки между единицей и тысячью, и без малейшего колебания он назвал бы вам командира той или иной лодки, а возможно, даже имена его старшего помощника и механика».

Именно такое представление сложилось у подводного аса Кречмера во время допроса его весной 1941 года начальником управления противолодочной обороны, тогда капитаном 1 ранга Джорджем

Кризи. «Англичане,— сообщил он Геральду Бушу, автору книги о подводной войне,— были исключительно хорошо информированы... Для них подводный флот не был просто названием: это было нечто реально существующее. Для нас же противник представлял собой не более чем безликую массу». Немцы, слушавшие коротковолновую радиопрограмму для вермахта, которая передавалась из Великобритании Сефтоном Дельмером, были удивлены осведомленностью последнего о происходящих событиях, например о том, что происходит на борту находившихся в устье Жиронды блокадопрорывателей, или о неприятностях между штабом Деница и специалистами, ведущими разработку радиолокационной аппаратуры.

При таком целеустремленном подходе казалось бессмысленным придерживаться требования, выраженного во фразе, которая вдалбливалась в сознание личного состава немецкого флота офицерами госбезопасности: «Мне не разрешается об этом говорить». Зачем говорить «я не знаю», если англичане проявляют забавный и грубоватый интерес к поведению рыжеволосой официантки кафе Дерена в Лорнане? Зачем отрицать, что капитан-лейтенант «Z» имел репутацию человека, до смерти боящегося мин, в то время как его командир, находящийся сейчас в плену, был сорвиголова? Почему не допустить вероятность того, что другие пленные уже дали показания?

Разумеется, если военнопленный не реагировал на такие, свидетельствующие о хорошей осведомленности вопросы, поведение молодого офицера с волнистыми нашивками добровольческого резерва ВМС могло внезапно измениться. Он мог заявить — в начальный период войны,— что пленному грозит тюремное заключение на весьма продолжительный срок, что некоторые, но не все, военнопленные будут отправлены в Канаду (через Атлантику, кишевшую подводными лодками, как было известно военнопленным), что ни одному из них не удалось еще бежать с Британских островов и что для разумных и славных парней жизнь может стать более легкой, чем для упрямых нацистов.

С начала допроса экипажа подводной лодки и даже раньше, с того момента, когда адмиралтейству становилось известно о захвате пленных, ведущие допрос читали соответствующие досье и систематизировали все сведения о лодке, о ее командире и офицерах, оборудовании, которым она могла быть оснащена, известных тактико-технических данных и методах ведения атаки. Они имели также возможность получить необходимые данные из различных отделов адмиралтейства относительно торпед, поискового оборудования, радиооборудования, тактики выхода в атаку и уклонения от преследования, дальности плавания и о запасах топлива. Если та или другая подводная лодка или ее командир представляли определенный интерес, технические эксперты ставили специальные, подлежащие срочному выяснению вопросы, и иногда ответы, полученные на них, означали жизнь или смерть для атлантических или средиземноморских конвоев.

Однако такой метод допроса требовал большой выдержки и осторожности. Если допрашивавший знал слишком много, он запросто

мог подсказать военнопленному какую-то мысль или идею, извлеченную из другого источника, и тогда никто не мог бы утверждать, получены эти данные от военнопленного или от кого-то еще. Допрашивавшему по техническим вопросам требовался тщательный инструктаж других управлений адмиралтейства; он мог, например, спросить: «Как давно вам известно поисковое оборудование типа «С»?» Военнопленный мог ответить «три месяца», хотя до этого он никогда не знал, что загадочное оборудование на его подводной лодке именуется типом «С». Если на основании его ответа делалось заключение, что данная лодка действительно была оснащена оборудованием типа «С», это было образцом неумелой разведывательной работы.

Данные, полученные от военнопленных, резко отличаются от данных других источников детальными ответами на вопросы: что, кем, как и когда сделано; они могут касаться тактических приемов командиров, вопросов эксплуатации техники, описания конструкции, тактико-технических характеристик вооружения и оборудования. Прошло некоторое время, прежде чем адмиралтейство уяснило это; на протяжении первых трех лет войны отделы разведывательного управления ВМС, формулировавшие технические вопросы и обеспечивавшие получение на них ответов, были укомплектованы офицерами старших возрастов, которые больше интересовались двигательными установками, чем новыми техническими достижениями в области радиолокации, торпедного, минного и другого вооружения. Действительно, одной из главных проблем, с которыми столкнулся преемник Годфри в 1943 году, явилась проблема улучшения деятельности технической разведки. Летом 1943 года в ответ на срочное предложение немецкой секции контр-адмирал Рашбрук принял для работы в секции прошедшего подготовку в Кембридже инженера со знанием немецкого языка, что немедленно дало положительные результаты. Войдя в контакт с английскими экспериментальными и исследовательскими организациями и познакомившись с тематикой их работ, он получил необходимую ориентацию для допроса военнопленных, а благодаря знанию общих принципов и инженерной терминологии и осведомленности в смежных областях знаний помог различным отделам адмиралтейства подготовить ряд вопросов для постановки их военнопленным. Если возникала необходимость, он консультировал своих коллег в центре по работе с военнопленными.

Начиная с лета 1942 года и до 1944 года в отношении качества и количества получаемой разведывательной информации наблюдался значительный прогресс. Один допрашивавший получил от военнопленного полное описание устройства, которое создавало ложную подводную цель. Это буксируемое устройство, управляемое из подводной лодки, имитировало подводную цель для английских противолодочных кораблей, оснащенных гидролокационной установкой, и позволяло подводной лодке маскироваться под прикрытием дезориентирующего шума. Это немецкое изобретение причинило нам

некоторое беспокойство, но благодаря нашей осведомленности о нем так и не стало подлинным препятствием. В том же году разведка получила полное описание поисковой радиолокационной станции, специально созданной немцами с целью предупреждать подводную лодку о работе радиолокационных установок на самолетах и кораблях союзников. Эта информация позволила адмиралтейству сменить используемую радиолокационными станциями частоту, в результате чего немцы были введены в заблуждение. Наиболее ценная информация о торпедном оружии также была получена от военнопленных, которые стали проявлять большее стремление к сотрудничеству, так как поражение Германии становилось очевидным. В нескольких случаях адмиралтейство оказалось в состоянии разработать контрмеры еще до того, как новые типы торпед были приняты немцами на вооружение. Не оставалось ни одного аспекта технического описания или характеристик последовательно усложняемых типов немецких торпед — акустических, самонаводящихся, магнитных и других, — которые не становились бы известными в деталях из этого источника.

Известна поразительная история об акустической самонаводящейся торпеде (WREN), на которую Дениц возлагал такие большие надежды летом 1943 года, когда его атлантическая кампания уже провалилась. Впервые эта торпеда была использована в крупном пятидневном сражении за конвои ONS.18 и ON.202 между 18 и 22 сентября. Благодаря предупреждению разведывательного управления ВМС о наличии у противника нового оружия были своевременно подготовлены контрмеры, хотя все еще в элементарной форме. К сожалению, этими мерами не воспользовались канадские эскадренный миноносец «Сент Круа» и корветы «Полиантес» и «Итчен», потопленные торпедами WREN, однако следует отметить, что немцы применили в данном случае совершенно новый тактический прием: вместо охраняемых судов они неожиданно стали атаковать корабли охранения.

В тот день, когда данные о потоплении этих кораблей достигли Лондона, лейтенант добровольческого резерва ВМС, ведавший допросами военнопленных с целью получения технической информации, посетил одно из учреждений адмиралтейства, занимавшееся разработкой конструкций торпед. Он узнал, что сотрудникам этого учреждения удалось создать английскую акустическую торпеду, но они прекратили работу над ней, так как не могли добиться требуемой адмиралтейством скорости хода торпеды — не менее 30 узлов. Испытания показали, что при скорости, превышающей 24,5 узла, шумы, создаваемые собственными винтами торпеды, забивают акустическую аппаратуру. Немцы, как об этом стало известно позднее, применяли такие торпеды при скорости, соответствующей точно 24,5 узла, и достигли поразительных результатов.

Однако упомянутая торпеда быстро потеряла свое значение, так как для борьбы с ней было создано весьма простое защитное устройство «Фоксер» — буксируемые судном два бьющихся друг о друга

стальных листа, которые отвлекали торпеду от винтов судна и вызывали ее взрыв на безопасном удалении. Недостаток «Фоксера» состоял в том, что он искажал показания гидроакустической установки (все еще основного устройства для обнаружения подводных лодок) на том судне, которое буксировало его; к тому же буксировать «Фоксер» можно было на скорости не более 15 узлов. Поэтому корабли охранения, решавшиеся преследовать подводную лодку на большой скорости хода, вынуждены были отказываться от использования защитного устройства «Фоксер». Однако комбинация из технической изобретательности и своевременно полученных разведывательных данных помогла нейтрализовать на самой ранней стадии эту опасную немецкую военную хитрость.

Разведка помогла найти ответы и на другие хитрости немцев. Так, например, информация относительно шноркеля своевременно поступила от военно-морского атташе в Швеции, который в свою очередь получил ее из голландских источников. Располагая ею, допрашивавшие имели возможность убедить осведомленных военнопленных, что основные характеристики этого устройства уже известны. Иногда разведывательное управление ВМС было вынуждено убеждать в своей правоте собственных начальников и специалистов. Один допрашивавший рассказал, как он со своим коллегой — оба были лейтенантами добровольческого резерва ВМС — был направлен к грозному адмиралу Тови, командовавшему в то время Норским военно-морским округом. Адмирал был озабочен сообщениями о подводных лодках с экипажами из двух человек, которые, возможно, будут действовать в прибрежных водах (это было весной 1944 года). Штаб адмирала рассылал по кораблям инструкции, которые, по мнению разведывательного управления ВМС, были ошибочными. Двум молодым офицерам поручалось сообщить Тови имеющиеся данные относительно намерений немцев и их возможностей.

Лейтенантов проводили в просторную комнату оперативного управления и подвели к столу адмирала. К удивлению молодых офицеров, их с большим пристрастием стал расспрашивать сам адмирал Тови. Он беседовал с ними весьма любезно, «как будто они были специалистами высшего класса». Когда Тови выяснил все, что хотел знать, он обратился к начальнику своего штаба и сказал: «Позаботьтесь об этих джентльменах и сделайте все так, как они предлагают». И действительно, все их предложения были учтены. Следует отметить, что отношение оперативного управления к разведывательному было таким не всегда. Не было это свойственно вначале и техническим управлениям.

Замечания сотрудников этих управлений на справках, составленных на основе информации военнопленных (например, о том, что немецкие подводные лодки легко переносят взрывы глубинных бомб на сравнительно небольшом расстоянии, о сокращенных темпах подготовки немецких подводников, о скорости хода и глубине погружения подводных лодок, о калибре артиллерийских стволов на эскадренных миноносцах типа «Z» и др.), часто свидетельствовали о принятии

ими желаемого за действительное, и бороться с этим можно было только точными и убедительными разведывательными данными.

В ходе допросов офицеры разведки неоднократно получали убедительные данные о том, что подводные лодки погружались на глубину 180 метров и даже больше. Штаб командующего подводными силами отказывался верить этому; такого же мнения придерживались и конструкторские организации до тех пор, пока не захватили немецкую подводную лодку «U-570» и пока испытания ее с персоналом из английского флота не подтвердили достоверности сведений, полученных при допросе пленных. Лодка оказалась настолько удачно сконструированной, что погружение на такую глубину не вызывало никаких отрицательных явлений. Если бы этим сведениям поверили раньше, английские глубинные бомбы устанавливались бы для взрыва на глубине более 167 метров — максимальной глубине, предписывавшейся в первый период войны.

Подобный же случай недоверия имел место и в отношении немецких эсминцев, действовавших в водах Норвегии и в зоне Ла-Манш — Бискайский залив. Военнопленные неоднократно заявляли, что они имели орудия калибром 150 мм. Поскольку не было оснований завышать эти данные, информация представлялась достоверной. Но конструкторские организации адмиралтейства заявили, что ни один корабль водоизмещением 2400 тонн не может нести такое вооружение, а поэтому информация о кораблях класса «Нарвик», имевших такую артиллерию, на корабли флота не попала. Даже после того как адмиралтейство направило соответствующее сообщение, многие отказывались верить этому вплоть до июля 1944 года, когда один из таких кораблей выбросился на берег Бретани и попал в наши руки. Выяснилось, что конструкторы и артиллеристы были неправы. Такое же недоверие было проявлено относительно данных о зенитном вооружении и об угле поворота торпедных аппаратов этих кораблей.

Конечно, источником подобной информации были не только военнопленные; к некоторым выводам и данным можно было прийти путем умозаключений или другими способами, однако исчерпывающую информацию, которая удовлетворяла бы технических специалистов, могли дать только военнопленные. Правдивый рассказ — это то лучшее, что военнопленный мог сделать для захвативших его: дать описание внешнего вида системы, сообщить о ее функционировании, как он ее использовал или применял. Однако с наступлением военного лета 1944 года было захвачено такое количество вооружения, описаний и документов, что из перечня вопросов для работы с военнопленными постепенно стали исключать одну позицию за другой. Война на море приблизилась к Британским островам. Военнопленные поступали теперь из района Ла-Манш, Северное море и из тех зон, которые, в сущности, были нашими водами. Теперь вместо подводников, рассматривавшихся ранее как наиболее важный и ценный источник информации, особое внимание уделялось личному составу торпедных катеров и других небольших боевых кораблей, ибо теперь

только они могли создать для союзников трудности на линиях коммуникаций в ходе выполнения операции «Оверлорд».

Это означало, что работа с военнопленными получала все большее оперативное и тактическое значение. Пленение экипажей торпедных катеров, подводных лодок-малюток, управляемых торпед и доставка их через несколько часов представителям разведки на предмостном плацдарме или в порту на французском берегу Ла-Манша позволяли сразу же провести допрос и немедленно информировать флот о последних новинках изобретательской мысли и смелости научного поиска немцев, не ослабевавших даже на этой стадии войны. Адмиралтейство интересовала информация о подводных лодках, оснащенных шноркелем, которые, как становилось очевидным, развертывали войну против нашего торгового судоходства. К этому времени мы уже достаточно знали о самом шноркеле и вооружении лодок, но нам нужна была информация о тактических приемах, дислокации флотилии лодок и уровне подготовки их экипажей. И эти сведения быстро поступали в разведывательное управление ВМС.

Чтобы ускорить поступление информации, на территории Франции были развернуты передовые подразделения разведки по работе с военнопленными, укомплектованные персоналом, прошедшим специальную подготовку. Эти подразделения продвигались вперед с войсками по мере захвата портов в проливе Ла-Манш и в Бискайском заливе. Оперативные группы разведки были развернуты перед началом высадки и в течение первых месяцев действовали в обширном районе под руководством капитан-лейтенанта добровольческого резерва Ральфа Иззарда. Три группы при лагерях военнопленных на английском береговом плацдарме, по одной — в Шербурге и на полуострове Котантен и третья — на линии порты Бретани — Брест. Позднее они присоединились к войскам Паттона, входившим в Париж и захватившим совместно со штурмовой группой № 30 во дворце Ротшильда в Булонском лесу штаб немецкого адмирала, командующего силами флота во Франции. Отсюда, вооружившись пропусками-вездеходами, подписанными верховным командующим, уполномочивающими их реквизировать все необходимое в своих интересах и предлагавшими войсковым формированиям оказывать им безоговорочное содействие, офицеры этих групп разъезжали в разных направлениях на своих штабных машинах: сначала к осажденным портам в проливе Ла-Манш, затем к портам на острове Валхерен и, наконец, в базы на севере Германии.

Бриан Коннелл, позднее широко известный телекомментатор, а тогда лейтенант добровольческого резерва, был у Иззарда старшим помощником. «Что нас больше всего интересовало после дня «Д», — говорит Коннелл, — так это два типа подводных лодок с турбинным двигателем Вальтера, работающим на парогазе. Заводы тяжелой воды также возглавляли список наших разведывательных задач. Мы не отдавали себе отчет в том, что эти поиски связаны с атомной бомбой, о чем нам стало известно гораздо позднее. Перекись водорода и спирт являлись также топливом для немецких баллистических

ракет «V-2». Очевидно, никогда ранее, по крайней мере в ВМС, офицеры разведки не пользовались такой свободой действий и таким приоритетом.

Возвратимся к методам работы с военнопленными. Строптивый человек, который, как можно было полагать, мало что мог знать о представляющих для нас интерес вопросах, быстро переводился из разведывательного центра в лагерь военнопленных. Однако, если он обладал ценными знаниями специалиста или был одним из уцелевших членов экипажа представлявшего интерес корабля или подводной лодки, его оставляли в центре и позволяли ему предполагать, что он взял верх над своим молодым допросчиком. Обычно к нему «подсаживали» в качестве компаньона более откровенного военнопленного. «Какую информацию они пытались получить у вас?» — спрашивал последний. Упрямец чаще всего не мог удержаться от искушения прихвастнуть, как ему удалось ввести в заблуждение английского офицера, и, следовательно, довериться своему «компаньону», который с успехом мог быть умело направляющим разговор специалистом из ВМС или ВВС. Из такой беседы, записанной подслушивающей аппаратурой, не сразу можно было получить ценные сведения, однако она могла явиться началом доверительных контактов для использования при допросах других военнопленных.

В других случаях, особенно когда центр по работе с военнопленными был хорошо оборудован звукозаписывающей и подслушивающей аппаратурой, подсаживать осведомителя не требовалось: офицеры, старшины и рядовые, используя благоприятные возможности, свободно разговаривали между собой и, естественно, стремились поделиться друг с другом мыслями, опасениями и надеждами. Для некоторых из них, конечно, существовало ясное и четкое разграничение между ответом на вопросы противника и свободным обменом мнениями друг с другом. Рано или поздно удавалось получить отдельные информационные сведения или основания для соответствующих выводов, которые ничего не значили для операторов подслушивающих устройств и очень мало значили для самих беседующих, но вполне могли помочь офицерам разведки выяснить ценные детали в той или иной области.

Нельзя не сказать несколько слов и о другом важном факторе — идеологической войне. С самого начала немцев в гитлеровских вооруженных силах можно было разделить на нацистов и ненацистов, как бы мало ни было последних. Пленение предоставляло для некоторых из второй категории долгожданную возможность осудить нацизм и свободно вести разговор на политические темы, читать ненацистские газеты и даже думать, если они относились к людям, склонным к размышлению. Мало кто из них обладал такими умственными способностями или такой силой чувств, как некий старшина из просоциалистического Гамбурга, который побывал в концентрационном лагере и искренне сотрудничал с английской разведкой, исходя из тех соображений, что его страна заслужила поражение в войне; он полностью отдавал себе отчет в той опасности, которой подвергался.

Этот старшина был единственным, добровольно выразившим желание сотрудничать с английской разведкой. Все другие были склонены допрашивавшими. Любому военнопленному достаточно высказать антинацистские взгляды или чувства, чтобы быть помещенным совместно с другими, придерживавшимися таких же убеждений. Затем они черпали смелость от своих товарищей и в результате соглашались давать информацию.

Информация, которую военнопленные сообщали добровольно и продуманно или исходя из убеждения, что Гитлер потерпит поражение, или по причине отрицательного отношения к войне и политике вообще, всегда была ценнее информации, получаемой в ответ на обещание каких-то привилегий. Фактически в практике английской разведки такое стимулирование было запрещено. Военнопленные, проявившие склонность к сотрудничеству, размещались в специальных помещениях главным образом из соображений безопасности, но единственной роскошью для них были наиболее ценимые условия изолированности. Им разрешалось слушать радио, читать книги по выбору и проигрывать пластинки. Ни при каких обстоятельствах им не обещали обеспечить особое положение в послевоенный период; те военнопленные, которые оказывали помощь, возвращались в Германию таким образом, чтобы не привлечь внимания окружающих.

Помимо этих небольших привилегий, не предлагалось никакой другой награды, но иногда склонному к сотрудничеству военнопленному предоставлялась возможность провести день в Лондоне, чтобы лично убедиться в лживости нацистской пропаганды. После ленча у Симпсона на Стрэнде, где количество и качество пищи всегда вызывало удивление, пленному предоставлялась возможность осмотреть город, который по утверждению люфтваффе, был непоправимо разрушен. Вид собора святого Павла, уцелевшего среди окружающих его развалин, неповрежденные районы города и энергичный жизненный пульс, люди и пресса, открыто спорившие относительно ведения войны, — все это не могло не тронуть мыслящего и способного воспринимать человека, который уже почти согласился оказать помощь противнику.

Сейчас, когда известно, насколько ценной была информация склонных к сотрудничеству военнопленных, со смешанным чувством читаешь предупреждение начальника разведывательного управления ВМС относительно расходования денег на развлечения, направленное им в октябре 1941 года офицерам центра по работе с военнопленными. Их предостерегали против «расходов в среднем около двух фунтов в день» и напоминали, что «обосновать такие постоянные траты будет весьма трудно».

Важную роль в работе с военнопленными играло удовлетворение, которое испытывали патриотически настроенные немецкие и итальянские моряки, почувствовавшие свободу в обсуждении проблем. В этом отношении плен был для них своего рода освобождением от ограничений и неискренности при высказываниях в условиях, созданных режимом Гитлера или Муссолини. В равной мере и для

офицеров разведки, в большинстве своем молодых, не имевших опыта специалистов, возможность убедить и вернуть на путь истины («освободить от гитлеровского влияния») являлась компенсацией за неприятную сторону их должностных обязанностей. «С большинством из них, — сказал один офицер, — мы играли в доверительность, чтобы получить информацию; однако время от времени применялось откровенное убеждение». На такого рода основе во время прогулок в графстве Букингемшир, за кружкой пива и курением хороших сигарет формировались доверительность и даже дружественные отношения, которые могли быть настолько же полезны немцам в идеологическом плане, насколько англичанам с точки зрения получения информации.

Однако нет необходимости говорить, что подобные случаи были исключением. Средний немецкий морской офицер, старшина или рядовой оказывался сверхпатриотом или даже нацистом, хорошо подготовленным в отношении соблюдения правил сохранения тайны (любой метод, описанный в этой главе, был известен им) и убежденным вплоть до лета 1943 года, что сохраняется надежда выиграть войну.

Затем в течение некоторого времени, как результат тяжелых потерь на Атлантике, произошло резкое снижение морального духа личного состава подводных лодок; он снова угрожающе повысился лишь тогда, когда нацистская пропаганда вдолбила в сознание немцев свое собственное толкование значения «безоговорочная капитуляция», потребованная Рузвельтом в январе того же года.

Адмиралтейство никогда не было склонно заявлять, не говоря уже о предположении, что моральный дух немецких солдат или гражданского населения ослабевал, так как считало, что данные об этом уже были слишком завышены бомбардировочным командованием. Типичный пример осторожных оценок адмиралтейства можно найти в документе от 12 марта 1944 года, когда первый морской лорд по рекомендации начальника разведывательного управления ВМС дал следующий ответ на памятную записку премьер-министра:

> «Обобщения могут вводить в заблуждение, [однако] вполне возможно следующее сравнение военнопленных, захваченных в связи с большим числом потоплений подводных лодок прошлым летом (1943 год), со значительной группой, взятой в плен на протяжении последних трех недель:
>
> а) отмечается постепенное снижение возрастной категории пленных, хотя и не слишком резкое;
>
> б) степень эффективности каждой подводной лодки снизилась; главная причина — скорее недостаточная подготовка и отсутствие опыта у офицеров, чем молодость и неопытность личного состава экипажей, руководство которым в целом успешно осуществляется несколькими опытными командирами;

в) по данным допрашивающих, 70 процентов военнопленных склонны допустить в своей среде, что война проиграна, и около 25 процентов заявляют об этом английским офицерам. Шесть месяцев назад только около 50 процентов придерживались такого мнения;

г) количество моряков, выражающих желание вновь выйти в море на подводной лодке, становится все меньше;

д) несмотря на все это, военнопленные проявляют более высокую сознательность в отношении правил соблюдения тайны, чем шесть месяцев назад. Бытует поверие, что те, кто разгласит сведения, будут наказаны после войны».

Последнее заключение было осторожным: в нем говорилось о том, что «заметного ухудшения боевого духа офицеров или рядовых, принимающих непосредственное участие в боевых действиях, не отмечается». Не было также «никаких убедительных свидетельств отказа офицеров на командных должностях или экипажей выполнять приказания».

Прошло значительное время, прежде чем какую бы то ни было ценную информацию можно было получить от военнопленного офицера. Разумеется, ни один из них не был склонен сотрудничать с разведкой в той мере, в какой сотрудничали военнослужащие рядового или старшинского состава. В начале 1944 года было достигнуто первое полное «обращение в другую веру» немецкого морского офицера, главным образом из-за положения его семьи; после этого появилась возможность образовать при центре по работе с военнопленными небольшую постоянную группу офицеров с различными видами технической подготовки, причем среди них были командиры подводных лодок.

Сравнение методов, использованных для получения информации от военнопленных в период первой и второй мировых войн, дает интересные данные дополнительно к общим положениям, отмеченным в главе 1, особенно в отношении постоянной опасности принимать желаемое за действительное и пренебрегать общепринятыми правилами ведения допроса. В 1914—1918 годах подход к военнопленным был часто случайным и непродуманным. Начальник разведывательного управления ВМС Реджинальд Холл иногда посещал таинственный дом на Кромвель-роуд и допрашивал военнопленных лично, причем не всегда немцев. Военнопленные, прибывавшие в порты, допрашивались теми, кто знал о разведывательной работе еще меньше, чем немецкий язык. Допрос одного военнопленного часто проводился при помощи другого, знавшего английский язык. Опыт показал, что неподготовленный, не имеющий должных навыков офицер-допросчик допускает следующие просчеты:

1) он способствует формированию мыслей в сознании допрашиваемого, сам того не замечая;

2) он не извлекает уроков из результатов работы других допрашивающих, вследствие чего может не знать, какие следует задавать вопросы. Он не имеет представления о накопленной информации и поэтому не знает, какие сведения нужны и какие не нужны;

3) военнопленные, которых хотя бы однажды формально допросили и которые знают, что более всего интересует тех, в чьих руках они находятся, становятся очень осторожными при последующих допросах, проводимых опытными допрашивающими;

4) беседа между военнопленными и допрашивающими, у которых слабая языковая подготовка, приводит к недопониманиям и ложным заключениям.

Секрет успешного допроса заключается в утверждении личности допрашивающего над личностью военнопленного. Допрашивающий должен создать впечатление, что он знает больше относительно немецких ВМС, чем стоящий перед ним военнопленный, что ложь или преувеличение будут немедленно раскрыты и что отказ от сотрудничества напрасен и вызывает только потерю времени. Конечно, дисциплинарные послабления могли оказаться роковыми, принимая во внимание ожидаемые немцами строгости, однако дружелюбие всегда давало желаемые результаты, как только устанавливались соответствующие отношения. Вряд ли нужно указывать, что такие методы допроса не дадут положительных результатов, если последний ведется через переводчика.

Практика немедленной изоляции военнопленных также давала важные и интересные психологические результаты. Цель состоит в исключении личных контактов между военнопленными, которые могут обмениваться мнениями по существу допроса, а также по вопросам установления возможного влияния офицеров и старшин на рядовой состав. Осуществить же эти предупредительные меры, скажем, в стесненных помещениях эсминца, когда захвачено десять или более военнопленных, весьма затруднительно. В таких случаях невозможно не только осуществить полную изоляцию военнопленных, но и воспрепятствовать установлению дружеских контактов с экипажем английского корабля; при обыске военнопленных после прибытия в лагерь у них могут быть обнаружены адреса английских моряков или их семей.

Военное министерство однажды поставило разведывательному управлению ВМС вопрос относительно практического смысла настойчивых требований об изоляции военнопленных в лагерях, если ВМС не могут обеспечить строгое выполнение требования о недопущении контактов с экипажами кораблей. В ответе указывалось на возможность в лучшем случае изолировать офицеров от старшинского состава и обе эти категории от рядового состава.

Следуя полученным наставлениям, несколько военнопленных, итальянцев и немцев, пытались передать информацию в своих пись-

мах домой. Немецким морским офицерам выдавали по решению Деница простой код, разгаданный в самом начале войны гражданским специалистом по коммерческим кодам. С помощью этого основанного на азбуке Морзе кода могли составляться краткие донесения (такие, например, как «подводная лодка потоплена тремя глубинными бомбами на глубине около 50 метров»), которые оказались бы полезными для немецкой разведки. Было решено позволить беспрепятственно пользоваться кодом в надежде, что рано или поздно обнаружится что-нибудь действительно важное.

В 1942 году, в то время как капитан-лейтенант добровольческого резерва Ральф Иззард был в Вашингтоне и занимался подготовкой американских офицеров к работе с военнопленными, он получил от начальника морской разведки в Оттаве письмо, написанное Деницем капитану 3 ранга по имени Хейда, который находился в плену в Бауманвилле. Так как Иззард должен был прочитать лекцию о кодировке в письмах своим слушателям, он решил использовать в качестве иллюстрации это письмо Деница. К его удивлению и удивлению всех других, в письме, которое при первом изучении не казалось закодированным, Хейду сообщалось о возможности организовать побег военнопленных с помощью подводной лодки, которая примет их в обусловленном месте в заливе Святого Лаврентия. Дату предполагалось сообщить позднее.

На основании результатов дешифрирования была подготовлена тщательно продуманная западня для подводной лодки; два военнопленных нашли возможным бежать из Бауманвилля, но, к сожалению, канадская береговая охрана не была осведомлена о подготовке операции и испортила все дело, захватив военнопленных, когда они ждали на берегу шлюпку с подводной лодки.

По тем же соображениям следует внимательно относиться и ко всем заявлениям о репатриации. Адмиралтейство не забыло, как во время первой мировой войны Дениц, тогда командир подводной лодки, сумел возвратиться в Германию в 1918 году, симулировав помешательство. Возвратившиеся офицеры и специалисты были бы неоценимы для обучения подводников, не говоря уже об их осведомленности относительно методов допроса. Недаром Черчилль, в свою бытность первым лордом, требовал, чтобы ни один офицер-подводник не был репатриирован ни при каких обстоятельствах, и это требование внесли в инструкцию, сохранявшую силу до тех пор, пока не стало ясно, что дальнейшая задержка немецких подводников потеряла свое значение.

Никакие секции морской разведки не располагали такой полной информацией по кругу своих функциональных обязанностей, как секции разведывательного управления, обрабатывавшие информацию, которая поступала от немецких и итальянских военнопленных. Обработанная информация рассылалась всем штабам и флотам в форме долгосрочных бюллетеней или разведывательных сводок по вопросам тактических приемов противника, тактико-технических данных различных видов вооружения и т. п. Хотя секции были

небольшими по числу сотрудников (не более пяти человек), ими обрабатывалась значительная часть разведывательной информации. Они отвечали на запросы всех отделов морского штаба и отделений разведывательного управления. Центр разведывательного управления ВМС по работе с военнопленными поддерживал тесный контакт с командующим военно-морским округом западных подходов в отношении разведывательных данных о подводных лодках и с командующими силами восточного побережья и зоны Ла-Манша в отношении информации о надводных кораблях. Он должен был работать в контакте с офицерами штаба по разведке в портах, которые обеспечивали охрану военнопленных, подготавливали именные списки и посылали первые представляющие интерес данные. Он должен был оказывать помощь отделениям за границей.

В течение почти пяти лет результаты допросов по каждому отдельному кораблю или подводной лодке противника оформлялись в виде секретного издания, которое подготавливалось к печати, корректировалось и печаталось каждые четыре месяца. К 1944 году вышло сто отдельных выпусков этого издания, которое рассылалось в 500 адресов. Печатание такого тиража при ограниченном персонале было весьма трудным делом, и, что еще важнее, эти издания не достигали офицеров и других специалистов противолодочной обороны, в то время как на крейсера поступали. Отдельные важные информационные данные рассылались в день и даже час получения. Начиная с середины 1943 года издавались еженедельные сводки с различной информацией объемом от 6 до 50 страниц. Всего было издано 130 таких сводок. В них отражалась полная картина развития немецкого военно-морского флота, хотя это было простое изложение необработанных материалов, не сопровождаемое никакими комментариями. Издание этих материалов внесло свой вклад в дело обеспечения того, чтобы офицеры малых кораблей и экипажи самолетов берегового командования быстро получали такие же сведения, какими располагало адмиралтейство.

В какой степени немецкие ВМС были осведомлены об английских методах и насколько строги были их требования по обеспечению секретности, лучше всего видно из положений постоянно действующей инструкции 1943 года:

> «Превыше всего и прежде всего молчание. Противник использует все возможные методы для получения от военнопленного информации. Все, что военнопленный сообщает, может быть использовано против его товарищей, и одно непродуманное высказывание может причинить большой вред тем, кто сражается на поле боя».

Далее следует указание по поведению после спасения:

> «Члены экипажей подводных лодок могут выболтать в непринужденной беседе то, что никогда не сказали бы

при допросе. Поэтому с момента вашего вступления на борт спасательного судна строго контролируйте все то, что вы говорите не только противнику, но и друг другу».

Предупреждение против методов ведения допроса англичанами тщательно продумано и свидетельствует о хорошей осведомленности немцев:

«1. *Обычный допрос.* Не давайте себя взять на пушку. Противник часто знает в удивительных подробностях прохождение службы и личную жизнь допрашиваемого. Иногда он делает вид, что хорошо знает многие стороны военного дела, хотя в действительности лишь пытается притупить бдительность допрашиваемого. На любые вопросы подобного рода не отвечайте.

2. *Помещения с аппаратурой подслушивания.* Противник располагает хорошей аппаратурой для подслушивания, которая монтируется в помещении незаметно и позволяет уловить каждое слово. Нескольких пленных помещают в одну комнату в надежде, что из их разговоров удастся получить сведения, которые нельзя добыть другим путем.

3. *Подсадка.* Необходимо быть настороже в отношении попыток подсадить агента, который попытается завязать дружественные отношения и навести на разговор по секретным вопросам. Если пленный не находится в лагере общего типа, он должен проявлять настороженность в отношениях с каждым человеком, будь то друг или враг.

4. *Угрозы.* Время от времени противник угрожает пленному расстрелом, казнью на электрическом стуле и другими подобными мерами. Случаев исполнения таких угроз пока не отмечалось.

5. *Привилегии.* Отказывайтесь от любых привилегий, ибо они ведут к готовности давать показания. Ни в коем случае не принимайте приглашения выпить спиртного.

Держитесь! Держитесь! Настойчиво требуйте встречи с представителем государства, которое выполняет миссию по защите интересов немецких граждан в данной стране.

Называйте только свое имя и фамилию, дату рождения и адрес. Не разговаривайте на родном языке противника.

Чем меньше пленный говорит и чем тверже он держится, тем скорее его освободят из центра по работе с пленными и тем скорее отправят в лагерь на постоянное содержание».

ГЛАВА 9

ИСКУССТВО АТТАШЕ

Рассказывают об истории, происшедшей в одном из посольств на Балканах. В подвалах этого посольства вместе с запасами вина хранились взрывчатые вещества, но послу об этом не было известно. Идея затеи заключалась в том, чтобы в случае наступления немцев на этом направлении им можно было бы оказать серьезное противодействие диверсионными акциями в узких проходах на реке Дунай. В 1940 году наступил такой момент, когда военно-морской атташе счел необходимым сообщить обо всем этом послу.

— Почему же вы не сообщили мне об этом тогда, когда размещали взрывчатку в подвале? — гневно спросил посол.

— Потому, сэр, что вы не разрешили бы сделать этого, — ответил военно-морской атташе.

— Тогда за каким чертом вы сообщаете мне об этом теперь? — последовал второй вопрос.

При назначении на должность военно-морского атташе напоминается, что он служит двум хозяевам: во-первых, послу в стране пребывания и, во-вторых, начальнику разведывательного управления ВМС в Лондоне. Такой порядок подчинения атташе устанавливается потому, что его первой обязанностью в иностранной столице, несомненно, является выполнение задач миссии, членом которой он является. Он должен консультировать главу миссии по военно-морским вопросам, держать его в курсе всех важных событий, о которых узнает благодаря профессиональным и светским контактам, взаимодействовать с секретариатом посольства и другими атташе и выполнять представительские обязанности члена дипломатической миссии. Если посол и начальник разведывательного управления ВМС в Лондоне возьмут на себя труд познакомиться друг с другом, то это сотрудничество может стать плодотворным, однако слишком часто в прошлом они не делали этого.

Через начальника разведывательного управления ВМС военно-морской атташе несет ответственность и перед адмиралтейством. Его дальнейшая карьера в ВМС зависит в значительной мере от того, что о нем думают в адмиралтействе; его деловые качества в мирное время определяются не только по информации, которую он добывает, но и по заказам на корабли и оружие, которые адмиралтейство сделает по его рекомендациям; по тому мнению, которое сложилось о нем в

лондонской военной миссии страны, в которой он аккредитован. Так, обыденная на первый взгляд представительская должность может стать центром сложных и искусных сплетений дипломатических, разведывательных и торговых отношений.

Вообще говоря, в мирное время самыми ответственными постами военно-морских атташе считаются посты в странах, являющихся потенциальными противниками. С 1936 года Вашингтон в этом смысле был очевидным исключением. В конце тридцатых годов Берлин, Рим, Токио и Вашингтон считались важными столицами, и адмиралтейство, казалось, не думало о том, что в случае войны их значение должно быстро измениться. Стокгольм как наблюдательный пункт для всей Северной Европы и как столица, поддерживающая многочисленные контакты с Германией, неожиданно стал чрезвычайно важным пунктом, в то время как Париж совершенно потерял свое значение.

Независимо от того, в какой стране находился военно-морской атташе во время объявления войны — в столице противника или нейтрального государства, — он, как, впрочем, и многие его коллеги-дипломаты, переживал процесс быстрой трансформации. В нейтральных столицах значение военно-морского атташе сразу возросло в пять раз. Вашингтон оказался потенциальным союзником; Стокгольм стал окном в Германию, Россию и на Балтику; Мадрид и Лиссабон находились по соседству с ключевыми воротами в Средиземное море, в котором английский флот надеялся сохранить созданное еще в мирное время превосходство; в Анкаре, служащей дверью в Россию, на Балканы и на Средний Восток, служба военно-морского атташе стала центром справок, влияния, информации и даже интриг. Служебный персонал, деньги, линии связи, которые до того строго лимитировались, предоставлялись теперь почти безотказно. Их оказалось достаточно для военно-морского атташе, чтобы доложить в Лондон об обширной свите и дорогих увлечениях своего немецкого коллеги, с которым он теперь соревновался за завоевание внимания сотрудников местного военно-морского штаба, местных начальников разведки, влиятельных политиков, редакторов и бизнесменов.

Можно подумать, что эти обязанности ничего общего с флотом не имеют. Однако за сто лет военно-морского владычества выработалось особое положение представителей ВМС за границей, конечно, различавшееся в зависимости от отдельных личностей. Королевский флот был главным и почти единственным символом мощи и богатства Англии, потому что английская армия в период 1815—1914 годов за границей серьезного веса не имела (тогда немецкие военные атташе — а до них французские — играли главную роль, особенно в Стокгольме и Анкаре). Кроме того, все, что было связано с флотом, было связано и с торговлей, банковскими и страховыми делами и с такими ценными видами сырья, как, например, вольфрам и нефть. По этим каналам особенно в Испании и в скандинавских странах информация шла так же бесперебойно, как и по дипломатическим

каналам. Подготовка морских офицеров, особенно на Средиземном море и на Тихом океане, приучила их быть трудолюбивыми пчелами, ведущими разведку инстинктивно.

Система военно-морских атташе взаимообязывающая. Начальник разведывательного управления ВМС руководит деятельностью английских представителей за границей и заботится об интересах иностранных представителей в Лондоне.

Ясно, что военно-морской атташе, представляющий какую-нибудь страну в Лондоне, будет обращаться с просьбами и получать ответы через офицера, возглавляющего в разведывательном управлении ВМС направление, к которому географически относится представляемая данным атташе страна. Ответственность же за поведение и взгляды иностранных военно-морских атташе, которые, как известно (дружественные или недружественные), должны добывать информацию любыми законными средствами, лежит на начальнике разведывательного управления ВМС. Характер такой ответственности, разумеется, сильно меняется в зависимости от представляемой страны и от характера деятельности самих военно-морских атташе. Если начальник разведывательного управления найдет нужным, он может известить министерство иностранных дел о том, что деятельность того или иного военно-морского атташе не соответствует его статусу.

В разведывательной игре, которую ведет международная служба военных атташе, есть некоторые общепринятые правила и наказания. Действие тайных шпионских организаций запрещено, хотя, возможно, имеется лишь несколько посольств, которые не занимаются шпионажем. Неумеренное увлечение неприкрытой разведывательной деятельностью может привести к предупреждению или просьбе покинуть страну. Если это произойдет, правительство, идущее на этот шаг, должно ждать ответных мер, в результате которых персоной нон грата будет объявлен его военно-морской атташе. В то же время неосторожный поступок или неправильное поведение военно-морского атташе могут прямо или косвенно навести контрразведку страны, в которой он находится, на нужный след. В то время как для атташе в Англии обнаружить за собой слежку полиции или службы безопасности в мирное время было бы крайне необычным, в некоторых странах с тоталитарным режимом наблюдение такого рода могло бы быть воспринято как естественное. Например, в Японии и временами в Испании в предвоенный период слежка такого рода считалась обычным явлением, а вот в Португалии и Норвегии она почти не практиковалась. До 1941 года всем дипломатическим автомашинам в Японии присваивались номера, имеющие буквенные и цифровые индексы, обозначающие национальную принадлежность, должность и звание: GBI_1 — для английского посла; GBI_4 — для английского военно-морского атташе. Следует также полагать, что слуги и водители в таких странах были потенциальными осведомителями. Наблюдение за иностранными разведывательными сетями велось даже в демократической и терпеливой ко всему Швей-

царии. В Дублине сложилось исключительное положение: ирландцы хотели бы иметь у себя советником старшего офицера английских ВМС, но по политическим соображениям это было бы неблагоразумно. Роль такого советника выполнил английский военно-морской атташе. Во время войны власти Дублина без нажима со стороны Лондона создавали определенные трудности для работы германской миссии.

В военное время условия коренным образом изменились. Нейтральные страны привлекали шпионов, как крошки хлеба голубей, и нейтральные правительства поэтому стали намного внимательнее относиться к вопросам безопасности. Они находились под воздействием участвующих в войне сторон, которые требовали подавлять разведку и препятствовать деятельности другой стороны. (Вряд ли нужно говорить, что Германия в течение первых трех лет войны часто действовала более настойчиво по сравнению с нами, несмотря даже на то, что английская блокада являлась могучим оружием против индустриализированной страны.) В то же время в каждой из нейтральных стран имелись высокопоставленные лица, которые питали сильные симпатии к той или другой стороне. В Стокгольме чувство сострадания к норвежцам и датчанам, находившимся под гнетом фашистской оккупации, боролось с традиционным германским влиянием на военные, разведывательные и чиновничьи круги и с неослабевающим страхом по поводу того, что в конечном счете предпримет Россия. Как только появилась уверенность в том, что Англия и ее союзники в конечном счете победят, все симпатии, несмотря на строгий официальный нейтралитет, перешли на нашу сторону, к большой радости представителя начальника разведывательного управления ВМС в Стокгольме капитана 1 ранга Дэнхэма. Стокгольм стал наиболее важным источником информации для морской разведки.

В Мадриде дела обстояли по-другому. Перед войной и даже в период гражданской войны, несмотря на проведение морских операций и на эксперименты в области современных боевых действий, работой военно-морского атташе пренебрегали. Атташе руководил своим аппаратом из Парижа, и его визиты в Испанию были нерегулярны, вследствие чего аппарат работал плохо.

В августе 1939 года помощником военно-морского атташе в Испанию назначили капитана 3 ранга Алана Хиллгарта, и в течение короткого времени он подчинялся военно-морскому атташе в Лиссабоне, что раздражало испанское правительство даже больше, чем положение, при котором Мадрид считался аванпостом Парижа. Контакты необходимо было налаживать с самого начала, в то время как развитие отношений Испании к всепобеждающим нацистам было крайне важным для Англии. Ничто не смогло бы яснее иллюстрировать опасность пренебрежения контактами в мирное время. Хиллгарт охарактеризовал это так: «Там, где не было предшественника, не могло быть и позиции, опираясь на которую можно было бы начать работу». Он наверстал упущенное только тем, что сам устанавливал

контакты с представителем испанского флота во время гражданской войны в Палме.

В Анкаре военно-морское представительство было сложным, но работало хорошо. Многолетняя надежда Англии на то, что Турция вступит в войну против стран оси, способствовала посылке туда военно-морской миссии с задачей разработать, насколько это было возможно при правительстве, строго придерживающемся нейтральных позиций, план будущего взаимодействия ВМС обеих стран. Поэтому глава миссии адмирал Говард Келли находился в Анкаре с 1940 по 1944 год в качестве личного представителя командующего Средиземноморским флотом. Он не имел дипломатического статуса, что очень беспокоило английское посольство, но турки относились к нему, как к почетному гостю. Будучи в очень дружественных отношениях с маршалом Чакмаком, он часто добывал секретную информацию, которую не мог получить военно-морской атташе. Ясно, что при положении, когда адмирал имел доступ к делам военно-морского атташе, а последний о деятельности адмирала знал мало, взаимодействия между ними ожидать было трудно. Поэтому всегда существовала опасность, что совет, данный военно-морским атташе послу или начальнику разведывательного управления, мог отличаться от совета, данного адмиралом Келли, и это, несомненно, затрудняло работу офицеров разведки в Лондоне. Однако первому морскому лорду и адмиралу Каннингхэму нравилось такое положение, потому что оно давало возможность поддерживать личные связи на высоком уровне, и поэтому все оставалось без изменений.

Можно представить, в какой мере английское министерство иностранных дел опасалось поставить под угрозу Швецию или Испанию или любую другую нейтральную страну такой деятельностью в этих странах, против которой могли бы возражать страны оси. Риск был тройным. В худшем случае немецкие фашисты могли бы использовать деятельность управления специальных операций в качестве предлога для вторжения в Испанию (план вторжения немцев в Испанию существовал с 1940 года по 1943 год). Менее опасным, но достаточно серьезным было бы прекращение действия коммерческих и разведывательных соглашений со страной в ответ на подрывную или незаконную операцию. Кроме того, атташе или другой работник посольства мог быть объявлен персоной нон грата и, следовательно, терял личные связи, специальные знания, накопленный опыт.

Правительственные департаменты в Лондоне опасались не только этого. Если военно-морской атташе подозревался в сборе информаций в самом правительстве или в службе разведки и безопасности, за ним, а может быть, и за всем персоналом посольства могла быть установлена слежка. Справедливости ради следует сказать, что некоторые английские послы имели достаточно крепкие нервы, чтобы не волноваться из-за этого, другие же относились с подозрением (как многие относятся и сейчас) ко всякой тайной деятельности, которая могла наложить темное пятно на деятельность посольства.

Военно-морские атташе иногда с ужасом обнаруживали, что некоторые английские дипломатические работники не имели подготовки по соблюдению мер конспирации или не понимали разницы между требованиями, предъявляемыми к ним в военное и в мирное время. Военно-морской атташе в Вашингтоне вынужден был пожаловаться на то, что сведения, переданные им одному секретарю посольства, без нужды были сообщены последним младшему сотруднику, который часто проводил время за пределами посольства.

Помощник военно-морского атташе в Стамбуле докладывал в Лондон:

> «Ненадежность многочисленного персонала (старшего и младшего), прикомандированного к посольствам... отсутствие дисциплины даже среди профессиональных дипломатов является источником опасности. Кроме того, длительная разлука с семьей приводит сотрудников к такому состоянию, которым противник в Турции не упускает возможности пользоваться».

Очень необычным в этом отношении (возможно, потому, что он не был профессиональным дипломатом) был Сэмюэль Хор в Мадриде. Он понимал всю важность разведывательной деятельности своей дипломатической миссии и очень разумно поступил, поручив военно-морскому атташе следить за соблюдением мер конспирации в посольстве. Он действовал по принципу: «Я не хочу быть в курсе всех этих дел, с тем чтобы в случае каких-либо неприятностей заявить, что я ничего не знаю об этом. Но я полагаю, что мои сотрудники будут осмотрительными, делая все, что они могут, чтобы выиграть войну».

Капитан 1 ранга Хиллгарт в заметках, которые он написал после войны для разведывательного управления ВМС, рекомендовал военно-морским атташе обращать особое внимание на сбор коммерческой информации и на поддержание связи с коммерческими сотрудниками посольства:

> «Он лишь в редких случаях столкнется с трудностями из-за подозрительности и, наоборот, встретит готовность к сотрудничеству, из которого сможет извлечь большую пользу. Экономические и торговые дела непосредственно связаны с флотом и морем... Военно-морского атташе и сотрудников торгового представительства интересуют не только военные корабли, доки и снабжение ВМС, но и верфи (военно-морские и коммерческие), заводы, изготовляющие вооружение и обрабатывающие сталь, источники сырья, морские коммуникации, портовое оборудование и сотни других объектов».

Общим для всех трех ключевых нейтральных столиц Европы была готовность занимающих важное положение в разведывательном

отношении, симпатизирующих Англии гражданских людей поставить полезную, а иногда и важную информацию. Сотрудники различных фирм в Норвегии, занимавшиеся морскими перевозками, а позже владельцы судов и капитаны в Швеции, посещавшие оккупированные Данию и Норвегию, а также Германию, были примерами такого рода людей. Через этих же людей осуществляли передачу и получение информации из оккупированной Польши и Прибалтийских государств. Помощник военно-морского атташе в Стамбуле считал, например, что сведения, полученные от гражданских лиц, были ценнее сведений, добываемых платными агентами. В Соединенных Штатах неофициальным контактам в то время, как, впрочем, и сейчас, придавалось большое значение.

Военно-морские атташе должны были проявлять особую осторожность при получении такой помощи, чтобы не скомпрометировать своих друзей в глазах правительства и секретной полиции и не повредить их деловым интересам, ибо в течение по крайней мере половины войны немцы держали эти страны в своем подчинении. Фактором, тормозившим развитие коммерческой деятельности в этих странах, была только английская блокада или объем ее капиталовложений за границей. Всегда существовала опасность, что правительство нейтральной страны установит такой строгий контрразведывательный режим, что ни прямой, ни тайный сбор разведывательных сведений станет невозможным. К тому же всегда существовала возможность изоляции военно-морского атташе от его источников без нарушения дипломатической неприкосновенности первого. Например, он мог быть скомпрометирован несколькими различными путями.

Как бы ни опровергали это министерства иностранных дел и послы, военно-морские атташе их стран (по существу, весь дипломатический военный аппарат) могли подозреваться в руководстве тайными разведывательными и диверсионными организациями. Например, американцы считали, что деятельность немецкого военно-морского атташе, которую теперь можно изучить по архивам, выходила далеко за рамки его возможностей и прав. В Копенгагене предвоенная деятельность немецкого военно-морского атташе была настолько грубой, что датчане упорно просили и добились его отзыва. В 1942 году шведская пресса писала о гангстере, который был обвинен в проведении диверсий на немецких транспортных судах. На суде обвиняемый заявил, что он был связан с сотрудниками аппарата английского военно-морского атташе, занимавшимися организацией диверсий. Широкая огласка, данная этому заявлению, причинила много неприятностей капитану 1 ранга Дэнхэму и, конечно, послу. Управление специальных операций пыталось убедить Дэнхэма принять в свой аппарат работника управления под видом дипломата. Дэнхэм неохотно согласился при условии, что данный работник не будет участвовать в рискованных операциях и вообще будет соблюдать крайнюю осторожность. Это соглашение было нарушено, и после суда Дэнхэм находился под неослабной слежкой секретной полиции.

Чтобы не создалось впечатление, что нейтральные страны не делали все возможное с целью сохранить фактическую и видимую нейтральность, приведем слова Дэнхэма:

> «Скрытность стала критерием искусства вести беседу любым шведским офицером или сотрудником министерства иностранных дел. Они уклонялись от обсуждения любого вопроса, который носил профессиональный оттенок. Было очень неприятно обнаруживать, что все двери, которые, казалось, вели к источникам разведывательных данных, захлопывались буквально перед вашим носом. Требовалось много месяцев, чтобы отыскать слабое звено».

Все меры по обеспечению безопасности английских и союзных судов от диверсий (во время войны возможность диверсий — это совершенно реальная угроза, и, если учесть, что тоннаж потопляемых за квартал судов измеряется миллионами тонн, дорого обходящаяся угроза) должны были проводиться под наблюдением аппарата военно-морского атташе. В Испании, например, в каждом важном порту находился офицер службы безопасности, обычно английский вице-консул или сотрудник его аппарата. На каждом судне находилось подразделение охраны из резерва наблюдателей в Гибралтаре, которое регулярно пополнялось из Англии. Во время пребывания судна в порту на нем устанавливались специальные прожекторы, проводились осмотры, а водолазы периодически обследовали его подводную часть.

Испанская портовая администрация получила от своего правительства директиву следить за диверсантами, но эта директива не всегда строго выполнялась. Хиллгарт в Мадриде вынужден был заручиться поддержкой местной полиции, портовых грузчиков и сторожей доков в борьбе против многочисленных немецких агентов. Он был хорошо осведомлен о большинстве из них; с его помощью удалось разгадать многие планы проведения диверсий. Конечно, имели место и случаи успешного проведения диверсий, а иногда, несмотря на то что такие попытки были сорваны, намеренно сообщалось, что они имели успех. Это делалось с целью замаскировать наши контрмеры.

Выполнение обязанностей военно-морского атташе в союзной стране может оказаться делом трудным и деликатным. Так было в США в начале войны; в Португалии, когда она считала, что Германия может захватить Азорские острова, а мы держали наготове экспедиционные войска, чтобы помешать этому; во Франции многие годы до начала войны. После нескольких лет, в течение которых мы считали, что война в ближайшие десять лет невозможна (этот срок сдвигался с каждым годом до тех пор, пока такое сдвижение не превратилось в привычку, от которой было трудно избавиться), Англия и Франция сблизились на Средиземном море во время абиссинского кризиса, когда казалось, что Италия, вероятно, становится общим

противником. Установившиеся тогда отношения между странами позволили обмениваться информацией о дислокаций кораблей, о базах, запасах горючего, аэродромах и радиостанциях. Были разработаны планы использования общего шифра и обмена офицерами связи, но к апрелю 1936 года, когда кризис пошел на убыль, ничего еще не было сделано, если не считать обмена информацией о приблизительном местонахождении кораблей.

В ноябре 1936 года начальник штаба ВМС Франции адмирал Дюран-Вьель обратился через военно-морского атташе в Париже к первому морскому лорду Чэтфилду с предложением об установлении более тесных связей. Он совершенно правильно предположил, что в связи с гражданской войной в Испании на Средиземном море возможны инциденты, и предложил усилить сотрудничество военно-морских штабов. Чэтфилд ответил, что вопрос такого рода должен рассматриваться на более высоком уровне. Адмирал Дюран-Вьель, по-видимому, действовал без ведома морского министра или министерства иностранных дел. Чэтфилд имел совершенно четкие инструкции: Англия медленно перевооружалась, отказавшись от «десятилетнего» правила, и руководствовалась пожеланием начальников штабов «избегать войны до 1941 года».

Французам, конечно, очень хотелось втянуть нас в союз или, по крайней мере, усилить взаимопонимание, но, как это ни удивительно, никаких вопросов о будущих военных операциях ни разу не обсуждалось. Сообщаемая Парижу информация ограничивалась лишь подробностями о силах в водах метрополии, при условии мобилизации или без нее, техническими подробностями о портах и т. п.

Дафф-Купер, который был первым лордом в 1936 году, выступал за полные и откровенные дискуссии. Единственным аргументом против них было то, что они могли бы вызвать недовольство Германии и Италии. Недовольство все равно возникло бы, утверждал Дафф-Купер, какими бы ограниченными по содержанию эти переговоры ни были. Тем не менее военно-морского атташе в Париже строго ограничили:

> «Такие контакты между двумя штабами должны правильно пониматься обеими сторонами и не давать повода ни к политическим соглашениям, ни к обязательствам, относящимся к организации оборонительных сил... Политическое сотрудничество следует ограничить обязательствами, данными правительством его величества Франции и Бельгии согласно Локарнскому договору... Лишь одна Германия рассматривается как агрессор».

Адмиралу Дарлану последний пункт, естественно, не понравился, так как он хотел вести переговоры о событиях в Испании и Италии. Одним из практических и важных результатов этих переговоров в мае 1938 года было соглашение о разработке англо-французского шифра, на что требовался целый год. В обстановке чрезвычайной

секретности (правительства оказались бы в крайне неудобном положении, если бы этот факт стал известен) некий французский офицер связи лейтенант Тулуз-Лотрек прибыл в Лондон «изучать язык», но фактически работал с двумя экспертами разведывательного управления ВМС по шифрам, разрабатывавшими условия связи на случай военного времени.

Представительный и очень способный офицер из отдела планирования капитан 1 ранга Виктор Дэнквертс был весьма осторожным в переговорах, одобренных его старшими начальниками. Он чувствовал (возможно вспоминая события 1914 года), что необходимо наметить твердые границы, за пределы которых мы не должны выходить без того, чтобы не взять на себя моральные обязательства действовать вместе с Францией в случае войны. В противном случае было бы бессмысленным предположение, на основании которого ему и другим членам отдела объединенного планирования приказали работать начальники штабов и правительство, то есть предположение, что войны не будет еще в течение трех лет.

Однако в январе 1939 года Годфри, вступавший на должность начальника разведывательного управления ВМС, поехал в Париж, чтобы выработать методы и средства сотрудничества с начальником разведывательного управления ВМС Франции вице-адмиралом Виллэном. Стремление к такой встрече было обоюдным, и они договорились обмениваться информацией о разведывательных центрах за границей и маршрутах движения кораблей и судов стран оси. Это означало полное раскрытие французам того, что они, возможно, уже знали или о чем подозревали, то есть что к нам от нашей системы наблюдателей поступает информация о движении кораблей и судов во всех уголках мира.

Находясь в Париже, Годфри несколько раз встречался с Дарланом и посетил находившийся под зданием министерства ВМС оперативно-информационный центр ВМС Франции. Он обнаружил, что этот центр был оборудован гораздо лучше, чем английский, и что Дарлан искренне стремился к сотрудничеству с Англией.

Падение Франции осложнило выполнение разведывательных задач в Испании, так же как падение Норвегии и Дании осложнило выполнение их в Швеции. Но между работой, проделанной в этих двух странах двумя самыми инициативными во время войны военно-морскими атташе, была существенная разница. Хотя немцы угрожали Швеции нападением и имели друзей, занимающих высокие посты в правительстве и армии, вопрос о присоединении Швеции к странам оси никогда не стоял. Шведский народ относился дружественно к Западу даже тогда, когда Гитлер, казалось, наверняка должен был победить. В Испании же, наоборот, всегда существовала опасность того, что она может быть вовлечена в войну (конечно, не на стороне союзников): или фашистскими элементами, особенно фалангистами; или в результате ошибок Англии в проведении блокады против стран оси; или в результате попытки Англии предупредить действия Германии в Северной Африке и Марокко; или в результате

способности немцев в оккупированной Франции двинуться через Пиренеи, захватить Атлантическое и Средиземноморское побережье и, возможно, выжить нас из Гибралтара бомбардировками и голодом.

Теперь, оглядываясь назад, капитан 1 ранга Хиллгарт убежден, что Испания никогда не стала бы воюющей против нас страной (хотя в начале войны некоторые испанцы относились к нам враждебно), при условии если мы не отдали бы Египет Германии. Если бы это произошло, Франко посчитал бы, что Англия проиграла войну и что настала пора присоединиться к победившей стране. Хиллгарт считает также, что нападение на Испанию после 1941 года не принесло бы Германии ничего, кроме увеличения территории, которую необходимо было бы оборонять. Испания могла бы оказать сильное сопротивление. Ее поддержала бы Англия, а позднее и США; английский же флот выполнил бы свои задачи в Атлантике и на Средиземном море значительно легче, поскольку он смог бы использовать некоторые испанские и все португальские порты, а также значительно раньше попал бы на Канарские и Азорские острова.

Действительная опасность заключалась в том, что некоторые испанцы, занимавшие высокие посты в Мадриде или посты пониже в важных портах, таких, как Ферро и Виго, могли бы сотрудничать с немцами: посылать им сырье, в котором нуждалась Англия, позволять немецким подводным лодкам и танкерам заправляться в своих портах, предоставить им плацдарм в Марокко и препятствовать любым возможным путем нашим попыткам организовать разведывательную сеть и побег из оккупированной Европы летчиков и других пленных. Кроме того, существовала опасность, что немецким и итальянским агентам будет предоставлена такая возможность для ведения разведки и совершения диверсий в проливах, что в Гибралтаре нельзя бы было провести никакого мероприятия без того, чтобы противник не узнал о нем.

В то же время в Испании были люди, занимающие важные посты в промышленности и торговом флоте, в банках и страховых компаниях, в вооруженных силах и в правительстве, которые страстно хотели, чтобы их страна прошла через длительный восстановительный период. «Они не были одинокими,— пишет Хиллгарт,— в своем возмущении постоянным давлением Германии и ее угрозами вторжения и оккупации. Но они выжидали, по крайней мере на первых этапах войны, признавая, что победа Германии означала бы порабощение Испании и конец личной свободы, которая нужна испанцам, как воздух». Понимая слово «либерал» в том смысле, в каком его понимают в Англии, взгляды этих испанцев можно назвать либерально-монархическими. Они предпочли бы английский политический курс германскому и итальянскому, несмотря даже на то что поддерживали Франко против республиканцев в своей собственной стране.

В то время как нейтральный Стокгольм являлся центром, в который стремились разведчики из Норвегии и Дании, Голландии и Польши, из Финляндии и даже из России, и, несомненно, лучшим

наблюдательным постом за гитлеровской Европой, нейтральный Мадрид был центром действий. Бо́льшую часть работы Хиллгарта можно было бы справедливо оценить как контрразведывательную; хотя он, как и Дэнхэм, усердно собирал и сообщал информацию, его основная задача состояла в том, чтобы помешать попыткам немцев склонить Испанию к нарушению нейтралитета. Изо дня в день он доказывал в морском министерстве (оно относилось к Англии более дружественно, чем другие министерства), что немецкое вредительство в портах, их проникновение в испанскую полицию, их злоупотребление гостеприимством вредят государственным интересам Испании. Разве не ясно, что после тяжелых испытаний гражданской войны испанцы нуждаются в мире? Англичане, а не немцы, смогут дать испанцам столь необходимую им нефть и пшеницу. Рано или поздно господство Англии на Средиземном море будет восстановлено, особенно после того, как в войну вступят американцы, а итальянцы, презираемые, кстати говоря, испанцами, будут разгромлены.

Можно подумать, что это работа дипломата, а не морского офицера. Но Хиллгарт был в близких отношениях с испанскими ВМС в течение десяти лет, и ему повезло, что у него начальниками были посол и посланник, которые рассматривали всех своих сотрудников как единый коллектив, каждый член которого делал часть чрезвычайно важной работы по удержанию Испании на нейтральных позициях. Заместитель начальника штаба ВМС адмирал Том Филлипс убедил Сэмюэля Хора в 1940 году в том, что назначение его в Мадрид надо рассматривать не как назначение на дипломатический пост, а, скорее, как назначение на боевой пост огромнейшей стратегической важности. «Если атлантические порты Апеннинского полуострова и побережье Северо-Западной Африки перейдут к противнику,— говорил Филлипс,— я не знаю, что мы будем делать». Хиллгарт был рекомендован Хору Черчиллем и Паундом, потому что с 1932 по 1939 год он являлся английским консулом в Палме и был ценным источником информации и связывающим звеном для министерства иностранных дел и адмиралтейства. А в течение некоторого периода он был единственным каналом, через который осуществлялась связь между английским правительством и националистами.

Первые два года войны, ярко описанные в книге Хора, были трудными. Немцы, пользовавшиеся в Испании большими привилегиями, делали все, чтобы поссорить правительства Испании и Великобритании. После разгрома Франции они проникли во все гражданские учреждения, полицию и деловые фирмы или пытались повлиять на их деятельность. Они пролезли даже в министерство внутренних дел. Был период, когда большие группы немецких солдат, называвших себя туристами, видели южнее таких пунктов, как Валладолид. Немецкие подводные лодки находили убежище в прибрежных водах Испании и покупали там свежие продукты. Но немцы вели себя бестактно, и скоро их стали ненавидеть так же, как и французов перед войной. Они пытались заставить администрацию портов разрешить те виды обслуживания немецких подводных лодок, которые

нарушили бы нейтралитет страны, организовывали угон немецких торговых судов в порты Франции, платили испанцам за диверсии на кораблях Англии и союзников.

Эти инциденты заставили Хиллгарта и его коллег лишь усилить свои энергичные и настойчивые протесты. Морское министерство Испании, сознавая нужду своей страны в продовольствии и топливе и роль Англии в доставке этих товаров морским путем, все время настаивало на сохранении Испанией нейтралитета. Если Хиллгарт был в состоянии доказать незаконность акций и выявить их участников, обычно рано или поздно ему удавалось добиться принятия тех или иных мер. Разведывательное управление ВМС постоянно информировалось о положении дел в портах; Хиллгарт располагал в них надежной агентурой; особенно он полагался на своего помощника Гомеса-Беаре, уроженца Гибралтара, который как офицер добровольческого резерва ВМС сослужил Англии службу истинного рыцаря плаща и кинжала.

В то же время в обязанности Хиллгарта входило предотвращение любой незаконной деятельности англичан, которая могла бы вызвать недовольство министерства внутренних дел. Когда управление специальных операций начало проявлять интерес к Испании, его деятельность была ограничена разработкой планов вывода из строя портов и других мероприятий на случай нападения немцев. Тем временем, несмотря на мероприятия, проводимые посольством, немцы продолжали тщательно наблюдать за Гибралтарским проливом, и это необходимо было нейтрализовать через находящихся на содержании Англии испанских агентов, руководство которыми осуществлялось из Гибралтара таким образом, что военно-морской атташе его величества в Мадриде мог бы отрицать свое участие в этом.

Успех тактики бдительного умиротворения зависел от понимания этой тактики в Лондоне, особенно министерством экономической войны и адмиралтейством. Хиллгарт пользовался поддержкой премьер-министра и первого лорда адмиралтейства Александера всякий раз, когда он приезжал в Лондон, чтобы аргументировать причину столь мягкого курса в Мадриде, хотя люди, отвечавшие в адмиралтействе за планирование, были сторонниками жесткого курса. Фактически, как доказал Хиллгарт, мадридское морское министерство отказывало немцам в таком обслуживании и тех привилегиях, которые они хотели получить в испанских портах, и заслужило этим некоторое доверие англичан.

По мере улучшения перспектив союзников в войне работа посольства в Мадриде становилась менее трудной. С особым вниманием испанцы наблюдали за Египтом, за успехами Роммеля и неспособностью англичан провести конвой (или часть его) через Средиземное море без больших усилий и тяжелых потерь. Не менее внимательно они следили и за намерениями союзников в отношении Канарских островов, захват которых немцами сделал бы войну союзников против немецких подводных лодок, по крайней мере на некоторый период, более трудной. Однако командование немецкого флота, как и в

случае с Исландией, благоразумно выступило против любого удлинения коммуникаций, которые ему пришлось бы защищать. В Вашингтоне и Лондоне нашлись люди, которые предпочитали более решительные действия в отношении Канарских островов, но Хиллгарт убедил Паунда в том, что было бы безрассудно нанести удар по национальной гордости испанцев и дать, таким образом, лишний козырь в руки враждебных нам кругов.

Операция «Торч» в ноябре 1942 года явилась поворотным пунктом. Испанцы, подобно немцам, были захвачены врасплох. Хор и Хиллгарт, пользовавшиеся полным доверием планирующих органов, сумели в день высадки союзников на побережье Северной Африки объяснить в Мадриде масштаб операции, ее задачи и цель и успокоить Франко в отношении испанских интересов в Северной Африке. Внезапное появление американских, так же как и английских, вооруженных сил на Средиземном море произвело на испанцев сильное впечатление и позволило дискредитировать и выдворить некогда грозного немецкого посла доктора Сторера.

Тем не менее интриги между испанцами, немцами и итальянцами не прекратились. Когда-нибудь историк, получив доступ к испанским и итальянским архивам, сможет восстановить историю 5000-тонного танкера «Олтерра», который использовался в качестве базы для человеко-торпед, применявшихся против кораблей в Гибралтаре. Когда Италия вступила в войну, это судно было задержано в Гибралтарской гавани и затоплено командой на мелководье. Но в ноябре 1940 года испанские инженеры подняли танкер и отбуксировали его в бухту Альхесирас. После этого итальянский капитан и команда вернулись на танкер. Некоему итальянскому морскому офицеру лейтенанту Лино Винсинтини пришла идея использовать стоящий напротив Гибралтара танкер в качестве базы для атак, которые выполнялись до этого итальянскими подводными лодками. С помощью инструментов, присланных из Италии наземным путем и замаскированных под машинное оборудование, в форпике танкера соорудили специальный отсек с расположенным ниже ватерлинии выходным люком. Из Италии, также наземным путем, прибывали специально подготовленные люди. Они попадали на танкер, смешиваясь с матросами, возвращающимися из увольнения на берег. После каждой атаки, если она завершалась благополучно, эти люди убывали.

В ночь на 8 декабря итальянцы сделали первую попытку атаковать два авианосца и два линкора в Гибралтарской гавани. Из трех человеко-торпед, принявших участие в атаке, возвратилась только одна, при этом один из двух членов экипажа последней погиб. Атака не удалась из-за неточных данных; человеко-торпеды попали под глубинные бомбы, сбрасываемые в предупредительных целях через каждые три минуты вместо десяти, как доложила разведка. Операторы торпед рассчитывали, что смогут приподнять сеть, закрывающую вход в гавань, и пройти под ней, но оказалось, что на дне, кроме того, было заграждение из колючей проволоки. Один экипаж затопил свою торпеду и попал в плен. На допросе пленные заявили, что

действовали с подводной лодки, ничем не выдав роли «Олтерры». В апреле 1943 года в результате более успешной атаки в Гибралтаре были повреждены три торговых судна общим водоизмещением около 20 000 тонн, а в июле — водоизмещением около 24 000 тонн.

Несмотря на отрицание пленных, разведка в Гибралтаре подозревала, что на испанской стороне залива противник располагает плавучей или береговой базой. Хиллгарту предложили выяснить это и, если необходимо, заявить протест. Испанское морское министерство произвело осмотр «Олтерры» от клотика до днища, но никаких признаков, указывающих на то, что она используется диверсантами, обнаружено не было, а старший офицер заявил, что все подозрения необоснованны. Поскольку доступ в отсек был только со стороны моря, ничего обнаружено не было. Хиллгарт понял, что ему следовало бы настоять на обследовании корпуса танкера с помощью водолазов.

Однако после капитуляции Италии Хиллгарт сумел склонить на свою сторону одного сотрудника итальянского посольства в Мадриде, и тот раскрыл ему тайну отсека в форпике танкера, из которого выпускались человеко-торпеды. Располагая этой информацией, Хиллгарт настоял на том, чтобы морское министерство отбуксировало танкер в Кадис с целью установления истины. При тщательном осмотре танкера секретный отсек был обнаружен. Разумеется, смущенные испанцы ожидали, что адмиралтейство, если не само английское правительство, заявит резкий протест по поводу фактов, которые имели место вследствие прямого попустительства или непростительной небрежности. Однако адмиралтейство мудро решило не давать этому делу большой огласки.

В истории разведывательного управления ВМС вряд ли был более яркий пример того, как военно-морскому атташе приходилось переходить от простой дипломатии к разведывательной деятельности, затем контрразведывательной, потом опять к дипломатической и, наконец, добиваться успеха, в данном случае, однако, слишком запоздалого.

Среди полезных разведывательных данных, добытых Хиллгартом, были сведения о контролируемом Германией вишистском французском военно-морском флоте, который в течение трех лет являлся причиной неослабевающего беспокойства адмиралтейства. Наблюдение за Северной Африкой являлось одной из задач Хиллгарта в военное время. Он имел личную договоренность с некоторыми французскими офицерами о том, что ему будут сообщать о предстоящих передвижениях французских кораблей. Идея заключалась в том, чтобы избежать инцидентов в море и поддерживать какую-то связь с обеими сторонами. Обычно сообщения французских офицеров не имели большого значения, но 10 сентября 1940 года, перед проведением операции «Мензс» по захвату Дакара для генерала де Голля, Хиллгарт узнал, что три французских крейсера и три эсминца выходят из Тулона и направляются через Гибралтарский пролив в Дакар. Хиллгарт срочно донес об этом адмиралтейству и командующему

эскадрой в Гибралтаре; он сообщал о выходе кораблей в море и о вероятной, по его мнению, цели их перехода. Он понимал, что этот маневр кораблей должен был иметь стратегическое значение (хотя ему ничего не было известно о планах захвата Дакара), так как французы не могли бы провести его без согласия немцев. К сожалению, ни дежурный офицер в Лондоне, ни оперативно-информационный центр разведывательного управления ВМС не поняли важности этого сообщения или, возможно, не сочли информацию достоверной, и первый морской лорд узнал об этом только утром следующего дня.

Из этого инцидента Хиллгарт делает вывод, что слишком большая секретность операций может свести на нет все усилия разведки, а иногда привести и к более печальным результатам. Если бы Хиллгарт знал, что против Дакара планируется операция, он сослался бы на нее и, несомненно, еще лучше понял бы важность своего донесения. Хиллгарт упрекает также министерство иностранных дел и адмиралтейство (об этом должно было бы позаботиться разведывательное управление ВМС) за то, что они не поставили соответствующей задачи должностным лицам за границей (например, генеральному консулу в Танжере) и не обязали их доносить без промедления о любом передвижении вишистских кораблей. Фактически, насколько известно, никто из них не получил такого предупреждения. Позже во время войны такие недостатки оперативной разведки были бы немыслимы.

Если в настоящей главе проскальзывают некоторые характерные черты концепции Холла по ведению разведки, то это вовсе не потому, что посол в Мадриде был главой английской секретной службы в России во время первой мировой войны, и не потому, что Хиллгарт провел семь предвоенных лет в роли, которая сочетала в себе дипломатические, военно-морские и разведывательные функции в лучшем стиле Холла. Оба они очень ценили значение неофициальной деятельности, которая позволяла говорить здравомыслящим испанцам о нейтралитете их страны и о том ущербе, который мог быть нанесен немецкими махинациями. Необходимо подчеркнуть, однако, что понимание Хиллгартом своей роли в Мадриде имело огромное значение, ибо он должен был не только правильно вести себя как дипломат, но и делать это так, чтобы все видели, что он ведет себя как дипломат; тайна отношений с испанцами сохранялась одинаково, и в тот период, когда мы были сильны и шли к победе, и тогда, когда мы были слабы и терпели поражение; чтобы завоевать истинное доверие испанцев, надо было показать, что Лондон понимает их взгляды, уважает их чувства национальной гордости и знает об их неприязни к большинству иностранцев. Искусство Хиллгарта, возможно, подвергалось самому трудному испытанию во время проведения дезинформационной операции, известной под кодовым названием «Минсмит»; сложность англо-испанских отношений показана в ней наилучшим образом.

Подробно эта операция описана в книге И. Монтэгю «Человек, которого не было». Здесь же необходимо только напомнить, что

целью операции было передать немцам через их агентов и друзей в Испании сведения, которые могли бы быть приняты за чрезвычайно важную и достоверную информацию (письменный эквивалент радиоперехвату) о направлении, в котором союзники намеревались двинуть свои силы из Северной Африки зимой 1943 года. Документы с информацией по этому вопросу находились у убитого английского офицера (якобы погибшего при атаке самолета, на котором он летел), тело которого было «выброшено» на берег неподалеку от Уэльвы. На самом деле труп был сброшен в море с английской подводной лодки.

Для успеха операции было чрезвычайно важно, чтобы местные испанские власти предоставили немецким агентам достаточно времени для тщательного фотографирования документов и проверки личности убитого офицера. Чем тщательнее они сделали бы это, тем вероятнее, что немецкая разведка в Берлине приняла бы на веру историю, о которой сообщалось в бумагах, находившихся в портфеле мертвого морского офицера. В то же время английский военно-морской атташе, направивший энергичного и находчивого Гомеса-Беаре руководить проведением операции на месте, должен был настаивать на самом быстром допуске к телу убитого и его бумагам и требовать, чтобы никаким неуполномоченным лицам, и особенно немецким агентам, не разрешали такого доступа. К счастью, немецкий агент не хотел привлекать внимания слишком долгим решением своей задачи; испанцы, с которыми он тайно сотрудничал, не хотели вызывать недовольства в Мадриде, а Мадрид не любил, когда его торопили.

Ничто не требовало от военно-морского атташе и его посла такого упорства в достижении цели, как обращение с жалобами на то, что испанские министры и официальные лица помогают немцам (что в самом деле имело место в 1939—1943 годах). Имея на севере простирающуюся на сотни миль часть побережья Бискайского залива, через который шли маршруты в Атлантику и Средиземное море, испанцы могли предоставлять немецким подводным лодкам возможность пополнять запасы топлива, производить ремонт, покупать свежие продукты. Они могли также доставлять беспокойство адмиралтейству тем, что отправляли драгоценную железную руду в находящиеся в нескольких часах плавания порты оккупированной Франции, а фрукты и другие товары из южных портов в Марсель и Геную. Возможности использования разведкой противника движения судов по этим маршрутам никогда нельзя было исключать. На многих судах имелись секретные немецкие агенты. При этом важно было, чтобы английская разведка добывала такие сведения, которые давали возможность посольству в Мадриде обосновывать свои жалобы. Иногда, конечно, министр иностранных дел не знал, что делает министр ВМС, или Мадрид не знал, что делают его служащие в Кадисе или в Корунье. Администрация портов не всегда выполняла свои обязательства по соблюдению нейтралитета, причем даже в тех местах, где англичане вели тщательное наблюдение за этим.

По какой-то причине, так никогда и не ставшей ясной, слухи указывали на Виго — коммерческий порт на северо-западе Испании; говорили, что этот порт интенсивно используется немецкими подводными лодками. В начале мая 1940 года английское посольство в Риме сообщило, что, согласно данным заслуживающего доверия американского журналиста, порт Виго является немецкой базой, которой пользуются около двадцати немецких подводных лодок. Это сообщение вызвало озабоченность Лондона, и 18 мая первый лорд адмиралтейства доложил военному кабинету, что донесения о расширении использования противником Виго проверяются. Необходимо помнить, что это было время падения Франции и время, когда Черчилль сменил Чемберлена на посту премьер-министра. Тщательная и детальная проверка, в ходе которой военно-морской атташе в Мадриде сыграл определенную роль, убедила разведывательное управление ВМС, что это была еще одна «утка», возможно распространяемая умышленно, чтобы ввести англичан в заблуждение. 5 августа разведывательное управление ВМС доложило первому морскому лорду, что в основном слухи не подтвердились и что они противоречат данным о передвижении немецких подводных лодок, имеющимся в оперативно-информационном центре адмиралтейства. Никто из английских официальных лиц немецких подводных лодок там не видел. «Если они как-то и используют Виго, то можно с уверенностью сказать, что из этого порта они не действуют. По всей видимости, одна или две немецкие подводные лодки заходили в Виго со специальными целями, но регулярно этот порт ими не используется».

Деятельность противника в испанских портах продолжала вызывать беспокойство и недовольство в адмиралтействе до 1944 года, хотя немецкие военно-морские архивы показывают, что в первые три года войны немцы использовали их не так уж активно, как полагали. С начала войны ни в Виго, ни в каком-либо другом испанском порту не получала топлива и других запасов ни одна немецкая подводная лодка. Лишь 30 января 1940 года подводная лодка «U-25» дозаправилась топливом в Кадисе. В архивных материалах есть ссылка на «легкость, с которой была осуществлена эта первая операция пополнения запасов немецкой подводной лодки вне пределов территориальных вод Германии». 19 февраля 1940 года немецкий военно-морской атташе в Мадриде доложил своему командованию, что «когда посол Германии посетил испанского министра иностранных дел, последний сообщил ему со смехом, что английский посол проинформировал его о том, что в период между 16 и 18 февраля в Виго намечена передача топлива с танкера на немецкую подводную лодку. Министр согласился послать английского военно-морского атташе в Виго, чтобы он посмотрел сам».

Однако происшедший в следующем месяце инцидент с «Альтмарком» заставил испанцев менее охотно идти на риск, а немецкие архивы показывают, что немецкий военно-морской атташе докладывал, что испанцы вряд ли «допустят использование Понтеведра и Ароса в качестве заправочных пунктов». В апреле тот же атташе доложил

представителю немецкого штаба руководства войной на море, что если тайна операций по снабжению откроется, то испанцы, вероятно, перестанут смотреть на такие операции сквозь пальцы.

Тем не менее немцы провели соответствующие подготовительные мероприятия. Например, в феврале 1940 года на судах «Брейк» и «Нордатлантик» в Виго было 100 тонн смазочного масла; 270 тонн топлива и продуктов для двух немецких подводных лодок находилось в Корунье; 800 тонн топлива, четыре тонны смазочного масла и продукты для одной немецкой подводной лодки — в Эль-Ферроле. В письме, посланном военно-морскому атташе немецким штабом руководства войной на море 6 июня 1940 года, детально описываются приготовления, сделанные для дозаправки немецких подводных лодок с немецких торговых судов в ночное время, и содержится указание о том, что это должно быть сделано без сотрудничества с Испанией. «В любом случае дозаправка должна производиться в гавани у борта торгового судна в ночное время таким образом, чтобы была гарантирована скрытность подхода и отхода подводной лодки (под водой, если это необходимо)».

В действительности немцы всегда настаивали лишь на том, чтобы Испания попустительствовала их действиям. Тем не менее иногда они наталкивались на сопротивление отдельных испанцев, которые делали это самостоятельно или под воздействием английских агентов. В ноябре 1939 года немцы запланировали операцию по снабжению подводной лодки с торгового судна «Лэндро», но были вынуждены отменить ее, потому что в последний момент испанский капитан отказался что-либо делать из-за угрозы мятежа своей команды. Неприятности с командой имели место также на парусном судне, которое было куплено немецкими агентами и отведено в Пуэрто-де-Санта-Мария для реконструкции. Оборудованное тремя цистернами, емкостью по семь тонн каждая, судно должно было принять топливо в Сеуте и затем отправиться в устье реки Гвадалквивир, где под предлогом строительства лодок для рыболовов была оборудована небольшая плавбаза. Здесь судно подлежало дооборудованию еще тремя или четырьмя цистернами, что довело бы его общую емкость до 40—50 тонн, и оно могло бы быть полезным для обеспечения нужд подводных лодок. Любопытным фактом, подтверждающим неподготовленность Гитлера к войне с Англией в 1939 году, явилось то, что многие немецкие торговые суда оказались в начале войны в нейтральных портах. В марте 1940 года, когда английская блокада обрела реальную силу, 222 судна общим водоизмещением 1 100 000 тонн находились в портах Европы, Китая и Японии, Восточной и Западной Африки, а также в Индийском океане. По мере того как потери союзников в судах возрастали, а нужда в них в Германии росла, эти суда становились все более и более ценными то ли в качестве призов для союзников, то ли в качестве потенциальных блокадопрорывателей (или актива, предназначаемого для продажи) для стран оси. В одной только Испании находилось 55 судов общим водоизмещением 219 500 тонн, часть из

них — танкеры, которые Черчилль, тогда первый лорд адмиралтейства, мечтал захватить любыми средствами. Много энергии и бумаги было затрачено в комнате 39 на то, чтобы завладеть этими судами на законном основании, не сделав при этом денежного подарка немцам.

В сентябре 1939 года к Годфри прибыл с визитом Дон Жуан Марч — банкир и промышленник, который сделал большое состояние, начав с малого, и был одним из богатейших людей, если не самым богатым, в Испании. Он заявил начальнику разведывательного управления ВМС, что помогал английской морской разведке в 1914—1918 годах и что надеется быть более полезным и теперь. Он объяснил, что поступает так потому, что восхищается английскими институтами и взглядами и не видит хорошего будущего ни для себя, ни для своей страны в случае, если Германия выиграет войну. Эта встреча положила начало ценному сотрудничеству Марча с Уайтхоллом, длившемуся на протяжении военных лет. Он был заинтересован в делах, связанных с нефтью и судоходством, и поэтому часто помогал посольству как посредством передачи ценной информации, так и своим влиянием на испанцев с целью убеждения их в том, что победа Англии совпадает с интересами их страны.

Теперь мы подходим, вероятно, к наиболее важной операции разведывательного управления ВМС в Испании, которая привела комнату 39 к временному союзу с новым управлением специальных операций.

Заманчиво добавить еще одно к тысяче «если», рассмотренных историками, задавшись вопросом: что произошло бы с планом операции «Торч» (высадка союзников в Северной Африке в ноябре 1942 года, явившаяся первым шагом на пути возвращения в Европу), если бы весной того же года части «коммандос» Маунтбэттена были использованы для уничтожения немецких и испанских наблюдательных постов в Гибралтарском проливе. Расположение этих постов было известно. Но не послужило бы нападение на них предлогом для вторжения Германии в Испанию и захвата ею воздушных и морских баз, которые она смогла бы использовать для действий в Атлантике и Средиземном море? Если так, то повлекло ли бы это за собой ответное вторжение англичан и американцев в Португалию и на острова Атлантики? Почти наверняка.

Сколько времени вынашивался этот гибралтарский план? После падения Франции деятельность немецкой агентуры в районе Гибралтара носила эпизодический характер, но в 1941 году усилия агентов стали более интенсивными: лишь в марте 1942 года на основе многочисленных донесений своих агентов и других источников комната 39 оказалась в состоянии представить подробную схему организации немецких наблюдательных постов на обеих сторонах Гибралтарского пролива и на острове Альборан, с которого поддерживалась прямая радиосвязь с Парижем и Берлином через Мадрид. Используя преимущественно ночное время суток и различные вводящие в заблуждение тактические приемы, англичане сохраняли в Гибралтаре сильные позиции в борьбе двух разведок, в которой участвовал сам

Канарис (глава немецкой военной разведки). Немцы начали работы по созданию двух постов — одного на территории Испании (западнее залива Гибралтар), другого напротив (на побережье Африки), — с которых предполагалось использовать комбинацию инфракрасной и радиолокационной аппаратуры.

Адмиралтейство обсудило множество возможных вариантов использования противником этих постов. Но для принятия решения требовалась более подробная информация. Поэтому пришли к выводу о необходимости послать научного сотрудника с задачей более детального изучения постов и фотографирования их. Однако это нужно было обставить так, чтобы противник не мог догадаться, что мы знаем о его планах. На самом же деле приготовления противника были известны многим, так как прокладывались дороги, расчищались площадки, эвакуированным жителям выдавалась денежная компенсация.

Ведущую роль в организации противодействия немцам сыграл Флеминг. Он смог убедить начальника разведывательного управления в том, что управление планирования и начальники оперативных управлений полностью на его стороне. Очень важно было свести на нет действенность, как называл Флеминг, «тщательного и чрезвычайно опасного наблюдения», которое противник вел в Гибралтарском проливе. Даже осторожные сотрудники отдела внешних сношений адмиралтейства, которые выиграли бо́льшую часть поединков ВМС с министерством иностранных дел, считали, что дипломатические действия могут оказаться бесполезными. Первый лорд адмиралтейства (Александер) настаивал на разработке оперативного плана. Убедить же адмиралтейство поставить всю проблему на рассмотрение комитета начальников штабов и, следовательно, военного кабинета удалось лишь председателю объединенного разведывательного комитета господину Кэвендиш-Бентинку.

19 мая комитет начальников штабов решил не прибегать к военным мерам. В данном случае, по-видимому, сыграл свою роль все тот же аргумент: существовала опасность того, что испанцы качнутся в сторону Германии из-за увеличения влияния на Франко его пронацистских министров, которые воспользуются вмешательством англичан для разжигания национализма. Министерство иностранных дел сумело показать (впрочем, это хорошо понимало и разведывательное управление ВМС), что из-за своих экономических интересов Испания остерегалась раздражать англичан (а с 1941 года и американцев) тем, что она якобы «не замечала» злоупотреблений Германии испанским нейтралитетом. Итак, было решено, что посол снова попытается что-то предпринять.

Хор получил инструкцию 23 мая 1941 года. Он немедленно попросил о личной встрече с Франко, но не сообщил министру иностранных дел о целях этой встречи. Это вызвало тревогу в высокопоставленных кругах, и в тот же день Хора попросили прибыть в Прадо. Беседа длилась больше часа. Хор старался излагать свои мысли так, чтобы испанцы не чувствовали угрозы или ультиматума.

Франко утверждал, что англичане заблуждаются, так как принимают за что-то иное самые обычные испанские фортификационные работы. Хор заявил, что, по его мнению, Франко, возможно, не информирован об истинном положении, и подчеркнул, что англичане располагают абсолютно достоверной информацией. Посол намекнул даже на то, что знает о немецком плане использования испанской военной формы техническим персоналом, обслуживающим наблюдательные посты, и высказал мысль, что нейтралитету Испании угрожает серьезная опасность. Хор указал также, что дефицитный бензин, поставка которого зависит от снисходительности англичан и американцев, должно быть, используется для строительных и транспортных операций в том месте, где создаются эти посты.

Генерал Франко обещал заняться этим вопросом лично и срочно все выяснить. Тремя днями позже испанский морской министр сообщил английскому военно-морскому атташе, что немцы предложили испанцам радиолокационную станцию для обучения, которую испанские военно-воздушные и сухопутные силы по глупости приняли, не подумав, к чему это может привести. Он, морской министр, конечно, считает, что от этого предложения нужно было отказаться. Министрам видов вооруженных сил и сенату все известно об этом деле, и влиятельные круги не хотят идти на риск, связанный с потерей нейтралитета.

Из немецких архивов теперь известно, что меньше чем через месяц после этих событий адмирал Канарис был принят Франко, который сообщил ему, что все работы на объектах должны быть прекращены, а немецкие агенты отозваны. Испанские наблюдатели и итальянские агенты, правда, оставались, но этими действиями был положен конец операции немцев, которая могла бы оказать влияние на всю средиземноморскую стратегию союзников. Отрадно также, что Канарис потерпел фиаско в поединке с английской разведкой в той самой стране, где, как он полагал, его репутация и влияние были самыми прочными.

Этот эпизод помог Годфри понять, что на его деятельность накладывает ограничения и создает препятствия как раз та самая объединенная система консультаций, которую он в свое время поддерживал с таким энтузиазмом.

Холл двадцать пять лет назад, конечно, смог найти и деньги, и людей, и авторитеты, чтобы справиться с угрозой в Гибралтаре. Начальник же разведывательного управления ВМС в 1942 году в своей двойной роли как член штаба ВМС, ответственный за разведку и контрразведку, мог только убеждать и настаивать на принятии мер. Но контрразведка это нечто такое, чем разведка руководить не могла. Более того, Годфри натолкнулся на нежелание высокопоставленных лиц понять, почему аппаратура обнаружения в этом районе была чрезвычайно опасным оружием, а не только еще одной уловкой в войне умов. Если бы была допущена установка радиолокационных станций, то за ними последовали бы дальнобойные орудия, установленные на железнодорожных платформах для обстрела аэродрома в

Гибралтаре. Следующими могли бы оказаться торпедные аппараты, используемые с берега. При эффективной системе донесений (например, следящей за движением кораблей оперативной группы «Н» или конвоев на Мальту) немецкие и итальянские подводные лодки, действующие из Бордо, могли бы заблокировать Средиземное море.

Использование разведывательных данных государственным аппаратом — дело деликатное, а иногда даже опасное. Бесполезно заявлять иностранному государству протест на основании достоверности своей информации, как это делал Хор, если нельзя подтвердить эту достоверность или хотя бы дать намек, достаточный, чтобы убедить другую сторону, что скрываемое ею уже известно. Но поступить так — значит пойти на риск раскрытия источников информации и, следовательно, нанесения серьезного ущерба собственной разведке. Это было особенно справедливо в отношении Испании, где английские источники информации — как правило антинацисты — могли рассматриваться (всего три года после гражданской войны) как антифранкисты. Показав слишком большую осведомленность в отношении происходящего в Испании, мы, несомненно, дали бы ей основание обвинить нас во вмешательстве в ее внутренние дела.

Как Испания на карте нависает над Гибралтарским проливом и Северной Африкой, так и Швеция смотрит вниз, на военно-морские базы и порты Северной Германии и на выходы из Балтики в Северное море, а вверх — на северные воды, которые обеспечивают России выход в Атлантику, к ее военным союзникам. Это была бы ключевая позиция для операций, если бы Швеция присоединилась к одной из противоборствующих сторон. Пока Швеция оставалась нейтральной, она являлась ключевой позицией и для сбора сведений не только о Германии и России, но и об оккупированной Европе. В пределах самого Балтийского моря торговый обмен мог продолжаться, так как английская блокада ему не мешала, хотя постановки мин английской авиацией вызывали некоторые трудности и приводили к нарушению сроков поставок. Вместе с товарами в ту и другую сторону шли сведения, а иногда и люди из Польши и Восточной Европы.

Капитан 1 ранга Дэнхэм организовал в Стокгольме обширную сеть для добывания сведений по военно-морским и общим военным вопросам. Его люди работали не только в дипломатических союзных миссиях (из которых норвежская миссия, руководимая полковником Рошером Ландом, была наиболее эффективной и имела тесный контакт со шведами), но и среди проанглийски настроенных лиц. Эти мужчины и женщины иногда с большим риском для себя сообщали сведения, которыми они располагали благодаря своему служебному положению, в том числе о конструкции немецких кораблей, строительстве подводных лодок, военных перевозках, промышленных и научных разработках. Однако лишь изредка военно-морской атташе получал и доносил в Лондон ценную информацию, на основании которой можно было бы немедленно действовать. Например, своевременную информацию о планах немцев атаковать арктические конвои

можно было получить только от шведского объединенного разведывательного управления или под благовидным предлогом из контрразведки. Начальники этих организаций были на редкость преданными своей стране людьми, и, хотя их лояльность к шведским интересам никогда не колебалась, они питали большую симпатию к Англии.

Перед изложением некоторых трудностей, возникавших из-за особого положения Швеции между Германией и Россией (особенно в период между 1939 и 1943 годами), необходимо объяснить истоки этих трудностей. В то время как шведский народ в целом не сочувствовал немцам и делал четкое различие между опытом своих взаимоотношений с немцами и отношением к нацистам, в офицерском корпусе имели место сильные симпатии к Берлину. Они проявились у многих высших чиновников в министерствах Стокгольма, но, к сожалению, наиболее явственно — среди адмиралов, и шведское военно-морское министерство сделало несколько глупых уступок немцам. Дэнхэм, разумеется, знал об этом, и протесты, которые он выражал, давали двоякий результат: причастные к делу офицеры и чиновники были вынуждены прекратить действия, противоречащие нейтралитету, и это шло на пользу Англии. В то же время они чувствовали, что их авторитет подрывается и что за их действиями следят. Понятно, что их взаимоотношения с Дэнхэмом из-за этого усложнялись.

Англичане прилагали мало усилий к тому, чтобы развивать добрососедские взаимоотношения со шведами в период между двумя войнами. Стокгольм рассматривался ими как вспомогательная миссия военно-морского атташе в Берлине, несмотря на тесные связи между шведским и вновь возрождающимся немецким военно-морскими флотами. Одного этого было достаточно, к тому же ВМС Англии создали дополнительные трудности своими действиями, вызвавшими отрицательную реакцию шведов. В июне 1940 года четыре шведских эсминца, следовавшие курсом в Швецию по согласованному маршруту, были перехвачены превосходящими силами английских ВМС и получили приказ следовать за ними в порт. Этот удар по чувству собственного достоинства шведского военно-морского флота долго не забывался. Как записал в то время в своем дневнике немецкий военно-морской атташе, «были заметны гнев или уныние — в зависимости от индивидуального темперамента». За этим последовали препятствия в отношении перевозивших руду конвоев Джорджа Бинни в Гётеборге (см. главу 12), разрешение немцам установить в районе Хельсингборга противолодочную сеть, чтобы воспрепятствовать проникновению на Балтику наших подводных лодок, эскортирование немецких транспортов в шведских территориальных водах и траление английских мин в нейтральных водах.

В случаях когда информация Дэнхэма использовалась с оперативными результатами, следовало ожидать протестов со стороны немцев. В седьмой главе уже описывалось, как сообщение из Стокгольма от 20 мая 1941 года положило начало охоте за «Бисмарком». Немцы неистовствовали из-за использования донесения с «Готланда» и заявили серьезные протесты шведскому правительству и

шведскому военно-морскому атташе в Берлине по поводу «поведения, противоречащего нейтралитету». Некоторые штабные офицеры предупредили Дэнхэма, уже не в первый раз, что он вмешивается в дела, которые не входят в «признанную сферу его интересов». Дэнхэм стал замечать, что за его передвижениями и личными контактами, которые были самым полезным средством получения информации, ведется пристальное наблюдение. В том году меры шведской полиции были не очень эффективны, но позднее они были усилены и стали угрожать уменьшением полезности Дэнхэма для Лондона.

К ноябрю следующего, 1942 года Дэнхэму стало ясно, что шведская контрразведка не только заняла одну из квартир в доме, расположенном напротив его собственного, откуда велось наблюдение и фотографирование каждого входящего и выходящего, но, должно быть, и установила микрофон в его гостиной или рядом с ней. Несмотря на многочисленные попытки, Дэнхэму не удавалось отыскать его, пока он не проконсультировался со специалистами. Микрофон был обнаружен в дымоходной трубе, куда его спустили с крыши. К усилению мер со стороны шведской полиции привел неблагоприятный ход не связанных между собой событий. Сначала имел место визит бывшего коллеги по военно-морской разведке, который работал теперь в контрразведке и пришел помочь в одном деле, связанном с намерением итальянских морских офицеров дезертировать. Он был быстро опознан шведами как личность, по поводу которой немцы наверняка будут протестовать. К тому времени была раскрыта также связь Дэнхэма с полковником Бьёрнстьерном из шведской разведки, и полковник был уволен; несколько других шведов были арестованы и осуждены за сотрудничество с англичанами.

Причиной неприятностей была не только разведывательная деятельность Дэнхэма. Подобно Хиллгарту в Мадриде, он выполнял хлопотную обязанность делать напоминания правительству Швеции и его чиновникам в связи с действиями, противоречившими нейтралитету. Нужен был зоркий глаз, чтобы следить за такими, например, инцидентами. Начиная с 1942 года немцы вследствие нехватки рабочей силы и бомбардировок своих судоверфей упорно стремились разместить заказы на постройку для себя судов в нейтральных и оккупированных странах. Осенью 1942 года английскому посольству стало известно, что на одной шведской судоверфи строятся сорок пять рыболовных судов для Германии, где, возможно, они будут переоборудованы в тральщики. Получив подробные сведения, Лондон заявил шведскому правительству протест (15 февраля 1943 года), указав, что шведские судостроители не предполагают оборудовать эти суда для рыболовства и что спецификации на суда идентичны спецификациям на тральщики, строящиеся в оккупированных странах. Шведы отклонили протест, приведя технические обоснования того, что эти суда пригодны лишь для рыболовства.

Тогда в это дело разрешили вмешаться Дэнхэму, и он посетил соответствующий отдел шведского министерства иностранных дел. Дэнхэма заверили, что немецкий заказ на постройку еще сорока

пяти судов того же типа отменен, однако удовлетворительного ответа относительно судов, ставших предметом первого английского протеста, Дэнхэму не дали. Дэнхэм, как всегда хорошо информированный, подал резкий письменный протест по поводу того, что его вводят в заблуждение, и дал понять, что знает директора банка, участвующего в сделке. Следующим этапом в этом длительном споре стал осмотр одного из этих судов смешанной комиссией, в которую входил представитель «Регистра Ллойда». Однако это было бесполезно с точки зрения англичан, придерживавшихся своего утверждения о том, что эти суда, какой бы вид они ни имели, пока находятся в Швеции, будут достроены немцами как военные корабли. Англичане проиграли борьбу, но, конечно же, после войны Дэнхэм смог опознать в северных немецких портах тридцать восемь из сорока пяти судов, переоборудованных в тральщики. Об испытанном Дэнхэмом удовлетворении едва ли стоит писать.

Менее крупным, но более важным с чисто военно-морской точки зрения было дело о танкерах. Немцы испытывали острую нехватку в небольших танкерах для заправки топливом подводных лодок и других военных кораблей. В середине 1942 года стало известно, что для этой цели используются зафрахтованные шведские танкеры. Об этом поставили в известность шведское министерство иностранных дел, а позднее шведам дополнительно сообщили о новых фактах продажи танкеров для той же цели. Чиновник министерства отрицал эти факты, но пообещал Дэнхэму, что никакие лицензии на экспорт выдаваться не будут. Однако позднее были замечены два небольших танкера, которые направлялись из Швеции в немецкие базы. Только в конце 1943 года настойчивые представления из Лондона убедили шведов, что будет благоразумнее вернуть эти танкеры из немецких вод.

Другим опытом, общим для двух атташе в удаленных друг от друга столицах — Мадриде и Стокгольме,— было то, что порой адмиралтейство не принимало мер по той информации, которую посылали эти атташе. Например, в ночь на 23 сентября 1943 года английские сверхмалые подводные лодки атаковали «Тирпиц» в Альтенфьорде, новой якорной стоянке германского флота на крайнем севере Норвегии, откуда немецкие линейные корабли могли совершать стремительные нападения на следовавшие в Россию арктические конвои. В результате этой очень смелой и неожиданной атаки были выведены из строя механизмы управления главным артиллерийским вооружением линкора и нарушена центровка валов главного гребного винта. Атака, однако, едва не окончилась неудачей, так как одна из подводных лодок типа «X» запуталась в противолодочной сети, о которой экипаж лодки не был предупрежден. К счастью, ей удалось освободиться и завершить операцию. Дэнхэм, засыпавший адмиралтейство микрофильмированными донесениями, которые ему доставляли через горы из Норвегии молодые участники Сопротивления, подвергавшиеся при этом большой опасности и лишениям, был повергнут в уныние и раздражен этой неудачей. От него требовали

донесений о сетевых заграждениях в Альтен-фьорде, и он послал подробное описание вместе с указанием местоположения на карте-схеме одного из заграждений длиной около 200 и шириной около 50 метров, которое было похоже на противоторпедную сеть. В одном из более поздних донесений сообщалось, что это была бункеровочная сеть с двумя рядами ячей и двумя проходами. Сеть использовалась, когда военные корабли принимали топливо с «Альтмарка». Последующее расследование в адмиралтействе не смогло установить, почему информация, предназначавшаяся для экипажей сверхмалых подводных лодок, не достигла их.

Еще одним примером подобного рода, более прискорбным, потому что в результате англичане понесли большие потери в людях и самолетах, было то, что ведущий группы бомбардировщиков ВВС Великобритании, которые в апреле 1942 года с малой высоты атаковали в Тронхейме «Тирпиц», не был информирован о наличии вблизи корабля эффективного дымообразующего устройства. Подполковник авиации Беннетт жаловался, что причиной потери семи тяжелых бомбардировщиков от сильного зенитного огня было то, что он не знал об опасности постановки дымовой завесы. Фактически Дэнхэм послал конкретные сведения об этом устройстве в донесении от 16 февраля, которое, казалось, было быстро передано разведывательным управлением ВМС министерству ВВС, командованию береговой и бомбардировочной авиации, штабу Флота метрополии и 19-му отделу. Кто-то допустил промах, но кто — неясно. Во всяком случае пусть этот эпизод остается примером того, что может случиться, когда разведывательные сведения не поступают к тем, кто в них нуждается.

В начале 1943 года Дэнхэм был сильно обеспокоен уменьшением своей полезности в деле добывания ценных разведывательных сведений. Кроме того, он знал, что глава министерства иностранных дел Швеции предпринимает упорные попытки добиться его отзыва. Но вскоре Дэнхэм увидел возможность улучшить свое положение. Его друга, полковника Бьёрнстьерна, сменил на посту начальника объединенной разведывательной службы капитан 1 ранга Ландквист из оперативного управления штаба ВМС. По причинам, которые изложены ниже, это было время кризиса в шведском штабе, и пронемецки настроенный главнокомандующий генерал Тёрнелл относился к Дэнхэму с большим подозрением. В самом деле, в то время Дэнхэм не мог войти в здание штаба для интервью без того, чтобы главнокомандующий не поинтересовался причиной его визита. Однако, несмотря на то что Ландквист находился под прямым контролем главнокомандующего, казалось, имелся шанс начать все сначала.

Ландквиста пригласили посетить Берлин, где он был принят высшими офицерами, включая главу абвера адмирала Канариса. Несмотря на симпатии Ландквиста к англичанам, на него, по-видимому, произвело впечатление все, что он увидел и услышал. На обратном пути он посетил также Хельсинки. Дэнхэм предложил адмиралтейству пригласить Ландквиста в Лондон в расчете на то, что он едва

ли мог отказаться, если принять во внимание его визиты в две «враждебные» столицы. Предложение было принято, и разведывательное управление ВМС и министерство иностранных дел Великобритании потратили огромные усилия на организацию этого визита. Следствием этого было то, что новый шеф шведской разведки возвратился из поездки в Лондон в отличном расположении духа, полный оптимизма относительно победы союзников. Он обещал также в ответ на высказанную при расставании просьбу начальника разведывательного управления ВМС сделать все от него зависящее, чтобы ограничения, направленные против Дэнхэма, были отменены.

Поначалу это ему не удавалось, так как глава службы безопасности в Стокгольме был отъявленным германофилом и личным другом шефа немецкой разведки в Стокгольме полковника Вагнера. Но вскоре представился случай для действий иного рода. Дэнхэм пригласил на завтрак в свою квартиру высокопоставленного чиновника шведского министерства иностранных дел; на завтраке присутствовали советник и другие сотрудники английского посольства. Сидя в гостиной, Дэнхэм показал шведскому гостю, что из-за стола можно ясно видеть наблюдательный пост полиции в доме напротив. Этого намека пришедшему в замешательство чиновнику оказалось достаточно, чтобы данный вид надзора был прекращен.

Следующий этап в дуэли Дэнхэма со службой безопасности наступил после отзыва из Лондона графа Оксеншерны, о чем подробнее будет рассказано ниже. К тому времени Дэнхэм уже знал, что в дымоходной трубе его квартиры установлен портативный микрофон, и собирался устроить по этому поводу публичный скандал. Однако советник английского посольства высказался против подобных действий и вместо этого сам заявил формальный протест шефу службы безопасности, который принес ему свои извинения. После этого агент-провокатор, являвшийся офицером службы безопасности, сделал попытку войти в доверие к Дэнхэму, но был быстро раскрыт и изобличен. Затем Дэнхэму удалось доказать, что ВМС Швеции внедрили на борт каботажного судна Джорджа Бинни главу филиала немецкой компании «Телефункен» в Швеции лишь для того, чтобы получить информацию об установленной на этом судне радиолокационной станции. Следствием этого разоблачения, говорит Дэнхэм, явилось то, что начальник штаба ВМС Швеции устроил для него один из самых дорогостоящих приемов с завтраком, на которых ему когда-либо приходилось присутствовать.

Бесплодные попытки добиться отзыва Дэнхэма продолжались до июля 1944 года, когда министерство иностранных дел Великобритании дало своему посольству в Стокгольме инструкции настойчиво защищать его. В инструкциях говорилось о «чрезвычайно сильном впечатлении», которое произвело шведское требование, порожденное очевидным желанием принять меры в ответ на просьбу об отзыве Оксеншерны. Поэтому, указывалось в инструкции, требование будет рассматриваться лишь как последний из целой серии недружественных и противоречащих нейтралитету актов ВМС Швеции. В инструк-

циях содержалась также угроза предать гласности причины, побудившие англичан попросить отзыва графа Оксеншерны.

История об отзыве из Лондона графа Оксеншерны, на которую ссылки делались уже несколько раз, в действительности относится к мерам предосторожности, имевшим целью изолировать Англию от Европы в месяцы, предшествовавшие высадке на побережье Нормандии; но ее значение для разведки становится более понятным в свете затруднений Дэнхэма с передачей донесений из Стокгольма.

Трудность, с которой столкнулось правительство Англии в начале 1944 года, заключалась в том, что нейтралисты, будь то дипломаты, бизнесмены или журналисты, какими бы дружественными и заслуживающими доверия они ни были, могли, не имея намерения, разгласить что-либо и оказаться, таким образом, источником важной для немцев информации. Можно было ожидать, например, что военные атташе нейтральных стран по роду своих обязанностей будут наблюдать и сообщать своему руководству факты о нашей подготовке к высадке. В конце концов, ни один военный атташе не может быть безгранично лояльным по отношению к стране пребывания; каковы бы ни были его симпатии, в его обязанности входит сообщать обо всем, что он считает важным. Прежде всего он является офицером разведки. Это традиционное положение очень хорошо понимали в комнате 39, где поддерживали контакты с военно-морскими атташе всех стран мира, где привыкли завтракать и обедать с приятными джентльменами из-за границы, обладавшими ненасытной любознательностью.

Шведский военно-морской атташе граф Оксеншерна был инженером с широкими техническими знаниями, очень любимым и уважаемым в Лондоне. Симпатии Оксеншерны, несомненно, были на стороне союзников. Но адмиралтейству доложили, что во время перехода из Портсмута в Розайт на попутном крейсере он проявил большой интерес к корабельной системе стабилизации и провел много времени в разговорах с механиками машинного отделения. Эти действия были бы обычными, но граф проявил при этом необычное усердие и любознательность, подкрепленные отличными познаниями. На начальника немецкой секции разведывательного управления ВМС капитана 3 ранга Тауэра произвели также впечатление те вопросы, которые задавал граф. Поэтому адмиралтейство и министерство иностранных дел Великобритании договорились между собой, что необходимо найти путь к тому, чтобы удалить этот опытный глаз на период подготовки к операции «Нептун». Особенно имелась в виду опасность того, что граф мог увидеть и сообщить об экспериментальных искусственных гаванях в устье Темзы, которые он в самом деле пытался посетить.

После долгих и трудных обсуждений вопрос был доложен премьер-министру, который согласился с тем, что обстоятельства момента, когда речь идет о жизни или смерти, оправдывают передачу через Дэнхэма в Стокгольме просьбы о том, чтобы графа Оксеншерну отозвали. Существовало некоторое опасение, как бы такая просьба не

привела в ответ к выдворению Дэнхэма; но, поскольку граф не был объявлен персоной нон грата (а всего лишь источником понятного беспокойства), надеялись, что командование ВМС Швеции не будет испытывать слишком глубокой обиды. Отзыв был наконец организован, все были полны сожаления, и начальник отдела Скандинавских стран капитан-лейтенант Тодд проводил графа, все еще заявлявшего о своей лояльности делу англичан и отказывавшегося понять, почему это происходит.

После войны Тодда пригласили участвовать в дружественном визите в Швецию крейсера «Бирмингам», первом послевоенном визите военных кораблей флота. На приеме, данном в Стокгольме, присутствовал и Оксеншерна, и Тодд получил возможность рассказать ему о тех опасениях, которые привели к просьбе об отзыве графа из Англии. Для того чтобы разъяснить свою мысль, Тодд рассказал историю о том, как после Ютландского боя Битти получил очень ценную информацию, сидя на обеде в Лондоне рядом со шведским военно-морским атташе, который только что вернулся с совещания в Стокгольме. Там он встречался со своим коллегой из Берлина, который рассказал ему, что немцы с большим удовольствием пересказывали, как многие английские снаряды не взрывались при попадании в цель. Это замечание дало Битти, настаивавшему на том, что взрыватели наших снарядов непригодны для дальностей свыше 18 000 метров, именно тот материал, который был ему нужен для того, чтобы требовать тщательной проверки снарядов, предназначенных для морской артиллерии. Проверка дала печальные результаты, которые иначе могли бы оставаться скрытыми еще в течение длительного времени.

Когда граф осознал, что выдворение следует расценивать как комплимент его наблюдательности, он заявил, что вполне понимает англичан. В самом деле, Тодд хорошо помнит, как граф сказал, что, если бы он увидел искусственные гавани в Темзе, он догадался бы о их назначении и сообщил бы об этом в Стокгольм, откуда, разумеется, в силу причин, которые ясны из предыдущей главы, факты могли быстро достичь Берлина.

ГЛАВА 10

МЫ УЧИМ АМЕРИКАНЦЕВ

Вероятно, по совету именно Холла с самого начала Годфри уделял особое внимание своим контактам с американским посольством в Лондоне. Во всяком случае одной из важных и трудоемких обязанностей начальника разведывательного управления ВМС являлось поддержание дружественных отношений с американским военно-морским атташе и его аппаратом, удовлетворение их интересов путем предоставления информации и организации визитов на корабли и другие объекты ВМС. Что касается взаимоотношений с США вообще, то по обе стороны Атлантического океана хорошо помнили, как Холл сотрудничал с Пейджем, добиваясь вступления США в первую мировую войну. Существовала уверенность, что США (хотя они и могли остаться нейтральными, если бы нацисты позволили им это) никогда не будут потенциальными врагами Англии в том смысле, в котором это было возможно какие-нибудь двадцать лет назад. С самого первого дня войны, начавшейся в 1939 году, адмиралтейство считало, что США могут стать нашим союзником гораздо быстрее, чем мы предполагали, и что любые подготовительные меры, которые были бы возможны в рамках нейтралитета, объявленного американским конгрессом, следовало бы принять как можно быстрее.

Это означало, что в течение более двух лет предстояло проводить очень тактичную, скрытую и настойчивую работу с американцами, в которой важную роль играли бы личные контакты. В этой дипломатической и военной игре ведущее место принадлежало разведывательному управлению ВМС хотя бы потому, что в течение некоторого времени только здесь могли официально встречаться американский военно-морской атташе и представители ВМС Англии.

К лету 1939 года частым гостем в разведывательном управлении ВМС стал американский военно-морской атташе капитан 1 ранга Алан Керк, который в 1941 году был назначен начальником разведывательного управления ВМС США. Во время своего пребывания на посту военно-морского атташе, а с 1942 года на посту главы военно-морской миссии США в Англии Керк всегда проявлял готовность к сотрудничеству и старался выполнять просьбы разведывательного управления ВМС Англии. Несмотря на сильное эмоциональное напряжение, он сумел преодолеть мучительные сомнения во время событий в Дюнкерке и в ходе битвы за Англию. В июне 1940 года

Керк заявил Годфри, что Англия потерпит поражение в войне до 4 августа, если США не придут ей на помощь,— единственный симптом пораженческих настроений, которые превалировали тогда в американском посольстве, возглавляемом Кеннеди. Годфри в ответ предложил Керку пари на полкроны, уверяя, что тот окажется неправ.

Помощь Керка оказалась очень полезной во время визита Годфри в Вашингтон летом 1941 года. Цель визита состояла в том, чтобы уговорить американцев объединить усилия разведывательных органов, принять те из наших методов, которые были испытаны на практике в течение почти двух лет, и согласиться со всем, что мы были готовы предложить.

Еще летом 1940 года, во время дюнкеркской неудачи, комната 39 выступила с предложением, чтобы адмиралтейство договорилось с Вашингтоном о широком обмене секретными данными. Хотя в то время изоляционистские настроения в США были очень сильны и нельзя было наверняка сказать, что Рузвельт — наша главная надежда на будущее — сохранит за собой пост президента на третий срок, в предложении комнаты 39 утверждалось, что указанная договоренность могла принести только пользу, если бы она вылилась в самые секретные и неофициальные контакты.

Комната 39 аргументировала свои предложения доводами о том, что в послевоенные годы получило название «особых взаимоотношений». Сейчас это уже довольно потрепанный тезис, но тогда он звучал необычно и даже смело. США определенно не вступили бы в войну против нас. Разведывательная информация, которую мы могли им предоставить, просто увеличила бы их возможности как нашего союзника, если бы в конце концов США решили выступить на нашей стороне. В самом деле, обмен разведывательной информацией открывал ряд возможностей для полуофициальных контактов, которые содействовали бы борьбе против влияния изоляционистов. На этой основе родились бы весьма важные в военное время сотрудничество и дружеские отношения между офицерами и официальными лицами. Тщательное изучение показало, что в целом охрана государственной тайны в США была налажена не хуже, чем в Англии. Наши секреты, переданные соответствующим американским органам, были бы недоступны для немцев.

Частично план начальника разведывательного управления ВМС исходил из того, что сотрудничество с американской разведкой приведет к весьма желательному увеличению возможностей англичан. Было известно, что американские криптографы добились значительных успехов в дешифровании японской скрытой связи. Разведывательная сеть в Европе еще не начала оживать после немецкой оккупации, сопровождавшейся жестокими действиями разветвленной системы контршпионажа. Пока США оставались нейтральными, они могли получать информацию из Германии, где имелись многочисленные американские консульства, а также из оккупированных стран Европы и Италии. В частности, мы могли бы оперативно получать информацию из французских колоний, контролируемых вишистским

правительством. В этих колониях имелись порты и якорные стоянки (важнейшими из них были Дакар и Мадагаскар), пользуясь которыми, немцы, враждебные нам французские силы или японцы могли так же угрожать нашим коммуникациям со Средним Востоком и мысом Доброй Надежды, как подводные лодки и надводные корабли, базирующиеся на французские порты Бискайского залива, угрожали нашим конвоям, проходящим через Гибралтар и юго-западные подступы к Англии. Обмен информацией, в частности между разведывательными органами, возможно, был бы полезен и для нас и для американцев в равной степени.

Совет адмиралтейства с готовностью одобрил предложение комнаты 39, а американцы приняли его. С этого момента дело быстро продвинулось вперед. Состав американской военно-морской миссии в Лондоне, насчитывавший шесть человек, за несколько недель увеличился до сорока человек. Офицеры миссии побывали во 2-м отделе разведывательного управления ВМС, где их представили начальникам соответствующих управлений штаба ВМС, и была достигнута договоренность о взаимодействии. Эти контакты позволили начальнику 2-го отдела Питеру Уилдингу составить достаточно полное представление об американском военно-морском флоте и его людях. Именно благодаря работе 2-го отдела удалось преодолеть скептические настроения членов совета адмиралтейства относительно способности США создать через пару лет самый крупный флот в мире. К зиме 1941 года адмиралтейство стало регулярно получать сведения о группировке и дислокации американских ВМС, расположении авиационных баз на Тихом океане, о самолетах, которыми были вооружены авианосцы, а также сведения о планах развертывания ВМС.

Теперь необходимо вернуться назад и подробнее объяснить принцип разведывательной деятельности, о котором шла речь в главе 2. Предполагалось, что контакты в Лондоне между разведывательным управлением ВМС и американской военно-морской миссией (не говоря о контактах, которым предстояло развиться в Вашингтоне между офицерами из разведывательного управления в английской военно-морской миссии и морским министерством США) могут вызвать нездоровое соперничество между офицерами. Годфри настаивал, что не должно быть никакой «торговли» разведывательной информацией и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы возникли подозрения относительно возможности подобной «торговли». В целях обеспечения такого положения Годфри приказал сделать так, чтобы офицеры, отвечающие за передачу информации американцам, по возможности не были связаны с получением информации от них. Те, кто предоставлял информацию, не должны были просить чего-либо взамен. Ожидалось, что американские офицеры, не искушенные в оперативных разведывательных вопросах, применят методы, имеющие хождение в деловой практике бизнесменов, что поставило бы под угрозу сохранение военной тайны. (Три года спустя, являясь главнокомандующим ВМС в Индии, Годфри отметил, насколько тесно переплетены в американской практике торговое и коммерческое проник-

новение со шпионажем. Крупные бизнесмены появились в Индии в мундирах офицеров. Располагая крупными денежными суммами, они устраивали роскошные приемы.)

Необходимо отметить, что в те дни меры по сохранению военной тайны были направлены в равной степени против разглашения факта англо-американского сотрудничества в печати и против действий немецкой разведки. Публикация этих сведений в печати, которая насторожила бы противников и критиков Рузвельта, была бы равноценна катастрофе, по крайней мере до завершения президентских выборов, когда на четыре года вперед был бы решен вопрос об американском верховном главнокомандующем. Поэтому были приняты меры по упорядочению методов передачи информации обеими сторонами и получены четкие пожелания от американцев относительно того, что можно и что нельзя разглашать. Таким образом, морское министерство США запрашивало нужную информацию через американскую миссию в Лондоне, а адмиралтейство — через английскую миссию в Вашингтоне.

В период между январем и мартом 1941 года англо-американское сотрудничество сделало новый шаг вперед. Состоялись продолжительные переговоры между американской и английской делегациями, представлявшими начальников штабов видов вооруженных сил. Представителями адмиралтейства на этих секретных переговорах были контр-адмирал Беларс и капитан 1 ранга Дэнквертс. Оба они поддерживали тесный контакт с разведывательным управлением ВМС и являлись личными друзьями Годфри. Цель переговоров состояла в том, чтобы определить наилучшие пути к достижению победы над Германией и ее «союзниками» (имелась в виду прежде всего Япония), если США будут вынуждены вступить в войну. Была достигнута договоренность по ряду общих вопросов, но решения относительно стратегических концепций союзных стран не принимались. Например, в числе наступательных мероприятий предусматривалось «концентрированное авиационное наступление против Германии»; решающим намечалось считать Европейский театр военных действий и зону Атлантического океана; в случае вступления в войну Японии союзники должны были придерживаться первоначально оборонительной стратегии на Дальнем Востоке.

В результате этих переговоров и под постоянным личным нажимом премьер-министра на президента в их переписке в июне 1941 года в Вашингтон отправилась миссия английского комитета начальников штабов. В составе этой миссии была военно-морская миссия во главе с адмиралом Чарльзом Литтлом и капитаном 1 ранга Дэнквертсом. Учитывая нейтралитет США, миссия была придана посольству в качестве так называемой консультативной группы совета по снабжению, который открыто организовывал закупки в США. В состав миссии входили четыре офицера разведки; впоследствии эта группа стала именоваться 18-м отделом. Она выполняла в США такие же задачи, как и 2-й отдел разведывательного управления ВМС в Лондоне. Случайно, когда офицеры 18-го отдела прибыли в

Вашингтон, там находился и Годфри, и он сумел лично представить офицеров миссии руководителям разведывательного управления морского министерства США.

Поездка, в которую Годфри отправился из Лондона 24 мая в сопровождении своего личного помощника капитан-лейтенанта Яна Флеминга, в дальнейшем оказалась настолько важной, что целесообразно подробнее остановиться на ее причинах. Помощник начальника разведывательного управления ВМС полковник Невиль предложил, чтобы кто-нибудь отправился в США и поделился с американцами опытом охраны крупных портов, где осуществлялась погрузка важных для Англии военных предметов снабжения, где могли бы ремонтироваться и готовиться к выходу в море английские военные корабли и где немецкая и японская разведки наверняка вели активную деятельность. Вся эта работа входила в обязанности помощника начальника разведывательного управления, но он тогда не знал, что американское военно-морское командование уже уделяло огромное внимание вопросам безопасности даже в ущерб другим делам. Рассмотрение предложения Невиля убедило Годфри (возможно, не без влияния со стороны Флеминга) в необходимости установить непосредственный контакт со всеми звеньями американской разведки.

28 апреля Годфри снова обратился в совет адмиралтейства и смело заявил, что в интересах наилучшего использования сил США, сотрудничество с которыми скоро приобретет жизненно важное значение, нужно, чтобы эти силы получали наилучшую разведывательную информацию. Недостаточно посылать им сводки и телеграммы. Цель должна состоять в том, чтобы «полностью слить усилия английской и американской разведок». Годфри писал:

> «Я имею в виду не только связь, но и полное сотрудничество наших и американских офицеров разведки. В некоторых специальных вопросах такое сотрудничество уже осуществляется, и мы извлекли из этого пользу на Дальнем Востоке. Мы обязаны оказать США ответную услугу в Атлантике».

Поскольку Керк, являвшийся в то время начальником разведывательного управления морского министерства США, не мог приехать в Лондон, было предложено, чтобы Годфри отправился в Вашингтон и помог капитану 1 ранга Дэнквертсу, контр-адмиралу Потту и Керку «создать объединенный разведывательный орган, который работал бы по принципу стопроцентного взаимодействия».

Контр-адмирал Белэрс, один из участников англо-американских штабных переговоров, одобрил эту идею. Более того, он претенциозно высказал пожелание, чтобы Годфри изложил в США точки зрения начальников штабов всех трех видов вооруженных сил. Это пожелание оказалось приемлемым, и в своей служебной записке заместитель начальника штаба ВМС вице-адмирал Том Филлипс отметил, что комитет начальников штабов обсудил предложение контр-

адмирала Белэрса и что его коллеги по армии и ВВС согласны с ним. Таким образом, когда Годфри прибыл в Вашингтон, он являлся эмиссаром всех трех видов вооруженных сил и был облечен полномочиями действовать от имени комитета начальников штабов и объединенного разведывательного комитета Англии.

С каким же положением дел предстояло встретиться Годфри за океаном? Во время полета в США через Лиссабон и Бермудские острова Годфри и Флеминг еще раз изучили организационную структуру, которую они могли порекомендовать американцам. Важным принципом было единство действий, а непременным условием реализации этого принципа являлось взаимодействие между видами вооруженных сил. Американцы должны были избежать ошибок, допущенных в Англии, где подрывная деятельность и движение Сопротивления за границей, политическая и экономическая война находились в ведении различных политических учреждений, действовавших в отрыве от разведывательных органов вооруженных сил и министерства иностранных дел. Однако приходилось учитывать особенности американской политики и риск, связанный с тем, что, несмотря на существовавшую в 1941 году вероятность скорого вступления США в войну, англичанам в невоюющей Америке могут быть не предоставлены те полномочия, которыми можно было бы наделить объединенный англо-американский разведывательный орган. Еще важнее для англичан было ни в коем случае не показать, что они вмешиваются во внутренние дела США. Любое вмешательство могло не только вызвать отпор, но и сыграло бы на руку нашим многочисленным противникам в США, а также ослабило бы возможности Рузвельта в оказании нам помощи.

В общем, Годфри понял, что на его долю как моряка выпала сложная дипломатическая миссия. В Лондоне нашлись бы люди, которых очень обрадовал бы провал этой миссии. Инициатива, проявляемая адмиралтейством в разведывательных делах, вызывала раздражение в некоторых управлениях и министерствах Уайтхолла, точно такое же раздражение, какое вызвал адмирал Маунтбэттен двадцать лет спустя, когда он начал кампанию за создание министерства обороны. Годфри решил, что целесообразно по возможности использовать Флеминга как посредника в самых смелых, но неофициальных прощупываниях.

Перспективы были неясны и неблагоприятны по другим причинам. 5 мая 1941 года контр-адмирал Потт направил в разведывательное управление ВМС для ознакомления свои выводы об организации разведывательных органов в Вашингтоне. Официальный нейтралитет США позволял их представителям разъезжать по территории противника и контролируемым им районам, хотя свобода передвижения постепенно ограничивалась. Донесения американских консульств не отличались точностью и не были подробными. Они поступали нерегулярно, и обратная связь с консулами была затруднена. Самые серьезные трудности, как отмечал Потт, создавались государственным департаментом, в ведении которого находились консульства. То один,

то другой секретарь английского посольства являлся ежедневно в государственный департамент, где ему разрешали познакомиться с некоторыми телеграммами и донесениями, но записывать что-либо не давали. «Донесения, которые они приносят, очень скудны, неточны, а иногда совсем не содержат полезных сведений. Могло потребоваться пять дней,— писал в заключение Потт,— чтобы донесение о событиях в Дакаре стало достоянием английского посольства через посредство государственного департамента». Даже в Вашингтоне организация обработки и передачи разведывательной информации по назначению была все еще на низком уровне. Три различных ведомства получали информацию от американцев, и шесть человек по своим каналам передавали ее в Лондон отдельно. Не существовало единого органа, где бы разведывательная информация могла быть собрана и представлена в обработанном виде одним человеком или учреждением.

В то же время, отметил Потт, в морском министерстве дела обстояли значительно лучше, чем в других ведомствах, видимо, благодаря влиянию Керка и помощи, оказываемой разведывательным управлением ВМС Англии. «Практически все важные сведения передаются нашему военно-морскому атташе», — писал Потт. Офицерам из аппарата Потта разрешалось прямо обращаться в морское министерство за интересующей англичан информацией. В министерстве был издан приказ о порядке передачи информации по запросам из Лондона. Помощник военно-морского атташе в Вашингтоне лейтенант Отуэй Смитерс путем настойчивых светских и дипломатических действий, поощряемых начальником разведывательного управления ВМС, стал получать приглашения в различные отделы разведывательного управления морского министерства США. Он даже побывал у американских дешифровальщиков, и ему разрешили записать и под строгим секретом передать некоторые разведывательные данные о Японии в Лондон, где даже первый лорд адмиралтейства не имел возможности познакомиться с этими данными. Однако в Лондоне памятные записки туманного содержания все еще брали верх над реальными фактами, и пространные оценки получали больше внимания, чем краткие конкретные выводы. У американцев не было системы классификации разведывательной информации по степени ее надежности и достоверности, и Потт настойчиво рекомендовал им вместе с разведкой других видов вооруженных сил принять единую систему классификации, которую англичане сами не удосужились ввести, несмотря на неоднократные рекомендации представителей ВМС в объединенном разведывательном комитете. Следствием этого была путаница и смешение самых важных и третьестепенных материалов, чему сопутствовал риск утечки информации и составления ошибочных выводов. В самом деле, отсутствие порядка в обращении с важной разведывательной информацией выявилось в следующем году, когда сенат расследовал причины катастрофы в Пирл-Харборе.

И это было еще не все, о чем Потт должен был предупредить Годфри. Военная разведка, которую возглавлял бригадный генерал

Шерман Майлс, морская разведка во главе с капитаном 1 ранга Керком и федеральное бюро расследований, руководимое Эдгаром Гувером, не наладили между собой необходимого взаимодействия. Какого-либо объединенного разведывательного органа в Вашингтоне не существовало. Ничто не доставляло руководителям трех ведомств большего удовольствия, чем укорить своих коллег, а это значило, что каждый занимался не своим делом, чтобы только показать себя перед другими. Например, ФБР, главной задачей которого была борьба со шпионажем и решение вопросов государственной безопасности внутри страны, вдруг начало заниматься разведывательной деятельностью (то есть расследованиями, направленными к принятию мер против Германии) в Южной Америке, где нацисты были очень активны среди немецкого населения Бразилии и других стран. Это не понравилось государственному департаменту. Оперативное управление военно-морского министерства настаивало на том, чтобы разведывательное управление не вмешивалось в разработку оперативных планов. Сложилось точно такое же положение, во избежание которого с 1937 года в Лондоне существовал оперативно-информационный центр. Поэтому могло случиться так, что карты дислокации флота противника, которые вели в различных управлениях, резко отличались друг от друга. Старшие офицеры и ответственные руководители из-за отсутствия опыта были слишком доверчивы и падки на сенсации, и это не удивительно в свете тех необычайных происшествий в Европе, свидетелями которых они были начиная с 1936 года. Англичан тревожил тот факт, что, по американским оценкам, численность немецких подводных лодок была на одну треть больше, чем по английским оценкам, хотя разведывательное управление ВМС Англии передало американцам вполне достоверную информацию. Точно так же, по американской оценке, ВВС Германии были в два с половиной раза больше, чем считало министерство авиации в Англии.

Для Годфри и Флеминга стало совершенно очевидно, что военно-морская разведка США не пользуется уважением и находится в гораздо худшем положении, чем разведывательное управление ВМС Англии в начале тридцатых годов. Именно для того, чтобы исправить это положение, Керк вернулся из Лондона в Вашингтон, и сейчас он очень нуждался в помощи Годфри. Разведывательное управление военно-морского министерства США испытывало страх перед государственным департаментом и не решалось просить его установить связь с военно-морскими офицерами, которые были приданы американским консулам в качестве наблюдателей от разведки.

Некоторые из этих фактов Годфри уже знал из своих продолжительных бесед с полковником Биллом Донованом, которого в отличие от Маленького Билла — начальника английской секретной службы Стефенсона, находившегося в Нью-Йорке, называли Большим Биллом. Донован, известный нью-йоркский адвокат (тогда ему было 57 лет) благодаря своей военной службе в годы первой мировой

войны стал одним из самых дальновидных стратегов-любителей. Где бы ни шла война, в ходе которой было возможно применение современного оружия или где могла испытываться новая тактика, Донован отправлялся туда за свой счет и по своей инициативе. Он был в Абиссинии в 1936 году и в Испании в 1937 году. Донован, конечно, не представлял в этих странах американской разведки — тогда она просто еще не существовала. С нашей секретной службой он тоже не был связан до 1940 года. В 1939 году Донован сказал, что, по его убеждению, «то, что мы сейчас называем необычной или психологической войной», займет важное место в будущих битвах.

Донован считал, что такую необычную войну могут организовать (и руководить ею) только разведывательные органы. Такой путь обеспечил бы сохранение тайны, нужные денежные средства и защиту от политических нападок и шумихи в печати, а также дал бы возможность самому Доновану стать во главе этого дела. Конечно, он не проявил особого интереса к тем методам, которыми пользовался, например, английский оперативно-информационный центр. Тем не менее Донован восхищался, видя, как факты и цифры отмечаются на картах, сводятся в оценку и затем используются в приказах, чтобы управлять кораблями, которые, возможно, спасут жизнь англичанам и принесут гибель противнику. Как отметил Аллен Даллес в своей книге «Тайная капитуляция», Донован, «часто вступая в горячие споры с членами комитета начальников штабов США относительно роли разведки и проведения «необычных» операций, всегда пользовался их уважением и в конце концов добился от них сотрудничества».

Прибытие энергичного американца в Лондон в августе 1940 года было для Годфри настоящим божьим даром. Полный энтузиазма и оптимизма, Донован был человеком очень похожим на Холла с его активностью и инициативой. Было известно, что Донован, несмотря на то что он проходил военную службу в армии, был близким другом президента, католиком и членом республиканской партии, а ведь президент питал особые симпатии к морякам. Донован прибыл в Англию с большими полномочиями. После падения Франции его однажды вызвали в Вашингтон, где заседал конгресс, обсуждавший закон о военном обучении. Донована пригласили принять участие в совещании, на котором присутствовали президент, государственный секретарь Корделл Хэлл и военно-морской министр Нокс. Все были обеспокоены положением Англии, по поводу которого посол Кеннеди выражал только сомнения и опасения. Доновану предложили поехать в Лондон и как можно скорее вернуться, чтобы обо всем доложить лично президенту.

Лучшего задания для Донована и придумать было нельзя. Поездка, которую он, возможно, предпринял бы и сам, теперь получила благословение Белого дома. Он должен был лично убедиться в том, что Англия, как обещал Черчилль, будет продолжать сражаться в одиночку. Доновану надлежало выяснить, имеют ли англичане возможность выполнить свое обещание и как могла бы Америка

помочь им с наибольшей эффективностью. В этом состояла подлинная цель поездки. Официально Доновану поручалось составить доклад о том, какую роль сыграла «пятая колонна» в том, что вермахту удалось так быстро завладеть Европой, и чем могли поделиться англичане из своего опыта борьбы со шпионажем. Этот вопрос имел серьезное значение для США, где многочисленные национальные группы — немцы, итальянцы, ирландцы и другие — еще не ассимилировались.

Донован использовал свою поездку, чтобы глубоко изучить все виды разведывательной и контрразведывательной деятельности в Англии. С Годфри он встретился в первый же день своего пребывания в Лондоне. Познакомившись с организационной структурой и методами деятельности разведывательных органов, Донован только убедился в том, что подозревал раньше: «военные планы Америки и вся ее национальная стратегия, как никогда прежде, будут зависеть от разведки. Структуру американских разведывательных органов придется коренным образом менять». (Я снова цитирую слова Аллена Даллеса, являвшегося одним из первых помощников Донована при создании управления стратегических служб.)

Хотя Донован провел несколько месяцев в Нью-Йорке, ведя переговоры со Стефенсоном, его все же предупредили, что с англичанами ему будет трудно, что они будут вести себя сдержанно и покровительственно. Можно сомневаться в правильности такой характеристики наших представителей, которые должны были вести переговоры с американцами, но оспаривать это сейчас было бы несправедливо. Необходимость убедить президента и его советников в том, что Англия полна решимости сражаться и победить, была неотложной. Донован возвратился убежденным в этом и полный энтузиазма. Последний вечер в Англии он провел в доме Годфри, и их беседа затянулась почти до рассвета.

О том, что эта беседа была полезной, свидетельствует записка Годфри вице-адмиралу Тому Филлипсу от 2 августа 1940 года: «Я только что в течение трех часов беседовал с Донованом. Прилагаю краткую запись того, что Донован рассказал мне о своих намерениях по возвращении в США». 4 августа записку доложили первому морскому лорду и первому лорду адмиралтейства. Паунд сделал на записке следующую пометку: «Превосходно». Три дня спустя Черчилль написал просто: «Читал».

В конце месяца начальник разведывательного управления ВМС получил от Донована благодарственное письмо на бланке юридической фирмы: «Я всегда буду вспоминать с благодарностью вашу любезность и доброжелательность по отношению ко мне. Вы, несомненно, помогли мне получить то, чего я в противном случае не мог бы иметь».

Донован побывал у президента, Нокса и Хэлла, и его доклад резко отличался от сообщений Кеннеди, который считал, что немцы скоро нанесут удар и поэтому его миссия закончена. Донован потребовал назначить «благоразумного» посла, который бы мог почаще

бывать в США и обеспечить постоянный контакт между двумя странами, такого человека, который сумел бы изыскать пути к достижению компромисса без ущерба для своей страны, строго следя за соблюдением суверенитета государств и установленного протокола в их взаимоотношениях. Вместе с просьбами о предоставлении различных видов вооружения Донован привез из поездки предложение о тесном сотрудничестве в области разведки и просьбу о допуске английских представителей к донесениям американских консульств, особенно из портов Франции и Северной Африки. Донован рекомендовал установить тесное взаимодействие между Годфри и начальником военно-морской разведки США, а также прямую связь по специальным каналам связи.

Таким образом, в августе 1940 года Донован уже стал сторонником тех идей, которые Годфри предстояло выдвинуть восемь месяцев спустя. Признаком сопротивления, которое Донован встретил в Вашингтоне, явился тот факт, что Годфри оказался перед необходимостью поездки в США почти год спустя. Сам Донован не терял времени на уговоры, чтобы осуществить свои идеи. По поручению президента он предпринял поездку на Средиземноморский театр военных действий и представил доклад о стратегической обстановке в этом районе. Донован снова в благожелательном свете оценил положение англичан. Только позднее, летом 1941 года, Донован представил Белому дому свой первый план организации разведки, который предусматривал объединить усилия в области политической борьбы, диверсий и партизанских действий. Особый раздел плана был посвящен действиям подразделений, прообраз которых Донован увидел в английских «командос».

Три месяца спустя специальный правительственный комитет, созданный для изучения плана Донована и состоявший из Нокса, Стимсона и министра юстиции Роберта Джексона, рекомендовал президенту утвердить правительственное распоряжение от 11 июля 1941 года о создании управления координации информации с задачей:

> «Сбор и анализ всей информации и данных, касающихся национальной безопасности; обработка и представление такой информации и данных президенту и таким органам правительства и его членам, которые может указать президент».

Как можно заметить, о необычной войне ничего не сказано, но в постановлении упоминалось о «таких дополнительных видах деятельности, которые могут способствовать получению информации, имеющей важное значение для национальной безопасности». Благодаря этой лазейке Донован сумел развить деятельность, которая после событий в Пирл-Харборе привела к созданию управления стратегических служб, находившегося в ведении комитета начальников штабов. Тогда впервые США получили организацию, ведавшую

одновременно сбором информации, борьбой со шпионажем, руководством подрывной деятельностью, саботажем и другими видами деятельности. Вооруженные силы с их тогдашней организационной структурой вести такого рода деятельность не могли. Не удивительно, что Донована иногда подозревали в стремлении стать какимто сверхначальником штаба. Позднее, в 1947 году, когда возникла необходимость иметь в стране постоянный разведывательный орган, способный действовать и в мирное и в военное время на основе опыта и кадров, подготовленных в управлении стратегических служб, появилось знаменитое теперь центральное разведывательное управление (ЦРУ).

Читателю может показаться, что все, о чем здесь говорилось, далеко от дел английской военно-морской разведки. Тем не менее это ее касалось. Поскольку английский комитет начальников штабов уполномочил начальника разведывательного управления ВМС отправиться за океан, чтобы от его имени организовать самое тесное взаимодействие с соответствующими американскими учреждениями, Годфри неизбежно пришлось вникать во все организационные детали американской разведки, которая только начинала приспосабливаться к новым требованиям и идеям. Так же неизбежно было и то, что Годфри должен был попытаться (именно этого от него хотели Донован и другие) доказать вашингтонским руководителям, что они лучше могут подготовиться к войне и стать лучшими союзниками, если учтут опыт англичан, познакомятся с их успехами и неудачами.

В исследовании работы объединенного разведывательного комитета, предпринятом в послевоенный период, показано, что поездка Годфри имела своей целью договориться об обмене с США всеми видами разведывательной информации. Начальник разведывательного управления представлял специальную разведывательную службу, управление специальных операций и органы безопасности. Начальник штаба ВВС отказался уполномочить Годфри, поскольку в США не существовало самостоятельных ВВС. Начальник разведывательного управления армии считал, что его в Вашингтоне представляет военный атташе.

Как уже отмечалось, в том же направлении энергично и успешно трудился Уильям Стефенсон, с помощью которого правительство, видимо, вспомнило о работе, проведенной сэром Уильямом Уайзманом двадцать лет назад (как и адмирал Холл, Уайзман был еще жив, и с ним еще можно было посоветоваться). То, что произошло во время визита Годфри, по сути дела, явилось дружественным заговором разведки, который должен был ускорить перемену взглядов и настроений в США. Для Стефенсона и Годфри было ясно, что проводником к таким переменам был Донован, однако они должны были действовать скрытно и косвенно, иначе Большого Билла стали бы считать марионеткой Маленького Билла.

После двух недель переговоров, состоявшихся в Вашингтоне в июне месяце, несмотря на огромную помощь со стороны Вайнанта,

Годфри оказался перед непреодолимой стеной. Его обращение к американским разведывательным службам не нашло понимания. Ничего он не мог добиться от ФБР и министерств двух видов вооруженных сил. Отношения между ними были настолько плохие, что им не понравилось именно предложение Годфри об объединении усилий, и дело было не в нежелании поддержать Донована, о котором они еще не знали.

Тогда Стефенсон посоветовал Годфри поговорить с Уильямом Уайзманом (главой английской секретной службы в Нью-Йорке с 1914 по 1918 год), чтобы тот помог Годфри добиться приема у президента. на котором он смог бы изложить ему свои взгляды. Уайзман переговорил с Сульцбергером из газеты «Нью-Йорк таймс», объяснив, как важно, чтобы президент выслушал начальника английской военно-морской разведки. Сульцбергер позвонил жене Рузвельта и попросил устроить обед, на котором английский гость имел бы возможность в течение часа побеседовать с ее мужем. Так и было сделано. Находясь в доме одного из своих друзей на Лонг-Айленде, Годфри получил приглашение на обед в Белый дом (нужно было явиться в половине восьмого в смокинге) и на следующее утро самолетом вылетел в Вашингтон. Его приняла госпожа Рузвельт. Прибыли и остальные гости, всего восемь человек, в том числе два молодых родственника семьи президента, только что вернувшиеся из поездки в Северную Бирму и Аннам.

И вот наконец появился президент в кресле-коляске. Годфри предупредили, что наверняка президент попытается поиграть у него на нервах, сделав провокационное замечание об англичанах или империализме, и что он ни в коем случае не должен позволить «свести себя с ума», как говорят американцы. Примерно в это время происходили переговоры относительно передачи американцам баз на английских вест-индских островах взамен пятидесяти устаревших эсминцев, нуждавшихся в ремонте и не очень годных к плаванию во многих других отношениях.

«Хэлло, адмирал, как вы сюда добрались»,— произнес президент. И когда Годфри сказал, что летел на самолете через Бермудские острова, президент заметил: «Ах, эти вест-индские острова. Мы покажем вам, как использовать их. И не только вам, но и португальцам и голландцам». Несмотря на грубый тон президента, Годфри не забывал о цели своего визита и даже сумел найти в себе силы, чтобы обратить слова Рузвельта в шутку.

После обеда Рузвельта снова пересадили в кресло-коляску, и вместе с гостями он на лифте поднялся в гостиную, которая, казалось, вся была уставлена бюстами бывших американских президентов. В течение часа гости смотрели довольно скучный фильм о поклонении змеям в стране, ныне носящей название Лаос, а затем, после напоминания со стороны госпожи Рузвельт не задерживать президента долго, Годфри проводили в соседнюю овальную комнату. Президент сидел за своим письменным столом, а Годфри устроился в знаменитом кресле Линкольна,

Теперь, подумал Годфри, настал момент изложить свои доводы. Но нет: президент был настроен на воспоминания и подробно рассказывал Годфри о своей поездке в Лондон в 1917 году, когда он был помощником военно-морского министра, и о своем восхищении тогдашним начальником английской военно-морской разведки Холлом. Годфри никак не реагировал на слова Рузвельта о том, что «у Холла была отличная разведка, но сейчас она вряд ли так хороша». Затем он выслушал длинный рассказ о том, как шпионы каждую ночь переходили немецко-голландскую границу, на лодке добирались до Силта, а оттуда на летающей лодке — в Гарвич. Холл поступил очень умно, распространив ложную версию, чтобы скрыть свои подлинные источники информации, которую давала дешифровальная служба в комнате 40. Молодой помощник министра не только поверил тогда Холлу, но и вспомнил о рассказе Холла, беседуя с его пятым по счету преемником на этом посту двадцать четыре года спустя. Наконец Годфри удалось улучить момент и рассказать о своем деле. Но снова начались воспоминания, и Годфри пришлось сделать второй и третий заход — сказать, что разведке нужен один босс, а не три или четыре. Он пробыл в овальной комнате час с четвертью. Вошла супруга Рузвельта. Настало время сна.

Возвращаясь в машине к своим друзьям, Годфри раздумывал над тем, сумел ли он убедить президента. Однако три недели спустя Донован был назначен главой нового ведомства, которому выделялось три миллиона долларов и которое позднее стало называться управлением стратегических служб.

Очевидно, что Стефенсон сделал многое, чтобы найти и поддержать человека, с которым как с главой секретного органа могли работать англичане. Все это можно отнести на личный счет начальника разведывательного управления ВМС; сам же он считал, что прибыл из Лондона с самой свежей информацией, с большим опытом моряка и с проверенными на практике идеями. То полезное, что он сделал для Америки, являлось побочным результатом миссии, цель которой состояла прежде всего в том, чтобы улучшить английскую разведку и в то время и в будущем. Годфри понимал опасность, связанную с тем, что другие интересовавшие его люди узнают о визите в Белый дом. Он писал:

> «Боюсь, что, посетив президента, я на какое-то время подорвал свои позиции в глазах военно-морского министра Форрестолла и моего старого друга Керка, который встретил меня холодно, когда я пришел проститься к нему десять дней спустя. Однако все это прошло, и мы снова стали друзьями, когда он возвратился в Лондон в качестве заместителя главы американской военно-морской миссии».

Конечно, Годфри встретился с определенными трудностями в вопросе объединения усилий разведывательных органов, но зато он добился успеха, заинтересовав американцев в других вопросах. Аме-

риканцы одобрительно отнеслись к идеям и методам работы объединенного разведывательного комитета и объединенного руководства разведкой как главных органов по обработке информации, нужной оперативным планирующим органам и командованию. Приняли американцы и английские методы допроса военнопленных. Сюрпризом для американцев был оперативно-информационный центр, поскольку они считали его частью оперативных органов. Потребовалось время, чтобы убедить их в неправильности подобной оценки. Они были рады получить подробные сведения об этом центре и проявили готовность сотрудничать с управлением, возглавляемым Годфри. Что же получат взамен англичане?

Все, на что они рассчитывали и в конце концов получили, было изложено в памятной записке Флеминга лично Доновану, написанной в решительном и требовательном тоне. Даже если бы личный помощник начальника разведывательного управления ВМС не стал всемирно известным автором шпионских рассказов, документ все равно представляет интерес, поскольку в нем нашли отражение масштабы деятельности разведки во время войны и показаны пути, используя которые США могли помочь нам в этом деле, даже оставаясь пока нейтральными. Необходимо повторить, что летом 1940 года нельзя было ни намекнуть, ни признать публично или официально, что США будут воевать против Германии.

В памятной записке говорилось:

> По вашей просьбе представляю следующие предложения, касающиеся получения разведывательной информации через американские источники и сотрудничества американских разведывательных служб с нашими.
>
> Начальник разведывательного управления ВМС адмирал Годфри знаком с этими предложениями и в общем согласен с ними.
>
> Копия этой записки будет представлена адмиралу Дэнквертсу.
>
> Просьба не предпринимать каких-либо действий, связанных в этих предложениях с секретной разведывательной службой, без предварительной консультации со Стефенсоном или полного согласия со стороны его начальника.
>
> Государственный департамент должен направить циркулярную телеграмму всем посольствам и консульствам в странах оси и на оккупированных ими территориях, поставив задачу сбора информации по следующим вопросам:
>
> а) моральный дух (военнослужащих, руководителей, гражданского населения);
>
> б) последствия бомбардировок (указать место, влияние на производство, процент неразорвавшихся бомб, эффективность новых бомб);

в) выгодные объекты для бомбардировок (указать причины);

г) состояние здоровья населения и личного состава войск (питание, санитарное состояние, эпидемии, эффективность медицинских препаратов и т. п.);

д) распространяемые слухи;

е) эффективность английской пропаганды (число слушающих передачи, качество приема и др.);

ж) специальная информация о сухопутных войсках, военно-морских и военно-воздушных силах, данные о промышленности;

з) эффективность мер гражданской обороны (борьба с пожарами, убежища, количество противогазов и т. п.);

и) авторитет партии и отдельных ее членов;

к) авторитет видов вооруженных сил и отдельных офицеров;

л) основные настроения (например, недовольство продолжающейся войной, страх перед США и т. п.);

м) любые другие сведения, включая наблюдения, которые кажутся маловажными.

Этот раздел памятной записки имел целью добиться скорейшего взаимодействия существующих американских и наших источников. Но в будущем ожидалось улучшить работу. Флеминг рекомендовал назначить офицеров для выполнения секретных разведывательных задач под «крышей» секретарей, помощников атташе, шифровальщиков и технических советников посольства и консульств. Эти люди должны были тщательно отбираться из числа сотрудников существующих разведывательных служб. Затем их должны были связать с английскими агентами, которые получат приказ сотрудничать с ними и обучать их.

В интересах поддержания дисциплины эти новички в течение всего периода обучения должны были подчиняться представителям службы специальной разведки и в случае необходимости выполнять их задания и оказывать им материальную и другую помощь. Соответствующий отдел, скажем, государственного департамента должен был осуществлять руководство их деятельностью и без промедления удовлетворять их нужды. Таково было бы ядро американской службы специальной разведки, и эти люди после соответствующей подготовки стали бы сотрудниками этой службы.

Штаб руководства службой был бы создан в соответствии с характером деятельности ее сотрудников и работал бы при содействии старшего офицера английской службы специальной разведки, назначенного в Вашингтон для этой цели. «Эти американские офицеры в возрасте 40—50 лет должны обладать навыками наблюдения, анализа и оценки событий, быть честными, трезво мыслящими людьми, преданными своему служебному долгу, владеть иностранными языками и быть широко эрудированными. Отсутствие этих качеств,

отмечал Флеминг, снизило бы ценность донесений и поставило бы под серьезную угрозу безопасность наших собственных представителей специальной разведывательной службы. Флеминг даже упомянул фамилии одного или двух офицеров, которых он встретил в разведывательном управлении военно-морского флота США.

Были высказаны и другие пути, благодаря которым нейтралитет США можно было бы использовать с пользой для нас. Надлежало начать разработку планов на случай возможности получения разведывательной информации так называемыми косвенными методами.

Принцип этих действий состоял, например, в том, что одним из лучших источников разведывательной информации о России в то время была Турция, а одним из лучших источников информации о немецких ВМС — Швеция. Если планировалось отозвать американских консулов и дипломатических представителей из стран оси, то следовало позаботиться о немедленной инфильтрации в эти страны офицеров разведки с паспортами граждан тех государств, на которых не окажет отрицательного воздействия разрыв американо-германских отношений.

Далее Флеминг дал умный политический совет. Он указал, что американская специальная разведывательная служба «должна находиться под покровительством сильного правительственного учреждения, и нужно любой ценой добиться того, чтобы она была вне политического влияния или контроля». Специальная разведывательная служба должна быть создана только на время войны. Она может взаимодействовать с ФБР, но ни в коем случае не контролироваться этой организацией, которая, как считал Флеминг, не уполномочена вести разведку и не в состоянии приспособиться к требуемому совершенно новому стратегическому образу мышления. В заключение Флеминг писал:

> «Возможно, высшее руководство американской специальной разведывательной службой возьмет на себя президент, которому будет помогать исполнительный комитет в составе трех лиц, не являющихся политическими деятелями и освобожденными от всех других обязанностей. В состав этого комитета могли бы войти представитель армии, представитель флота и представитель деловых кругов или промышленности».

Трудно сказать, в какой степени лично Флеминг «повинен» в той памятной записке, с которой Донован обратился к президенту. Конечно, он много поработал над ней в течение трех недель своего пребывания в Вашингтоне. Годфри сейчас считает, что он и Флеминг тогда переоценили свое влияние на Большого Билла и недооценили умелой подготовительной работы, проведенной Маленьким Биллом — Стефенсоном. Со всех точек зрения документ, в котором Донован представил свои предложения президенту (смотри ниже), по стилю резко отличался от того, который в то время поощрялся в разведыва-

тельном управлении ВМС Англии. Однако главные идеи легко различимы для всех, кто знаком с взглядами английской военно-морской разведки того времени, особенно с рекомендациями, касающимися психологической войны, которые адмиралтейство выдвинуло и осуществило раньше других видов вооруженных сил.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА ДОНОВАНА ПРЕЗИДЕНТУ

10 июня 1941 года

Без информации, на которую она может опереться, любая стратегия бесплодна. Точно так же информация бесполезна, если ее сбор не направляется умело к достижению определенной стратегической цели. Исход современной войны зависит от экономической базы — от снабжения сырьевыми материалами, мощности и производительности промышленности, масштабов сельскохозяйственного производства, а также от характера и надежности коммуникаций. Стратегические резервы предопределят мощь наступательного удара и прочность обороны. Сталь и бензин являются стратегическими резервами в той же мере, как люди и порох. Ширина фронта и глубина территории, занимаемой современной армией, требуют соответствующей глубины и разветвленности сети оперативных коммуникаций. «Глубина стратегии» зависит от «глубины вооружений».

Использование всех ресурсов страны, моральных и материальных,— вот что такое тотальная война. Предвидеть все, что касается мобилизации и использования этих ресурсов,— нелегкая задача. Генерал Бернарди говорит: «Мы должны попытаться путем правильного предвидения заранее определить развитие событий и добиться преимущества, которое наши противники не сумеют преодолеть на поле боя. Именно этого требует от нас будущее».

Хотя нам грозит непосредственная опасность, у нас нет эффективной службы для анализа, усвоения и оценки такой информации, которую мы могли бы получить (а в некоторых случаях уже получили) относительно намерений потенциальных противников, а также о размерах их экономических и военных ресурсов. Наш аппарат сбора информации слаб. Правда, мы имеем разведывательные органы в армии и на флоте. Можно предположить, что через эти органы наши вооруженные силы могут получить техническую информацию в мирное время, располагать текущей оперативной информацией во время войны, получать сведения о перемещениях войск противника. Однако эти органы в силу своей специфики не могут добывать той точной, полной и далеко идущей информации,

без которой невозможно стратегическое перспективное планирование. А сейчас настал момент, когда нам необходим план действий на весну 1942 года.

В делах различных учреждений нашего правительства имеются разрозненные документы и памятные записки, касающиеся численности и состава сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил стран оси, а также их экономического потенциала. Если бы эти документы собрали вместе и всесторонне изучили тщательно отобранные специалисты, владеющие соответствующими иностранными языками, то можно было бы добиться очень ценных, а иногда решающих результатов.

Критический анализ этой информации сейчас так же важен для нашей программы снабжения, как если бы мы в действительности вели войну. Нельзя себе представить, чтобы Германия предприняла программу снабжения стоимостью 7 млрд. долларов, не изучив сначала во всех деталях производственные возможности своих действительных и потенциальных противников. Именно потому, что Германия поступает так, она демонстрирует такое мастерство в достижении внезапности и эффективности своих ударов.

Даже если мы не будем участвовать в войне в большей степени, чем сейчас, и тогда для нас очень важно создать центральный орган по сбору информации о противнике. Эта организация собирала бы сама или через существующие правительственные учреждения в США и за рубежом соответствующую информацию о потенциальных противниках, характере и численности их вооруженных сил, структуре экономики, важнейших каналах снабжения, моральном состоянии войск и населения, отношениях с соседними странами и союзниками.

Например, в области экономики имеется много средств, которые можно использовать в борьбе с противником. Однако в нашем правительстве эти средства распылены среди нескольких различных учреждений. Как и когда использовать их — важно не только для главнокомандующего, но и для каждого учреждения, для каждого вида вооруженных сил. Каждое правительственное учреждение, каждый вид вооруженных сил должны пользоваться одинаковой информацией в определении мер экономической войны.

Но в современной войне есть еще один элемент, то есть психологическое воздействие на моральный дух населения страны. В этом важная роль принадлежит радио. Использование радио как оружия, к которому эффективно прибегает Германия, должно совершенствоваться. Однако это возможно только в плановом порядке, а планирование зависит от наличия точной информации. Основываясь на

такой информации, соответствующие организации могут предпринять необходимые действия.

Руководство деятельностью в интересах различных учреждений должно осуществляться координатором стратегической информации, подчиненным непосредственно президенту. Помогать координатору должен консультативный комитет, состоящий из директора ФБР, начальников разведывательных управлений армии и флота, а также соответствующих руководителей других заинтересованных правительственных учреждений и ведомств.

На прилагаемой схеме показаны распределение и взаимосвязь общих задач, которые должны быть возложены на соответствующие отделы. Большая часть сотрудников должна быть набрана из армии, флота и других правительственных учреждений. Из схемы видно, что предлагаемый центральный орган не заменяет ФБР, разведывательных управлений армии и флота или других учреждений и не посягает на порученные им задачи.

Основная цель службы стратегической информации — создать орган, с помощью которого президент как главнокомандующий и совет стратегического планирования при нем могли бы получить точную и полную информацию о противнике и на ее основе принимать оперативные военные решения.

(Подпись) Уильям Дж. Донован.

Когда после нападения Японии на Пирл-Харбор США вступили в войну, сотрудничество не только облегчилось, но и приобрело жизненно важное значение. Одной из первых реакций немцев на новую обстановку явилось перенацеливание сил подводного флота на действия в прибрежных водах США. Дениц справедливо рассчитывал, что американцы не готовы к таким действиям и не имеют средств борьбы с подводными лодками. Успех немцев был ошеломляющим, и стало очевидно, что изменение маршрутов движения судов и конвоев, которое практиковал оперативно-информационный центр в Лондоне, было единственной спасительной мерой в данной катастрофической обстановке до того времени, пока не будет усовершенствована система авиационного и морского обеспечения судоходства. Было решено направить капитана 3 ранга Роджера Уинна в Вашингтон с поручением убедить американцев принять такую же практику действий, которой пользовались мы, и начать плодотворное сотрудничество в использовании их собственных, наших и канадских разведывательных данных.

Вряд ли удивительно, что американцы не пожелали понять те преимущества, которые открывало наличие органа по сбору оперативной информации и которые адмиралтейство ощущало в течение последних пяти лет. Оперативные органы военно-морского министер-

ства США были не в очень дружественных отношениях с разведывательным управлением. Уинн после прибытия в Вашингтон быстро понял, что английские методы проводки конвоев и слежения за движением подводных лодок могут быть приняты только в том случае, если отдел, ведающий этой деятельностью, будет находиться в составе оперативных, а не разведывательных органов. В оперативном посту разведывательного управления Уинн не увидел ничего, что имело бы действительно оперативное значение. По словам Уинна, никто «не понимал, что разведывательная информация о подводных лодках противника имела и стратегическое и тактическое назначение». Даже при таком способном и энергичном начальнике оперативно-разведывательного поста, как капитан 2 ранга Дайер, потребовались три дня горячих споров, чтобы определить прочную основу для сотрудничества. «Первоначально скептическое и критическое отношение» Дайера удалось преодолеть «путем признания, что английские методы обеспечивают успех лишь немногим в большей степени, чем счастливый шанс или закон средних величин».

После этого Уинну предстояло решить самую трудную задачу: привлечь на свою сторону начальника штаба контр-адмирала Эдвардса. Его считали человеком, любящим повелевать, и младшие офицеры побаивались адмирала. Когда Уинн первый раз объяснил Эдвардсу свои методы, адмирал заметил, что американцы должны учиться на своих собственных ошибках и что они имеют для этого достаточно много судов. Уинн возразил, что если не принять срочных мер и не сократить размеров потерь на американской стороне Атлантики, то вскоре судов не хватит. Во всяком случае, сказал Уинн, «мы очень озабочены вашим нежеланием сотрудничать и не хотим жертвовать нашими людьми и судами из-за вашей некомпетентности и упрямства».

Тогда Эдвардс заявил, что, по мнению многих офицеров, обнаружение подводной лодки — не больше чем счастливый шанс и офицеры не согласны с тактикой определения маршрутов конвоев в зависимости от позиций подводных лодок. Уинн сказал, что, по его мнению, ни один человек с таким опытом, как у Эдвардса, не станет разделять подобных взглядов, познакомившись с опытом, который накопило адмиралтейство за последние два с половиной года. Уинн намекнул, что Лондон поделится разведывательной информацией из специальных источников, если будет убежден, что с этой информацией будут обращаться надлежащим образом. Это заявление произвело благоприятный эффект.

Эдвардс пригласил Уинна в свой клуб, где «проверил способности» капитана 3 ранга на двух бокалах «адмиральского особого» коктейля. Закусив, они вернулись в кабинет Эдвардса в радужном и дружественном расположении духа. В присутствии Уинна адмирал вызвал старших офицеров своего штаба и заявил им, что, по его убеждению, необходимо создать пост слежения за движением подводных лодок противника. Эдвардс приказал офицерам немедленно принять нужные меры.

Затем Уинна принял адмирал Кинг. Он вел себя очень учтиво, внимательно выслушал Уинна и одобрил его предложения. Эдвардс, на которого все это произвело большое впечатление, посоветовал Уинну отправиться в Нью-Йорк и объяснить командующему восточным военно-морским округом, который испытывал серьезные трудности в борьбе с немецкими подводными лодками в подведомственном ему районе, что борьбой с подводными лодками следует руководить из Вашингтона в масштабе всей Атлантики, поскольку эту задачу больше нельзя рассматривать как задачу местного значения. Уинн, которого строго предупредили в Лондоне и в английском посольстве, чтобы он не вмешивался в какие-либо внутренние споры американцев, запротестовал. Он сказал, что не может давать советов по такому важному вопросу и что это внутреннее дело американского командования. Контр-адмирал Эдвардс, ставший теперь одним из самых ярых поборников английских идей, настаивал, что без помощи Уинна ничего не добьешься.

Итак, Уинн отправился в Нью-Йорк. Ему дали ничего не значащее рекомендательное письмо, в котором говорилось, что он должен рассказать командованию восточного округа о новых методах обнаружения подводных лодок противника. Было известно, что командующий является близким другом адмирала Леги — советника президента по военно-морским делам. Если бы адмирал Кинг решил, что руководство обнаружением подводных лодок будет осуществляться из Вашингтона, вопрос пришлось бы рассматривать на самом высоком уровне.

Следует отметить, что в следующем году адмирал Эдвардс направил первому морскому лорду личную просьбу о том, чтобы Уинна снова командировали в Вашингтон. Паунд и Мур вызвали Уинна и спросили, зачем американцы приглашают его. Уинн ответил, что, насколько он может предположить, кто-то из руководителей торгового флота затрудняет работу поста слежения за движением подводных лодок, и поэтому требуется совет англичан, чтобы избавиться от этой помехи. Уинн отправился на борту «Куин Мэри» (американцы предлагали самолет) в США и снова испытал безопасность плавания одиночных судов, которые он так часто направлял в обход опасных зон.

Окончание истории англо-американского сотрудничества в области разведки относится к военным действиям на Тихом океане и дальнейшим событиям в Атлантике, а также к морским десантным операциям и рейдам, о которых речь пойдет ниже. К концу войны идея полного объединения усилий, которую Годфри выдвинул в 1940 году, была почти реализована, например, в штабе Эйзенхауэра. Однако по мере накопления американцами опыта и разработки ими собственных методов превосходство в материальных и людских ресурсах позволило им в некоторых аспектах обогнать своих учителей. Тем не менее период обучения, особенно период совместного обучения в 1943—1944 годах, все еще сохраняется в памяти американских разведчиков.

ГЛАВА 11

УМ ХОРОШО, А ТРИ ЛУЧШЕ...

Теперь перейдем от рассмотрения работы оперативно-информационного центра к деятельности объединенного разведывательного комитета и начнем наше повествование с момента, когда адмиралтейство добилось тесного сотрудничества разведывательных и оперативных органов; в результате разведывательная информация, добываемая всеми тремя видами вооруженных сил и получаемая из других источников, клалась в основу стратегических планов военного кабинета и комитета начальников штабов. Цитадель на Молле (там находился оперативно-информационный центр, обслуживавший штаб ВМС) находилась в пяти минутах ходьбы от правительственных зданий на Грейт Джордж-стрит, где размещался объединенный разведывательный комитет, обслуживавший комитет начальников штабов. Однако разница в характере разведывательной деятельности этих двух органов была огромной. Если сотрудники первого из них заглядывали вперед лишь на несколько часов или может быть на несколько дней, которые требовались конвою, чтобы пройти из Галифакса в Ливерпуль или из Гибралтара на Мальту, то сотрудники второго, возглавляемые советником из министерства иностранных дел Виктором Кэвендиш-Бентинком, часто заглядывали вперед на несколько недель и месяцев, хотя иногда им приходилось выносить важные решения по срочным проблемам или неожиданно поступившей информации. В объединенном разведывательном комитете царил дух взаимодействия между отдельными видами вооруженных сил, какое только было возможно в те дни. А когда союзники перешли в наступление, комитету пришлось выдавать согласованные заключения по важнейшим стратегическим вопросам ведения войны, приемлемые для всех разведывательных служб. Нанесет ли Япония удар по Австралии и Новой Зеландии (январь 1942)? Что предпримет Германия для получения большего количества нефти (январь 1942)? Насколько вероятно вторжение японцев на Цейлон (март 1942)? Какова будет стратегия Германии в ближайшем году (июль 1942)? Документ, отражающий взгляды на эти вопросы, имел важное значение, потому что предопределил занятие союзниками Северной Африки. Когда начнется обстрел южных районов Англии ракетами и беспилотными самолетами (осень 1943)? И так далее. В решении подобных вопросов три головы были лучше одной.

Предварительная работа по сбору разведывательной информации относительно таких проблем, обсуждение этой информации и составление выводов осуществлялись для объединенного разведывательного комитета (когда он полностью развернул свою деятельность) объединенным штабом (или подкомитетом), который состоял из старших офицеров и их помощников, представлявших начальников разведывательных управлений адмиралтейства, военного министерства, министерства авиации, а также министерства иностранных дел и министерства экономической войны. День за днем члены подкомитета терпеливо и всесторонне обсуждали какой-то вопрос (у их начальников времени для такого обсуждения не было), а когда достигалась договоренность, то требовалось еще в течение часа или двух убеждать начальников разведывательных управлений в правильности общих выводов и в том, что если начальник управления не соглашался, то он явно допускал ошибку. Поскольку начальники разведывательных управлений часто сталкивались с неблагоприятными выводами относительно действий руководителей данного вида вооруженных сил (выводы эти находили отражение в рассылаемых широкому кругу лиц документах), процесс этот не всегда был легким и приятным. Однако с течением времени адмиралы, генералы и вице-маршалы авиации научились воздерживаться от оценки до того момента, когда капитаны 1 ранга, армейские полковники и полковники ВВС выработают общее мнение. Нет сомнения, что эта работа по совместной оценке разведывательной информации во многом ослабила межведомственное соперничество и создала предпосылки для объективного изучения и рассмотрения общих проблем. Немецким штабным органам и службам добиться этого так и не удалось.

Один из представителей военно-морской разведки в объединенном разведывательном штабе вспоминает, как какой-то документ, в котором было очень заинтересовано военное министерство, пришлось переделать, так как при обсуждении проекта этого документа отсутствовал представитель министерства экономической войны. Нужно было решить, будет ли развиваться немецкое наступление из южных районов России через Кавказ и Турцию к Среднему Востоку. Сделанные выводы казались разумными до тех пор, пока представители министерства экономической войны не указали, что все запасы угля для железных дорог Турции находятся у западной оконечности железнодорожной сети и поэтому недоступны для противника, продвигающегося с востока. Таким образом, все расчеты времени, имеющегося подвижного состава, а также предположения о работе одноколейной дороги и необходимости доставки угля из Центральной Европы оказались ошибочными. Нет, видимо, необходимости отмечать, что второй вариант документа содержал вывод, в корне отличающийся от выводов в первом варианте.

В работе комитета главный вид вооруженных сил был практически не более чем первым среди равных. Перед объединенным разведывательным комитетом и его вспомогательными органами редко вставал сугубо морской вопрос. Однако адмиралтейство вни-

мательно следило за тем, чтобы в том или ином решении не упускались из вида такие вопросы, как абсолютная зависимость Великобритании в доставке нефти от морских коммуникаций и влияние, оказываемое планами десантных операций на количество эскортных кораблей, которые можно было бы при этом использовать для борьбы с подводными лодками противника. Оценка численности сил противника и его намерений, подписанная объединенным разведывательным комитетом, принималась комитетами начальников штабов в Лондоне и Вашингтоне всерьез и, несомненно, влияла на распределение ресурсов союзниками. Если, например, комитеты начальников штабов считали, что действия бомбардировочного командования нанесут серьезный ущерб моральному состоянию вооруженных сил и населению Германии, то попытки адмиралтейства получить большее число самолетов для авиации берегового командования или добиться признания первоочередности военно-морских объектов в числе задач бомбардировочного командования к успеху не приводили. Таким образом, некоторые оценки военно-морской разведки могли быть сочтены представителями ВВС завышающими дальность действия японской авианосной авиации в Юго-Восточной Азии. Бывали такие случаи, когда практически все министерства и ведомства не соглашались с выводами комитета. Например, комитет по своей инициативе дал прогноз, согласно которому нападение Германии на Советский Союз должно было произойти в период между 20 и 25 июня. Как заявил представитель ВМС в комитете (в то время капитан 1 ранга Пэтон), «начальники разведывательных управлений и начальники штабов сочли нас сумасшедшими и лунатиками».

Представитель министерства иностранных дел Кэвендиш-Бентинк, председательствовавший на заседаниях объединенного разведывательного комитета, где присутствовали начальники разведывательных управлений видов вооруженных сил и их коллеги из других министерств, пишет:

> «В начале 1941 года, в марте или в конце февраля, мое внимание привлекли сообщения из Польши о том, что немцы увеличивают длину взлетно-посадочных полос на аэродромах Польши и укрепляют их покрытие. Я подумал, что это вряд ли делается для нужд гражданского воздушного флота. Чуть позднее мы получили информацию о том, что немцы начали снова субсидировать антисоветские организации на Кавказе. Эти факты побудили меня предложить коллегам по объединенному разведывательному комитету, чтобы наш штаб занялся составлением доклада по вопросу о возможности нападения Германии на Советский Союз.
>
> Доклад был составлен на основе различной информации помимо упомянутых двух фактов. Хорошо помню, как офицер, секретарь объединенного разведывательного комитета, заявил мне, что наш штаб сошел с ума, предска-

зывая, что немцы в скором времени нападут на Россию. Когда я сказал ему, что предложение о подготовке доклада — моя инициатива, офицер бросил на меня презрительный взгляд (к таким взглядам я постепенно привык за период с 1939 по 1945 год). Насколько мне помнится, потребовалось некоторое время, чтобы убедить комитет начальников штабов в намерении немцев напасть на Россию.

Примерно 10 июня я провел около получаса в кабинете Антони Идена в министерстве иностранных дел».

Как же появился столь влиятельный орган? Сегодня объединенный разведывательный комитет является фактически хозяином английской разведывательной машины. Тридцать лет назад ему было меньше года от роду. В настоящее время даже тем, кто работал в комитете в тот первоначальный период, трудно понять, как можно было осуществлять военное планирование (не говоря уже об обсуждении внутренней и внешней политики) без какой-то «встречи умов», без какого-то фильтра, через который проходила бы вся информация, без какого-то процесса систематизации и обобщения данных. И все же это было так, пока не началась война. Тем или иным путем несогласованная информация из специальной разведки министерства иностранных дел, военных ведомств, из крупных газет доходила через секретариаты до более высокопоставленных лиц.

Однако такой неофициальной системе были присущи серьезные изъяны и недостатки. Слухи, распространяемые враждебной агентурой («одна старушка сказала»), доходили до высших инстанций вместе с донесениями из достоверных источников: информация о союзниках, например сведения о состоянии французской армии, была отрывочной, а иногда совершенно неправильной. В 1938 году не осуществлялось никакой проверки достоверности информации и сделанных из нее выводов. Не составлялось и общих обзоров по военным вопросам, таких, какие составлял объединенный разведывательный комитет пять лет спустя для комитета начальников штабов. Можно с уверенностью сказать, что без подобного контроля военный ум Англии был лишен в известной степени памяти и такого важного элемента, как логика. Умиротворение, что бы ни говорилось в защиту или против этой практики в политике, являлось прямым следствием неосведомленности, которая в свою очередь вызывалась состоянием разведки.

Идея о том, что для разведывательных органов необходим какой-то объединенный руководящий цетр, родилась в комитете заместителей начальников штабов в 1935—1936 годах (впервые эта мысль была высказана в 1922 году комитетом по сокращению военных расходов, который возглавлял Черчилль). Рекомендация комитета рассматривалась комитетом имперской обороны, который предложил лишь, чтобы «взаимодействие между разведывательными органами видов вооруженных сил осуществлялось межведомствен-

ным разведывательным комитетом, состоящим из поименованных ниже лиц и проводящим свои заседания по просьбе одного из членов комитета». Членами комитета должны были стать заместитель начальника разведывательного управления ВМС, начальник первого отдела разведывательного управления генерального штаба и заместитель начальника разведки ВВС. Это предложение было принято, и 30 января 1936 года появился объединенный разведывательный комитет, являвшийся подкомитетом комитета имперской обороны. Шесть месяцев спустя комитет начальников штабов разрешил расширить его функции, что открывало для объединенного разведывательного комитета возможность сотрудничества с объединенным комитетом планирования. В принципе это решение было отличным, хотя на практике в течение некоторого времени оно не осуществлялось. Идея, сводящаяся к тому, что разведывательные органы должны быть в курсе дел планирующих органов, была новой.

Затем настала пора «холодной войны» тридцатых годов, принесшая с собой страхи, угрозы, распространение слухов и ложной информации, вызывавшей тревогу и растерянность в высших сферах. В апреле 1939 года по изложенным ниже причинам сочли необходимым создать информационный центр по обстановке, в состав которого вошли представитель министерства иностранных дел и начальники разведывательных управлений видов вооруженных сил. Созданный центр должен был:

> «Анализировать разведывательную информацию, поступающую из зарубежных источников, и составлять ежедневные разведывательные сводки с тем, чтобы любые экстренные меры могли основываться на самой достоверной и согласованной информации».

Эта необходимость в ежедневной готовности преодолела, кажется, и первоначальное нежелание начальников разведывательных управлений встречаться для совместной работы каждый день, и их стремление перепоручить взаимодействие своим заместителям. В июне 1939 года начальники разведывательных управлений предложили слить информационный центр по обстановке с объединенным разведывательным комитетом. Позднее был сделан окончательный шаг к консолидации объединенного разведывательного комитета: после начала войны было решено, что он будет постоянным рабочим органом, подчиненным комитету начальников штабов. Людям, которые сумели протолкнуть эту идею (среди них, конечно, Годфри и его предшественник контр-адмирал Трауп), принадлежит заслуга своевременного обеспечения Уайтхолла этим существенным преимуществом над немецкими и итальянскими разведывательными органами.

Типичным в деятельности объединенного разведывательного комитета в 1938 году был следующий случай. Незадолго до пасхальных праздников посланник в Берлине телеграфировал в министер-

ство иностранных дел, что по сообщениям, которые он не в состоянии игнорировать, немецкие бомбардировщики могут подвергнуть внезапному нападению корабли Флота метрополии:

> «Из достоверных источников мне стало известно, что три цитаты из речи в Вильгельмсхафене, приводимые в моей следующей телеграмме и опубликованные в вечернем выпуске газеты «Ангриф», полностью отражают взгляды Гитлера. Источник, поддерживающий контакт с военным министерством, заявил, что первым признаком немецких намерений, которые будут сохраняться в тайне до последнего момента, явится внезапное нападение на английский флот с целью нанесения сокрушительного удара. Не будет ни ультиматума, ни объявления войны. Официальные лица военного министерства заявляют, что Гитлер сам примет решение о времени действий и отдаст приказ без консультации с компетентными военными советниками.
>
> Я понимаю, что это сенсационное сообщение, и у меня нет доказательств тому, что это произойдет в ближайшее время. Но поскольку нам приходится иметь дело с маньяком, настроенным исключительно враждебно по отношению к Великобритании, вам следует учитывать подобную возможность».

На основании этого донесения нашли целесообразным привести в боевую готовность часть зенитной артиллерии кораблей флота. В правительстве договорились, что первый лорд адмиралтейства упомянет об этом в речи, которую он тогда готовил. Во вторник 4 апреля, то есть через день после получения тревожной телеграммы, лорд Стэнхоуп должен был быть почетным гостем на борту авианосца «Арк Ройял», где проводилось торжественное собрание по случаю создания военно-морской кинокорпорации, которая должна была обеспечивать флот лучшими и новейшими современными кинофильмами. Слова обычно сугубо официального и нудного в речах первого лорда, одетого в строгий костюм, прозвучали в тот вечер как взрыв бомбы:

> «К сожалению, есть еще люди, которые сегодня идут не с нами. Незадолго перед моим отъездом из адмиралтейства возникла необходимость отдать приказ о приведении зенитной артиллерии флота в боевую готовность на всякий непредвиденный случай. Задолго до того как гости прибыли на борт этого корабля, шестнадцать его зенитных пушек были приведены в готовность оказать «теплый» прием любому, кто попытался бы напасть на нас внезапно».

Таковы были драматические последствия телеграммы нашего посланника из Берлина — первоклассная газетная сенсация. Кто бы

ни был инициатором такого устрашения нашего правительства (подозревали, что идея принадлежала адмиралу Канарису), уловка наверняка удалась. За одним неблагоразумным поступком последовал другой. Правительство Чемберлена, как говорилось, «в интересах страны», приложило немало усилий, чтобы помешать опубликованию в газетах того, что первый лорд адмиралтейства сказал в присутствии двух десятков корреспондентов. Газеты «Таймс» и «Дейли телеграф» поступили как их просили, «Дейли скетч» поместила текст выступления первого лорда адмиралтейства во всех выпусках, а «Ньюс кроникл», изъяв этот материал из первого выпуска, опубликовала его в последующем, ссылаясь на то, что в девять тридцать радиостанция Би-Би-Си передала текст выступления в программе вещания на страны Британской империи. «Дейли телеграф» отметила, что это был первый случай, когда пресса пренебрегла запретом на публикацию материала.

Отвечая на запрос в палате общин 5 апреля, Чемберлен сказал, что «адмиралтейство не давало никаких других приказов, кроме того, о котором известно и который вполне оправдан в напряженной обстановке, то есть держать личный состав кораблей в готовности занять свои боевые посты у орудий». Что касается запрета на публикацию материала, содержание которого услышали сотни людей, то премьер-министр патетически заметил: «Очевидно, что моя попытка оградить общественное мнение от ненужного ажиотажа оказалась не совсем удачной».

Происшедший случай получил широкую огласку и поставил правительство в очень неловкое положение, тем более что оно не могло дать никакого другого объяснения, кроме ссылок на непроверенные и необоснованные «сообщения». В действительности все дело было в том, что первый лорд адмиралтейства, отправляясь в Портсмут, не удосужился проконсультироваться у начальника разведывательного управления ВМС.

Примерно в то же время Роберт Ванситтарт (тогда дипломатический советник правительства) сообщил министру иностранных дел, что, по сообщению из достоверных источников, немецкие подводные лодки патрулируют у Плимута, Портсмута и устья Темзы. Расследование, проведенное позднее, показало, что оба сообщения были дезинформацией, причем автором первой являлся глава немецкой разведки адмирал Канарис, а второй — немецкий агент в Швейцарии. Не имея в своем распоряжении какого-либо органа для проверки сообщений, правительство, конечно, легко попадалось на удочку. Гитлер уже приобрел репутацию любителя сюрпризов и давно уже вел войну нервов. Кроме того, в немецких дезинформационных сообщениях всегда была доля правды. Так, например, в апреле 1940 года в аналогичных донесениях из Копенгагена предсказывался точный срок нападения на Норвегию.

Нельзя было терпеть такого положения, когда английское правительство подвергалось воздействию любых слухов, которые мог распространить вероятный противник среди окружавших членов прави-

тельства людей или внушить их отдельным дипломатическим работникам. Именно поэтому в апреле 1939 года по предложению начальника разведывательного управления ВМС был создан информационный центр по обстановке, о котором говорилось выше. В задачу центра входило изучение и анализ неотложной разведывательной информации, поступавшей из зарубежных источников, и издание ежедневной секретной сводки по обстановке. Эти сводки печатались на специальной темно-зеленой бумаге. Другими словами, центр должен был стать первой линией обороны от зловещих слухов.

Такое использование сил и средств разведки могло быть только временным. Взаимодействие руководителей разведки трех видов вооруженных сил только для того, чтобы выявить дезинформацию,— очевидный абсурд. Поэтому, когда был создан объединенный разведывательный комитет, его функции стали значительно шире. Отныне члены комитета могли по своему желанию рассматривать «любые необходимые меры для улучшения деятельности разведывательных органов страны в целом». Например, комитет мог (и позднее именно так поступал) подвергать критике те или иные положения и вносить предложения по работе специальной разведки и по организации топографической разведки в интересах будущих операций. Комитет мог вносить предложения о сокращении или расширении той или иной службы, а также устанавливать нормы и порядок приема служащих во многие правительственные учреждения; он наблюдал за деятельностью дешифровальных служб, хотя непосредственно в их работу не вмешивался. Комитет имел право кооптировать в свой состав для постоянных консультаций представителей любого ведомства. Благодаря этому с мая 1941 года на заседаниях комитета присутствовали представители службы безопасности (в те дни она называлась пятым отделом военной разведки), министерства экономической войны с ее промышленной разведкой и экспертами по блокаде, межведомственного топографического управления при Оксфордском университете и межведомственного совета безопасности. Этот совет, созданный в 1940 году, осуществлял руководство мерами безопасности и сохранения тайны во всех крупных операциях в последующие шесть лет, ведал назначением кодовых названий операций (выбору этих названий большое внимание уделял Черчилль) и разработал меры оперативной маскировки и ведения контрпропаганды с помощью слухов.

Таким образом, англичанам удалось заблаговременно избежать тех недостатков, которыми страдала немецкая разведка. В Германии сбором и оценкой информации занимались четыре или пять самостоятельно действующих организаций, испытывавших влияние жестокого соперничества между различными видами вооруженных сил и подвергавшихся подозрениям со стороны партийных органов и их службы безопасности.

Объединенный разведывательный комитет обрел достаточный авторитет, чтобы выдерживать предубежденные утверждения лю-

бого члена комитета начальников штабов или министра, выраженные как непосредственно на заседании комитета, так и через своих представителей в нем. Самостоятельность объединенного разведывательного комитета нашла яркое выражение в документе, составленном штабом комитета в 1945 году, когда штаб был расформирован. Документ был издан под названием «Почему Германия проиграла войну?». Это был тщательно подготовленный и основанный на документах материал, в котором говорилось об ошибках Гитлера. Комитету начальников штабов, несомненно, был бы больше по вкусу документ, рассказывающий о том, почему война была выиграна им. Но у разведки свой подход к таким вопросам.

Следующим шагом, естественно, было усиление контактов с планирующими органами, но пришлось испытать немало трудностей, прежде чем удалось наладить хотя бы незначительное взаимодействие. Например, объединенный комитет по планированию энергично противился желанию членов объединенного разведывательного комитета работать вместе, в одном помещении. Плановики размещались в оперативной комнате правительства, а штаб объединенного разведывательного комитета в том же здании, но довольно далеко от плановиков. В основном благодаря усилиям начальника разведывательного управления ВМС сопротивление плановиков постепенно удалось преодолеть, и штаб объединенного разведывательного комитета в 1943 году разместился по соседству с оперативной комнатой правительства.

В течение всей войны функции и задачи объединенного разведывательного комитета и его штаба (подкомитета) оставались неизменными. Заседания проходили под председательством одного и того же лица. Длительное пребывание на посту, опыт работы и положение председателя как советника планового управления приносили огромную пользу его коллегам по комитету от видов вооруженных сил, хотя иногда они сомневались в готовности председателя выражать мнение всех членов на еженедельных заседаниях комитета начальников штабов. Терпение и дипломатический такт председателя комитета позволяли начальникам разведывательных служб успешно вести совместную работу в условиях существования острых межведомственных и личных разногласий и неприязни.

В целом вывод сводился к тому, что объединенный разведывательный комитет работал успешно, и известная доля заслуги в этом принадлежала представителям флота. Начальник разведывательного управления ВМС требовал от своих подчиненных самостоятельности суждений и критического отношения ко всей работе. Любой сотрудник комитета, представлявший ВМС, мог всегда обратиться к начальнику разведывательного управления. Выводы о стратегии и намерениях противника в большинстве случаев были точными, хотя иногда стиль документов мог бы быть строже, если бы представителям флота не приходилось согласовывать формулировки с другими ведомствами. Как показывают захваченные у противника документы, с 1943 года и в течение четырех лет деятельность разведки была

плодотворной, что позволяло принимать нужные решения более уверенно.

Тем не менее отдельные начальники разведывательных управлений не всегда были лояльны к решениям объединенного органа. На каком-то этапе в 1943—1944 годах один из них (не начальник военно-морской разведки) остался недоволен какой-то оценкой, под которой стояла его подпись. Он настроил начальника штаба данного вида вооруженных сил против позиции объединенного разведывательного комитета в целом.

Подозрения и недоброжелательное отношение к разведке все еще существовали у старших офицеров оперативных органов, и иногда они отдавали предпочтение своим собственным домыслам, шедшим вразрез с многочисленными фактическими данными, которыми располагали разведывательные органы этого же ведомства. Одной ошибки было достаточно, чтобы потом долго подвергать сомнению все, что предлагалось позднее. И все же, хотя объединенному разведывательному комитету приходилось работать в условиях критического и скептического отношения к ним высокопоставленных лиц, к концу войны комитет завоевал доверие не только у начальников штабов, но и у своего архикритика Уинстона Черчилля и министерства обороны.

Если существование объединенного разведывательного комитета обеспечивало единство действий разведки, то этот факт в очень незначительной степени позволял найти единую форму оценки и изложения намерений противника. Это стало возможным после развертывания работы штабом комитета. То, как, с военно-морской точки зрения, работал штаб, может быть проиллюстрировано на известном историческом примере.

В начале лета 1942 года начальники штабов вооруженных сил США и Англии собрались в Лондоне на срочные переговоры относительно того, что можно предпринять в течение года для удовлетворения настойчивых требований Рузвельта, Черчилля и Сталина о снятии напряжения на фронте в России путем наступательных действий на Западе.

Американцы отдавали предпочтение захвату плацдарма в Бретани или на полуострове Котантен, хотя признавали, что это связано с большими трудностями и что имеющиеся силы, очевидно, не сумеют развить успех высадки. Альтернативными решениями были: усилить английские войска в Египте, действовавшие в то время довольно успешно, и изгнать противника из Триполитании или осуществить высадку десанта на северо-западном побережье Африки и стремительно развивать наступление в восточном направлении. Таким образом, союзники с помощью охватывающих ударов изгнали бы войска стран оси из Северной Африки и использовали бы этот район в качестве плацдарма для высадки морского десанта в Южной Европе.

Объединенный разведывательный комитет считал, что если в предлагаемой операции главная роль будет принадлежать американцам, а не англичанам, то сопротивление французов в Алжире

и Французском Марокко будет незначительным в районе Алжира и, вероятно, довольно упорным у Касабланки. Однако комитет считал, что организованное сопротивление десанту будет кратковременным.

Этот план американцы первоначально не хотели принять, стремясь как можно скорее начать решающие наступательные операции против Германии в Европе и развязать себе руки для борьбы с Японией. В Лондоне также было сильно распространено желание скорее вернуться во Францию. Эти стремления подстегивались политическими причинами и искренними симпатиями к советским армиям, которые вели трудную борьбу с гитлеровскими войсками. Известную роль играли также усилия советской группировки, воздействовавшей на умы союзников своим лозунгом «Второй фронт — немедленно!», как и усилия немецкой пропаганды, стремившейся толкнуть англичан и американцев на операцию, которая, как немцы знали, закончилась бы для них катастрофой.

С самого начала самые сильные аргументы против нанесения удара в Северной Франции выдвигали ВМС. Слишком мало имелось десантных средств для переброски через Ла-Манш тех сил, которые были необходимы для разгрома немецких войск на Западе. Даже если бы удалось захватить и удержать плацдарм, например на полуострове за Шербуром, то задача снабжения войск и переброски пополнений морем была бы весьма сложной. Была бы утрачена не только мобильность, которой располагает морская держава, но и возможность постоянно угрожать внезапным ударом по любому пункту на обширном побережье оккупированной Европы. Немецкая разведка, конечно, могла довольно точно определить количество имеющихся транспортно-десантных средств и исключила бы возможность того, что англо-американские силы, втянувшись в десантную операцию во Франции, осуществят высадку где-либо в другом районе. Короче говоря, немцы смогли бы сосредоточить силы для нанесения контрудара.

Командование английских ВМС считало, что сначала надо открыть Средиземное море для безопасного плавания союзных флотов и конвоев с предметами снабжения в районе Среднего Востока, а также для перевозки гражданских грузов и военного снаряжения в Индию и районы Дальнего Востока и обратно в Англию. Только при этом условии можно было избежать необходимости пользоваться длинным и дорогостоящим путем вокруг мыса Доброй Надежды и таким образом ежегодно на сотни тысяч тонн экономить расход транспортных средств. Английскому комитету начальников штабов, возглавляемому Аланом Бруком, приходилось при рассмотрении этой средиземноморской стратегии преодолевать серьезные возражения командования американского военно-морского флота во главе с адмиралом Кингом.

Оценки разведки, касающиеся возможных действий немцев и французов в случае высадки десанта, были в целом обоснованы и оказались удивительно точными. Опираясь на разведывательную

информацию, начальник разведывательного управления ВМС в своем докладе в августе 1942 года утверждал, что транспорты с силами вторжения, следуя из США в Северную Африку и держась как можно западнее, смогут избежать немецких подводных лодок, которые в то время действовали не очень успешно, и что после высадки десанта противник будет испытывать серьезные трудности в переброске подкреплений своим подводным силам в Средиземном море. Действительно, обнаружить и уничтожить подводные лодки противника в Средиземном море было намного легче, чем в Атлантике, а Гибралтарский пролив, проход через который для подводных лодок всегда труден, можно было бы превратить в настоящую ловушку для подводных пиратов Деница.

В штабе объединенного разведывательного комитета, где начальников разведывательных управлений видов вооруженных сил представляли офицеры в звании капитана 1 ранга и полковника сухопутных войск и авиации, каждому из которых помогал младший офицер, специально отобранный среди имеющих опыт научно-аналитической работы в гражданских учреждениях, можно было наблюдать характерный прием, которого нельзя увидеть ни в военном кабинете, ни в комитете начальников штабов, ни в каком-либо войсковом штабе, руководящем военными действиями. Штаб упорно рассматривал любую поставленную перед ним проблему с точки зрения, на которую мог бы встать противник. Как оценил бы обстановку Гитлер? Что предложило бы командование немецкого военно-морского флота своему верховному командованию? В какой степени немцы чувствовали бы себя обязанными помочь Италии? В какой мере Гитлер был бы готов ослабить свои усилия на русском фронте, если он внезапно обнаружил бы, что союзники угрожают уязвимому «подбрюшью» европейской крепости? Какова степень сотрудничества Берлина и Токио? Является ли охватывающий маневр, предпринятый странами оси против позиций Англии на Среднем Востоке и столь привлекательный с теоретической точки зрения, реальной политикой?

Ценность этого приема в оценке фактов и перспектив войны огромна. И дело не только в позитивном подходе к раскрытию точки зрения противника, хотя в этом и состоит основная задача разведки. Важно было то критическое влияние на огромное множество фактов, идей, политических и личных мнений, которые оказывали воздействие на руководство войной в Лондоне и Вашингтоне. «Но именно так может или должен расценивать это противник; таковы его ресурсы, его группировки, таковы расстояния, которые он должен преодолеть, таковы основы стратегии, которой он придерживался до сих пор. Возможно, противник способен предпринять такие-то и такие-то действия, но он наверняка не предпримет таких-то и таких-то действий». Можно только приветствовать такого рода памятку, которая составлялась небольшой группой людей, постепенно добивавшихся единства мнений, такого единства, которое не могла поколебать никакая министерская лесть.

Следует, однако, признать, что путь этот был нелегким. Во-первых, требовалась действительно первоклассная политическая разведывательная информация, которой министерство иностранных дел не имело, да и не могло получать. Во-вторых, практически невозможно было делать какие-либо допуски на своеобразие мышления Гитлера и степень фанатизма японцев. В-третьих, требовалось глубокое понимание образа мышления немцев и японцев, а также методов работы штабов противника, которые использовались при выработке решения. В Уайтхолле было мало людей, способных на это.

Такого рода служба в интересах комитета начальников штабов и планирующих органов создавалась медленно. В начале 1941 года она называлась секцией ближайших планов противника, затем ее стали именовать секцией перспективных планов противника и, наконец, штабом объединенного разведывательного комитета.

Интересно проследить историю развития идеи оценки намерений противника представителями видов вооруженных сил, так же как мы проследили историю создания объединенного разведывательного комитета. Адмирал Годфри и адмирал Чарльз Дэниэль, один из руководителей планирующих органов, вспоминают, что в годы между войнами слушателей штабных колледжей обязывали выявлять и изучать варианты действий, которые может предпринимать потенциальный противник, однако при этом не требовалось определить наиболее вероятный вариант. Преподаватели считали, что такое требование наложит отрицательный отпечаток на решение слушателя относительно действий своих сил. Считалось, что слушатель должен иметь в виду все средства, которые могут быть использованы противником. Не полагалось слушателю и исходить из того, что страна окажется в таком положении, в котором она действительно была в 1938—1942 годах, то есть в отчаянном оборонительном положении.

Годфри, являвшийся преподавателем в Гринвичском колледже в 1928—1930 годах, вспоминает, что первые признаки перемен появились в колледже имперской обороны примерно в 1934 году. Начальник оперативного и разведывательного управления армии генерал-майор Дилл и контр-адмирал Диккенс, возглавлявший разведывательное управление ВМС, предложили, чтобы подчиненные им управления работали совместно над оценкой возможных вариантов действий вероятного противника в тех или иных условиях обстановки. Потрясающей новинкой явилось предложение о том, чтобы «на разведывательные органы была возложена ответственность за разработку той части планов, которая касалась возможных действий противника, фактов, влияющих на выбор им того или иного варианта, и наиболее вероятного варианта действий противника во всех известных условиях обстановки».

В то время Годфри был заместителем начальника планового управления адмиралтейства капитана 1 ранга Кинга. В адмиралтействе тогда полагали, что оценка действий противника, в том числе и по перечисленным выше вопросам, является обязанностью плановых органов. Считалось недопустимым, чтобы один документ состав-

лялся двумя органами. Поэтому начальник разведки только передавал начальнику планового управления всю добытую информацию, а выводы делали сами плановики. Последние не учитывали, что во время войны начальник разведки мог располагать такой подробной и полной, полученной из самых различных источников информацией о намерениях противника, что было бы абсурдно отстранять разведчиков от окончательной оценки этой информации. Тем не менее Годфри вернулся к этому вопросу только пять лет спустя, когда сам стал начальником разведывательного управления.

В ноябре 1939 года, по истечении двух месяцев «странной войны», Годфри разослал по управлениям адмиралтейства документ, в котором указывались наиболее вероятные места нанесения ударов немцами. Нацистская пропаганда твердила о «необходимости быть настороже против внезапных действий в неожиданном месте». Совершенно очевидно, что английская разведка была обязана по возможности исключить стратегическую внезапность. В плановом управлении документ был встречен доброжелательно, но вспыльчивый коротышка заместитель начальника штаба ВМС адмирал Том Филлипс сказал, что ему документ напомнил статью из «Дейли скетч». В течение нескольких месяцев Годфри находился под впечатлением этого скептического подхода, но в апреле 1940 года ему представился случай для второй попытки. Начальник штаба ВМС Паунд попросил контр-адмирала Белэрса (хорошего друга Годфри) заняться «оценкой взглядов немецкого командования». Годфри предложил, чтобы Белэрс поработал вместе с разведывательным управлением и был заместителем Годфри в объединенном разведывательном комитете, когда последний изучал намерения противника.

Случилось так, что только по прошествии шести месяцев войны объединенный разведывательный комитет также пришел к выводу о том, что оценка намерений противника является функцией разведки. При этом считалось, что такая работа должна выполняться органом, подобным объединенному комитету по планированию, и в рамках комитета начальников штабов. Годфри предложил, чтобы временно «один-два офицера были прикомандированы к объединенному комитету по планированию, размещенному в оперативной комнате правительства, для решения текущих задач и согласования разведывательных оценок и оценок плановых органов». Благодаря этому открывалась возможность организовать более тесное взаимодействие, чем раньше. Предложение Годфри было одобрено Паундом 13 мая 1940 года, и были приняты необходимые меры. Так Белэрс с помощью нескольких офицеров-слушателей имперского колледжа обороны составил ядро будущего объединенного разведывательного штаба. С первых же дней Годфри постарался, чтобы Белэрс и его коллеги имели доступ к самым лучшим источникам информации и чтобы ничего не высасывалось из пальца и не подгонялось под догадки старших по званию или должности лиц.

Нет ничего удивительного в том, что следующий шаг был сделан старым другом Белэрса — Диллом. В тревожное лето 1940 года он

стал начальником имперского генерального штаба и потребовал создать секцию ближайших планов противника. Годфри попросил назначить своим представителем капитана 1 ранга Траубриджа, незадолго до этого являвшегося военно-морским атташе в Берлине, а в тот момент проходившего службу на корабле. Годфри мотивировал это предложение тем, что Траубридж «знал Германию и ее военных руководителей, а также был вдумчивым офицером и обладал опытом штабной работы». После того как министр ВМС предложил еще несколько кандидатур, в том числе капитана 1 ранга Маунтбэттена, первый морской лорд согласился, что разумно использовать опыт недавнего пребывания Траубриджа в Германии для ведения работы в составе секции ближайших планов противника. Так Траубридж стал начальником секции, а его коллегами являлись генерал-майор Маккеси, командовавший войсками в Норвежской операции, коммодор авиации Вахелл, а также представитель министерства иностранных дел Айвон Киркпатрик.

Первая задача секции состояла в том, чтобы дать прогноз (с точки зрения немцев, и прежде всего Гитлера) в отношении немецкой стратегии на весну 1941 года. В составлении этого документа скоро стала очевидной ценность «пяти мнений» в оценке проблемы. Например, в то время как представители министерства иностранных дел, ВВС и армии считали весьма вероятным вторжение немцев в Англию весной 1941 года, ни представитель ВМС, ни представитель министерства экономической войны не были склонны к такому прогнозу. Первый потому, что комната 39 и оперативно-информационный центр весьма сомневались в способности немцев предпринять такую огромную по масштабам операцию, а второй — потому, что министерство экономической войны предвидело большие трудности для немцев в накоплении сил, достаточных для успешного осуществления вторжения. В конце концов был достигнут компромисс.

Членов секции пригласили на заседание комитета начальников штабов и долго расспрашивали об их выводах, среди которых, между прочим, был исключительно точный прогноз относительно возможности нападения немцев на Грецию. То, что возможность вторжения в Англию была отодвинута на второй план, оказалось не по вкусу высшим сферам, поскольку премьер-министр все еще использовал предполагаемую угрозу в качестве стимула для подъема производства. Быстрота подготовки и оснащения войск метрополии в значительной степени зависела от успеха пропаганды в массах, проходившей под лозунгом «Поторапливайтесь, ребята! Немцы могут высадиться в любой момент».

Первые заседания секции проходили вяло и безрезультатно. Трудно было представить, что выводы секции могли иметь практическое значение. В министерствах, где члены секции должны были получать информацию, многие посмеивались над попытками мыслить подобно Гитлеру. Средний офицер разведки не мог понять (и трудно было помочь ему в этом), как может собираемая им ин-

формация сложиться в общую картину немецкого или японского образа мыслей. Трудный процесс овладения вражеским образом мышления был новинкой, и все, что появлялось на бумаге, казалось претенциозным и смешным. Однако Траубридж был полон энтузиазма, и неделю или две спустя появились первые результаты.

В письме, написанном в адрес Годфри после войны, Траубридж вспоминал, как секция ближайших планов противника получила указание оценить, с точки зрения немцев, значение подкреплений, полученных войсками Роммеля в Северной Африке, и как генерал Маккеси тогда выразил мнение, что Сиртская пустыня будет «непроходима» для крупной группировки до осени 1941 года. Насколько прав он оказался! Однако несогласие Маккеси с «экспертами» сыграло губительную роль в судьбе секции ближайших планов противника. Спустя короткое время был отдан приказ о ликвидации этой секции и создании другой. Так появилась секция перспективных планов противника. В ее задачи входила оценка событий по указанию комитета начальников штабов. Однако выводы секции визировались несколькими разведывательными управлениями перед представлением объединенному разведывательному комитету, который докладывал материал комитету начальников штабов. Другими словами, был нанесен сокрушительный удар любителям «высасывать выводы из пальца».

Хотя новая секция выполняла некоторую полезную работу, действительная эффективность ее деятельности в значительной степени снижалась из-за того, что проходило слишком много времени с момента завершения работы в низах до представления ее комитету начальников штабов. «Эксперты», работавшие в отделах разведывательных управлений, всегда находили предмет для возражений, не понимая, что оценка, составляемая «пятью сторонами», должна быть компромиссом и что вывод, кажущийся ошибочным с точки зрения сухопутных войск, мог по специфическим мотивам отстаиваться представителями ВМС или министерства экономической войны.

Траубридж быстро понял, что составляемые секцией оценки могут быть полезны только в том случае, если они будут быстро поступать в комитет начальников штабов. Визирование оценок различными управлениями было бесполезным и безнадежным делом. Поэтому Траубридж, поддерживаемый начальником разведывательного управления ВМС, написал докладную записку, в которой предлагал создать объединенный разведывательный штаб, аналогичный существовавшим тогда объединенным планирующим и оперативным штабам. Объединенный разведывательный штаб должен был подчиняться объединенному разведывательному комитету. В случае необходимости иметь оценку того или иного события комитет начальников штабов мог бы поставить соответствующую задачу объединенному разведывательному комитету, а тот в свою очередь поручил бы это своему штабу. Выводы штаба рассматривались бы на заседании объединенного разведывательного комитета и с необходимыми

поправками докладывались бы комитету начальников штабов за подписью членов объединенного разведывательного комитета.

Сначала военное министерство воспротивилось этому предложению, но в конце концов уступило, и весной 1942 года вместо секции перспективных планов противника был создан объединенный разведывательный штаб, как вспомогательный орган.

Выше уже отмечалось, что в последующие годы намерения командования немецкого военно-морского флота, кроме самых серьезных планов (например, создание подводной лодки со шноркелем), не вызывали каких-либо комментариев со стороны представителей других ведомств, кроме министерства экономической войны. Проблемами японского флота в основном занимались в Вашингтоне и на Цейлоне. Планами итальянцев — в Каире. Внимание Лондона сосредоточивалось на вероятной реакции немецкого командования в связи с наступлением англо-американских сухопутных войск и советских армий. Таким образом, представители разведывательного управления ВМС в объединенном разведывательном штабе рисковали остаться не у дел.

Чтобы избежать этого, моряки постепенно взяли на себя роль оппонентов по отношению к представителям других видов вооруженных сил и министерства иностранных дел. Эта роль была довольно деликатной и иногда вызывала недовольство, однако на низших ступенях командно-штабной лестницы все было проще, поскольку сотрудники здесь не были профессионалами (представитель сухопутных войск до войны был преподавателем истории, представитель ВВС — агентом по рекламе, а моряк — юристом). Например, извечным грехом представителя сухопутных войск, мыслившего под влиянием начальника управления, было преувеличение числа дивизий, которыми располагали немцы. Вероятно, после травм у Дюнкерка и на Крите для английской армии существовала какая-то чисто психологическая потребность в этом. Гитлер, конечно, полностью использовал подобную предрасположенность; один из его приемов введения противника в заблуждение состоял в том, чтобы преувеличивать численность дивизий. Дважды в год объединенный разведывательный штаб готовил справку о численности и группировке сил противника. Эта справка рассылалась во многие адреса, до главнокомандующих на театрах военных действий включительно. Перед началом составления такой справки военное министерство обязательно издавало заявление, в котором отмечалось увеличение численности немецкой армии в весьма тревожных темпах и наличие внушительных резервов. А министерство экономической войны тем временем считало, что людские ресурсы Германии истощаются.

И вот начинались совещания в аппарате штаба. Представителя ВВС обычно легко было убедить присоединиться к требованию, чтобы военное министерство доказало правильность своих выводов. Если случалось получать отказ, представитель ВМС заявлял, что начальник разведывательного управления ВМС не подпишет справку. Тогда приглашали «эксперта» из военного министерства,

и на него, в каком бы чине он ни был, обрушивался град вопросов. В конце концов после длительных уговоров и спасительных для своего авторитета заявлений военное министерство соглашалось исключить из списка самую надуманную из немецких дивизий, к которой в военном министерстве почему-то питали особую привязанность.

Министерство авиации страдало, с точки зрения моряков, другой крайностью — оно обычно преуменьшало число немецких истребителей. В данном случае психологический мотив заключался в постоянном стремлении представить в благоприятном свете результаты бомбардировок немецких промышленных предприятий английской авиацией. Представители флота были менее удачливы в оспаривании этих данных, чем тех, которые давало военное министерство. Главная причина состояла в том, что летчики обычно представляли свои документы в такой сложной форме и с таким множеством формул и технических терминов, что «никто не осмеливался оспаривать их выводов».

Министерство иностранных дел, как казалось представителям ВМС в объединенном разведывательном штабе, заняло довольно высокомерную позицию. В тех редких случаях, когда объединенный разведывательный штаб не соглашался с проектом того или иного документа, подготовленного министерством иностранных дел, последнее просто игнорировало штаб или прибегало к иезуитским методам, чтобы добиться своего. Был такой период в 1944 году, когда штаб рассматривал вопросы, связанные с вторжением союзников на Европейский континент. Министерство иностранных дел, вероятно, вполне правильно, настаивало на высадке английских войск в Греции. Однако командование армии считало, что войск не хватает, и не хотело даже рассматривать этот «побочный» вариант, если не получит заверений, что сил будет привлечено немного и на короткий срок. В связи с этим перед низшими звеньями аппарата штаба была поставлена задача дать оценку «греческому варианту». Сначала сложилось мнение, что если английские войска вступят в страну одновременно с возвращением на трон короля Греции, то конфликт с прокоммунистически настроенными партизанами свяжет наши силы на долгие месяцы, а может быть годы, и в дальнейшем потребует привлечения новых и новых резервов.

Этот проект оценки никак не устраивал министерство иностранных дел. Представитель министерства был сам убежден (и довольно убедительно говорил об этом), что потребуется высадить всего несколько сот английских солдат, только чтобы «показать флаг», все остальное сделают симпатии к Великобритании. По прошествии одного-двух месяцев войска, по его мнению, можно было бы без труда вывести. Никакие возражения представителей трех видов вооруженных сил не смогли заставить представителя министерства иностранных дел изменить свою позицию. Поскольку военное министерство, интересы которого затрагивались больше других, в конце концов согласилось с этими взглядами, отпала необходимость дальнейшего обсуждения этого вопроса в объединенном разведыватель-

ном комитете и его органах. К тому же члены комитета полагали, что позиция министерства иностранных дел, считавшего, что освобождение Греции — в интересах Англии, рано или поздно будет оправдана, какой бы ценой эта задача ни была решена.

Может показаться, что сотрудники объединенного разведывательного штаба постоянно ссорились друг с другом. Это не так. «Создалась атмосфера сотрудничества,— вспоминает представитель ВМС,— которая охватила объединенный штаб по планированию и другие органы, размещавшиеся в здании на Грейт Джордж-стрит, в том числе и аппарат оперативной комнаты премьер-министра; этому в немалой мере способствовало создание общей столовой, где в самые напряженные дни все мы обедали и ужинали».

В самом деле, если бы не было атмосферы сотрудничества, то метод работы, который был принят объединенными органами, был бы неприемлем. Штаб функционировал двумя группами — первая выполняла срочные задания, а вторая занималась задачами, не требовавшими срочности, а также учетом текущих изменений в численности и группировке сил противника. Представители пяти ведомств поочередно председательствовали на заседаниях штаба, каждый в течение двух или трех месяцев. Каждый член штаба вносил на рассмотрение вопросы, выдвинутые соответствующим ведомством. Хотя рассмотрение оценок министерства экономической войны по нефти, министерства иностранных дел — по моральному состоянию населения, адмиралтейства — по вероятным действиям подводных лодок противника и министерства авиации — по уменьшению численности истребительной авиации германских ВВС требовало специальных знаний, никаких документов не принималось без предварительного обсуждения. Каждый мог подвергать критике любой проект, предложенный кем-либо из коллег. Таким образом, прежде чем проблема выносилась на рассмотрение комитета начальников штабов или военного кабинета, обсуждался каждый вопрос, по которому существовали различные точки зрения. Такой порядок позволял не только сэкономить время, но и многое выяснить. Секретариат отрабатывал каждую формулировку в проекте, а затем представлял на утверждение экспертам министерства. Переработанный проект поступал к начальникам разведывательных управлений, которые в случае важности вопроса собирались специально для обсуждения и принятия проекта. Но слишком часто на эти заседания не приглашались сотрудники объединенного разведывательного штаба, поскольку тот или иной начальник разведки не хотел краснеть перед доводами талантливого младшего офицера. Иногда, к глубокому разочарованию сотрудников разведывательного штаба, их ясные и четкие выводы затуманивались в расплывчатых компромиссных решениях, которые «допускали один вариант и говорили о возможности другого». Таким образом, вся разведывательная оценка шла насмарку.

Характерен в этом отношении случай, происшедший в 1942 году. Он интересен тем, что, как нам сейчас известно (и как мы правильно

предполагали тогда), сами немцы не имели твердого решения относительно действий, которые объединенный разведывательный штаб получил указание предсказать. Те, кто планировал высадку союзных войск в Северной Африке, потребовали обоснованных предсказаний относительно действий немцев после того, как они поймут истинный смысл и цели операции «Торч». Оккупируют ли они сразу всю Францию, займут ли Тунис, усилят ли свои войска в Триполитании, когда союзники высадятся в Алжире и Французском Марокко? Точной разведывательной информации об их намерениях получить было нельзя, поскольку ни немцы, ни итальянцы не планировали никаких действий на этот случай и были бы полностью застигнуты врасплох. Тем не менее имелись точные сведения о потребных ресурсах, группировке подводных лодок и авиации, а также об ограничениях политического характера и в области людских резервов, из которых пришлось бы исходить немцам.

Осмысленная военная стратегия не позволила бы немцам усиливать свои войска в Северной Африке, пока они не добились решающего успеха на русском фронте. Пойти на переброску новых резервов за море или для занятия более протяженной береговой линии — означало бы действовать на руку союзникам, которые стремились распылить силы противника и измотать его путем использования своей морской мощи на флангах. Однако объединенный разведывательный штаб знал, что в лице Гитлера они имеют совершенно необычного руководителя. Он неоднократно угрожал изгнать союзников из любого района, где они могли бы высадиться, и, если потребуется, открыть новый театр военных действий. Поэтому после долгих споров было решено, что Гитлер может поступить так, как говорит, и что прогноз неправильно было бы основывать только на доводах осмысленной военной стратегии, с которыми могли посчитаться офицеры германского штаба, но не Гитлер.

Каков же был итог? Неудовлетворительный компромисс, обусловленный разногласиями между штабами по таким элементарным вопросам, как вероятность вторжения немцев в Испанию, хотя разведывательное управление ВМС было в полной уверенности, что у немцев для решения этой задачи нет ни войск, ни самолетов, ни кораблей.

Подобные же разногласия мешали решить вопрос о том, что предпримут итальянцы в случае высадки союзников на Сицилию в Южной Италии. Разведывательная информация позволяла предсказать капитуляцию Италии вскоре после вступления на ее территорию наших войск. Однако эта точка зрения противоречила известной истине — войска всегда сражаются лучше, обороняя родную землю. (То же самое случилось позднее, когда речь шла о Японии.) Объединенный разведывательный штаб был твердо убежден в верности разведывательной информации. Однако из-за давления, оказанного на начальников разведывательных управлений их высшими руководителями (исключая начальника разведывательного управления ВМС), обе точки зрения нашли выражение в формуле «может,

будет, может, нет». «Мрачная цепь ортодоксальных логических выкладок оказалась сильнее доводов, основанных на разведывательной информации»,— сказал капитан 1 ранга Бейкер-Крессуэл, являвшийся в то время представителем разведывательного управления ВМС в объединенном разведывательном штабе.

Было бы абсурдным создать у читателя впечатление, будто объединенный разведывательный штаб всегда был прав. Иногда и штаб, и те, кто был в нем представлен, допускали серьезные просчеты. Например, штабу нужно было решить, уйдут ли немцы из Южной Италии после нашей высадки в Салерно. Вывод был таков: сопротивление будет оказано только на Апеннинах. В действительности же немцы долго сопротивлялись южнее Неаполя. В то же время офицер добровольческого резерва ВМС, ныне член парламента, а тогда помощник двух представителей ВМС в объединенном разведывательном штабе, писал два года спустя после окончания войны:

> «Полагаю, я мог бы смело заявить, что наши прогнозы, как правило, были верными. Особенно мы были довольны своим выводом относительно операций в Северной Африке, сделанным вопреки возражениям американцев. Американцы опасались, что немцы вступят в Испанию и перережут наши коммуникации. Кроме того, они переоценили силу сопротивления французов. Очень много сил и времени у нас отнимала необходимость успокаивать различные инстанции, особенно командующих на театрах военных действий, которые были склонны преувеличивать возможности и успехи противостоящих им сил противника.
>
> Допущенные нами промахи объяснялись нашей неспособностью учитывать исключительное упрямство Гитлера. Не раз мы предсказывали, что он сократит свой фронт в Италии или России, или на Балканах, чтобы сэкономить силы. Мне и сейчас кажется, что, послушайся Гитлер нашего совета, и дела у него пошли бы куда лучше, однако нельзя отрицать, что у нас было неправильное представление по общему вопросу о группировке гитлеровских сил на различных фронтах, частично по уже указанной причине и частично потому, что военное министерство всегда было склонно преувеличивать силу сопротивления, с которым союзным войскам пришлось бы встретиться, вероятно, при любой высадке в Западной Европе».

Тот же офицер, дважды побывавший в Вашингтоне, чтобы помочь американцам в организации объединенных разведывательных органов, установил, что американцы никогда не могли похвастаться такими успехами, как ими хвастались их английские коллеги. Межведомственные распри были в США сильнее, чем в Англии, но причина меньших успехов наших союзников была не только в этом.

«Всегда создавалось впечатление, будто происходит чисто теоретическое учение, будто командиры на местах принимают решения или комитет начальников штабов распределяет ресурсы, совершенно не принимая в расчет данные разведывательных органов».

Капитан 1 ранга Чарльз Дрэйк, старший из сотрудников комнаты 39, а также старший представитель военно-морской разведки в объединенном разведывательном штабе с 1943 года до конца войны, рассказал мне анекдот о премьер-министре и его точке зрения на порядок подготовки разведывательной информации объединенным разведывательным штабом:

«Иногда мы получали «молитву» от самого премьер-министра, который через лорда Исмея требовал от нас немедленной и быстрой оценки того или иного вопроса. В этом случае нам, конечно, приходилось работать очень быстро и излагать суть дела не более чем на половине страницы — больше премьер-министр не стал бы читать. Можно не сомневаться в том, что он держал нас в постоянном напряжении.

Помнится, примерно в июне 1943 года, когда генерал Александер продвигался на север Италии, встречая довольно упорное сопротивление немцев и итальянцев, поздно вечером пришла телеграмма на имя комитета начальников штабов. Я был в тот день дежурным офицером и отдыхал. Телефон стоял у моей постели. Примерно в половине второго ночи раздался звонок. Я поднял трубку и узнал голос бригадного генерала Холлиса, начальника секретариата комитета начальников штабов:

— Это вы, Дрэйк? Вы видели телеграмму, только что полученную от Александера, в которой он высказывает свою точку зрения на возможность переброски немецких резервов в случае капитуляции Италии?

Александер пространно писал о том, что могло произойти в ближайшие несколько месяцев. На изучение телеграммы нужно было затратить немало времени, поэтому я ответил Холлису:

— Да, я видел телеграмму. Мы займемся ею утром...

— Премьер-министр приказал подготовить проект ответа Александеру к половине одиннадцатого утра,— прервал меня Холлис.

— Но это абсурд, Холлис,— сказал я,— потому что мне нужно сначала созвать свой комитет, а потом уж подготовить проект. Затем нам нужно доложить его своим начальникам, поскольку речь идет о важном вопросе. Кроме того, придется докладывать комитету начальников штабов, а это значит, что он должен провести заседание

по этому вопросу. Все это сделать до половины одиннадцатого, конечно, невозможно.

— Понимаю,— согласился Холлис,— но премьер-министр приказал подготовить документ именно к этому времени.

Вероятно, я должен был понять намек Холлиса, когда он произнес слова «премьер-министр», потому что обычно он называл Черчилля просто «премьером». Тем не менее я безмятежно произнес:

— Холлис, почему бы вам не сказать глупому старику, чтобы он отправлялся спать. Мы постараемся сделать все побыстрее и, возможно, приготовим документ завтра во второй половине дня.

В этот момент в трубке прозвучал какой-то другой голос.

— Кого это вы называете глупым стариком?

Это был сам Уинстон; он слышал весь мой разговор с Холлисом, пользуясь параллельным телефонным аппаратом. Растерявшись от неожиданности и еще не совсем очнувшись от сна, я произнес:

— Простите, сэр. Я не знал, что вы слушаете.

— Я так и думал,— ответил Черчилль.— Почему же невозможно дать мне ответ к половине одиннадцатого утра?

— Это не невозможно, сэр. Я соберу людей, и мы приступим к работе сейчас же, если необходимо.

— Конечно, это необходимо,— сказал он и добавил: — Возможно, вам будет на пользу, если глупый старик придет вам на помощь. Я буду у вас через пятнадцать минут.

Услышав это, я вскочил с постели, разбудил и собрал остальных сотрудников, разыскал секретарей и попытался убедить их в срочности дела, но это далось мне нелегко. Тем не менее я все же сумел усадить всех за стол. На столе развернули карту Италии, и все постарались принять серьезный вид. Дверь открылась — и вошел премьер-министр в простом домашнем костюме; он сел за стол, слегка улыбнулся мне, бросил взгляд на карту и сказал:

— Уберите эту карту. Нам нужна карта, охватывающая больший район.

— Слушаю, сэр,— ответил я. Быстро убрав карту Италии, я положил на стол другую, на которой была изображена почти половина Средиземного моря.

— Еще больше.

Я положил на стол карту, охватывающую все Средиземное море и большую часть Африки.

— Еще больше.

Я положил на стол карту полушария.

— Вот это уже лучше. Только раскраска очень яркая.

— С этим ничего не поделаешь, сэр,— сказал я.

— Ну хорошо, пусть будет эта,— ответил Черчилль. Затем он начал пространно рассуждать о нанесении удара в «подбрюшье Европы» и о том, как, по его мнению, мы должны пройти через Югославию и атаковать противника на побережье Эгейского моря. Объяснив все это, он сказал:

— Вот так, господа, а теперь я оставляю вас, чтобы вы хорошенько подумали.

— Хорошо, сэр,— произнес я.

Черчилль вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Не успели мы еще перевести дух, раздумывая над тем, что предпринять, как дверь снова открылась, из нее высунулась голова Черчилля. Отыскав меня взглядом, он сказал:

— В пятнадцать часов завтра. Хорошо, капитан 1 ранга?

— Конечно, сэр. Так будет лучше.

— Пусть так и будет. Доброй ночи,— сказал Черчилль и отправился спать.

Так случалось не часто, но мы всегда чувствовали, что этот великий человек где-то поблизости, и знали, что он может появиться неожиданно, как с неба свалиться.

Мне припоминается еще один случай несколько иного рода. Помню, как Черчилль подошел ко мне и сказал:

— Капитан 1 ранга, мы, должно быть, родственники.

— И мне так кажется.

— А почему? — спросил Черчилль.

— Я читал вашу книгу «Жизнь Малборо». Там вы рассказываете, что ваш предок, сэр Уинстон Черчилль, был женат на Люси Дрэйк. Их сын Джон Черчилль стал первым герцогом Малборо, который был вашим выдающимся предком.

— Вы хотите сказать, что прочли мою книгу?

— Да. Оба тома.

— И верите тому, что там написано?

— Да. Я знаю, что в ней все верно. Это подтверждается и другими источниками.

— Хорошо, капитан 1 ранга. Значит, мы — родственники».

РАЗЛИЧНЫЕ ОПЕРАЦИИ

ГЛАВА 12

В этой главе рассказывается о нескольких операциях на море, в которых тот или иной отдел разведывательного управления ВМС играл значительную роль. Если бы этот материал был включен в главы, касающиеся работы того или иного отдела управления, то для читателя усложнилось бы понимание всего происшедшего. В данной главе дается подробный анализ роли разведки в спорном решении относительно конвоя PQ.17, краткий рассказ о подготовке рейда на Сен-Назер, анализ трудной и утомительной работы по выслеживанию немецких рейдеров, рассказ о том, как морская разведка овладела тайнами шифра противника, а также сугубо личные воспоминания о том, как мы сумели упредить немцев в Исландии. Весь этот материал следует рассматривать как отдельные части одного большого рассказа.

В Исландию без приглашения. С первых дней войны адмиралтейство не упускало Исландию из вида. Если бы немцы овладели на этом острове аэродромами, не говоря уже о портах и якорных стоянках для подводных лодок, которыми они пользовались бы на переходах в Атлантику и обратно (Франция тогда еще не пала), то создалась бы смертельная угроза Флоту метрополии и торговым путям. Оказалось, что немецкие стратеги в течение почти всей войны не осмеливались на проведение морских десантных операций, без чего нелегко контролировать морские коммуникации. Серьезных планов вторгнуться в Исландию или в Ирландию у немцев никогда не было. Но в то время, весной 1940 года, мы об этом не знали, а поразительный успех немцев в Норвегии позволял считать вероятным, что следующим объектом явится Исландия. Помимо этого военно-морской разведке стало известно, что резервные экипажи немецких подводных лодок жили на острове как добрые гости населения.

Было решено упредить немцев стремительным рейдом на Рейкьявик. Считалось, что рейд небольшими силами привлечет меньше внимания и вызовет меньшую реакцию, чем операция крупными

силами. В Исландии войск не было, имелось только около сотни полицейских. Английский генеральный консул Фрэнсис Шеперд, которому было приказано встретить организованную военно-морской разведкой группу на пирсе в Рейкьявике, был уверен, что никакого сопротивления не будет.

В субботу 4 мая 1940 года офицера японского отдела разведывательного управления ВМС майора морской пехоты Хэмфри Куилла вызвал к себе заместитель начальника управления и сказал, что 6 мая он должен отправиться в Исландию, захватить там немецкого консула и резервные экипажи немецких подводных лодок, а затем организовать охрану побережья. «Вы рыбак, не так ли? — спросил капитан 1 ранга Стефенс.— Это дело должно прийтись вам по вкусу». Куиллу было сказано, что вся операция необычна и поэтому проводится разведывательным управлением и что с ним отправится офицер добровольческого резерва ВМС юрист Пен Слейд, который будет заниматься юридической стороной дела и поможет избежать серьезных нарушений международного права. «Слейду,— сказал заместитель начальника управления,— придется надеть военную форму. Позаботьтесь об этом». В воскресенье с помощью фирмы «Братья Мосс» Куилл быстро решил проблему обмундирования Слейда.

8 мая Куилл и его юрисконсульт вышли на «Беруике» вместе со смешанной группой поддержки морской пехоты, которой командовал генерал Стэрджес. Среди пассажиров был еще один человек, который должен был присоединиться к генеральному консулу и занять пост посланника. Функции переводчика были возложены на учителя средних лет из Итона. Он хорошо знал Исландию, так как увлекался ловлей семги. В этой экспедиции он, кроме того, представлял интересы Черчилля. Перед отправкой Куилл получил большую пачку банкнот, кажется пятьсот фунтов стерлингов, на подкуп нужных людей и содержание лингвиста из Итона.

Два дня спустя в пять часов утра группа высадилась в Рейкьявике и была встречена Фрэнсисом Шепердом. Действуя скрытно, группа приступила к выполнению задачи. Внезапность едва не была утрачена из-за шума винтов гидросамолета, поднявшегося с борта «Беруика». Сопровождаемый взводом морской пехоты, Куилл подошел к дому немецкого генерального консула Герлаха и постучал в дверь. Увидев из окна спальни англичан в военной форме и майора морской пехоты перед дверью своего дома, Герлах прокричал на немецком языке что-то о дипломатическом иммунитете и международном праве, но в конце концов смирился, открыл дверь и позволил себя арестовать.

Когда Куилл допрашивал дипломата, солдаты морской пехоты почувствовали запах дыма — в верхнем этаже дома явно что-то горело. Совершенно случайно англичане захватили с собой небольшой корабельный огнетушитель и с его помощью быстро потушили пламя. Выяснилось, что жена консула вместе с детьми пыталась сжечь дипломатические шифры и другие документы в ванной комнате.

Эпизод с высадкой в Исландию вызвал немалую тревогу в политических кругах Англии. Министерство иностранных дел еще раньше выражало свое недовольство задуманным планом. Однако в тот самый день, когда Куилл тайком пробирался по улицам Рейкьявика, Гитлер вторгся в Голландию, и с любым дипломатическим протестом из Берлина, который мог бы быть вызван высадкой англичан в Исландию, теперь можно было не считаться.

Сначала жители Исландии очень неохотно сообщали Куиллу сведения о местонахождении резервных экипажей немецких подводных лодок. Немцы хорошо платили исландцам, установили дружеские отношения с семьями рыбаков, а те в свою очередь строго соблюдали законы гостеприимства. Кроме того, исландцы не верили, что у англичан хватит сил воспрепятствовать захвату острова немцами, если бы они решились на это. «Почему вы не помогаете голландцам, вместо того чтобы беспокоить нас?» — спрашивали Куилла жители. Проблему решили деньги, ассигнованные разведывательным управлением ВМС. Подарки в виде шелковых чулок, парфюмерных изделий и других предметов роскоши быстро подействовали на исландцев, и они стали сообщать сведения о местопребывании экипажей немецких подводных лодок. Вскоре все немецкие моряки были выловлены.

Второй задачей Куилла и его миссии было создание в Исландии (она превосходила по площади Ирландию) службы наблюдения за наиболее опасными участками побережья. Добровольцев из местного населения стало больше, когда на остров для смены морских пехотинцев прибыли подразделения английских сухопутных войск. Была создана разветвленная сеть постов наблюдения, во главе которой Куилл поставил лейтенанта добровольческого резерва ВМС Конейерса Лэнга, известного орнитолога и яхтсмена.

Последствия всей этой проведенной в любительском стиле умной и весьма необычной операции, резко отличавшейся от профессиональных безжалостных десантных операций, были весьма примечательны. Когда английский гарнизон на острове сменили американцы, Исландия стала топливной базой для кораблей и самолетов, участвовавших в битве за Атлантику, стоянкой для крейсеров и тяжелых крейсеров Флота метрополии и базой, с которой авиация дальнего действия наносила удары по немецким подводным лодкам и рейдерам. «Слишком робко и слишком поздно» — так можно было охарактеризовать некоторые мероприятия англичан летом 1940 года. Но о быстром захвате Исландии, хозяин которой — Дания была оккупирована нацистами, этого сказать нельзя.

Идея рейда на Сен-Назер. Много написано об этом превосходно проведенном рейде, сыгравшем большую роль в поднятии нашего морального духа и нанесшем противнику огромный урон. Рейд на Сен-Назер — захваченную немцами базу на западном побережье Франции — был совершен в марте 1942 года. Однако для историков и знатоков этого вопроса будет интересно узнать факты, иллю-

стрирующие два момента: во-первых, блестящее оформление разведывательной информации и, во-вторых, любопытный метод, с помощью которого были своевременно добыты важные технические сведения, позволившие подробно проинструктировать подрывников, проводивших операцию.

Кроме того, приводимые сведения позволяют уточнить, когда же возникла сама идея о проведении рейда. Историки, видимо, скажут, что датой рождения идеи следует считать день составления соответствующего документа. Однако в нашем распоряжении имеются и словесные, и документальные доказательства того, когда Сен-Назер впервые был упомянут в качестве объекта рейда. Эти доказательства были предоставлены мне начальником отдела разведывательного управления ВМС, занимавшегося в то время Францией и Нидерландами, капитан-лейтенантом Джорджем Гониным, о котором я упоминал в связи с описанием разведывательного обеспечения Нормандской операции.

Вполне естественно, что Гонин обсуждал со своими коллегами из отдела, ведавшего Германией, и со специалистами по немецкому военно-морскому флоту в оперативно-информационном центре разведывательную информацию о базах в Бресте, Лориане, Ла-Паллисе и Сен-Назере, которые давали возможность немецким подводным лодкам и надводным рейдерам, выходившим из Балтики, чувствовать себя уверенными в том, что в случае повреждений они могут зайти в док или укрыться, не подвергая себя опасностям, связанным с прохождением узкостей, ведущих из Атлантики в Северное море. «Бисмарк» был пойман, когда он пытался перейти во Францию, и теперь многие ожидали такого же случая в отношении «Тирпица». Если бы «Тирпицу» такой переход удался, то его мог бы принять только один сухой док — новый док в Сен-Назере. Если же удалось бы вывести этот док из строя, возможности для действий «Тирпица» сократились бы вдвое.

В конце июня 1944 года Гонин представлял разведывательное управление ВМС на совещании с представителями управления десантных операций и штаба оперативного планирования, на котором рассматривались объекты рейдов на побережье Ла-Манша. В то время внимание участников совещания привлекали только небольшие объекты в наиболее узкой части пролива. В перерыве Гонин обратился к капитану 1 ранга Фрэнчу и сказал ему о Сен-Назере. Вскоре управление планирования предложило осуществить рейд на эту базу. По совету Гонина разведывательное управление энергично поддержало это предложение. Отдел, который возглавлял Гонин, начал собирать необходимую информацию, а командующему Плимутским военно-морским районом адмиралтейство приказало подготовить рейд на Сен-Назер — сильно укрепленную базу противника, расположенную в 400 милях от Плимута.

В своих заметках для Чарльза Моргана, об очерках которого по истории разведывательного управления ВМС я уже упоминал, Гонин вспоминает о дальнейшем развитии событий. Прежде всего он попро-

сил разведку ВВС изготовить путем использования аэрофотоснимков крупномасштабный макет базы. Затем Гонин побывал в Медменхеме, где этот макет создавался, и обсудил с фотографами составленный ими отчет о аэрофотосъемках. Все фотоснимки были увеличены, и на них можно было видеть не только орудийные позиции и здания, но даже входы в них.

15 сентября на совещании в адмиралтействе с участием начальника штаба Плимутского военно-морского района и начальника штаба управления десантных операций был принят проект плана рейда. Предлагались две даты в октябре, одна из которых приходилась на день победы в Трафальгарском сражении. Однако командующий Плимутским военно-морским районом адмирал Форбс выдвинул серьезные возражения: он считал, что выход в море неизбежно придется назначить на светлое время суток, за два-три часа до наступления темноты и рейдовая группа наверняка будет обнаружена разведывательной авиацией противника, что исключит преимущества внезапности. Хотя адмиралтейство благосклонно относилось к плану, оно все же сочло неразумным отвергать возражения тех, кому была поручена операция. Взрыв шлюзов дока поручили осуществить управлению специальных операций, но эта задача оказалась невыполнимой из-за размеров сооружения и усиленной охраны его.

Прекрасно выполненный макет в Медменхеме воодушевил Гонина продолжать попытки добиться выбора Сен-Назера в качестве объекта рейда. В конце концов эти попытки увенчались успехом. Гонин вспоминает:

> «В начале 1942 года начальником управления десантных операций стал адмирал Маунтбэттен, который сразу же начал искать подходящие объекты для рейдов. Краткое изложение плана рейда вместе с фотоснимками я показал офицерам разведывательного отдела штаба Маунтбэттена. Адмирал сразу оценил важность Сен-Назера и, понимая все трудности задачи, пригласил к себе на совещание адмирала Форбса. Я на этом совещании не присутствовал, но знаю, что Маунтбэттен сумел переубедить Форбса и зажечь его своим энтузиазмом».

Вся имеющаяся разведывательная информация была передана в штаб начальника управления десантных операций. Капитан-лейтенант резерва ВМС Мурхауз сразу же приступил к разработке плана операции по взрыву дока. Единственная серьезная трудность возникла в связи со все возраставшими требованиями подрывников обеспечить их более подробной информацией.

> «Удовлетворить эти требования оказалось возможным лишь потому, что один из офицеров штаба Маунтбэттена лично знал руководителя института гражданских инженеров, который вспомнил, что в одном из издаваемых инсти-

тутом сборников публиковалась подробная информация о новом доке и даже приводились некоторые чертежи».

Только после рейда из разговора с уцелевшими участниками авторы планов операции поняли, насколько важна была детальная техническая информация для подрывников, действовавших на пирсе в темноте, под ураганным огнем противника и имевших в своем распоряжении считанные минуты. И все же, по словам Гонина, были моменты, когда он и его отдел испытывали сильное раздражение, поскольку, чем больше сведений они давали, тем большими становились требования подрывников.

Особым вкладом оперативно-информационного центра в этой операции (помимо обычной информации об условиях плавания в Ла-Манше и повадках немецких моряков) была информация о секретных опознавательных сигналах, позволившая эсминцу «Кэмпбел», походившему по своему силуэту на немецкий корабль, ответить на запрос прожекторных установок противника и тем самым выиграть время, пока противник решал, открыть огонь или нет.

Своевременная «кража»... Любой офицер оперативной разведки и немецкого, и союзного флота, всегда мечтал о том, чтобы захватить корабль противника со всей командой, овладеть шифрами и кодами, а также другими секретными документами, а корабль после этого незаметно потопить. Тогда появилась бы возможность тайно читать радиопереговоры противника, хотя бы в течение одной-двух недель проверять достоверность информации, полученной из других источников. Естественно, чтобы такая операция удалась, сторона, осуществившая ее, должна сохранить все в тайне, иначе противник, узнав, что захвачен его корабль, немедленно сменит шифры и коды.

Именно такую задачу поставило весной 1941 года разведывательное управление ВМС перед командованием Флота метрополии. Немецкие траулеры, наверняка невооруженные, посылали метеосводки из района Исландия — Фарерские острова — остров Ян Майен. Эти сведения помогали немецкому штабу руководства войной на море наметить наиболее благоприятный момент, в который под покровом тумана и сложных метеорологических условий надводные рейдеры (подобные «Бисмарку» и тяжелым крейсерам) могли бы проскочить из Норвегии в Атлантику. Примерное местонахождение траулеров, способных находиться в море около восьмидесяти дней, было установлено при помощи пеленгования работы их радиостанций. Хотя эти сведения были неточными, они давали отряду крейсеров и эсминцев, ведущих тщательный поиск, неплохие шансы обнаружить небольшой траулер даже в таких, покрытых паковым льдом и туманом районах моря. Личному составу всех участвовавших в поиске кораблей была разъяснена необходимость действовать скрытно, быстро и решительно, чтобы захватить корабль противника прежде, чем будут уничтожены судовые документы.

Первый поиск был предпринят 7 мая 1941 года, когда три крейсера и четыре эсминца вышли в район северо-восточнее Исландии, примерно на полпути между Фарерскими островами и островом Ян Майен. Корабли шли развернутым строем на дистанции около 10 миль между собой. Через два часа после входа в район между крейсером «Эдинбург» и эсминцем «Сомали» был замечен дымок. Траулер, обнаружив английские корабли, поставил дымовую завесу и попытался уйти. Эсминец открыл огонь с дистанции около трех миль, и после нескольких залпов команда траулера начала покидать судно. Эсминец сразу подошел к траулеру «Мюнхен» и вызвал с крейсера «Манчестер» призовую команду, в составе которой был специалист по радиошифрсвязи из оперативно-информационного центра капитан 1 ранга резерва ВМС Хейнс.

Хотя радиостанция была разбита, шифровальная машина выброшена за борт, траулер захватили; на нем были найдены ценные документы, которые немедленно отправили в Скопа-Флоу с эсминцем «Нестор». После потопления «Мюнхена» отряд продолжал поиски в северном направлении в течение двух дней, но безуспешно.

25 июня из Скапа-Флоу вышел небольшой отряд (крейсер и три эсминца) с целью добиться большего успеха, чем его предшественники. Море было окутано туманом, однако радиопеленг, полученный «Бедуином», плюс еще один из адмиралтейства позволили эсминцу «Тартар» обнаружить противника у острова Ян Майен. Крейсер «Нигерия» открыл огонь холостыми снарядами, и все корабли отряда стали сближаться на полном ходу. Команда траулера «Лауенберг», по-видимому, сильно испугалась, так как уже после второго залпа покинула судно, не попытавшись ни затопить, ни повредить его. Двадцать минут спустя на траулере уже хозяйничали моряки с «Тартара». Они тщательно обыскали судно. Были захвачены ценные документы и шифры, сыгравшие немаловажную роль в деятельности оперативно-информационного центра во время битвы за Атлантику. Вскоре адмиралтейство сообщило командующему Флотом метрополии, что проведенные им операции дали весьма ценные результаты.

Может возникнуть вопрос: почему ничего не было предпринято, чтобы привести немецкие траулеры «Мюнхен» и «Лауенберг» в базу, как это безуспешно пытались сделать позднее с подводной лодкой «U-110». И в первом и во втором случае командиры отрядов рассматривали этот вопрос, но отказались от такого соблазна из опасения, что траулер будет обнаружен немецкой разведывательной авиацией. Было важно, чтобы судьба захваченных кораблей оставалась для противника тайной. Если бы командование немецкого флота заподозрило, что скрытность радиосвязи поставлена захватом немецких кораблей под угрозу, оно немедленно приняло бы меры, которые обесценили бы проведенные английским флотом операции по овладению шифрами. Разведывательное управление ВМС радовалось успехам этих тщательно разработанных «краж», и ему было приятно узнать, что командир одного из отрядов крейсеров рекомендовал адмиралтейству, чтобы в операциях подобного рода участвовали спе-

циалисты по шифрам. Среди захваченных, на первый взгляд малозначащих, документов можно было найти исключительно ценную информацию.

Рейдеры. Однажды летом 1940 года молодому младшему лейтенанту добровольческого резерва ВМС, работавшему во французской секции управления, сказали, что после падения Франции он оказался не у дел и что ему необходимо явиться к капитану 1 ранга Клэйтону, работавшему в цитадели. По каким-то причинам начальник управления считал, что его заместитель, возглавлявший оперативно-информационный центр, нуждается в помощнике, таком же, каким был Флеминг в комнате 39. Однако Клэйтон счел, что такой помощник ему не нужен, и отправил его к Дэннингу, поручив последнему найти работу младшему лейтенанту Патрику Бисли. В этом решении не было ничего необычного для практики использования резервистов, но именно так началась подготовка человека, ставшего впоследствии главным помощником Уинна в слежении за движением немецких подводных лодок.

Однако тем, что Бисли приобрел опыт, изучил радиоразведку, тактику немецких ВМС и проблемы морских коммуникаций, он обязан вовсе не подводным лодкам. Дэннинг поручил ему сравнительно новое дело — собирать и наносить на карту все сведения о немецких рейдерах. В то время об этих кораблях противника было известно очень мало, если не считать сообщений о нескольких необъяснимых случаях потопления судов (например, английского «Сайнтиста» 3 мая), которые были отнесены на счет жертв немецких подводных лодок или морской стихии. 18 июля на небольшой вест-индский островок прибыла группа моряков с двух торговых судов, потопленных в Атлантике. Они рассказали о нападении рейдера, который никак нельзя было отнести к категории военных кораблей. Десять дней спустя, к неудовольствию адмиралтейства, в короткой схватке погиб слабовооруженный вспомогательный английский крейсер «Алькантара». Виновником, вероятно, был тот же или еще один рейдер противника. Поиски, осуществленные крейсерами из состава южноамериканского командования, ничего не дали, ибо велись малыми силами на огромных просторах при отсутствии какой-либо разведывательной информации. Противник пожинал плоды внезапности своих действий.

Только значительно позднее стало известно, что немецкий план войны предусматривал переоборудование двадцати шести торговых судов в вооруженные рейдеры, которые должны были действовать на наших морских коммуникациях, топить торговые суда и попытаться таким образом распылить силы нашего флота, особенно крейсера. Первый из таких рейдеров должен был начать действовать в феврале 1940 года в Индийском океане. Фактически первая «волна» рейдеров (три единицы) вышла в море еще в 1939 году, а еще три — в первой половине 1940 года. Гитлер договорился с японцами относительно якорных стоянок, и, как было известно нашей

морской разведке, в нейтральных портах находились суда снабжения, с которых осуществлялась заправка рейдеров топливом и обеспечение их продовольствием и боеприпасами.

Таким образом, порученное Бисли дело перерастало в сложную операцию. Он должен был учитывать разнообразные сведения, рассчитывать возможные перемещения рейдеров, вырабатывать систему кодовых названий для этих судов с тем, чтобы оповещать корабли своего флота в море. Всю собранную информацию в соответствующей надежной форме нужно было довести и до судов торгового флота, которым такая информация могла потребоваться. Таких судов — адмиралтейство не сразу поняло это — оказалось несколько сот, то есть это были суда, выходившие по различным причинам из состава конвоев.

В то время как деятельность самого Дэннинга, следившего за движением линейных кораблей, крейсеров, тральщиков и эскортных кораблей, а также за постановкой противником минных полей и действиями его морской авиации (после того как было покончено с «Графом Шпее»), чаще всего ограничивалась Балтийским и Северным морями, Ла-Маншем и Северными районами Атлантики, Бисли вскоре пришлось следить за движением рейдеров по всем океанам и морям мира.

Сбор разведывательной информации о рейдерах затруднялся многими обстоятельствами. Во-первых, находясь в море, рейдеры соблюдали строгое радиомолчание, нарушая его только для встреч с судами снабжения или на переходе к своим базам. Во-вторых, они вели радиопередачи специальными, весьма кратковременными сигналами, которые могли быть приняты только специально обученными операторами в штабах немецкого командования. В-третьих, рейдеры избегали подходить близко к порту или другому району, где их могли бы опознать или сфотографировать. Таким образом, рейдеры ускользали от обнаружения как английской радиоразведкой, так и агентурой в нейтральных портах. Рейдеры довольствовались посредственными жертвами, уклоняясь от встречи с военными кораблями и прокладывая свой путь вдалеке от обороняемых береговых объектов. Немцы считали достаточным потопить два-три торговых судна противника в месяц. В-четвертых, рейдеры тщательно маскировались. Если какой-нибудь из них и мог быть опознан как торговое судно довоенного времени (мы располагали справочниками о судах), то такая информация не приносила большой пользы. На многих из них устанавливались ложные дымовые трубы и мачты, сооружались фальшборты и палубные надстройки. Команда, состоявшая, как правило, из 300—400 человек, быстро перекрашивала суда в море, и поэтому описание судна, переданное адмиралтейством сегодня, могло три дня спустя оказаться не соответствующим действительности. В-пятых, рейдеры старались использовать такую тактику, которая имела целью не допустить, чтобы их жертвы могли передать в эфир сигнал бедствия и, следовательно, дать знать о себе находившимся в готовности крейсерам английского флота.

Рейдеры либо открывали огонь без предупреждения, либо предупреждали атакуемое судно, что любая попытка передать сигнал повлечет за собой немедленное уничтожение судна огнем 150-мм орудий. Иногда рейдеры совершали нападение ночью, а на борту одного из них имелся торпедный катер, способный развивать скорость до 37 узлов. На борту большинства рейдеров имелись один или два самолета, с помощью которых им удавалось избегать неожиданной встречи с военными кораблями или обнаруживать суда для нападения, прежде чем те сумеют обнаружить рейдер. Совершив нападение, рейдер спешил покинуть данный район, идя со скоростью 16 узлов.

Таким образом, разведка могла лишь рассчитывать на мужество капитанов атакуемых судов, которые, невзирая на опасность, немедленно сообщали об обнаружении рейдера. Лишь в таких случаях Бисли получал возможность зафиксировать данные о рейдерах на своей карте. Другим источником служили показания уцелевших или бежавших из плена моряков потопленных судов. Иногда эти сведения становились известными полгода спустя. Полезными были и донесения капитанов судов, которым удавалось уйти от преследования рейдера благодаря преимуществу в скорости хода, а также показания некоторых пленных немецких военных моряков. Никакая другая информация не добывалась с таким трудом и никакие другие сведения нашей военно-морской разведки не приходилось уточнять так часто, как информацию о рейдерах.

Помимо всего прочего рейдеры часто меняли названия, а некоторые из них имели не менее четырех наименований. Например, первоначальное название рейдера «С» до его переоборудования было «Голденфелс». Став рейдером, он получил название «Атлантис», в немецком флоте он числился под номером 16, а в английской военно-морской разведке — рейдером «С». Такое алфавитное обозначение было показательно для того времени, когда Бисли мог опознавать рейдеры по отрывочным данным. Например, случай, о котором поступило донесение из района «X», свидетельствовал, что речь идет не о том рейдере, который потопил судно в тот же день в районе «Y», находящемся в 900 милях от первого. Поэтому, если второй рейдер уже был назван «А», первый получал обозначение «В». Если поступало сообщение еще об одном рейдере или о загадочной гибели судна в районе, где не могли находиться ни «А», ни «В», тогда этот рейдер получал наименование «С». По таким отрывочным данным в конце концов удавалось устанавливать маршрут движения рейдеров, определять их тактику и приемы и после тщательного анализа всей информации намечать план действий кораблей английского флота. К тому времени, когда действия немецких рейдеров достигли апогея, в списке Бисли уже числился рейдер «К». К концу 1941 года новых рейдеров в море уже не появлялось, а к концу 1942 года с угрозой с их стороны нашему судоходству было покончено.

Усилия, которых потребовала борьба с рейдерами от надводных сил английского военно-морского флота одновременно в северных

водах Атлантики и на Средиземноморье, были значительными. Идеальным средством борьбы с рейдерами была авиация дальнего действия или легкие авианосцы, однако до 1942 года этих средств или было мало, или они вовсе не существовали. К концу 1940 года рейдерами было потоплено 50 судов суммарным тоннажем 366 тыс. тонн, а в течение первого полугодия 1942 года — 38 судов суммарным тоннажем 191 тыс. тонн. По сравнению с жертвами немецких подводных лодок или с общим тоннажем судов, действовавших в море, эти потери были незначительными. Рейдеры не могли добиться решающих результатов, однако наш военно-морской флот остро ощущал их деятельность.

В каждом выпуске еженедельного разведывательного обзора, который готовился для флота коллегами Бисли из 19-го отдела, содержались новейшие данные о рейдерах, приводились их силуэты, характеризовались их возможности. Постепенно вырисовывалась картина боевого пути каждого рейдера, накапливались сведения об их командах и тактике действий. Однако адмиралтейству потребовалось более двух лет, чтобы выработать систему, с помощью которой наши военные корабли, встретив рейдер, могли сразу определить, является ли он таковым. Например, когда рейдер «F» («Пингвин») был задержан крейсером «Корнуол» в Индийском океане, он сначала выдал себя за норвежское судно «Тамерлан», но в этом сразу усомнились. Для любого корабля было небезопасно находиться вблизи вооруженного 150-мм орудиями рейдера, призовая партия проверяла судовые документы. Об этом свидетельствует судьба австралийского крейсера «Сидней», который в ноябре 1941 года был потоплен в тот момент, когда решил потопить «Корморан» (рейдер «G»). До тех пор пока в адмиралтействе не стали вести оперативную карту движения всех судов торгового флота союзных стран и пока любой корабль не получил возможность пользоваться этими данными для проверки подлинности названия встреченного им судна, уловки противника, как правило, удавались. Кроме того, адмиралтейству никогда не удавалось организовать ознакомление всех капитанов английского торгового флота с данными разведки.

Однако в тщательно разработанной немцами системе имелось одно слабое звено, которое в конце концов удалось выявить главным образом потому, что Бисли, являясь сотрудником оперативно-информационного центра, возглавляемого Дэннингом, постоянно поддерживал контакт с людьми, в обязанность которых входило наблюдение за перемещениями подводных лодок, военных кораблей и судов немецкого флота. Было совершенно очевидно, что немцы создали сложную систему снабжения кораблей в море, которой могли пользоваться различного рода рейдеры, действовавшие на наших коммуникациях: карманный линейный корабль, вышедший в море на две недели для рейдерских операций; подводные лодки, находившиеся в море сверх сроков патрулирования, рейдеры, находившиеся в плавании в течение года и более. Успех их действий в отдаленных районах зависел от обеспечения скрытной встречи с судами снабже-

ния в море. Во время таких встреч они пополняли не только запасы топлива и продуктов питания, но и восстанавливали израсходованные припасы, а также получали необходимые распоряжения. Хотя оперативно-информационный центр не сумел установить места этих встреч, с помощью радиопеленгаторных станций были получены другие ценные сведения. В начале лета 1941 года, когда велась охота на «Бисмарка» и «Принца Ойгена», оперативно-информационный центр выдвинул предположение, что попытка прорыва этих кораблей будет связана с другими перемещениями и что в центральных районах Атлантики будет находиться много судов снабжения. Так и случилось. В ходе поисковой операции, проведенной Флотом метрополии в июне месяце, были захвачены девять судов снабжения. По данным немецких архивов, это был смертельный удар, от которого рейдеры так и не сумели оправиться. Он был эквивалентен потере двух-трех заморских баз.

Типичным примером действия рейдеров является боевой путь рейдера «С», о котором уже упоминалось. Выйдя из немецкого порта в конце марта 1940 года под видом советского торгового судна, направляющегося в Мурманск, рейдер незамеченным проскочил через Датский пролив в Атлантику. Затем он получил приказ направиться на юг под видом японского судна и 3 мая на маршруте Кейптаун — Фритаун потопил английское судно «Сайнтист». Это был первый сигнал о действиях рейдера, полученный в Лондоне. После постановки мин у мыса Игольный рейдер, замаскированный под голландский транспорт, направился в Индийский океан. Потопив несколько ценных судов, захватив секретную почту и кодовые сигнальные своды, рейдер в течение сентября укрывался в проливе Сунда, между Явой и Суматрой, то есть в тысяче миль от того района, где он совершил первое нападение. В проливе Сунда рейдер захватил и повел с собой два норвежских танкера, а в декабре подошел к островам Кергелен. Только в ноябре 1941 года, когда рейдер действовал в качестве судна снабжения для возвращавшейся на базу немецкой подводной лодки, он был задержан и потоплен крейсером «Девоншир».

Можно в равной мере считать и положительным и отрицательным явлением в деятельности рейдеров тот факт, что они не нападали на конвои, корабли охранения которых могли оказаться слишком сильными и быстроходными. Сосредоточив свое внимание на одиночных судах, они добились важного морального эффекта и опровергли утверждение адмиралтейства о том, что оно имеет возможность свободного выбора безопасных маршрутов для судов, обладающих достаточно высокой скоростью хода, чтобы уйти от подводных лодок. В то же время такая тактика рейдеров давала им больше шансов оставаться необнаруженными. Потопив судно, рейдер мог уйти в направлении, которое выбиралось с учетом имевшихся данных о маршрутах движения английских кораблей и судов. Хотя Бисли и его коллеги пытались установить какую-то закономерность в движении рейдеров после атаки, командиры рейдеров всегда имели возможность выбрать самый неожиданный вариант отхода. В исто-

рии войны на море ничто так ярко не иллюстрирует основную трудность ведения разведки, как необходимость вести наблюдение и поиск на огромных морских просторах, на которых участок Атлантического океана шириной в тысячу миль считался «коридором».

Одним из уроков для разведки в борьбе против рейдеров является тот факт, что на основе отрывочных, на первый взгляд не имеющих ничего общего сведений можно составить достаточно ценную информацию. Другой, не менее важный урок состоит в том, что необходимо доводить до судов торгового флота все, что известно о противнике. Рассылка разведывательной информации очень часто осуществлялась медленно, а сама информация передавалась капитанам в недостаточно полном объеме, частично из-за увлечения секретностью сведений и частично ввиду трудностей связи с судами, находящимися в море. Нет сомнения в том, что потери от действий рейдеров были бы значительно меньше (примером является гибель крейсера «Сидней»), если бы разведывательная информация рассылалась быстрее.

«Отрицательный ответ». Нетрудно понять человека, который говорит: «Ничего не произошло, поэтому, насколько мне известно, в обстановке ничто не изменилось». Несмотря на отрицательные слова в этой фразе, в общем-то она представляет собой утвердительную информацию. Значение информации, содержащей сведения об отсутствии чего-либо, очень часто недопонимается, а человек, который сообщает ее, может оказаться в неудобном положении, или ему вообще не поверят. Классическим примером (интересным и важным, поскольку последствия носили катастрофический характер) являются события, касающиеся конвоя PQ.17, направлявшегося в Советский Союз в июле 1942 года. Первый морской лорд Дэдли Паунд, лично отдававший приказ конвою рассредоточиться, полагая, что немецкие тяжелые корабли, и среди них «Тирпиц», намерены атаковать конвой, предпочел собственную оценку, не обратив внимания на отрицательный ответ, данный ему специалистами разведки. Паунд имел право так поступить, но анализ разведывательной информации свидетельствует об ошибочности его решения.

Разумно сразу сказать, что именно ставилось на карту в этой операции. В результате атак подводных лодок и бомбардировщиков торпедоносцев, базировавшихся на Норвегию, из 35 судов конвоя, брошенных на произвол судьбы кораблями охранения, мы потеряли 23 судна, имевших на борту 3350 автомашин, 430 танков, 210 самолетов и 100 000 тонн других грузов. Для России, выдерживавшей в этот момент мощнейший натиск гитлеровской армии, это была огромная потеря.

Сталин в течение нескольких недель настоятельно требовал от Рузвельта и Черчилля ускорить доставку грузов, скопившихся в американских и английских портах. Однако адмиралтейство и командующий Флотом метрополии согласились только попытаться провести крупный конвой в летних условиях, которые, по их мнению, благоприятствовали немецкой авиации, базировавшейся в Норвегии

и насчитывавшей около 200 самолетов. К тому же в то время к атаке был готов не только «Тирпиц» (однотипный с «Бисмарком», на потопление которого ушло так много времени), находившийся в Тронхейме, но и «карманные» линкоры «Шеер» и «Лютцов», тяжелый танкер «Хиппер» и крупное соединение эсминцев. Никогда, ни до, ни после 4 июля 1942 года, немецкая группировка тяжелых кораблей не была столь большой и в такой степени способной помериться силами с Флотом метрополии, корабли которого обычно прикрывали арктические конвои. Немцам не хватало только одного — авианосца, который обеспечил бы истребительное прикрытие кораблей в море от атак с воздуха самолетами-торпедоносцами, базировавшимися на авианосцы Флота метрополии.

И еще одно обстоятельство усложняло дело — в состав сил Флота метрополии входили американские корабли — линейный корабль «Вашингтон» и крейсера «Таскалуза» и «Уичита». Их присутствие свидетельствовало о том, что силы английского флота были напряжены до крайности в Средиземном море, Атлантике и Северном море, так же как и силы американцев на Тихом океане. Если Гитлер и Редер боялись потерять крупные корабли, поскольку таких кораблей у них было мало, то Черчилль и Паунд опасались таких потерь не меньше. Они не желали рисковать своими кораблями в бою с «Тирпицем» и его мощной эскадрой. Однако, учитывая боевые традиции английского флота, немецкое командование не могло полагаться на это и предполагало как раз обратное. 4 июля ни одна из сторон не знала, в каком напряжении находится противник. Справедливо заметить, что озабоченность Паунда обстановкой на море лишила его способности понимать соблюдаемую немцами осторожность и вспомнить о том, что совсем недавно «Тирпиц» едва избежал внезапного нападения торпедоносцев с «Викториеса».

Насколько глубоки были опасения, настолько же велик был и соблазн. Если бы «Тирпица» удалось втянуть в бой с силами прикрытия, выделенными Флотом метрополии и располагавшими такими кораблями, как «Дьюк ов Йорк», «Вашингтон» и авианосец «Викториес», который был способен обеспечить ведение поиска в обширном районе и нанесение мощных торпедных атак с воздуха, если бы английские эсминцы получили возможность снова продемонстрировать свое искусство ведения боя ночью, то можно было бы рассчитывать на нанесение решающего удара по главным кораблям немецкого военно-морского флота и, следовательно, лишить гитлеровское командование возможности использовать в дальнейшем стратегический принцип «fleet in being», которого оно придерживалось на протяжении всей войны. В случае уничтожения или серьезного повреждения «Тирпица» Флот метрополии мог бы перебросить часть своих сил в Средиземное море, усилить охранение конвоев в Атлантике, а американские корабли высвободились бы для использования на Тихом океане. Аналогичным образом могли рассуждать и немцы: уничтожить крупный конвой, направляющийся в Россию, нанести сокрушительный удар по английскому флоту (разве «Бисмарку» не

удалось потопить «Худ» в считанные минуты?) в данный момент значило бы поднять моральный дух немецкого народа, который ждал, но так и не дождался быстрой победы над Россией.

Таким образом, перед Дадли Паундом стояли сложные и важные политические и стратегические проблемы, когда он обратился к военно-морской разведке с несколькими прямыми вопросами. Ответы были простыми, основанными на фактах. Однако Паунд требовал точных сроков и точных сведений о группировке сил, чтобы принять самое трудное решение. Ответ на эти вопросы мог дать агент, находящийся на борту «Тирпица» и имеющий возможность быстро связаться с оперативно-информационным центром в Лондоне, пользуясь абсолютно надежным шифром. Но такое случается только в романах. Разведчики могли предложить Паунду лишь общие данные радиоразведки о дислокации немецкого флота и авиации в Норвегии; информацию, получаемую от надежных агентов в Альтен-фьорде, где укрывался и пополнял запасы топлива «Тирпиц», и, наконец, данные радиопеленгаторных станций, если бы «Тирпиц» или сопровождающие его корабли нарушили радиомолчание. Ко всему этому капитан 2 ранга Дэннинг мог добавить свой четырехлетний опыт ежедневного и кропотливого изучения повадок немецких военных кораблей, а также разведывательную информацию, поступавшую из нескольких менее важных источников. Служебный долг Дэннинга состоял в том, чтобы предположить, что немцы могут и что не могут сделать. Долг Паунда состоял в том, чтобы решить, как должны действовать в сложившейся обстановке английские и американские корабли и суда конвоя. В данном случае Паунд решил, что немцы будут атаковать, и поэтому приказал конвою рассредоточиться, сознавая, что немецкие бомбардировщики берегового базирования смогут нанести удар по судам конвоя и что множество немецких подводных лодок находится поблизости. Как же все произошло?

Первый морской лорд часто появлялся в оперативно-разведывательном центре и интересовался разведывательными картами, отображавшими движение немецких подводных лодок и надводных кораблей. Здесь Паунд имел возможность беседовать с людьми, следившими за действиями флота противника, поделиться с ними своими мыслями и, таким образом, восстановить часто нарушавшуюся связь между оперативными и разведывательными органами. Между прочим, именно с целью обеспечения такой связи и был создан оперативно-информационный центр.

Поэтому Дэннинг не удивился, когда вечером 4 июля в его кабинете появился Паунд, сопровождаемый помощником начальника штаба ВМС Бриндом и начальником отдела противолодочной обороны Кризи. Дэннинг знал, о чем пойдет речь. Знал это и Уинн, возглавлявший пост слежения за движением немецких подводных лодок. И Дэннинг, и Уинн понимали, что речь идет о проводке крупнейшего в истории войны конвоя. Служба слежения за подводными лодками испытывала обычные трудности в получении точных данных радио-

пеленгования в северных водах, которые позволили бы уверенно доложить о дислокации немецких подводных лодок в Баренцевом море. Поздно вечером 3 июля разведка доложила командующему Флотом метрополии, что немецкие самолеты, наблюдающие за движением конвоя, наводят на него подводные лодки. Рано утром 4 июля командованию Флотом метрополии донесли, что в течение ночи противник вел непрерывное наблюдение за конвоем. Адмиралтейство предположило, конечно, что немцы передавали все полученные авиацией сведения на борт «Тирпица». Обе стороны могли легко рассчитать примерное положение конвоя на любые часы 5 июля, а также время, которое потребовалось бы «Тирпицу» и сопровождающим его эсминцам для перехода в район следования конвоя.

Дэннинг знал, что днем 3 июля «Тирпиц» и тяжелый крейсер «Хиппер» вышли из Тронхейма в северном направлении и что эти корабли наверняка пополнят запасы топлива в Альтен-фьорде 4 июля, если они намерены действовать. По просьбе Дэннинга самолет берегового командования «каталина» произвел разведку норвежских фьордов, но безрезультатно. Густой туман над Нарвиком, где укрывались «Лютцов» и «Шеер», не позволил произвести аэрофотосъемку. До вечера 4 июля воздушная разведка не смогла дать никакой информации. Поэтому Дэннинг с нетерпением ждал донесений агентов с мест о том, что «Тирпиц» и другие корабли вышли из Альтен-фьорда, или возможности по аэрофотоснимкам сделать вывод о том, что эти корабли все еще находятся в Альтен-фьорде.

Весь день 4 июля в кабинете Паунда не прекращалось совещание. Адмиралтейство превратилось в штаб оперативного руководства, из которого командиру конвоя PQ.17 и командующему Флотом метрополии на борту «Дьюк ов Йорка» передавались не только советы и информации, но и приказы. Паунд добивался точной информации. Это видно из характера тех вопросов, которые он задал Дэннингу. По словам очевидцев, состоялся следующий диалог:

Паунд: Вышел ли «Тирпиц» в море?

Дэннинг: Если бы он вышел в море, то мы наверняка узнали бы об этом в пределах четырех — шести часов после выхода.

Паунд: Можете ли вы с уверенностью сказать, что «Тирпиц» все еще в Альтен-фьорде?

Дэннинг: Нет. Я буду располагать уверенной информацией лишь в том случае, если «Тирпиц» выйдет в море.

Паунд: Можете ли вы, по крайней мере, сказать, готов ли «Тирпиц» к выходу в море?

Дэннинг: Я могу только сказать, что «Тирпиц» не выйдет в море в ближайшие несколько часов. Если бы он был уже готов к выходу, то раньше вышли бы эсминцы, чтобы прикрыть линейный корабль от возможного нападения подводных лодок. Донесений об этом от наших подводных лодок, патрулирующих у Альтен-фьорда, не поступало.

Не сказав больше ни слова, Паунд вместе с сопровождающими его лицами отправился на оперативный пост слежения за движением подводных лодок. Уинн доложил, что обстановка в Баренцевом море неблагоприятная. Даже при наличии сил охранения судам конвоя угрожала серьезная опасность.

Когда первый морской лорд около семи часов вечера вернулся в свой кабинет, он все еще не располагал точной разведывательной информацией о том, что четыре крупных немецких корабля или «Тирпиц» и эсминцы идут к конвою. Если бы это было так, то легким крейсерам ближней поддержки сил охранения грозила бы серьезная опасность. А крейсера были очень дороги. Если же немецкие тяжелые корабли не шли еще к конвою, а «Тирпиц» намеревался теперь выйти в море (или вышел не более двух часов назад) и если донесение об этом поступило бы быстро, то «Дьюк ов Йорк», «Вашингтон» и «Викториес», находившиеся в 350 милях западнее конвоя, могли бы с помощью авианосной авиации войти в боевое соприкосновение с противником и либо втянуть «Тирпица» в бой, либо заставить его уйти обратно в базу.

Пока на совещании, начавшемся в половине девятого вечера, обсуждались все «за» и «против», начальник оперативно-информационного центра контр-адмирал Клэйтон, являвшийся непосредственным начальником Дэннинга, с нетерпением ждал развития событий. До сих пор рекомендации специалистов центра адмиралтейством принимались. В данном случае обстоятельства складывались так, что выводы центра могли быть отвергнуты. Клэйтон был уважаемым и умным адмиралом в отставке, но не тем человеком, который мог бы вступить в спор с Паундом и его заместителем вице-адмиралом Генри Муром. Он мог бы обратиться за помощью к начальнику разведывательного управления, подчиненного только Паунду и Муру, но Годфри находился в инспекционной поездке в Шотландии.

В одиннадцать минут восьмого Паунд приказал крейсерам отойти на максимальной скорости в западном направлении. Как позднее жаловался адмирал Тови, «этот приказ, видимо, основывался на информации о действиях немецких подводных лодок, однако причина отвода крейсеров не была сообщена адресатам». Тови мог понять, что приказ основан не на информации о подводных лодках, а на донесениях о выходе в море крупных немецких кораблей, о чем Тови был предупрежден заранее, еще до отправки конвоя. Крейсера имели приказ покинуть конвой по достижении определенного района, если адмиралтейство не заверит их, что нет опасности встречи с «Тирпицем». Возможность получения такого заверения была подтверждена в приказе адмиралтейства, который был послан крейсерам еще до разговора Паунда с Дэннингом и в котором говорилось, что крейсеры должны оставаться с конвоем «до особого распоряжения», поскольку ожидалось поступление дополнительной информации. Это было в 16 часов 58 минут. Таким образом, для кораблей, находящихся в море, обстановка была совершенно неясна.

После долгих споров, о ходе которых не сохранилось каких-либо записей, предпочтение получила точка зрения о необходимости немедленно рассредоточить конвой. Осуществить рассредоточение конвоя в любой момент и в любом месте было уже невозможно, поскольку он шел близко к кромке паковых льдов, а немецкие тяжелые корабли, если бы они решили напасть на конвой, появились бы с юга. Многие офицеры и адмиралы возражали против рассредоточения конвоя, но заместитель начальника штаба ВМС Мур выступил в поддержку мнения Паунда. Тогда последний лично написал приказ конвою рассредоточиться «ввиду угрозы нападения надводных кораблей». Это было в 9 часов 23 минуты по среднему гринвичскому времени, то есть через два часа после разговора Паунда с Дэннингом.

Когда Клэйтон возвратился в оперативно-информационный центр и рассказал Дэннингу о решении Паунда, тот был удивлен и очень недоволен тем, что его заверение о быстром получении информации относительно выхода «Тирпица» в море было отвергнуто. Дэннинг попросил Клэйтона пойти к Паунду и доложить ему, что, по данным разведки, немецкие тяжелые корабли еще не вышли в море. Клэйтон выполнил эту просьбу, однако Паунд настаивал на получении прямых доказательств и сказал, что не может отменить приказа. О том, что произошло с конвоем в последовавшие несколько дней, хорошо известно. Что касается немецких кораблей, то «Тирпиц» и эсминцы до утра 5 июля оставались в Альтен-фьорде, а потом на короткое время вышли в море (об этом оперативно-информационный центр узнал своевременно), но вернулись в базу, когда немецкому командованию из донесений разведки стало известно, что английские подводные лодки ведут наблюдение за кораблями и что возможно появление английского авианосца.

С разведывательной точки зрения в разговоре Паунда с Дэннингом внимание привлекают два факта. Во-первых, стремление Дэннинга отвечать на вопросы только так, как они поставлены:

— Известно ли вам, что это уже произошло?

— Нет, но если бы это произошло, мне стало бы известно об этом очень быстро.

Если бы Паунд спросил: «Подводил ли вас когда-нибудь ваш источник?», то ответ был бы таким: «Нет, ни разу. Если бы с ним что-нибудь случилось, у него есть партнер». Этот факт очень важен в данной ситуации, но начальник штаба ВМС не поинтересовался подробностями об агентах. Кроме того, Дэннинг знал, что агент мог передавать информацию только в условленное время, поскольку с большим риском для себя работал в небольшой деревушке на берегу Альтен-фьорда.

Второй вопрос, представляющий интерес с разведывательной точки зрения, уже затрагивался. Он касается нежелания начальства доверять так называемой «отрицательной информации». Это общечеловеческая слабость, на которую не раз обращал внимание Шерлок Холмс. Опытный офицер разведки, прослуживший долгое время на кораблях, был прав, когда, вопреки мнению адмиралтейства и бом-

бардировочного командования, утверждал, что «Шарнхорст» и «Гнейзенау» попытаются прорваться через Ла-Манш. При этом он обосновывал свой вывод тем, что отсутствие разведывательной информации следует истолковывать положительно. Дэннинг знал, что после потопления «Бисмарка» флот в гитлеровской Германии, за исключением подводных сил, был на положении пасынка вермахта, не располагал достаточным количеством средств авиационной поддержки, не имел авианосцев. Если конвой PQ.17 можно было уничтожить с помощью подводных лодок и авиации, то немецкое командование наверняка предпочло бы не рисковать тяжелыми кораблями. Дэннинг не знал того, что известно нам теперь: командующему немецким флотом было запрещено проводить наступательную операцию, если разведка не установит точно, где находится авианосец, входящий в состав сил Флота метрополии.

Сейчас Дэннинг клянет себя за то, что не сумел проявить настойчивости и не выступил против решения начальника штаба ВМС. Однако Дэннинг остался верным принципу, состоящему в том, что достоверной и надежной разведывательную информацию можно считать только тогда, когда она основана на фактах, а не на субъективных мнениях. Дэннинг был и остается уверенным в том, что, когда Паунд вышел из его кабинета, у него еще не было твердого намерения отдать приказ о рассредоточении судов конвоя. А Паунд был не из тех, кто способен взвалить ответственность на плечи подчиненных.

Одна связанная с разведкой загадка так и осталась неразгаданной. Выступая на заседании правительства, рассматривавшего дело о конвое PQ.17, Паунд заявил, что в ночь на 4 июля была получена информация о том, что «Тирпицу» удалось проскочить незамеченным подводными лодками, ожидавшими его у Нордкапа, и что «Тирпиц» может атаковать конвой утром 5 июля. Дэннинг подтверждает, что было бы правильным сказать следующее: разведывательному управлению было известно, что наши подводные лодки не заметили перехода «Тирпица» из Тронхейма в Альтен-фьорд. Однако тот факт, что в ночь на 4 июля «Тирпиц» прибыл в Альтен-фьорд, не позволяет утверждать, что он был готов атаковать конвой утром 5 июля. Ясно, что Паунд что-то перепутал.

Автор не имеет целью восхвалять или критиковать Паунда и штаб ВМС за решения и действия, которые, как мы можем судить сейчас, были ошибочными. Однако по поводу критических замечаний в связи с тем, что Паунд неоправданно увлекался личным руководством действиями на море, нужно сказать следующее. Именно качество представленной ему разведывательной информации обусловило такую степень участия адмиралтейства в руководстве действиями кораблей в море. А если это так, то разве Паунд, отдавая приказы командующему Флотом метрополии и контр-адмиралу Гамильтону, не должен был основываться на разведывательной информации? Поступи Паунд таким образом, он был бы абсолютно прав. Час спустя после того, как он принял решение рассредоточить конвой,

поступила разведывательная информация о том, что «Тирпиц» определенно не вышел в море. Но было уже поздно, слишком поздно.

Прорыв блокады. Хорошим примером тех задач, которые выполняла группа Дэннинга в оперативно-информационном центре, служит ее деятельность, связанная с операциями по вывозу грузов из Гётеборга в Гулль. Эти операции известны под названиями «Рабл», «Перформанс», «Кабарэ» и «Бридфорд». Они были начаты в январе 1941 года доставкой из нейтральной Швеции в Англию 25 000 тонн дефицитных шарикоподшипников и других материалов для авиационной и танкостроительной промышленности. Грузы были доставлены через Северное море на пяти норвежских судах. В период с октября 1943 года по середину марта 1944 еще 350 тонн изделий из стали и 67 беженцев были доставлены в Англию на переоборудованных катерах. Эти операции не столько являлись контрабандными действиями, сколько представляли собой прорыв блокады под самым носом у кораблей немецкого флота, действовавших из своих баз и баз на оккупированных территориях Норвегии и Дании. Их успех вызвал серьезное раздражение нацистских руководителей, поскольку Германия сама испытывала острую нужду в этих материалах и поскольку они показывали всей Скандинавии, что война развивается совсем не так, как планировал Гитлер.

Для обеспечения успеха этих операций были необходимы не только точные метеорологические данные, но и информация о местонахождении немецких эсминцев, сторожевых катеров, тральщиков и минных полей. После неудач 1942 года, изучив данные военно-морской разведки о немецких минных полях в районе Скагеррака, Джордж Бинни, руководивший операциями по прорыву блокады, и начальник оперативного управления адмиралтейства капитан 1 ранга Экклз, несмотря на тяжелые метеорологические условия в Северном море, решили использовать вместо торговых судов катера с небольшой осадкой.

Об огромном желании немецкого командования помешать переброске грузов из Гётеборга в Гулль свидетельствует тот факт, что для перехвата катеров с грузами в Кристиансанде часто стояли пять-шесть эскадренных миноносцев, в которых немецкий флот испытывал острый недостаток. Тральщики патрулировали в Скагерраке, а сторожевые катера дежурили у побережья Швеции, действуя на удалении пяти миль друг от друга. Задача оперативно-информационного центра состояла в том, чтобы с помощью разведывательной авиации и службы радиоперехвата день за днем следить за расположением сил флота противника и давать рекомендации Бинни относительно времени перехода судов из Иммингема в Лизекиль.

ПЕРЕД ВТОРЖЕНИЕМ

ГЛАВА 13

Нигде с такой силой не проявляется функция разведки по сбережению человеческих жизней, как в работе, в результате которой морской десант высаживается в нужном месте на обороняемый противником берег и может развивать свой успех в глубь территории. Чтобы войска десанта могли с доверием относиться к имеющимся картам и схемам, к тем сведениям о глубине дна, направлении дорог, расстояниях и высотах на местности, которые им сообщают перед началом операции, вся эта информация должна быть заблаговременно тщательно проверена и изучена. Именно этим и отличаются разведывательные данные от обычной информации. Войска, высаживавшиеся на занятое противником побережье Северной Африки и Европы в конце 1942 года и весной 1945 года, а также на побережье Юго-Восточной Азии, нужно было снабжать, обеспечивать связью, подкреплениями и авиационной поддержкой. Помимо этого каждой десантной операции должна была предшествовать глубокая исследовательская работа. Каждый, кто помнит о невежестве и неосведомленности, проявленных англичанами у Галлиполи в 1915 году (и в Норвегии в 1940), не потерпит со стороны штабного офицера пренебрежения к так называемой топографической разведывательной информации.

Однако, чтобы значение этой информации стало понятным, нужно было оторвать военное министерство от его увлечения сбором данных о группировке и составе сил противника, доказать министерству авиации, что нельзя думать только о промышленных объектах бомбардировки в Германии, убедить адмиралтейство в том, что скалы, мели, необорудованные участки побережья необходимо научиться преодолевать, а не просто избегать. Энергия и настойчивость, с которыми Годфри, а затем Рашбрук добивались этой цели, вызывали недовольство в министерствах и ведомствах.

Прежде чем заняться рассмотрением всех тайн этого рода разведывательной информации и методов ее сбора, полезно сказать несколько слов о том, как пользуются ею офицеры планирующих

органов. Предположим, что сложилась обстановка, аналогичная той, в которой планирующим органам всех трех видов вооруженных сил пришлось принимать решение после падения Франции. Сил для вторжения на континент, обороняемый немецкими и итальянскими войсками, просто не было, и нельзя было рассчитывать на то, что они будут накоплены раньше, чем через два года. Тем не менее нужно было иметь представление о том, где следует прощупать силы противника, где нанести удар и где сосредоточить свои силы в будущем. Необходимо было подумать и о методах подготовки войск к вторжению. Планирующие органы в отличие от разведки знают больше о своих войсках, чем о противнике. Офицеры-плановики в своих рассуждениях исходят из известных им боевых качеств своих войск, возможностей своих транспортных средств (сколько они могут перевезти груза, за сколько рейсов и на какое расстояние), дальности действия истребителей, количества предметов снабжения для своих войск и т. п. К этим соображениям добавляются известные данные о группировке и составе сил противника в наиболее уязвимом с одной или нескольких точек зрения районе. На этой основе начинают проясняться те или иные задачи — от таких тактических задач, как уничтожение крупной радиолокационной станции на берегу Ла-Манша или отражение возможного удара японцев по Мадагаскару, до таких стратегических, как высадка десанта в тылу немецких экспедиционных войск Роммеля в Северной Африке и удержание захваченного плацдарма. Соответственно вырисовываются различные предположения, составляются планы действий. Как всегда, энтузиасты требуют подробной, а скептики — еще более подробной информации.

Именно на этом этапе в работу включаются специалисты по топографии. Например, высадка возможна и на Сардинии, и на Корсике. При прочих равных условиях где же лучше условия местности? Другой пример. Имеется возможность быстро высадиться на Андаманские острова в условиях продолжающегося наступления японцев и тем самым облегчить положение американцев в зоне Тихого океана. Но есть ли на островах удобное место для высадки? Каковы будут условия обеспечения войск, если их оставить на островах? Какие ресурсы имеются там? Можно ли рассчитывать на поддержку местных руководителей и населения? Хотя и не полностью, решение об операции зависит от наличия разведывательной информации о местности и данных политической разведки.

Конечно, теоретически планирующие органы должны действовать в обратном порядке — начать с изучения слабых мест в позициях противника, по которым специалисты-топографы уже собрали нужную информацию. Однако при большой протяженности побережья трудно ожидать, что имеющаяся информация ответит на все вопросы. После 1943 года топографам все реже и реже приходилось отказываться от одного и подыскивать другое удобное место для высадки десанта, по мере того как планирующие органы меняли свои взгляды.

Каждый водитель и альпинист пользуется топографическими сведениями, когда не только определяет маршрут движения, но и хочет выяснить все условия, с которыми придется встретиться в пути — пересеченность местности, наличие мостов и характер грунта и даже особенности флоры и фауны. На войне все эти сведения приобретают еще более важное значение. Перед союзниками встала задача организовать действия крупных механизированных группировок в районах, о которых их штабы очень часто ничего не знали. Найдутся ли там горючее и вода, есть ли железные дороги, предприятия и линии электроснабжения, чтобы организовать снабжение и поддержку войск? Никто в мирное время не изучал тщательно побережья Северного моря, Ла-Манша и Атлантики, то есть того, что после 1940 года стало так называемой оккупированной Европой. Никто не собирал и не систематизировал соответствующих сведений, карт и фотоснимков. «Кто бы мог подумать,— говорилось в одной памятной записке,— что после вторжения немцев в Польшу нам придется собирать информацию о районах, начиная от креолитовых шахт Ивигтута до Камчатского полуострова, от отдаленных поселений Баренцбурга и Лонгиар-сити до глубоководного залива в Диего-Суарес».

Не лучше дела обстояли в Азии и на Среднем Востоке. Англичане, голландцы, французы и американцы, пока их не оттеснили в южные районы Тихого океана, не понимали, как мало подробной информации они сумели взять с собой. Когда настало время вернуться в эти места силой оружия, потребовались самые разнообразные сведения — пропускная способность портов, геологическая структура побережья, система железных и шоссейных дорог, наличие растительности вдоль берегов рек, продовольственные ресурсы и запасы топлива, электростанции, госпитали, возможные места для строительства аэродромов и стоянок автотранспорта. Предложившие свои услуги бывшие индийские плантаторы оказались недостаточно компетентными людьми. Нужны были инженеры по гражданскому строительству и железнодорожному транспорту, топографы и экономисты, чертежники и лингвисты, ботаники и геологи, лесники и преподаватели. Вопрос состоял не только в том, чтобы разгромить противника, нужно было снова привлечь на свою сторону население и в короткий срок добиться того, чтобы войска в максимальной степени обеспечивались за счет местных ресурсов.

Далее. Всю информацию, которую могли дать специалисты, нужно было отредактировать — убрать лишние детали, упростить и сделать ее наглядной и доходчивой. Текст нужно было увязать с картами, схемами и таблицами, дать соответствующие указания типографиям и считать корректуры подготовленных к печати материалов. Все эти материалы должны были быть отлично изданы в удобной для пользования форме и разосланы в войска, которые могли бы положиться на них.

Работу приходилось выполнять с соблюдением правил сохранения тайны, ибо ничто не могло с большей достоверностью раскрыть под-

готовку к вторжению, например на Сицилию, чем неожиданное сосредоточение усилий огромного количества специалистов на изучении ресурсов острова, имеющихся там портов и дорог, а также общих топографических условий. А чтобы скрыть от противника готовящееся вторжение в тот или иной район, нужно было показать, что такой же интерес проявляется и к другим районам. Особенностью разведывательной работы является тот факт, что пристальное внимание к тому или иному району всегда сопряжено с риском раскрытия тайны. Норвежских летчиков и моряков, которых тщательно допрашивали перед рейдом на территорию Норвегии, приходилось иногда, вопреки их протестам, изолировать и лишать свободы до завершения рейда.

Вопросы организации топографической разведки рассматриваются в этой главе подробно не только потому, что инициатива в этом деле принадлежит военно-морской разведке, но и потому, что топографическая разведка дала наилучший пример (если не считать объединенного штаба генерала Эйзенхауэра и лорда Маунтбэттена) взаимодействия между тремя видами вооруженных сил, которого они добивались в течение последних двадцати лет. Рассказ об истории топографической разведки показывает, как повлияла война на консерваторов из Уайтхолла. Поэтому этот рассказ представит интерес для широкого круга читателей и будет полезен для историков. К счастью, сразу после войны многие факты из истории топографической разведки были официально обобщены.

Прежде всего вспомним о тех испытаниях, которые послужили основой для того, что я называю топографической разведывательной информацией. Это, во-первых, документы из библиотек, книги и справочники, документы фирм и частных лиц, редакций газет и туристических бюро, научных обществ и регистр Ллойда. Во-вторых, это люди — специалисты и неспециалисты, беженцы из стран Европы. Каждого нужно было найти, расспросить, разместить где-то и обеспечить. В-третьих, это сотни тысяч фотоснимков, полученных из разных источников, рисунки, открытки, а также аэрофотоснимки. В-четвертых, это карты, схемы и планы. 6-й отдел разведывательного управления, как первоначально он назывался, быстро рос, и вскоре появилась необходимость преобразовать его в три подразделения: библиотеку фотоснимков, справочную библиотеку и регистратуру показаний очевидцев. Годы бездействия пришлось наверстывать в течение нескольких месяцев, и к концу войны дело наладилось. Мировая война послужила нам поводом к созданию карт и справочников по всем районам мира. «Аппетит приходит во время еды» — так гласит поговорка. А один из офицеров разведки ВМС в своей памятной записке, возражая против ликвидации топографической разведки на мирное время, писал в июне 1945 года: «Тотальная война требует тотальной разведывательной информации».

Ни одному из своих начинаний начальник разведывательного управления ВМС и его заместители не уделяли такого внимания. Пытливый исследователь и опытный штурман Годфри высоко ценил топографические сведения и справочники. Он знал, что перед военно-

морским флотом рано или поздно будет поставлена задача обеспечить высадку войск во многих районах, по которым имелось очень мало точных карт, снимков или научно обобщенной информации. Как штурман «Юриалеса», он был свидетелем высадки у мыса Хеллес и помнил о печальных последствиях отсутствия надлежащей информации о характере местности у Галлиполи. Сейчас кажется невероятным, что в мирное время существовал такой провал в информации, необходимой для военного планирования. Но именно так обстояло дело, и требовались радикальные административные меры, чтобы английские войска снова не оказались при высадке десанта в таком же плачевном положении, как Робинзон Крузо.

Недостаток топографических сведений в картотеках управления беспокоил Годфри еще осенью 1939 года, когда он обсуждал с учеными Оксфордского и Кембриджского университетов возможность создания организации, подобной 32-му отделу разведывательного управления ВМС, который в годы первой мировой войны занимался изданием справочников и информационных брошюр. Эти материалы, к сожалению, носили общеобразовательный характер и не были пригодны для военных планирующих органов, реальные потребности которых выяснились только с началом планирования первой серьезной морской десантной операции. Предчувствуя трудности, Годфри в январе 1940 года обратился к начальникам оперативных управлений адмиралтейства, уже начавших тогда мечтать о проведении рейдов на оккупированные районы Европы, заблаговременно информировать разведывательное управление о требуемых сведениях. Годфри указывал, что «планирование и осуществление разведывательных мер должно предшествовать началу оперативного планирования», но потребовалось время, чтобы этот тезис Годфри поняли в оперативных управлениях. Разведывательному управлению необходимо было знать о каждой родившейся идее, прежде чем она становилась планом, иначе разведка не могла своевременно добыть требуемую информацию.

И, конечно, несколько недель спустя заместитель начальника штаба ВМС устроил разнос начальнику разведывательного управления за неспособность немедленно предоставить требуемую информацию о Петсамо. Начальник разведывательного управления тогда сказал, что его аппарат был полностью занят текущими делами и он не мог выделить людей для сбора и тщательного анализа огромного количества информации, необходимой планирующим органам, которые, как отметил начальник разведывательного управления, не поставили разведку в известность об очередности выполнения задач. Конечно, в Англии были люди, которые могли дать исчерпывающую информацию, но таких людей нужно было найти, а для этого требовалось принять ряд организационных мер. Начальник разведывательного управления обратился к заместителю начальника штаба ВМС адмиралу Филлипсу с предложением создать научно-исследовательский отдел и получил соответствующее разрешение. Таким образом, началом большого дела послужил несправедливый разнос со

стороны высокого начальства, однако все это пошло только на пользу.

28 марта 1940 года к работе в адмиралтействе приступил бывший проректор одного из колледжей Оксфордского университета А. Ф. Уэллс. Круг его деятельности был чрезвычайно широк, что лишний раз свидетельствовало о том, насколько велика была наша неосведомленность. Отделу Уэллса предстояло организовать использование таких источников топографической информации, которыми пользовались судоходные компании и фирмы во внешней торговле, журналы, газеты, туристические и фотографические агентства, личные документы туристов и исследователей, а также материалы кафедр учебных заведений.

6-й отдел разведывательного управления, возглавляемый Уэллсом, сразу стал органом связи между управлением и Оксфордским университетом, декан факультета географии которого уже не раз готовил доклады для управления и поставил весь географический факультет на службу разведке.

Можно себе представить то удивление, которое вызвал у деловых кругов поток заявок на информацию о стратегических районах. Непосвященные люди считали, что вооруженные силы давно уже имеют нужные сведения об этих районах. Не меньшее удивление вызывали частые случаи, когда представители адмиралтейства, военного министерства и других ведомств требовали одних и тех же сведений, не зная о деятельности своих коллег. Если же требовалась срочная информация, например относительно Норвегии и Дакара, начиналась суматоха: каждый хотел упредить конкурентов в получении каких-либо сведений из любого источника. Десятки людей безо всякой необходимости узнавали о том, что Уайтхоллу срочно требовались сведения об одном или другом районе мира. Каждое ведомство действовало, не считаясь с интересами других. Стало очевидно, что не удастся избежать хаоса, если подобного рода разведывательная работа не будет проводиться согласованно в интересах всех видов вооруженных сил.

В апреле 1940 года Германия вторглась в Норвегию, и сразу возникла необходимость в подробной информации об огромной и сложной береговой линии этой страны, дорогах, ведущих от берега, и о всей системе коммуникаций. Адмиралтейство и военное министерство оказались застигнутыми врасплох. Отсутствие даже элементарных сведений было просто катастрофическим. Офицеры, которые подобно Питеру Флемингу находились в составе английских экспедиционных войск, имели не больше сведений, чем содержалось в справочнике Бедекера 1912 года издания. Любые сведения приводили их в удивление: глубина снежного покрова, размеры фьордов, отсутствие дорог, расположение и размеры пирсов. Этот провал в нашей подготовке обернулся настоящим скандалом, и в мае 1940 года по предложению начальника разведывательного управления ВМС была пересмотрена структура служб топографической разведки во всех видах вооруженных сил. Объединенный разведывательный комитет

рекомендовал увеличить штаты разведывательных управлений специально для проведения этой работы и привлечь к ней подготовленных офицеров и гражданских специалистов.

При обсуждении доклада объединенного разведывательного комитета Годфри предложил, чтобы в каждом разведывательном управлении был назначен заместитель начальника управления по топографической разведке, которой предстояло в недалеком будущем приобрести первостепенное значение. Заместители начальников управлений должны были образовать подкомитет объединенного разведывательного комитета и рассматривать заявки планирующих органов, готовить вопросники для специалистов и руководить составлением докладов по различным районам мира. Однако все это было в новинку. Командование сухопутных войск и военно-воздушных сил заявило, что нелегко найти знающего офицера для работы в подкомитете. (Тем не менее управление военной разведки пригласило из Кембриджского университета Дж. Батлера, который впоследствии стал главным редактором официальной истории второй мировой войны.) Предложение Годфри было отклонено, и решили, что каждый вид вооруженных сил должен вести работу самостоятельно, а согласование возникающих вопросов должно осуществляться под руководством «наиболее заинтересованной стороны». В обстановке 1940 года это означало, что в большинстве случаев «заинтересованной стороной» было адмиралтейство, поскольку главным топографическим вопросом являлся вопрос о том, «где можно высадиться?». В самом адмиралтействе эта работа требовала доброжелательного отношения к ней со стороны гражданских служб. По призыву начальника секретариата адмиралтейства гражданские служащие оказали большое содействие в работе и уделяли ей первостепенное внимание. Учитывая появившиеся впоследствии жалобы на то, что адмиралтейство чрезмерно раздувает свою деятельность в области топографической разведки, я счел необходимым особо остановиться на факте отклонения предложений военно-морской разведки о создании межведомственного органа.

Нелепый, робкий и по стандартам 1944 года совершенно непонятный компромисс игнорировал тот факт, что «разведывательная информация о местности», как я ее называю,— это составной и одновременно неделимый предмет. Геология прибрежного района, например, показывается на тех же картах, где приводятся данные о водоснабжении внутренних районов. Силы флота и сухопутных войск прибывают к месту высадки одновременно. Довод о том, что флот, имеющий задачу высадить войска, должен получать информацию отдельно от ВВС, которые нуждаются в сведениях для планирования строительства аэродромов или для бомбардировки путей подвоза противника, абсурден.

Любопытный эпизод. Несмотря на рекомендацию начальников разведывательных управлений (они и составляли объединенный разведывательный комитет), ни военное министерство, ни министерство авиации не намеревались создавать отделов топографической

разведки и были согласны пользоваться информацией, которую могло собрать адмиралтейство. В адмиралтействе это был небольшой отдел, размещавшийся в бывшей туалетной комнате неподалеку от комнаты 39 (другого помещения в адмиралтействе не нашлось). В составе отдела были три офицера и секретарь. Начальником отдела был подполковник Бессет из морской пехоты, его помощником Уэллс. К ним присоединился капитан 1 ранга Ло — топограф, только что вернувшийся из Сингапура и направленный в отдел по распоряжению главного гидрографа адмиралтейства, который понимал, что опыт Ло в работе по составлению схем береговых линий будет очень полезен. В маленькое помещение отдела потоком устремились запросы и посетители с самыми различными по срокам выполнения заявками. В июне 1940 года отдел занимался информацией о канале Рейн — Майн — Дунай, о Канарских и Азорских островах, о предприятиях Цейсса в Йене, кукурузных плантациях в Италии, ширине проезжей части мостов на дороге Рейкьявик — Хваль-фьорд в Исландии, предприятиях нефтяной промышленности в Уэльве и Лиссабоне, гидрографии и топографии приморских районов Ирландии (на случай попытки использования этих районов немецкой морской авиацией) и высоте волнолома в базе французского флота Мерс-эль-Кебир.

Большинство этих задач было решено с помощью фотоснимков и опроса английских подданных, знакомых с соответствующими районами. А для этого необходима была большая организационная и исследовательская работа. Кто-то добровольно принес сведения в министерство авиации о канале Рейн — Майн — Дунай. Фотоснимки Мерс-эль-Кебира дал житель Кардиффа, проведший несколько лет в Оране на строительстве нефтехранилищ. Человек, хорошо знающий болота вокруг Шербура, был найден в Глазго, где он содержал кафе. Питер де Брайн, отлично знавший доки Антверпена (через него предполагалось доставлять предметы снабжения войскам, высадившимся в Европе), был найден на посту консула в Ливерпуле. Итак, вопросы вели к запросам, запросы к источникам информации, показания которых фиксировались в специальных учетных журналах.

Беседуя с бывшими офицерами и сотрудниками этого отдела, с удивлением представляешь себе, сколько выдумки, сколько инициативы было проявлено в страшное лето 1940 года. Снова слышишь приглушенные самодовольные разговоры, снова представляешь себе, с каким таинственным и загадочным видом офицеры сновали по Лондону и вокруг него в поисках того, что они никогда не считали «разведывательной информацией». Снова слышишь заговорщические беседы о различных операциях, которые не имели ни малейшей связи с действительностью или возможностью, представляешь себе немыслимые заявки офицеров штаба, которые зачастую сами не знали, о чем идет речь.

Вот запись в дневнике, сделанная полковником Бессетом 8 сентября 1940 года в разгар битвы за Англию.

«Доклад о Касабланке был составлен мной и Ло, несмотря на большие трудности. Не хватало машинисток, работа задерживалась из-за налета немецкой авиации. Опоздал на совещание в военном министерстве на 15 минут».

Заявка на этот доклад, если возможно, с картами и фотоснимками, была получена всего за сутки до срока исполнения. А вот более поздняя запись, от 24 сентября, когда битва за Англию еще не выиграна, а английская армия насчитывает в своем составе не более одного корпуса:

«Просьба из отдела перспективного планирования (военного кабинета) представить доклады: 1) о северном побережье Африки — Ливии; 2) о районе от Лиссабона до параллели 37 градусов северной широты и 5 градусов западной долготы; 3) о районе от Ставангера до Кристиансанда с характеристикой береговой линии у лучших портов. Срок исполнения — четверг, вечером».

Некоторые из заданий были в самом прямом смысле оперативными. Через три дня после создания 6-го отдела разведывательного управления ВМС началась эвакуация из Дюнкерка. Бессет приложил немало усилий, чтобы быстро собрать все фотоснимки и информацию о береговой полосе и портах Франции, из которых в случае прекращения сопротивления французов пришлось бы вывозить остальные английские войска.

В картотеке разведывательного управления таких сведений не существовало. В обычных условиях потребовалось бы несколько недель, чтобы получить требуемую информацию. Но Бессет предложил создать две разведывательные группы для быстрого изучения прибрежных районов на месте. Поскольку военное министерство не могло выделить для этого ни одного офицера, всю работу пришлось выполнить двум группам офицеров флота и морской пехоты. Обе группы вернулись в середине июня с фотоснимками и записями, сделанными в непосредственной близости от продвигавшихся немецких войск. В то же время сотрудники 6-го отдела вели опрос почтовых работников и других лиц, знающих побережье Франции. Один из этих людей сумел дать описание участка от Гавра до Дьеппа, а другой — от Шербура до Гавра. По сравнению с подробным описанием, сделанным в 1944 году, эти сведения были весьма поверхностными, но, как говорят, на безрыбье и рак рыба.

В тот же месяц поражений и морального упадка произошло еще одно важное событие: было положено начало деятельности, которую впоследствии вела центральная станция по дешифрованию аэрофотоснимков ВВС. Необходимым оборудованием для составления точных карт по аэрофотоснимкам обладала единственная в стране фирма — «Аэрофилмс». Карты такого качества произвели настоящую револю-

цию во всех сферах деятельности разведки, и 6-й отдел разведывательного управления ВМС был одним из первых, кто начал пользоваться услугами этой фирмы.

Хотя отдел был занят выполнением текущих заявок управления стратегических операций и других важных учреждений, только в августе он принял непосредственное участие в успешно проведенной крупной операции. В мае отдел получил от географического факультета Оксфордского университета иллюстрированный доклад о внутренних водных путях Германии. Этот доклад был передан министерству авиации. Однажды из министерства пришло приглашение на имя начальника отдела присутствовать на совещании. Полковник Бессет, вооружившись для солидности портфелем, отправился на совещание, где он узнал о решении высших офицеров ВВС подвергнуть бомбардировке канал Дортмунд — Эмс. Бессету было приказано бросить «все силы отдела» (трех офицеров) на поиски дополнительной информации об уязвимых местах этого стратегического водного пути. С помощью доклада, полученного от Оксфордского университета, и после поездки для беседы с осведомленным человеком 6-й отдел сумел составить документ, в котором приводилась схема канала в разрезе и были показаны участки, поднимающиеся выше уровня окружающей местности. В свое время акведуки на канале были подвергнуты бомбардировке.

10 августа, после того как начальник разведывательного управления предупредил, что придется собирать всю военно-морскую информацию к предстоящим операциям, отдел получил длинный перечень вопросов по Дакару, требовавший срочного исполнения. К концу недели был составлен полный доклад об этом порте во Французской Западной Африке. Десантные силы получили шесть комплектов фотографий и схем, доклад и три тысячи отдельных фотографий и схем. К счастью, за несколько недель до этого управление десантных операций обратилось в отдел за картами Дакара и Сенегала. Это, конечно, помогло отделу в выполнении нового заказа. Когда начальник разведывательного управления был вместе с Бессетом на приеме у адмирала Каннингхэма, который должен был руководить операцией, они были готовы ответить на любой вопрос, кроме просьбы адмирала иметь офицеров отдела в составе войск своего десанта.

Как же с сохранением тайны? Случалось, что двум-трем сотрудникам, не имеющим военных знаний, доверялась тайна будущих операций, и эти люди должны были буквально «прочесывать» Лондон, а иногда и страну в целом в поисках сведений о вышеназванных районах. Какие меры предосторожности предпринимались? Стало очевидным, что офицеры, собиравшие топографическую информацию для разведывательного управления ВМС, должны были сами изыскивать способы сохранения в тайне объектов той или иной операции. (План захвата Дакара, возможно, стал известен и вишистскому правительству, и силам свободной Франции из-за безрассудного соперничества трех видов вооруженных сил в сборе информации.)

Например, Уэллс, обратившись в информационное агентство в Рохэмптоне, умышленно приобрел фотоснимки по всем английским владениям в Африке и как бы между прочим снимки с видами французских портов, в том числе Дакара. В лондонскую школу гигиены и тропической медицины была направлена заявка по общему вопросу о вероятных потерях войск, действующих в болотистой местности в тропических широтах, а эти районы как бы между прочим охватывали Дакар. Хотя рейд на Дакар оказался неудачей, работа 6-го отдела была замечена. С этих пор заявки на всевозможную информацию полились потоком.

Налеты немецкой авиации настолько затруднили работу отдела в Лондоне, что в середине сентября он был переведен в здание на Эджвер-роад, зарезервированное для адмиралтейства. Две недели спустя Бессету и его коллегам было приказано к 10 октября перебраться в Оксфорд. Там по предложению профессора Мэйсона отделу было предоставлено несколько кабинетов в помещениях географического факультета. Теперь под рукой находилась университетская библиотека, а совсем неподалеку и типография, которой было суждено стать величайшим издательским центром по выпуску топографической разведывательной информации во всей истории прославленного университета. Так появилась возможность вести в одном месте всю работу по отдельным участкам; выделить на каждый из них соответствующих специалистов; унифицировать работу по редактированию подготовленных материалов; укомплектовать отдел представителями всех видов вооруженных сил и специалистами, знающими различные страны мира. Такая организация работы была экономной и логичной. Оксфорд считался безопасным местом, и здесь успешно сочеталась секретная оперативная работа с повседневной деятельностью университета.

Теперь вернемся на несколько месяцев назад и посмотрим, как создавалась регистратура показаний очевидцев. «Зачем посылать агента для сбора информации, если в нашей стране есть люди, знающие все что нам нужно?» Именно этот вопрос привел к созданию подразделения военно-морской разведки, которое сначала только вело опрос различного рода людей и позднее превратилось в объединенный орган всех трех видов вооруженных сил, обслуживавший все правительственные учреждения. Годфри давно высказывал мысль о том, что в Англии всегда можно найти специалиста по любому вопросу, а через такого человека можно найти и других нужных людей. Захват власти в ряде стран Европы фашистами, начавшими преследование евреев, ученых и творческой интеллигенции и открыто провозгласившими курс на войну, привел к тому, что различными путями в Англию перебрались специалисты по всем областям знаний. «Найти этих людей, опросить их, обобщить и проанализировать полученные сведения» — таков был приказ, полученный 6-м отделом разведывательного управления ВМС и приведший к созданию отделения по опросу очевидцев. Отделение возглавил лейтенант добровольческого резерва ВМС Роберт Харлинг. Идее стоило только воз-

никнуть, и она стала обрастать как снежный ком. К апрелю уже существовала регистратура опроса очевидцев, возглавляемая Уоннакоттом, палеоботаником из Британского музея истории естествознания. Вскоре регистратуру перевели в Оксфорд, а следственная работа продолжалась в Лондоне в 21-м отделе разведывательного управления ВМС.

Первой задачей Уоннакотт поставил себе изучить иммиграционные списки, составленные управлением по делам иностранных подданных министерства внутренних дел. Сначала эти списки, содержавшие очень мало информации о людях, не представляли ценности. Однако позднее по ним удалось установить имена и местопребывание четырех тысяч человек, показания которых относительно мест их прежнего проживания и времени пребывания в указанных ими районах были тщательно зафиксированы.

Как только министерство внутренних дел поняло, какую важную информацию можно собирать таким образом, оно стало предоставлять Уоннакотту сведения из портов и аэродромов с указанием фамилий и адресов лиц, которые могли представить интерес для разведки. Вскоре выяснилось, что эти люди могли давать разведке не только топографическую информацию. Среди них оказались специалисты по самым различным областям знаний, и их можно было эффективно использовать в военных целях. Эта новость приобрела широкую огласку, и работа регистратуры получила признание правительственных учреждений, которые раньше относились к инициативе разведывательного управления ВМС с недоверием.

С конца 1942 года регистратура, переименованная к тому времени в 21-й отдел, выполняла задания различных учреждений. Учреждения информировали регистратуру о своих нуждах и интересах, а та сообщала об имеющихся источниках информации и проводила опрос нужных лиц. Обычно это происходило в Манчестерском колледже Оксфордского университета. Офицеры 5-го отдела военной разведки осуществляли здесь проверку благонадежности опрашиваемых; вся работа с ними велась в специально забронированных для этой цели десяти номерах гостиницы. Прибывавших лиц, очень часто считавших, что их вызвали в знаменитую «секретную службу», и поэтому волновавшихся, опрашивали географы, гидрографы, экономисты и другие специалисты. Хотя все это проводилось на добровольных началах, опрос часто давал гораздо больше информации, чем требовалось. Большое внимание уделялось правильному обращению с опрашиваемыми. Если человеком интересовались несколько учреждений, то опрос проводился одновременно соответствующими специалистами. Принимались меры к своевременному раскрытию агентов противника и их пособников, которые выдавали себя за беженцев.

К концу войны в учетных журналах регистратуры насчитывалось 70 000 показаний очевидцев. Такая же регистратура существовала на Дальнем Востоке с отделением в Австралии. Аналогичная работа велась и в США. Одним из самых замечательных документов, созданных регистратурой и сохранившихся до наших дней, является

подробный географический и именной указатель по Норвегии, содержащий 15 000 записей. Этот указатель помог в отыскании кадров для руководства восстановлением экономики страны после ее освобождения.

Большинство опрошенных давали ценную информацию. Их показания, основанные на знании местных условий, в сочетании с имеющимися материалами топографической разведки и аэрофотосъемки использовались очень широко. Важное значение имели предоставляемые опрашиваемыми документы, фотоснимки и карты, содержавшие сведения об энергетических ресурсах, запасах нефти и воды. Благодаря усилиям сотрудников регистратуры в Исландии был найден специалист по китайским джонкам, срочно потребовавшийся командованию войск в районах Юго-Восточной Азии. Человека, работавшего когда-то водителем такси на бирманской дороге, нашли в Восточной Африке и самолетом доставили в штаб Маунтбэттена. Когда в начале 1944 года началось планирование высадки американских войск на Марианские острова, в Англии удалось найти художника, который долго жил на островах и являлся, пожалуй, единственным человеком в мире, способным в то время дать нужную информацию. Контакты регистратуры не ограничивались отдельными людьми. Была установлена деловая связь с многочисленными транспортными компаниями, торговыми палатами, туристскими агентствами, банками и научными организациями, библиотеками и миссионерскими обществами, английской комиссией по захоронению жертв войны, фирмой по экспорту губки, нефтяными и сельскохозяйственными компаниями на Дальнем Востоке, предприятиями по производству кранов и т. п.

Иногда результаты опроса открывали доступ к совершенно новым источникам разведывательной информации, ставили новые задачи перед разведкой. Лейтенанту добровольческого резерва ВМС Рейли первоначально поручили собрать сведения в так называемых «патриотических школах», где секретная служба проводила проверку и допрос всех беженцев из оккупированных стран Европы. Вместе со своими коллегами из военного министерства Рейли сумел собрать ценные сведения о береговой обороне, морском транспорте и военных объектах. В США, после того как Харлинг познакомил американцев с опытом работы по опросу очевидцев, также начался быстрый, хотя и беспорядочный, рост различных конкурирующих организаций, занимавшихся этого рода деятельностью. Бывали случаи, когда две или три американские группы действовали параллельно друг другу. Только в июле 1944 года Лондон сумел получить от Вашингтона топографические сведения по театрам военных действий английских войск — так сильны были опасения американцев относительно проникновения англичан в их внешнеторговые тайны. Поскольку точно такие же подозрения относительно американских намерений испытывали и англичане, обе стороны охотно согласились, чтобы американские заявки на такого рода разведывательную информацию проходили только через 21-й отдел разведывательного управления

ВМС, а английские — через соответствующие американские органы.

Рассказ об этом, возможно, и не является увлекательным для историков, однако те, кто участвовал в разборе регистратуры и был свидетелем ее непрерывного расширения, оценивают все иначе. Найти замену агенту, человека, который в большинстве случаев информирован больше, чем любой агент,— значило, помимо всего прочего, получить большое удовлетворение. Знать, что каждый тщательно опрошенный и зарегистрированный источник ведет к другому, что сеть источников близится к совершенству — значило обрести чувство силы и уверенности, укрепившееся после контрударов по противнику в 1942 году. Был наведен порядок там, где раньше царила полнейшая неразбериха, из-за которой три или четыре ведомства вели по всему Лондону охоту за одними и теми же документами, фотоснимками или другой информацией. При этом не обходилось без случаев потери или невозвращения взятых во временное пользование документов, оскорбления и унижения людей, служивших источником ценной информации. Но самым замечательным достижением явилось то, что тысячи людей, считавших, что они вносят свой вклад в дело достижения победы, продемонстрировали умение хранить тайну, преданность и искреннее желание помочь.

К осени 1940 года «родовые муки» из-за отсутствия надлежащего взаимодействия трех видов вооруженных сил в области сбора разведывательной топографической информации стали проявляться с еще большей силой. В Норвегии мы убедились в нашей неосведомленности по многим вопросам. Однако, чтобы убедить высших офицеров штабов в необходимости топографической разведки, пришлось подождать момента, когда началось планирование первой сравнительно крупной десантной операции. Объединенный разведывательный комитет и объединенный комитет по планированию вопрос этот волновал серьезно. Было решено создать объединенный топографический орган, который руководил бы сбором и рассылкой различного рода разведывательной информации топографического характера. Так появился специальный подкомитет при объединенном разведывательном комитете. В него входили офицеры всех трех видов вооруженных сил, а председателем подкомитета стал полковник Бессет. В феврале 1941 года подкомитет был преобразован в топографический отдел объединенного разведывательного комитета. Таким образом, де-факто получил признание 6-й отдел разведывательного управления ВМС как единственный орган топографической разведки. Перед ним поставили задачи: сбор и обобщение всей топографической информации, получаемой тремя видами вооруженных сил и другими ведомствами; составление докладов и публикация материалов, необходимых командованию войск; обеспечение топографической информацией объединенного комитета по планированию и управления десантных операций либо в виде печатных трудов, либо в виде докладов, если информация требовалась срочно; обеспечение управлений

трех видов вооруженных сил требуемой топографической и другой представляющей для них интерес информацией.

Каков же был порядок получения информации планирующими органами? Как должны были они получать необходимые сведения и карты? Нужно ли было столь высокому органу, как объединенный комитет по планированию, направлять заявки в небольшой отдел разведывательного управления ВМС? Конечно, нет. Секция стратегического планирования, секция текущего планирования и секция перспективного планирования — все эти органы объединенного комитета по планированию должны были вступать в контакт с топографической секцией объединенного разведывательного комитета и устанавливать четкую очередность выполнения своих заявок. Все это позволило составить перечень районов, по которым необходима срочная информация: Итальянская Восточная Африка, Итальянская Северная Африка, острова Лерос, Родезские острова и остров Крит. Был выработан стандартный вопросник, на основе которого предстояло вести дальнейшую работу по сбору информации. До этого вопросы ставились беспорядочно и в самых различных формулировках. Четко разработанный новый вопросник позволил навести в этом деле порядок. Именно на основе этого вопросника была издана серия информационных докладов, получивших широкую известность у всех планирующих органов, командующих войсками и их штабов.

Постепенно темп работы нарастал. 11 октября в перечень дополнительно были включены районы Южной Испании (вблизи Гибралтара), Восточного Танжера, Марокко и Южной Норвегии (по этому району доклад требовался к 27 октября). 11 ноября к перечню добавились районы Сардинии, Сицилии и Туниса (доклад по Сардинии требовался к 16 ноября, а по двум другим районам — к 24 ноября). Историки будут удивляться той энергии и оптимизму, о которых свидетельствовали эти заявки. В них требовались не столько детальные сведения для проведения какой-либо операции, сколько информация, которая позволила бы исключить невозможные варианты и сосредоточить внимание на возможном. Сама мысль о том, что Англия, располагавшая в конце 1940 года не более чем одним армейским корпусом, способна проводить наступательные операции, казалась фантастической. Ведь возможности страны обороняться, например в районе Гибралтара и в Греции, были крайне ограничены. И все же как же еще можно было поддерживать наступательный дух в стране, которая была уверена, что ее не победят, но не знала, как добиться победы? Этот период чисто теоретических исследований сыграл положительную роль в испытании эффективности разведки. Помимо этого были исключены все нереальные объекты ударов в будущих операциях.

В декабре 1940 года на заседании объединенного разведывательного комитета произошел весьма любопытный случай. Заместитель Годфри сообщил, что доклады по Танжеру и Марокко в ближайшее время будут представлены на утверждение комитета, подчеркнув при этом, что первоначально они не рассматривались как срочные.

Но обстановка изменилась, и с подготовкой этих докладов пришлось поторопиться. Начальник управления военной разведки и его коллега из ВВС выразили в связи с этим озабоченность, не будут ли доклады иметь явно военно-морской уклон? По их мнению, отдел топографической разведки ВМС должен был удовлетворять нужды всех видов вооруженных сил. Они даже настаивали, чтобы отдел, возглавляемый Бессетом (теперь из семи сотрудников), был доукомплектован офицерами и работал как межведомственный орган. Именно этого с самого начала добивался начальник разведывательного управления ВМС.

Пока же окончательного решения вопрос не нашел. В докладе начальника разведывательного управления ВМС объединенному разведывательному комитету от 8 февраля 1941 года давался обзор истории работы отдела Бессета и содержалось предложение, чтобы очередность выполнения работ определялась объединенным разведывательным комитетом в соответствии с пожеланиями планирующих органов. Тогда наконец был создан координационный комитет в составе заместителей начальников разведывательных управлений. Но только в августе 1944 года было создано наконец межведомственное топографическое управление. В его состав помимо морских офицеров вошли офицеры сухопутных войск и ВВС.

К 1943 году наряду с основными подразделениями, выпускавшими информационные материалы, в управлении стали появляться специализированные отделения. Лейтенант Эндрюс возглавил отделение экономики, осуществившее сбор информации об экономических ресурсах (очевидно, что, чем большими ресурсами располагал тот или иной район, тем меньше транспорта требовалось для доставки предметов снабжения действующим там войскам). Из военного министерства были переведены отделение железных дорог, отделение геологии и специалист по огнестойкости строительных сооружений, который мог дать справку при выборе объектов для бомбардировки зажигательными бомбами. В состав управления был передан 11-й отдел разведывательного управления ВМС — библиотека фотоснимков, начало работы которой было положено в 1940 году энергичной деятельностью Уэллса, собиравшего фотоснимки объектов в районах предстоящих операций. Частные лица предложили тысячи фотоснимков, и скоро собралась целая библиотека, для обслуживания которой были нужны лишь штат и копировальная машина. После настойчивых просьб начальника разведывательного управления адмиралтейство дало согласие на официальное создание библиотеки фотоснимков. Она явилась крупнейшим в стране собранием топографических фотоснимков и выпускала в месяц до 300 000 копий фотоснимков объектов в районах боевых действий. Библиотека, которую возглавлял Слессор, располагалась в подвале и была полуавтономным подразделением. Персоналу библиотеки пришлось немало потрудиться, когда начальник разведывательного управления ВМС в своем выступлении по радио обратился к населению страны с просьбой прислать фотоснимки по различным зарубежным районам. На при-

зыв откликнулось более 30 тысяч человек вместо ожидавшихся 10 тысяч. На какое-то время пришлось нанять около ста человек для сортировки и учета фотоснимков. Некоторые из присланных коллекций оказались весьма ценными и были возвращены владельцам только после окончания войны.

Такого же внимания, конечно, требовали и карты. Небольшая группа картографов из Оксфордского университета совместно с картографической службой адмиралтейства подготовила тысячи карт, которыми в течение следующих четырех лет пользовались командиры и штабы при планировании и проведении операций. В основу этой работы легло использование коллекций «Таймс атласов», которые прислали частные лица после обращения по радио. Печатание карт осуществлялось географической секцией генерального штаба.

В Оксфорде первостепенное внимание уделялось обеспечению операций по вторжению в Европу с баз в Англии или на Средиземном море. По этим районам управление топографической разведки при объединенном разведывательном комитете могло обеспечить сбор, печатание и рассылку информации. Разумеется, управление не могло удовлетворить запросы, относившиеся к операциям в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. В Индии, являвшейся базой для всех операций в районе восточнее Суэца, главную роль играли сухопутные войска, и разведывательное управление ВМС не могло там проявить такую же инициативу, как в Лондоне. Единственный выход состоял в том, чтобы командировать в Индию сотрудников управления. Это могло вызвать недовольство правительства Индии и командования сухопутных войск, но Маунтбэттен лично поддержал эту идею.

В августе 1943 года было создано командование вооруженными силами в Юго-Восточной Азии. Стало очевидно, что Маунтбэттен, как командующий, потребует от своего штаба такой же топографической информации, какую он получал в Лондоне, являясь начальником управления десантных операций. При существовавшем положении дел Маунтбэттен вряд ли мог на это рассчитывать. Штабу Маунтбэттена приходилось полагаться только на информацию из штаба командующего вооруженными силами в Индии. Еще в июне 1943 года начальник разведывательного отдела этого штаба отправился в Лондон, чтобы обсудить с руководством топографической секции в Оксфорде вопрос о создании межведомственного топографического отдела в Индии. Идея состояла в том, что этот отдел явится филиалом оксфордской организации и будет выполнять работу, необходимую исключительно для местных оперативных нужд. На практике оказалось, что отдел, насчитывавший сначала 11 а потом 17 человек, не справился со своими задачами.

Харлинг, командированный начальником разведывательного управления ВМС в США, Австралию и Индию для координации топографической работы, доложил о неблагополучном положении дел в Индии. 7 января 1944 года начальник разведывательного управления

ВМС получил письмо от генерал-майора Лемплау — энергичного офицера морской пехоты, ранее являвшегося заместителем начальника управления. Лемплау просил направить в Индию небольшую группу специалистов из Оксфорда для реорганизации службы топографической информации в Индии. Начальник управления военной разведки со своей стороны согласился с предложением моряков о том, чтобы реорганизованный топографический отдел подчинялся непосредственно Маунтбэттену. В марте 1944 года группа, возглавляемая капитаном 3 ранга Хьюзом, прибыла в Дели для выполнения сложной задачи.

Первое донесение Хьюза свидетельствовало об отчаянном положении дел. Отдел топографической информации в Индии был плохо организован и недоукомплектован. Отдел слишком во многом полагался на местные авторитеты, хотя их компетентность вызывала сомнение; в плохом состоянии находилось фоторепродукционное дело, никакого внимания не уделялось вопросам сохранения тайны; не существовало отделения железных дорог и ресурсов, чтобы дать информацию, в которой так нуждались войска, продвигавшиеся в Малайю, Бирму и Индокитай. Хьюза беспокоило то, что из-за нехватки людей он не мог организовать работу в Индии по системе, принятой в Оксфорде, где для каждой страны назначались офицеры — специалисты в области ресурсов, геологии, машиностроения и железнодорожного транспорта. Например, Хьюзу обещали американского геолога, но так и не добились выезда этого человека из Карачи, где он являлся цензором. По убеждению Хьюза, владельцы оловянных рудников и каучуковых плантаций не были способны вести исследовательскую работу и не имели навыков составления письменных докладов. В то же время любое напоминание об опыте деятельности в Оксфорде вызывало недовольство местной иерархии.

Несмотря на нехватку пишущих машинок и множительной аппаратуры, несмотря на отсутствие хорошего полиграфического оборудования, недостаток редакторов и корректоров, отделу кое-как удавалось удовлетворять текущие нужды войск в Бирме. Хьюз вспоминает об одной работе, когда нужно было отпечатать 400 страниц-трафаретов для размножения на гектографе в 300 экземплярах, вручную сложить отпечатанные экземпляры, сфальцевать и сшить 20 000 планов и несколько тысяч фотоснимков. Другими словами, Индия в 1944 году была в том же положении, что и адмиралтейство в июне 1940 года.

В конце 1944 года, измученный постоянными хлопотами, Хьюз возвратился в Англию и лично рассказал о безвыходном положении с кадрами. Например, в его распоряжении было только пять чертежников-картографов, которые каждые две недели должны были готовить по 60 карт и планов. Это были достойные удивления усилия, но качество материала, конечно, страдало. Подходящей сторонней полиграфической базы не было, а армейские типографии были маломощными. Доклад о Бирме, например, печатался шесть месяцев. С другой стороны, доклад, подготовленный отделом для генерала

Стилуэлла в 1944 году по району Моганг-Минткийна, получил высокую оценку.

Из Лондона Хьюз направился на Цейлон, куда в апреле 1945 года был переведен его отдел. Ему обещали помочь, но трудности по-прежнему были значительны. Весной 1945 года разрабатывалось много планов. Первостепенное значение отводилось 14 стратегическим районам Юго-Восточной Азии, и по каждому из них раз в две недели в течение марта — августа выпускался доклад, иллюстрированный картами и планами. Так было вплоть до капитуляции Японии.

Опыт работы в Индии и на Цейлоне убедительно показал все выгоды организации дела в Оксфорде и те последствия, которые влечет за собой пренебрежение этим опытом:

— необходима организация, состоящая из специалистов по географии, геологии, гидрографии, транспорту (железнодорожному, автомобильному и водному) и экономике;

— все эти специалисты должны работать вместе, собирая информацию по одному району, консультируясь друг с другом и сопоставляя все имеющиеся сведения по данному району;

— результаты работы специалистов должны редактироваться, подготовленные материалы проверяются и согласовываются с тем, чтобы дать потребителю полную картину всего, что характеризует тот или иной район.

Таков был урок. Можно лишь надеяться, что ни в США, ни у нас в стране не забыли его. Топографическая разведка, без сомнений, является той областью разведывательной деятельности, которая при небольшой затрате сил и средств в мирное время может спасти жизнь многим людям, позволит сэкономить время и средства во время войны.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТИНЕНТ

ГЛАВА 14

На первый взгляд в разведывательном обеспечении «Нептуна» — операции по высадке в Нормандию — роль главной скрипки должна была бы сыграть военно-морская разведка. Однако разведывательному управлению ВМС пришлось большей частью играть вторую и даже третью роль, уступив первенство военной и авиационной разведке. И все же задача, которую военно-морские силы поставили перед оперативно-информационным центром в день «Д», была одной из самых трудных в ходе всей войны. Требовались абсолютно точные сведения о перемещениях и группировке сил противника в зоне Ла-Манша, о торпедных и сторожевых катерах, подводных лодках и других специальных кораблях, о тралении и постановке мин. Для своих кораблей, ведущих разведку или патрулирование до дня «Д», требовались сведения о протраленных фарватерах в минных полях противника и о маршруте движения судов каботажного плавания. Все это надо было учесть в плане операции «Нептун». Штабу ВМС нужны были также обоснованные предположения о том, как будет реагировать противник на море при высадке десанта. Наконец, очень важно было непрерывно следить за попытками Деница нарушить пути подвоза войск и снаряжения в Нормандию не только через Ла-Манш из портов Сассекса и Гемпшира, но и из Бристольского канала, Ливерпуля и Клайда, а также из США и Канады.

Все это входило в обязанности Клэйтона, Дэннинга, Уинна и других офицеров оперативно-информационного центра, который летом 1944 года походил на оперативный штаб в большей степени, чем когда-либо со времен событий в Дюнкерке. Однако в сборе сведений о характере береговой полосы и подступов к ней с моря, данных о подводных препятствиях и береговых оборонительных сооружениях, об объектах для обстрела корабельной артиллерией разведывательное управление ВМС должно было сначала поработать совместно с межведомственным отделом по разведке театра военных действий, а в дальнейшем значительно зависеть от него. Численность сотрудников этого отдела быстро выросла от трехсот до пятисот человек. Боль-

шинство руководящих работников отдела составляли офицеры сухопутных войск, ибо ключом к преодолению обороны противника во Франции являлось знание состава и группировки его сил, а для солдата такая информация значит то же самое, что сведения о передвижении кораблей противника значат для моряка. Эти сведения показывают силу и намерения противника.

К весне 1944 года Годфри уже восемнадцать месяцев не являлся начальником разведывательного управления ВМС, но от его преемника Рашбрука требовалось то, чего так нелегко было добиться в первые месяцы войны — организация тесного взаимодействия с сухопутными войсками и авиацией. А все это означало необходимость постоянно проявлять твердую решимость, сочетая ее с определенным тактом, уметь своевременно поддержать мнение офицеров, работавших над планом «Нептун», или, наоборот, выступить против него. Управление должно было подготовить всю информацию, имеющую хотя бы самое отдаленное отношение к оборонительным сооружениям противника на побережье Ла-Манша; затем оно должно было через своих представителей в штабе генерала Моргана участвовать в подготовке оценки обстановки для верховного главнокомандования экспедиционных сил, а также планировать рассылку карт и схем, фотоснимков и планов для 4000 кораблей и нескольких тысяч мелких судов. И как будто этого было недостаточно. Офицеры управления должны были по требованию флота представлять любые сведения, которые могли потребоваться для опознавания немецких самолетов, определения дальности стрельбы и калибра орудий береговой артиллерии противника, обезвреживания новых гидроакустических мин, глубинных бомб и мин-сюрпризов, поставленных противником в бухтах, перед отступлением в глубь материка.

Операция «Нептун» во многом походила на операцию «Морской лев» — немецкий план высадки в Кенте и Сассексе, осуществление которого Гитлер сначала отложил, а потом и совсем отверг. В период с июня 1940 года, когда пала Франция, и до июня 1944 года, когда прорвали Атлантический вал, была проделана огромная разведывательная работа, сначала оборонительного, а затем наступательного характера. В разведывательном управлении ВМС деятельностью, связанной с подготовкой и вторжением через Ла-Манш, почти безраздельно руководил капитан 3 ранга резерва ВМС Гонин, который долгое время жил в Антверпене и стал специалистом по десантным судам, береговой полосе, портам и внутренним водным путям Дании, Голландии, Бельгии и Северной Франции. Отдел Гонина начал изучение береговых районов по ту сторону Ла-Манша и Северного моря с тех пор, как нависла угроза высадки немцев на Британские острова. Эта работа велась еще до того, как в битве за Англию удалось рассеять в прах мечты немцев о завоевании господства в воздухе над районами Южной Англии, и именно поэтому Гонину и его коллегам из военного министерства удалось быстро перестроиться в своей деятельности с оборонительного аспекта на наступательный.

На деятельности Гонина и его отдела лежал определенный иро-

нический отпечаток. Ведь береговые районы, о которых надлежало собрать подробную информацию, принадлежали союзным государствам. Вера в мощь Франции была настолько сильной, что английской разведке и планирующим органам не приходило в голову, что может потребоваться подробная информация о побережье Франции, Бельгии, Голландии и Норвегии или о портах и оборонительных сооружениях в этих странах. Значительную часть информации о районе проведения операции «Нептун» можно было найти в самой Англии, но имеющиеся материалы требовали анализа и сопоставления. Кроме того, часть данных нужно было нанести на новые карты. Винить в том, что так случилось, было некого. Об огромных усилиях, предпринятых для исправления такого положения, свидетельствует тот факт, что уже к 1942 году были достигнуты положительные результаты. Командование сил метрополии, созданное в интересах отражения возможной попытки немцев вторгнуться в Англию, не прекратило своего существования и тогда, когда эта угроза миновала. И 1-й отдел разведывательного управления ВМС, и 14-й отдел военной разведки, и только что созданные подразделения фотографической разведки действовали без какого-либо перерыва. Однако, поскольку та или иная степень уверенности в необходимости проведения десантной операции в районе Ла-Манша появилась лишь к марту 1943 года, усилия разведки нельзя было сосредоточить на нужных объектах.

Со времени неудачной высадки в Дарданеллах, предпринятой двадцать пять лет назад, перед сухопутными войсками и ВМС впервые встала задача проведения крупной десантной операции на обороняемом противником побережье. Никакого прецедента в отношении возможных потребностей войск не было. Например, начальник управления военной разведки считал нужным иметь набор карт масштаба 1 : 50 000 по району, простирающемуся на 15 километров в глубь территории по побережью от Остенда до Шербура, с указанием всей береговой линии, расположения зенитных средств, аэродромов, радио- и радиопеленгаторных станций, складов и других сооружений. Адмиралтейство могло дать только навигационные карты различного масштаба и проекций, но на них не было показано какихлибо наземных объектов, кроме самых заметных ориентиров на местности. Не проводило адмиралтейство и подробного изучения береговой полосы и прибрежных водных участков. Ведь обычно (моряки с удовольствием напоминают об этом армейцам) корабли избегали подводных рифов и мелководья и не «садились» на них. Теперь же для десантных судов требовались и навигационные сведения, и информация о береговой полосе. Чья же это была обязанность — морской или армейской разведки?

Далее. На существовавших морских картах нельзя было найти сведений, которые нужны для обстрела с моря наземных объектов в глубине материка. На армейских картах, с которых можно было снять дистанции и выбрать ориентиры для различных объектов, нельзя было показать точные позиции кораблей для ведения обстре-

ла. Кроме того, армейские карты основывались на результатах топографической съемки, проведенной французами 60 лет назад, и потому их точность была сомнительной. На этих картах обнаруживались ошибки в дальностях до 700 метров, а это значило, что корабли могли подвергнуть обстрелу свои войска вместо позиций противника. Очевидно, нужно было каким-то образом удовлетворить требования сухопутных войск и военно-морских сил на одной карте.

Гидрографическое управление адмиралтейства и топографическое управление военного министерства могли бы общими усилиями создать карты-схемы нужного масштаба, но и тогда не удалось бы полностью учесть разницу, существующую из-за того, что моряки пользуются картами меркаторской проекции, а армейцы — конической. Однако, несмотря на все трудности, карты-схемы были стандартизованы вовремя, как раз к высадке союзных войск в Северной Африке в ноябре 1942 года.

Заслуживает упоминания пример, показывающий, какие недоразумения характеризовали процесс становления взаимодействия между планирующими органами различных видов вооруженных сил. Заседание комитета, на котором начальника навигационного управления и начальника гидрографического управления адмиралтейства пытались убедить в том, что морские карты необходимо переделать, используя систему координат, применяемую на армейских картах, выглядит смешно. Начальники этих двух управлений совместно с представителями управлений планирования, артиллерийского и оперативного, встретились с представителями разведывательного управления. Председательствовал на совещании начальник немецкого отдела разведывательного управления капитан 2 ранга Тауэр. Начальник гидрографического управления заявил, что изменение структуры морских карт обойдется очень дорого, но признал, что работа может быть выполнена, и довольно быстро. После двухчасового спора, в ходе которого особенно долго пришлось убеждать начальника навигационного управления, был достигнут временный компромисс, однако возражавшие против такого решения потребовали, чтобы протокол был согласован окончательно до рассылки. После заседания Тауэр спросил офицера своего отдела, вел ли он протокол. Тот сказал, что был слишком увлечен спором и не вел никаких записей. Однако секретарь отдела сделала кое-какие записи и сказала, что попробует по ним написать протокол заседания. Нет ничего удивительного в том, что технические подробности в выступлениях присутствовавших не позволили этой женщине составить сколько-нибудь грамотный протокол, а представить неграмотно составленный протокол значило погубить с таким трудом достигнутую договоренность. Тогда Тауэр объяснил возникшие трудности своим коллегам в инженерном управлении военного министерства, интересы которых он, по сути дела, отстаивал на совещании, а те любезно согласились написать все, что требовалось для удовлетворения нужд планирующих органов. В этом виде протокол был быстро одобрен всеми, за исключением начальника навигационного управления ВМС. Он совершенно справедливо

отмечал, что протокол заседания не соответствует тому, что говорилось выступавшими. С большим трудом, проявив настойчивость и сумев убедить оппонента в его некомпетентности, Тауэр в конце концов добился поставленной цели.

Еще в 1941 году стало очевидным, что отделы разведывательного управления не могут ограничиться только передачей силам метрополии той информации относительно ла-маншского побережья Франции, которая поступала в разведывательное управление ВМС. Нужно было, чтобы морской офицер работал бок о бок с армейским офицером и чтобы они пользовались одинаковыми приемами работы с картами. Флот должен был согласиться на роль второй скрипки. Разведывательная информация представляла обоюдный интерес, и ее сбор должен был осуществляться по единому замыслу. Например, точная информация о береговой обороне, нужная флоту, не могла быть составлена при отсутствии точных сведений о расположении немецких воинских частей, которые будут оборонять береговые районы. А такие сведения могла иметь только армейская разведка. Точно так же обоюдный интерес представляли данные воздушной разведки, благодаря которой за несколько лет удалось подготовить отдельные фотоснимки побережья и смонтировать их в одну карту с весьма подробными данными.

Все это время не был определен какой-либо участок побережья оккупированной Западной Европы, который представлял бы особый интерес для тех, кто планировал вторжение на континент. Разведывательная информация также была недостаточной. Не было практически и какого-либо опыта проведения крупной десантной операции, пока в 1942 году не осуществили операцию «Торч». Не имелось достаточных сведений относительно дальности действия истребителей, которым пришлось бы прикрывать высадку десанта. Тем не менее в 1942 году был создан разведывательный отдел сил метрополии, и его главная задача состояла в том, чтобы следить за созданием так называемого Атлантического вала (немцы приступили к этому зимой 1941 года).

По мере того как немцы сооружали орудийные позиции, замаскированные доты, ходы сообщения, противотанковые препятствия у выходов с побережья, фортификационные сооружения вдоль береговой линии, разведка фиксировала их. 140-я эскадрилья неустанно фотографировала береговую полосу. К концу лета 1942 года был получен материал, позволивший создать макет береговой полосы, так как ее видно в натуре с моря на удалении трех миль. Как только обнаруживали новую батарею, проводилось фотографирование и ставилось задание агентуре добыть необходимые сведения. По каждой батарее была заведена карточка учета, в которой записывались точные координаты, сектор обстрела, калибр и количество орудий, а также другие данные. С течением времени разведка выработала формулу для приближенного определения огневой мощи береговой обороны на каждом участке: количество орудий умножалось на их калибр, а произведение делилось на протяженность берегового участка

в милях. Все эти данные наносились на кальку, приложив которую к карте побережья Нормандии и Бретани, можно было сразу представить себе, где следует нанести удар. Выявилось три слабых места: между устьем реки Соммы и Гавром, залив между Гавром и Шербуром, северный берег Бретани.

В 1942 году была начата разработка плана операции «Раундап» — морской части плана вторжения на Европейский континент. Командующим ВМС в этой операции назначался адмирал Рамсей. Командиром оперативного соединения «I» был назначен капитан 1 ранга Хьюз-Хэллетт, который должен был руководить подготовкой личного состава и изучением всех аспектов высадки десанта, осуществлявшимися на острове Уайт и в Шотландии. Вскоре корабли и личный состав этого соединения были переброшены для участия в операции по высадке в Северную Африку. Однако, с точки зрения разведывательного обеспечения операции «Раундап», был сделан шаг вперед — появился объединенный разведывательный отдел, который разместился в Норфолкхаузе в Лондоне.

На этом этапе в середине 1942 года от разведки требовалось прежде всего «в срочном порядке представить информацию, по которой можно было бы принять решение о нанесении удара в том или ином районе или районах». Для этого необходимо было вести разведывательную карту всего района Ла-Манша и Северного моря в пяти экземплярах. Предполагалось, что после принятия решения о нанесении удара в том или ином районе потребуется около десяти различных карт и что планирующим органам понадобится по двадцать пять экземпляров каждой из них. Весной 1943 года в Норфолкхаузе произошло важное изменение. Генерал-лейтенант Морген, проведший всю организационную работу для Эйзенхауэра, Монтгомери и Брэдли, стал начальником штаба верховного командования союзников, в составе которого был вновь создан военно-морской отдел. Офицером связи этого отдела с адмиралтейством стал капитан 3 ранга Рис-Миллингтон, а старшим офицером по разведке — капитан 3 ранга Ричардсон. Последний вскоре узнал, что его коллегой от сухопутных войск был генерал-майор, который имел в своем распоряжении аппарат, насчитывавший в четыре раза больше офицеров, чем имел Ричардсон. Так почти всегда было с представительством от адмиралтейства в объединенных органах.

В мае 1943 года в штабе верховного главнокомандующего произошел скандал, о котором не стоило бы вспоминать, если бы он не служил примером трудностей, встречающихся в разведывательной работе большого масштаба, и не показывал различия в методах действий армии и флота, преодолевать которые пришлось уже в послевоенный период в ходе борьбы за объединение видов вооруженных сил. При планировании командованием сухопутных войск какой-либо операции вне метрополии обычно создавалось оперативно-тактическое соединение, специально готовившееся к этой операции. Начальник разведки этого соединения получал всю необходимую информацию из разведывательного управления военного министерства.

Разведывательный отдел соединения приступал к работе только с началом операции. В адмиралтействе же, поскольку силы флота все время находились в действии, разведка велась непрерывно. В начальный период любой операции руководство планированием и разведкой осуществлялось централизованно штабом ВМС. Как же должно было все происходить при проведении крупной операции с участием всех видов вооруженных сил, осуществляемой с баз в метрополии?

В тот период руководство подготовкой сухопутных войск к вторжению на Европейский континент осуществлялось командующим войсками в метрополии генералом Бернардом Пейджетом, сменившим на этом посту Алана Брука. Штаб Пейджета находился в Слоу, что в 45 минутах езды на автомобиле от Лондона. Из-за отсутствия верховного главнокомандующего союзными экспедиционными силами офицеры союзного разведывательного штаба, размещавшиеся в Норфолкхаузе, подчинялись Пейджету. Один из этих офицеров в докладной на имя Пейджета указал, что материал по вторжению в Европу изучается шестью различными отделами военной разведки, адмиралтейством, министерством экономической войны, министерством иностранных дел, штабом командующего войсками метрополии и объединенным центром по дешифрованию аэрофотоснимков. Налицо было излишнее дублирование работы, и ни один из этих отделов не изучал всего материала полностью. Исключение составлял только объединенный разведывательный отдел штаба войск метрополии.

Генерал Пейджет предложил перевести объединенный разведывательный отдел в Слоу. Это предложение также встретило резкие возражения, прежде всего со стороны представителя разведывательного управления ВМС, который заявил, что объединенный разведывательный отдел в таком случае оказался бы оторванным от планирующих органов Уайтхолла, от своих источников информации в министерствах и от штаба морских десантных операций в Уайтхолле, осуществлявшего в то время небольшие рейды на побережье Северной Европы главным образом с разведывательными целями. Тогда было предложено перевести из Норфолкхауза в штаб войск метрополии только армейских офицеров, чтобы они могли сосредоточить там свою работу в интересах деятельности штаба войск метрополии по подготовке вторжения на континент. И это предложение было отклонено на том основании, что было бы просто преступно распылять усилия специалистов.

И все же командованию войск метрополии удалось добиться своего. Объединенный разведывательный отдел перевели в Илчестерхауз, где он оказался отрезанным от источников информации и потерял связь с нужными ведомствами. Генерал Пейджет, видимо, считал себя кандидатом на пост верховного главнокомандующего. Так или иначе, офицеры отдела энергично протестовали против перевода отдела в Илчестерхауз. Однако вскоре ошибку поняли, и объединенный разведывательный отдел, переименованный в отдел

разведки театра военных действий, влили в состав штаба верховного главнокомандующего. Весной 1944 года он стал размещаться в Саутуике, близ Портсмута.

К лету 1943 года генерал Морган уже имел основание сказать, что союзники должны быть готовы «высадить десант на побережье Нормандии в районе Бейо к 1 мая 1944 года». В документе, разосланном 15 июля 1943 года, генерал Морган писал: «По-моему, настало время считать, что операция «Оверлорд» уже началась, и следует принять необходимые меры для организации полного взаимодействия всех служб, довести до высшего уровня степень их готовности к действию».

Как же стала возможной такая конкретность? Уже давно стало очевидным, что береговая оборона в устье реки Сены гораздо слабее, чем на других участках, где высадку могла бы прикрыть истребительная авиация с баз в Англии. Ясно было также, что береговая полоса, как показали данные топографической разведки, в этом районе была если не самой удобной, то достаточно приемлемой для высадки. Кроме того, в этом районе имелись возможности для оборудования аэродромов и быстрого развертывания бронетанковых войск. Каждый участок побережья от Бретани до границы с Голландией тщательно изучался именно с этой точки зрения, и район устья Сены представлялся наилучшим с точки зрения средних условий. Однако та самая причина, по которой немцы, возможно и умышленно, ослабили оборону в этом районе, вызвала трудности и у наших плановиков. Район находился вдали от оборудованных портов (Гавр — в 65 км от Арроманша, а Шербур — в 80 км). В ходе обсуждения этой проблемы капитан 1 ранга Хьюз-Хэллетт предложил построить искусственные гавани.

Когда вопрос о сроках и районе проведения операции был в основном решен, разведка получила возможность действовать целенаправленнее и энергичнее. Укрепился деловой контакт между командующим ВМС в операции адмиралом Рамсеем и начальником разведывательного управления ВМС. В марте 1944 года один из старших офицеров, работавших в комнате 39, капитан 1 ранга резерва ВМС Льюс стал начальником разведывательного отдела штаба адмирала Рамсея. Еще в ноябре 1943 года по средам стали проводиться совещания между представителями разведывательного управления ВМС и офицерами морского отделения разведывательного отдела штаба верховного главнокомандующего. Работой этих совещаний руководил заместитель начальника разведывательного управления ВМС капитан 1 ранга Клэнчи, и на них решались вопросы взаимодействия по обеспечению операции «Нептун». В марте 1944 года, когда до высадки десанта оставалось только три месяца, группа офицеров во главе с капитаном 3 ранга Яном Флемингом выработала систему передачи информации, получаемой в результате дешифрования и перехвата радио- и телеграфных переговоров противника. Было нетрудно предположить, что корабли и самолеты противника, действующие в районе Ла-Манша, будут вести интенсив-

ные радиопереговоры, перехват которых очень важен для наших кораблей, находящихся в море. Но как передавать полученную информацию на корабли? В какой форме? Как быстро? На первый взгляд показалось целесообразным передавать всю информацию, полученную службой перехвата, непосредственно в штаб адмирала Рамсея без посредничества оперативно-информационного центра разведывательного управления ВМС. Однако вскоре выяснилось, что, в силу нехватки кадров и недостатка опыта, в штабе Рамсея не могли использовать этой информации. Поэтому она снова стала поступать адмиралу Клэйтону и подчиненным ему офицерам оперативно-информационного центра, который располагал необходимыми средствами для обработки и передачи поступавших сведений.

Еще одна группа офицеров разведывательного управления совместно с представителями других управлений адмиралтейства изучала вопрос о возможных действиях противника после высадки десанта. Участников совещаний ничем не ограничивали, и они могли высказать любые мысли и предложения. Такой порядок работы стимулировал активное обсуждение вопроса. На первом совещании, например, обсуждались возможные методы и средства ближней обороны противника, включая применение ослепляющих прожекторных установок, проволочных заграждений под током высокого напряжения, зажигательных средств, бетонных надолбов у подходов к берегу, дымовых завес, слезоточивых и других отравляющих веществ, огнеметов и т. п. Выяснилось, что раньше никто не задумывался над возможностью применения противником тока высокого напряжения и не изучалась опасность, которую создали бы для плавучих причалов установленные под водой заградительные ежи. Капитан 3 ранга Дэннинг сказал представителю штаба Рамсея, что торпедные катера, активно действовавшие в южной части района высадки, теперь больше заняты разведкой, чем поиском объектов для нападения. Эти катера могут использовать инфракрасную и болометрическую аппаратуру, а поэтому желательно не топить, а захватывать такие катера противника, чтобы выяснить, как они оснащены. Позднее захваченные в плен матросы и офицеры из состава команд этих катеров подтвердили, что их главной задачей являлась разведка.

Конечно, много волнений вызывал вопрос о том, что известно противнику. Как бы ни были уверены в Уайтхолле, что противнику очень мало известно о наших приготовлениях к вторжению, все же правительство было обеспокоено тем, что, несмотря на господство нашей истребительной авиации, может обнаружить воздушная разведка противника визуально или путем фотографирования. 15 марта начальник разведывательного отдела штаба Рамсея смог доложить, что в течение двух недель авиация противника не вела разведки в южных районах Англии. Но в мае он доложил, что с 19 апреля воздушная разведка противника активизировалась. Из захваченных немецких документов теперь известно, что воздушная разведка оказалась неэффективной.

Начальник минно-торпедного управления так убедительно говорил об опасности подводных препятствий для плавучих причалов, что было решено собрать самую подробную информацию о постановке противником минных заграждений. Очевидно, поскольку немцы не знали, где мы намереваемся нанести удар, им пришлось бы затратить огромное количество сил и средств, если бы они попытались минировать или оборудовать подводными препятствиями все побережье Франции. Признаки такой деятельности так или иначе были бы замечены. В марте немецкий отдел разведывательного управления ВМС получил сведения о минировании участков мелководья и постановке подводных препятствий, снаряженных взрывчатыми веществами. Однако, где осуществлялась эта работа, выяснить не удалось. В апреле из Германии и других стран поступили донесения агентов о заказе взрывателей для мин, но размеры заказа свидетельствовали о небольшом масштабе этих приготовлений. В мае начальник немецкого отдела разведывательного управления капитан 3 ранга Таузр доложил вполне определенно: «Сосредоточения средств заграждения и препятствий не наблюдается ни на одном из участков береговой полосы».

Когда самым тщательным образом была зафиксирована и проанализирована информация, которую можно было получить из туристских справочников, аэрофотоснимков, донесений агентов, показаний пленных и из карт, остались неясными многие вопросы, ответ на которые нужно было получить, чтобы обеспечить выход войск с захваченного плацдарма на берегу и развитие успеха в глубину. Эти вопросы касались толщины слоя и плотности песка, крутизны берегов, наличия естественных противотанковых препятствий в виде скал, мертвых пространств между артиллерийскими позициями береговой обороны и урезом воды, наличия минных заграждений. Эти сведения можно было получить только путем проведения разведки на месте. Данный случай является примером того, когда личные наблюдения как средство получения информации незаменимы. Для выполнения этих задач необходимо было подобрать специалистов. При этом важно было, чтобы ни один из разведчиков не был захвачен или обнаружен противником, иначе он узнал бы, где готовится высадка.

Операция «Поустидж Эйбл», проведенная с целью разведки побережья Франции, была одной из труднейших разведывательных операций. Я расскажу только о действиях экипажа сверхмалой подводной лодки «Х-20», состоявшего из пяти человек во главе с капитан-лейтенантом Уилмоттом.

Операция «Поустидж Эйбл» проводилась в конце декабря 1943—январе 1944 года. Две группы действовали восточнее Котантена, две — на островах Ла-Манша и восемь — между Гавром и Остендом. Группа Уилмотта получила задачу разведать район Бей-де-ла-Сен, где намечалась высадка десанта. Он должен был выяснить, заминирована ли береговая полоса, и, если возможно, добыть образец мины,

установить характер противотанковых заграждений, собрать данные о крутизне берегов, взять пробы песка и гальки, определить местный режим прилива и отлива.

Оперативно-информационный центр обеспечил разведывательные группы сведениями об обстановке, основываясь на данных постоянного наблюдения за движением немецких судов у побережья. Уилмотту сообщили, что залив патрулируется вооруженными траулерами только в темное время суток; в ходе трех последних вылазок наших кораблей к побережью в дневное время судов или кораблей противника обнаружено не было. Уилмотта предупредили, что в ночное время вдоль берега довольно часто проходят небольшие суда и баржи, но конвои из Гавра в Шербур ходят нерегулярно и только в ночное время. Ему дали подробные данные о маршрутах движения этих конвоев, с указанием протраленного фарватера шириной шесть—восемь кабельтовых. Уилмотта информировали также, что конвои обычно охраняются и что на кораблях охранения имеются лишь гидрофоны, а гидролокаторов нет. Корабли охранения обычно следуют параллельным курсом с конвоем на удалении до двух миль. Входившего в состав группы Уилмотта специалиста по инженерному делу майора Скотта-Боудена познакомили с картой береговой полосы, выполненной в масштабе 1 : 5000, с нанесенными на нее данными воздушной фотографической разведки.

Благодаря умелым действиям и выдержке членов группы Уилмотта операция прошла успешно. 18 января Уилмотт с помощью перископа осмотрел берег у Ле-Мулена, а ночью майор Скотт-Боуден и сержант Смит вышли на берег, преодолев вплавь около 500 метров. Они осмотрели пляж Сен-Лоран. 19 января то же самое было проделано немного восточнее, а 20 января через перископ был осмотрен Вьервиль. Были моменты, когда Уилмотту казалось, что лодка обнаружена, так как часовые открывали стрельбу, однако каждый раз выяснялось, что выстрелы производились ими только в опознавательных целях. Группа возвратилась, собрав ценную информацию. Плотность песчаного покрова на береговой линии, как удалось установить, была достаточно высокой «для машин всех видов». Группа Уилмотта установила, что песок хорошо слежался, но в затапливаемой приливом полосе имеются глубокие воронки, где может затонуть машина. Крутизна наклона берега составляла 1 : 8, а высота — до 2 метров. Они выявили участки берега, где, судя по замеченным следам, минных полей не было. При приливе незатопленной остается полоса пляжа шириной около 25 метров, а при отливе ширина полосы увеличивается до 250 метров. Группа сверила данные карт о глубинах на подходах к берегу, а также уточнила очертания береговой линии, показанные на аэрофотоснимках.

Находясь в течение трех суток в тесных помещениях подводной лодки, лишенные свободы движения, испытывая недостаток воздуха, а также трудности в питании и отправлении естественных потребностей, постоянно остерегаясь обнаружения, экипаж «Х-20» выполнил сложную и трудную задачу. Уилмотт писал:

«Все члены группы показали выносливость и действовали смело. В некоторых случаях потребовалось прибегнуть к тонизирующим средствам, хотя они не всегда давали нужный эффект. Перенесенные трудности и невзгоды дали себя знать несколько дней спустя после возвращения в базу».

В назидание будущим офицерам разведки капитан-лейтенант добровольческого резерва Ричардсон вспоминает о своих хлопотах, связанных с поисками подводных препятствий, которые могли быть установлены противником. Дело в том, что начальник управления десантных операций Маунтбэттен с первых дней был убежден, что такие препятствия в самой хитрой форме обязательно встретятся при проведении любой операции. На поступавших каждые две недели документах Ричардсон старательно отмечал, что нет никаких признаков постановки противником подводных препятствий и что если бы немцы попытались поставить их, то мы сразу же обнаружили бы соответствующие склады. Кроме того, немцы не знали, где мы намереваемся высадиться, не знали режима приливов и отливов в этом районе, а значит, не могли сколько-нибудь удачно расположить препятствия. Когда Ричардсону надоело повторяться, он написал в памятной записке: «Откуда начальство берет на пустом берегу подводные препятствия, понять не могу».

А между тем зимой 1943 года Роммель, которого назначили командующим войсками во Франции, приказал сделать все, чтобы можно было не допустить продвижения союзников дальше береговой полосы. Раньше план обороны предусматривал нанесение контрудара по сосредоточившимся на берегу союзным войскам. По распоряжению Роммеля начались и не прекращались до самого дня высадки десанта работы по сооружению препятствий на береговой полосе.

А через некоторое время препятствия стали появляться на всем европейском побережье, подобно корьевой сыпи. Они не были обнаружены на складах просто потому, что никаких складов не требовалось. Немцы сняли противотанковые и другие препятствия с дорог и установили их на береговой полосе.

Операция «Торч» показала всем, в том числе и разведывательному управлению ВМС, что при рассылке собранной информации в многочисленные соединения и подразделения десантных войск очень важно соблюдать строгий порядок и правила сохранения тайны. В операции «Нептун» дело обстояло еще хуже. Информацией в простой и наглядной форме нужно было обеспечить тысячи, а не сотни кораблей и судов. Ее нужно было разослать адресатам заблаговременно, чтобы все, кто в ней нуждался, имели время изучить ее, но не слишком рано, чтобы не производить потом существенных изменений и сохранить тайну. Каждый экземпляр документов подлежал строгому учету. В информационные материалы, рассылаемые в войска и на корабли, приходилось включать подробное описание обороны противника в целом.

Один из офицеров разведки, работавший в Саутунке, записал, что произошло в вечер, предшествовавший началу операции. В 23.30 начальник штаба Рамсея адмирал Кризи разрешил всем офицерам отдыхать, однако им пришлось подняться в ранние утренние часы, чтобы принять первые донесения кораблей и судов десанта, а также перехваченные радиограммы немецких станций, которые позволяли судить о предпринимаемых противником контрмерах.

> «По мере поступления донесений, в которых сообщалось о своевременном и скрытном подходе кораблей и судов десанта к назначенным участкам высадки, нам становилось ясно, что наши труды не пропали даром. Операция «Нептун» обещала пройти успешно. То, что когда-то оказалось не под силу ни испанцам, ни Наполеону, ни Гитлеру, сделали мы. Нас охватило чувство гордости, настроение было приподнятое. Все заняли свои рабочие места. Те, кто разработал план операции, теперь должны были руководить ее проведением».

Единственным серьезным замечанием, касающимся точности разведывательной информации о береговой полосе, явилось замечание о том, что фотографии артиллерийских установок противника не вскрывали того факта, что орудия могли вести только продольный огонь и, следовательно, корабли могли бы и не опасаться их. Естественно, немецкие артиллерийские позиции подверглись из-за этого менее интенсивному обстрелу с кораблей.

Операция «Нептун» оказалась успешной, а операция «Оверлорд» в конечном итоге явилась подлинным триумфом во многом благодаря деятельности, о которой рассказывается в этой книге. Нельзя не отметить также тесное сотрудничество между видами вооруженных сил, о котором в 1939 году можно было только мечтать. Обратная картина наблюдалась у немцев, которые не сумели добиться взаимодействия между видами вооруженных сил. Можно сомневаться в том, что меры введения противника в заблуждение, предпринятые англичанами, были бы не столь успешны, если бы немецкая разведка была более объективной и не несла на себе печати полного господства взглядов командования сухопутных войск. Поскольку немецкая агентура в Англии летом 1944 года практически не давала какой-либо тактической военной и военно-морской информации и поскольку немцы утратили возможность ведения регулярной и глубокой воздушной разведки, гитлеровское командование получало гораздо больше данных, которые порождали благодушные настроения, чем данных, которые заставили бы подумать об опасности.

Немецкие документы свидетельствуют, например, что противник знал о наличии у союзников различных планов вторжения на Европейский континент с моря. Участок для высадки войск был бы наверняка избран вблизи одного из портов, где нет опасных скал, где глубина дна достаточно велика и отсутствуют подводные рифы или

сильные течения. Время вторжения было бы избрано с учетом благоприятных метеорологических условий в часы прилива и в период новолуния. Фактически же высадка по плану «Нептун» осуществлялась при полнолунии, в часы отлива и частично на скалистые берега, при значительном волнении на море и сильном ветре. Тот факт, что все эти варианты не были учтены противником, вызывает особенное удивление, поскольку незадолго до начала операции в утренние часы и в условиях отлива у берегов Англии состоялось учение, которое являлось частью плана оперативной маскировки.

Вполне возможно, что выводы немецкого командования относительно возможностей и намерений десантных войск в Нормандии находились под влиянием тех рекомендаций, которые дал Гитлеру немецкий штаб руководства войной на море при планировании высадки в Кенте и Сассексе. Моряки утверждали тогда, что по навигационным соображениям высадку лучше всего осуществлять за два часа до прилива. Командование сухопутных войск настаивало на осуществлении высадки до рассвета. Переход морем предлагалось произвести в основном ночью. При таких требованиях (подобные же требования выдвигались в плане операции «Нептун») выбор даты вторжения был весьма ограничен; отвечающих таким требованиям дней могло быть не более двух в месяц.

Нам теперь известно, что в августе 1940 года произошла серьезная ссора между адмиралом Шнивиндом и генералом Гальдером, когда последний требовал, чтобы вторжение было осуществлено на широком фронте от Восточного Кента до Западного Сассекса, несмотря на разницу во времени прилива в районах Литлхемптона и Дувра, составлявшую 3,5—5 часов. Командованию сухопутных войск было трудно понять, что десанту пришлось бы высаживаться в неблагоприятных приливных условиях или допустить, что высадку на флангах пришлось бы осуществлять не одновременно.

Восемнадцать дней спустя после начала операции «Оверлорд» командующий ВМС группы «Запад» направил в штаб руководства войной на море донесение, подписанное адмиралом Кранке и касавшееся провала разведки в районе устья Сены. То, что с точки зрения союзников можно было бы частично отнести на счет удачи, являлось показателем плохой работы немецких штабов, частично из-за мер, принятых силами вторжения, а частично из-за разногласий между Рундштетом и командованием ВМС группы «Запад» в оценке намерений союзников после высадки десанта. Сквозь скупые строки штабных документов легко увидеть горькое разочарование и признание допущенных разведкой ошибок. В донесении, датированном 23 июня 1944 года, говорится:

> «Вечером 5 июня дул норд-вест силой 6 баллов. Такие условия считались неблагоприятными для высадки противником десанта. Поэтому командующий ВМС группы «Запад» решил не высылать корабли к устью Сены, поскольку прилив вынудил бы их возвратиться в базу к

02.00 (6 июня). В предрассветные часы, когда опасность была особенно велика, патрулирование могло осуществляться только в том случае, если бы мы решили оставить корабли в море до следующего прилива, то есть до полудня. Обстановка в ночь на 6 июня такой риск не оправдывала.

Сообщения о высадке первых воздушных десантов в Нормандии были получены штабом группы вскоре после полуночи. Сначала мы не думали, что это начало вторжения. Командование 3-й воздушной армии и командование сухопутных войск на западном фронте приняли высадку воздушных десантов за маловажные рейды или вынужденный выброс экипажей с возвращающихся на базу бомбардировщиков. Такой вывод был тем более оправдан, что несколько дней назад донесение о высадке воздушного десанта в районе Найс оказалось ошибочным. Там выбросился с парашютами экипаж потерпевшего аварию самолета. Командование сухопутных войск на Западном фронте не придавало значения сообщениям о высадке воздушных десантов даже после того, когда версия о потерпевших аварию самолетах была опровергнута.

Командование ВМС группы «Запад» отдало приказ о приведении группы в полную готовность сразу после поступления первого донесения. Поскольку донесения о высадке воздушных десантов продолжали поступать, в 03.10 было решено начать активное патрулирование побережья, не считаясь с оценкой обстановки, которую дал штаб сухопутных войск Западного фронта. Однако начавшийся прилив не позволил кораблям 6-й флотилии канонерских лодок выйти в море.

В 03.20 штаб группы получил донесения, которые свидетельствовали о том, что имеют место не рейды мелких десантных групп, а вторжение. В частности, было получено донесение радиолокационного поста о том, что в 03.09 севернее порта Бессин отмечено движение кораблей в южном направлении. Об этом было немедленно сообщено в штаб сухопутных войск Западного фронта. По мере поступления новых донесений радиолокационных постов они также передавались командованию сухопутных войск, которое, однако, не было согласно с выводами моряков и по-прежнему не придавало значения действиям противника. Только в 06.30 командование сухопутных войск осознало, что осуществляется вторжение на континент.

Наши радиолокационные станции в ночь, когда началась операция по вторжению, несмотря на налеты авиации противника, были в состоянии своевременно обнаружить приближающиеся к побережью корабли и суда десанта на любом участке Ла-Манша. Примерно в 23.00

5 июня наши станции в районе Шербура отметили движение кораблей в восточном направлении. Ничего необычного в этом факте не было, если учесть, что такие же передвижения отмечались раньше и что они в общем происходили на обычных маршрутах движения английских судов.

Однако когда суда с десантом повернули в залив, их не обнаружили. Решающую роль в обнаружении сил вторжения должна была сыграть радиолокационная станция в Ла-Пернелле, но она бездействовала после недавнего налета авиации. Радиолокационные станции на побережье Нормандии не заметили приближающихся кораблей и судов из-за радиоэлектронных помех со стороны противника. Сами по себе помехи не могли послужить признаком готовящегося вторжения — так бывало и прежде. В устье реки Орн флот противника был обнаружен только на рассвете, когда корабли и суда стали видны невооруженным глазом.

Первым определенным показателем начавшегося вторжения было донесение радиолокационного поста, полученное штабом группы ВМС «Запад» в 03.20. Однако наша радиолокационная служба оказалась не в состоянии определить масштабы вторжения настолько своевременно, чтобы выслать в море канонерские лодки. Донесения радиолокационного поста не содержали такой информации, которая могла бы убедить командование сухопутных войск заблаговременно выдвинуть вперед бронетанковые дивизии.

Наши тральщики, торпедные и сторожевые катера немедленно вышли в море из Гавра. Однако их действия сколько-нибудь существенного влияния на развитие событий не оказали».

Справедливо предположить, хотя и невозможно доказать, что командование немецких сухопутных войск виновно в принятии желаемого за действительное. Его штаб давно уже пришел к выводу, что побережье в устье реки Сены непригодно для высадки, поскольку поблизости нет крупных портов. Это убеждение подкреплялось многочисленными разведывательными данными, которые неопровержимо свидетельствовали о намерении союзников нанести удар в районе Кале. В таком случае появление судов с десантом в устье реки Сены следовало считать отвлекающим маневром, рассчитанным на переброску нами бронетанковых дивизий в ложном направлении. Конечно, суточные наблюдения разведки не могли сломить твердо сложившегося убеждения. Другими словами, меры введения противника в заблуждение оказались настолько успешными, что он принял действительное вторжение за отвлекающий маневр. На лучшее нельзя было и рассчитывать.

ГРЕХИ И ИХ ИСКУПЛЕНИЕ

ГЛАВА 15

Терпение скалолаза, упорство ученого, объективность исследователя, интуиция археолога, честность врача, изыскапность формулировок журналиста, убедительность аргументации адвоката — все эти и многие другие качества в идеале являются обязательными качествами разведчика. Не было бы необходимости перечислять все эти качества, если бы роль разведки в войне не игнорировалась командирами всех степеней и историками, если бы была уверенность в том, что политические деятели извлекут уроки, вытекающие из изложенных в этой книге фактов. Качества, характеризующие настоящего разведчика, дают возможность любому руководящему и планирующему органу в какой-то степени нейтрализовать хорошо известные слабости и недостатки, присущие людям, находящимся у власти,— нетерпение, отчаяние, тенденцию к поспешным выводам, неспособность видеть лес за деревьями, подверженность воздействию слухов, стремление уйти от каких-либо трудностей в достижении цели.

Ничем не отличаются в этом отношении и военно-морские силы. Мы уже знакомы с примерами нетерпения, проявленного в абсурдных требованиях открыть второй фронт в Европе в 1942 году, с примерами излишних обобщений в оценке военных планов Германии и последствий бомбардировок. Можно привести бесчисленное множество примеров из истории войн, науки и дипломатии, подтверждающих эти выводы. Но забывать об уроках истории, как это было в 1939 году, нельзя.

> «В то время,— писал Годфри,— ни один из помощников начальника штаба, ни начальники оперативных управлений не имели никакого представления о разведке. Да и сам я имел о ней смутное представление. Это объясняется тем, что вопросы разведки просто ускользнули от нашего внимания за двадцать лет мирного времени. Была предпринята неуверенная попытка создать курсы раз-

ведки при штабном колледже, но она ничего не дала».

В довоенный период слушатели военно-морского штабного колледжа проходили краткий курс по методам ведения разведки и источникам разведывательной информации. Даже такое поверхностное обучение офицеров иногда давало свои плоды. Захват секретных документов на подводной лодке «U-110» 9 мая 1941 года стал возможен частично потому, что командир сил охранения конвоя OB.318 капитан 3 ранга Бейкер-Крессуэлл обучался в штабном колледже и знал, какой полезный урок извлекла английская военно-морская разведка из того факта, что во время первой мировой войны русские водолазы достали секретные своды сигналов с затонувшего немецкого крейсера «Магдебург». Бейкер-Крессуэлл рассказал мне, что, когда после бомбардировки глубинными бомбами немецкая подводная лодка всплыла, он сначала хотел было таранить ее, чтобы отомстить за потопленные ею суда. Однако почти в тот же момент Бейкер-Крессуэлл понял, что есть возможность захватить ценные секретные документы, и поэтому отказался от первоначального намерения.

На английском военном корабле в довоенный период так называемым офицером разведки был чаще всего штурман, которому в исполнении этих обязанностей иногда помогал кто-нибудь из подчиненных младших офицеров. Должностные обязанности офицера разведки излагались в небольшом наставлении, содержавшем общие принципы работы, многие из которых безнадежно устарели. Практически работа офицера разведки состояла в основном в обеспечении сохранности различных шифров и кодов. Никаких инструкций и указаний он не получал, хотя как штурман был обязан докладывать в гидрографическое управление обо всех изменениях навигационных условий в тех портах, где бывал корабль.

Когда Годфри перед своим отъездом из Лондона в конце 1942 года в докладной записке изложил некоторые взгляды относительно состояния разведки и уроков, которые следовало извлечь из опыта трех лет войны, записка вернулась в управление лишь с пометкой даты ознакомления первого морского лорда и его заместителя. Ожидать чего-либо другого было просто нельзя. Только настоящие полководцы и флотоводцы осмеливаются признавать свои ошибки в ходе войны. Конечно, теперь можно было бы извлечь пользу из опыта успешной работы небольшой группы офицеров, выработать какие-то основные принципы организации и ведения разведки. Такая попытка могла бы, по крайней мере, привлечь внимание к вопросу, который в нашей стране игнорировался, но очень тщательно изучался в Соединенных Штатах.

Следует оговориться, что наиболее вдумчивые руководители флота сразу поняли значение разведки. В 1945 году командующий Флотом метрополии Фрейзер прибыл с официальным визитом в оперативно-информационный центр, чтобы поблагодарить офицеров за оказанную ему помощь. Тови в своем донесении о потоплении «Бис-

марка» отмечал, что важную роль сыграла разведка. Даже вспыльчивый Рамсей после завершения Нормандской операции выразил восхищение по поводу собранной разведывательной информации и быстроты ее рассылки, а также мер, направленных на сохранение тайны. Каннингхэм, который зачастую очень грубо обходился с офицерами разведки, отмечал высокое качество подготовки разведывательной документации в операции «Торч». Дадли Паунд в разговоре с Годфри шутливо заметил, что «если вы и дальше будете обеспечивать меня такой разведывательной информацией, то я завоюю репутацию великого стратега».

Конечно, были и неудачи, серьезные и многочисленные неудачи, особенно в первые дни войны. Слишком много времени потребовалось, чтобы узнать, что немцы читают нашу скрытую связь; плохо была обеспечена высадка войск в Норвегии; в первый год войны не удавалось выявить районы действий немецких «карманных» линкоров и тяжелых крейсеров (хотя «Граф Шпее» был выслежен и потоплен); недооценивалась роль немецкой морской авиации в действиях против наших надводных кораблей; необоснованно было признано правильным мнение Черчилля, что присутствие линкоров «Рипалс», «Принс ов Уэлс» в Сингапуре заставит японцев воздержаться от экспансии в южном направлении. Крупнейшим недостатком была неспособность разведки сделать логический вывод о том, что немецкие подводные лодки будут атаковать наши суда из надводного положения и в ночное время (эта ошибка объяснялась недостаточно глубоким анализом действий немецких подводных лодок в 1917—1918 годах и направления в развитии военно-морской доктрины Германии в 1936—1939 годах).

Специалист по немецким военным архивам капитан 3 ранга Сондерс указывал, что такую же ошибку в отношении изучения опыта и тенденции в развитии сил и средств допустило военное министерство, не сумевшее заранее определить методы действий бронетанковых войск противника в военной кампании 1940 года. Книги и статьи Деница и Гудериана, публиковавшиеся в открытой печати до начала войны, игнорировались или просто не были замечены.

Еще одним показателем плохой организации деятельности разведки являлся тот факт, что в первые дни войны сообщения разведывательного управления ВМС отрабатывались без должного внимания к формулировкам, часто основывались на информации от непроверенных источников. Например, 7 апреля 1940 года командующий Флотом метрополии получил из адмиралтейства следующее сообщение:

> «Имеющиеся данные показывают, что немцы готовятся к высадке десанта. Из Копенгагена сообщают, что Гитлер приказал перебросить на десяти судах одну дивизию для высадки в Нарвике и одновременного занятия Ютландского полуострова. Швецию пока оставляют в покое. Некоторые круги в Германии возражают против этого плана.

Высадка в Нарвике якобы назначена на 8 апреля. Все эти сведения сомнительны и, возможно, являются лишь новым шагом в войне нервов».

«Ну и что же? — мог воскликнуть адмирал Форбс, получив такое сообщение.— Нужно ли приводить флот в готовность? Если сообщения сомнительны, то зачем же их рассылать? Что означает упоминание о возражениях против плана?» Фактически же на следующий день, 8 апреля, вторжение в Норвегию уже шло полным ходом и группа немецких кораблей была обнаружена летающей лодкой у входа в Тронхеймс-фьорд. Странно, что разведывательное управление не сделало более настойчивых выводов из сообщения, полученного от генерального консула в Копенгагене, из данных о том, что 5 апреля проливы Большой и Малый Бельт очистились ото льда, из информации относительно активной деятельности противника севернее этих проливов. (Вполне возможно, что увеличившийся радиообмен между немецкими кораблями, зарегистрированный радиоразведкой, расценили в оперативно-информационном центре как следствие проведения нами минных операций у берегов Норвегии.) Сравните этот эпизод с потоплением «Шарнхорста» в 1943 году, после того как адмирал Фрейзер получил очень краткое сообщение: «Адмиралтейство считает, что «Шарнхорст» вышел в море».

Скептическое отношение к разведывательной информации не было необоснованным, и, очевидно, в этом состоит первый вывод, который нужно сделать. Будучи людьми дела, командующие на местах, как правило, с подозрением относятся к разведывательной информации, пока не накопят опыт и знания в области ведения разведки. То же самое можно сказать и о политических деятелях, которые проявляют еще меньшее стремление к расширению своих знаний. На штабном совещании в Коломбо в 1944 году один из опытнейших офицеров разведывательного управления, специально прибывший в этот район для реорганизации разведки в Юго-Восточной Азии, получил от командующего следующий упрек: «Мне не нравится вся эта возня. Я считаю, что гораздо полезнее выйти в море, отыскать противника и потопить его». На это разведчик нашел в себе смелость ответить: «Я стараюсь не для себя, а для вас, сэр. Без разведки вам не найти противника, и, возможно, не вы его, а он потопит вас, если я не сообщу вам информации о его мощи». Удивительно, конечно, что подобные разговоры велись на пятом году войны. Однако следует помнить, что многие офицеры действующих сил флота не знали, какие результаты может дать активная деятельность разведки во время войны. Заместитель начальника разведывательного управления Ян Кэмпбелл признал, что когда после трех лет службы в управлении он стал командовать эсминцами в составе сил охранения так называемых арктических конвоев, то практически ничего не знал о деятельности своих бывших коллег по управлению, которая ведется в интересах обеспечения проводки

конвоев. Однако, приняв позднее участие в операции «Торч», Кэмпбелл был поражен «исключительной точностью разведывательной информации, которую получали командиры кораблей, заходя в Гибралтар для пополнения запасов топлива».

К сожалению, уроки прошлого быстро забываются. После войны, когда берлинский кризис 1948—1949 годов привел в движение весь аппарат адмиралтейства, выяснилось, что историческое помещение, где размещался пост слежения за движением подводных лодок, пришлось силой отнимать у гражданских служащих, установивших здесь столы для игры в пинг-понг. В самый разгар кризиса один высокопоставленный офицер, отправлявшийся на Дальний Восток, был приглашен в пост слежения за подводными лодками. Как и полагалось для командируемых на ответственные посты за границей, этот офицер был принят заместителем начальника разведывательного управления и сказал, что ему не хотелось бы терять время, так как он вряд ли узнает что-нибудь полезное. Офицеру решительно заявили, что он напрасно неуважительно относится к той области, с которой совершенно незнаком. Позиция, занятая этим офицером, во многом сходна с той, которой придерживался начальник управления связи, еще до начала войны заявивший, что Англии совсем ни к чему расширять сеть радиопеленгаторных станций, поскольку противник наверняка будет соблюдать радиомолчание во всех операциях.

Годфри и его современники отмечают, что состояние французской армии безо всяких оснований считалось в конце тридцатых годов вполне удовлетворительным. Никаких мер для установления скрытой связи между адмиралтейством и французским флотом на тот случай, если армия будет разгромлена, не предпринималось. Флеминг считает, что если бы такая связь существовала, то удалось бы избежать тяжелых последствий бомбардировки Орана.

Исходя из всего вышесказанного, следует первый вывод: командный состав, технические специалисты и политические деятели склонны игнорировать или недооценивать значение разведки. Это объясняется частично характером подготовки этих людей. Значит, руководство нужно доверять тем, кто имеет необходимую подготовку и образование. Отсюда вытекает второй вывод: руководство разведкой целесообразно поручать гражданским лицам. Такой практики никогда не придерживались в Англии и Германии, но в США в послевоенное время руководство крупными разведывательными органами все чаще и чаще вверяется гражданским лицам. Пост начальника английской секретной службы до 1939 года занимал морской офицер, и считалось, что так и должно быть всегда. Каждый вид вооруженных сил назначал начальником разведывательного управления одного из ответственных офицеров штаба и никогда не помышлял доверить такой пост гражданскому лицу. Все еще господствует мнение, что гораздо важнее отдавать приказы и разрабатывать планы, чем заботиться о том, чтобы они были правильные. Лучшие офицеры вооруженных сил отказываются служить в разведке, где их карьера быстро достигает высшей точки, когда они получают

звание капитана 1 ранга или бригадного генерала. (Единственным исключением является фельдмаршал Темплер, который служил в разведке еще до начала войны и в 1946—1948 годах был начальником управления военной разведки.) Кроме того, насколько мне известно, талантливые офицеры редко назначались на службу в разведку. В министерстве иностранных дел разведывательная деятельность тоже не поощрялась. «Наша задача,— сказал один дипломат,— состоит не в том, чтобы вести разведку, а в том, чтобы поддерживать отношения». Об этом я уже писал в главе 6, где говорится о деятельности военно-морских атташе. Служащие министерства иностранных дел не проходят какой-либо подготовки по сбору и составлению разведывательной информации. Наилучшая политическая информация, с точки зрения разведывательного управления ВМС, во время войны поступала от специальных отделов управления политической войны, в которых работали бывшие журналисты, ученые и другие лица, не имеющие опыта дипломатической деятельности.

Однако целесообразность гражданского руководства разведкой определяется не только неуважительным отношением к ней в вооруженных силах. Веское слово с этой точки зрения имеет опыт войны, свидетельствующий о том, что юрист, ученый, путешественник, банкир, даже журналист чаще проявляют принципиальность, чем кадровые военнослужащие. Кадровые офицеры и политические деятели стремятся преподнести такую разведывательную информацию своим начальникам, которая по вкусу последним. Возможно, эти слова звучат грубо и несколько несправедливо, однако они привлекают наше внимание к тому, как используется и трансформируется информация во имя оправдания заранее принятого решения или доказательства правоты той или иной точки зрения начальства. При этом может преследоваться цель повлиять на размеры бюджетных ассигнований, опорочить позицию другого вида вооруженных сил, оправдать политику умиротворения или добиться тех или иных внутриполитических решений. Лучшей иллюстрацией служит приведенный в главе 6 пример того, как Черчилль использовал данные о потоплении немецких подводных лодок. Этим грешат бизнесмены, привыкшие не выбирать средств для достижения цели, политиканы и карьеристы, грешат в разной степени, в зависимости от их общего кругозора и воспитания. (Годфри обычно утверждал, что моряки, привыкшие к опасностям и неожиданностям на море даже в мирное время, более реалистичны и менее повинны в таких грехах, чем военнослужащие сухопутных войск.)

Так или иначе, никто не станет отрицать, что разведка может и должна быть голосом разума в работе любого руководящего органа (пусть этот тезис явится третьим выводом) и что заниматься разведкой должен честный и принципиальный сотрудник. Ни один офицер, работавший в разведывательном управлении ВМС, не станет отрицать, что своими достижениями оно в значительной мере обязано гражданским специалистам, с уважением относившимся к военно-морским традициям, но оставшимся гражданскими людьми по своим

привычкам, нормам поведения и характеру подготовки. Никто не станет отрицать и того факта, что женщины (хотя лишь немногие из них имели возможность проявить себя) показали удивительные способности выполнять самую трудоемкую разведывательную работу. Одна из женщин, как уже упоминалось, к концу войны стала экспертом оперативно-информационного центра по немецким силам береговой охраны на участке от Гельголанда до Биаррица. Она, археолог по специальности, имела опыт и подготовку для работы по сопоставлению и анализу скучнейших мельчайших фактов.

В этом-то весь секрет. Определенные профессии и исследовательский опыт вырабатывают в человеке те качества, которые необходимы разведчику. Более того, они создают у человека такую уверенность в суждениях, которая у офицера может быть подорвана привычкой постоянно подчиняться старшему по званию или должности. Совершенно не случайно, что лучшими пятью офицерами разведки, с которыми мне приходилось встречаться за время войны, были: юрист, маклер, философ, историк и, наконец, офицер-моряк, всю жизнь стремившийся стать (и если бы не война наверняка ставший бы) адвокатом. Среди личного состава объединенной топографической секции в Оксфорде руководящие должности занимали ученый Уэллс и гидрограф капитан 3 ранга Хьюз. Нет ничего удивительного в том, что они легко сработались. У них было много общего и в характере подготовки, и в подходе к делу.

Что же еще можно сказать по вопросу об интуиции? Строгий эксперт по разведке, вероятно, ответил бы «ничего», и это значило бы, что любую вещь можно понять без логических рассуждений. Такой тезис, возможно, справедлив в области искусства и религии, но в военных вопросах подобный вывод является не больше, чем догадкой. Как, например, расценить интуитивные выводы Гитлера о слабости Франции? Если бы Гитлер прислушался к утверждениям своих советников по разведке, то он ни за что не предпринял бы агрессии против Франции, Бельгии и Голландии. Но решения Гитлера носили скорее политический, а не военный характер, они основывались на догадках, касающихся морального духа противников, а не военного соотношения сил. Поскольку эти догадки принесли ему успех, Гитлер перенес их и на военные действия, даже не задумавшись и не поручив кому-нибудь проанализировать, почему его политические догадки оказались правильными. Поскольку события развивались благоприятно, никто не осмелился оспаривать правомерность решений Гитлера. Гитлеровская разведка потеряла веру в себя, поскольку к ее выводам никто не прислушивался. Правильно пишет американский специалист по стратегической разведке Шерман Кент: «Когда разведчики сознают, что бесполезно давать сведения, которые не соответствуют заранее сформулированным выводам начальства, их работа теряет смысл».

Вполне естественно, что военно-морские силы, от офицеров которых требуется сочетание выдающихся организаторских и физических способностей, не могут рассчитывать на смекалку в той степени,

в какой это часто делается в научных или творческих организациях. Гражданский человек в случае призыва на действительную службу гордится тем, что стал офицером флота, но он всегда считает себя гражданским человеком.

Как отмечают Годфри и Рашбрук, привлечение гражданских специалистов на службу в военно-морскую разведку сыграло положительную роль, и эти люди успешно сотрудничали с кадровыми офицерами. Привлечение гражданских специалистов не только расширило возможность использования кадровых офицеров на кораблях флота, но и обеспечило более эффективную работу центральных разведывательных органов. Конечно, в каждом отделе нужно было иметь кадрового офицера в звании капитана 3 ранга и выше, чтобы избежать ошибок со стороны бывших гражданских лиц, ввиду отсутствия у них опыта службы на флоте и чтобы поддерживать связь и взаимодействовать с союзниками и другими видами вооруженных сил. Нужны были и офицеры в звании капитана 1 ранга и контр-адмирала, чтобы поддерживать нормальные отношения с оперативными и другими управлениями штаба ВМС, которые военно-морская разведка обслуживала.

Урок ясен: в мирное и в военное время бо́льшую часть сотрудников разведки должны составлять гражданские лица, а не кадровые офицеры. Эти люди должны быть обучены работе в разведке, и им нужно предоставить возможность устроить свою карьеру в данной области. Они должны быть готовы работать в разведывательных органах любого вида вооруженных сил или любого ведомства. Им следует предоставить возможность занимать самые высокие должности. Нет какой-либо причины, по которой на пост начальника разведывательной службы нужно было бы обязательно назначать кадрового офицера.

До сих пор мы говорили о необходимости привлечения гражданских лиц к работе в разведке, не касаясь того, с кем придется столкнуться такому человеку в работе. Начнем с утверждения, что такие людские пороки, как одержимость и предубежденность, свойственны прежде всего людям, занимающим руководящие посты.

В своих неопубликованных мемуарах Годфри писал следующее:

> «Я полагаю, что все мы в военно-морской разведке сознавали, что одна из наших основных функций состояла в том, чтобы уберечь нашего шефа от воздействия ложной и тенденциозной информации. Необходимость же уберечь командные инстанции, штабы и информационные службы от воздействия тенденциозной информации, источником которой являлись высшие руководители, мы сознавали в годы второй мировой войны весьма туманно.
>
> Подчиненный, который в ходе войны считает своим долгом поправить ошибку, допущенную высоким начальством вследствие неосведомленности последнего, может

> оказаться в незавидном положении. Человеку в таком положении иногда нужно уметь соглашаться со старшим начальником, чтобы не испортить себе служебную карьеру. Кадровые офицеры со свойственной им лояльностью и уважением к старшим с моральной точки зрения попадают в трудное положение. Они могут оказаться совершенно неспособными отстаивать свою точку зрения, а при любой такой попытке сурово наказываются».

Некоторые командиры не понимали разницы между приказом («я решил...») и выводом разведки («следует считать, что...»). Чтобы доказать правоту своего замысла, командиры убеждали себя в справедливости того или иного вывода, хотя в действительности дело обстояло совсем не так. Другие командиры полностью не сознавали того, что разведывательная информация не может изменяться по приказу и что настаивать на этом нельзя. Весьма примечателен эпизод, происшедший в 1943 году в посту слежения за движением подводных лодок, когда для ознакомления с его работой туда зашел вновь назначенный помощник начальника штаба ВМС. Это был грамотный и в общем здравомыслящий адмирал, и он быстро завоевал доверие у офицеров поста. Однако в первый день он посчитал вполне уместным сказать в конце проведенного совещания: «Итак, господа, мои требования будут состоять в том-то и в том-то». На это начальник поста, призванный из резерва офицер, твердо и спокойно ответил: «Мы здесь заняты оценкой фактов и не допускаем, чтобы какие-нибудь требования повлияли на наши выводы». Довольно смелое замечание, которое кадровый офицер вряд ли осмелился бы сделать. Если бы что-то аналогичное произошло не в разведывательных органах, то подобное замечание со стороны подчиненного (будь то кадровый офицер или офицер, призванный из запаса) было бы нетерпимо.

Интересный пример того, как командование безо всяких оснований взяло на себя задачу разведывательного анализа, произошел летом 1944 года, когда всех тревожил вопрос о том, что смогут предпринять немецкие подводные лодки во время переброски десанта и подкрепления через Ла-Манш в Нормандию. Оперативно-информационный центр разведывательного управления предупредил, что немцы строят подводные лодки с двигателем Вальтера. Центр сообщал о вероятных тактико-технических данных таких лодок, но одновременно указывал, что никаких признаков переброски новых лодок к берегам Нормандии из балтийских портов нет. Тем не менее штаб Портсмутского района принял всерьез донесения о якобы замеченных новых лодках и, несмотря на заверения адмиралтейства о несостоятельности этих донесений, приказал снять с наших торпедных катеров торпедные аппараты и вооружить их глубинными бомбами для борьбы с новыми подводными лодками. Все это только ослабило возможности сил нашего флота в борьбе с надводными кораблями противника в зоне Ла-Манша.

У самого Годфри в октябре 1940 года имел место занимательный эпизод во взаимоотношениях с Дадли Паундом, которого он хорошо знал и который всегда охотно принимал начальника разведывательного управления. Годфри доложил Паунду, что, по его мнению, угроза вторжения немцев миновала, по крайней мере, до весны следующего года. Это было не просто голословное утверждение, а очевидный вывод, основанный на данных фотографической разведки о передвижении десантных судов и группировке войск, на знании вероятных условий на море и прогноза погоды, а также на специальной информации, полученной от захваченных и перевербованных немецких агентов в Англии, которым приказали из Берлина не вести никакой работы в течение ближайших шести месяцев. Решающую роль сыграл тот факт, что люфтваффе не сумела выиграть битвы за Англию. И все же военное министерство продолжало убеждать адмиралтейство, что «такой момент, когда можно будет сказать, что угроза вторжения миновала, никогда не наступит, за исключением лишь периодов неблагоприятной погоды».

Основываясь на выводе Годфри, адмиралтейство могло бы изменить группировку сил флота, созданную для отражения угрозы немецкого вторжения, и перебросить часть кораблей в район Средиземного моря. Однако Паунд знал, что существуют политические причины, обусловливавшие необходимость сохранить у населения страны страх перед возможностью вторжения немцев, ибо этот страх являлся величайшим моральным стимулом к самоотверженной работе на благо укрепления вооруженной мощи страны. Даже сам премьер-министр тогда прилагал все усилия, чтобы возбудить в США тревогу за судьбы Англии и возможность того, что английский флот попадет в руки противника. Позднее, в марте 1941 года, Годфри понял, что по указанным выше причинам первый морской лорд либо забыл, о чем ему докладывали, либо неправильно понял сказанное.

Было бы преувеличением заявить, что наша стратегия основывалась на ложных предпосылках. Однако приведенный пример показывает тот политический самообман, против которого разведка всегда должна быть настороже. Согласно имеющимся документам, Гарри Гопкинс в декабре 1940 года сообщал Рузвельту из Лондона, что «большинство членов кабинета и все английские военные руководители считают вторжение немцев возможным в ближайшее время... Поэтому необходимо все наши действия основывать на предположении, что вторжение произойдет до 1 мая 1941 года». Годфри беспокоил тот факт, что подобная точка зрения (и, конечно, вытекающие из нее меры) господствовала до середины 1942 года. Именно этими соображениями оправдывалось удержание крупных сил в самой Англии и именно эти соображения породили миф о том, что немцы где-то скрывают целую армию в составе 20—30 дивизий, которые они якобы могут быстро перебросить для вторжения в Англию. Как отмечают бывшие офицеры объединенного разведывательного штаба, этот миф сохранялся длительное время спустя после того, как гене-

рал Алан Брук, отвечавший за подготовку к отражению вторжения, покинул пост главнокомандующего войсками в метрополии и стал начальником имперского генерального штаба. Миф о спрятанных немцами дивизиях поддерживался военным министерством, несмотря на то что и министерство иностранных дел, и министерство экономической войны, и военно-морская разведка не раз опровергали его.

Еще один пример того, как миф воздействует на стратегию, можно привести из опыта Годфри. В феврале 1943 года, получив назначение на пост командующего Индийским флотом, он прибыл в Индию и узнал, что правительство принимает меры для действий на двух фронтах — против Японии и Германии. Это противоречило выводам объединенного разведывательного комитета в Лондоне о том, что конечной целью немецкого наступления в районе Сталинграда является Баку и его нефтеносный район, а не Абадан, побережье Персидского залива и Индия, где немцы якобы должны были соединиться с японскими войсками.

Начальники разведывательных управлений ВМС, министерства авиации и министерства экономической войны полтора месяца убеждали своего коллегу из военного министерства, что соединение сил Германии и Японии невозможно, и только с большим трудом им это удалось. И это закономерно, потому что не было и нет каких-либо доказательств, что немцы и японцы координировали свои планы. Тем не менее в дневнике Годфри записано:

> «Командование ВВС в Индии создавало аэродромы в глубине территории страны, строило бомбоубежища для летного состава, вся судостроительная промышленность была занята строительством барж для использования на реках Тигр и Евфрат, на Киберском перевале создавались фортификационные сооружения, а в заливе Катч строилась военно-морская база на случай захвата японцами Цейлона и их вторжения на юго-восточное побережье Индии».

Годфри записал тогда, что министерство финансов в Дели ни на йоту не верило этой великой стратегии и возражало против соответствующих расходов, но безуспешно. Тот факт, что события подтвердили правоту министерства финансов и неправильность взглядов военного ведомства, позднее послужил для финансистов поводом для возражений против ассигнований на действительно необходимые мероприятия. «Если тенденциозная разведывательная информация, которая привела к таким печальным результатам, имела целью всполошить Индию и заставить ее создать двухмиллионную армию, то это, несомненно, удалось. Можно считать, что противнику удалось осуществить наиболее претенциозный план введения Британской империи в заблуждение».

Бывали случаи, когда штаб ВМС пытался использовать разведывательную информацию для осуществления своих идей в ходе раз-

работки различных оперативных планов и прогнозов. Например, осенью 1944 года, испытывая огромное удовлетворение итогами летней кампании против немецких подводных лодок, штаб намеревался перебросить около сотни эскортных кораблей с Атлантики на Дальний Восток, где ограниченность сил британского флота наносила ущерб нашему престижу и не позволяла противодействовать американским методам ведения операций. Один из помощников начальника штаба, лучше других знавший решимость Деница и его возможности, рассказал об этих намерениях начальнику оперативно-информационного центра. На очередном совещании Уинн поспешил высказать предположение о том, что ближайшей весной ожидается новое усиление активности немецких подводных лодок, которые могли создать угрозу нашим морским коммуникациям с войсками, действовавшими на Европейском континенте. Авторитет Уинна был настолько высок, что план переброски кораблей на Дальний Восток сразу же отменили.

Последней иллюстрацией к этому большому и сложному вопросу пусть послужит письмо, написанное Годфри в мае 1944 года адмиралу Тёрсфилду, являвшемуся обозревателем «Таймс», в связи с его просьбой прислать материал для биографического справочника. Речь шла о статье, посвященной вице-адмиралу Тому Филлипсу, бывшему заместителю Паунда.

> «Я хорошо помню, что в начале 1941 года Филлипс рассказывал мне, какие хорошие взаимоотношения у него были с премьер-министром и как он проводил у него на даче субботние вечера. Теперь все изменилось, он потерял доверие премьера и не встречался с ним более двух месяцев.
>
> Филлипс никогда не боялся выступить с критикой, возражал, например, против посылки экспедиционных войск в Грецию, не веря в успех этой операции, и всегда настаивал, что важнейшее значение имеет усиление позиций на Мальте и контроль над Средиземноморьем.
>
> Он рассказывал мне, что премьер-министр очень рассердился и назвал его пораженцем. В ответ Филлипс сказал премьеру, что его прямой долг — высказать искреннее мнение по любому обсуждаемому вопросу».

Политический деятель, военачальник и гражданский служащий, конечно, имеют право в ответ на мое предупреждение относительно склонности высокого начальства к предубежденности и нежеланию верить фактам сказать, что сами офицеры разведки не свободны от подобной слабости. Когда офицер разведки составит оценку намерений противника или численности его сил, гордость может помешать ему признаться самому себе и командиру в том, что новые факты ставят под сомнение или даже опровергают составленную ранее

оценку. Подобным же образом офицеры отдела могут быть настолько заинтересованы каким-нибудь районом или действиями какого-либо корабля, что с предубеждением станут относиться к каждому выводу или замечанию работающих вместе с ними офицеров-оперативников. Например, за линкором «Тирпиц» так внимательно следили изо дня в день, так много о нем составлялось донесений, так много велось споров, что одно присутствие этого корабля бросало штаб ВМС в трепет даже долгое время спустя после того, как линкор утратил возможность угрожать нашим коммуникациям в одиночку или вместе с другими кораблями.

В апреле 1940 года разведывательное управление ВМС было так занято наблюдением за попытками немецких рейдеров прорваться в Атлантику, что не обратило внимания на перемещения сил противника, которые предшествовали вторжению немцев в Норвегию. У разведки бомбардировочного командования было совершенно неправильное представление о точности наносимых бомбовых ударов, пока не были изучены снимки, сделанные в ходе ночных вылетов самолетами разведывательной авиации. Большинство офицеров разведывательного отдела штаба Эйзенхауэра осенью 1944 года были настолько уверены, что по чисто военным соображениям Гитлер не предпримет контрнаступления на Западе, что не заметили политических расчетов Гитлера, согласно которым такое контрнаступление могло бы спровоцировать американцев на сепаратные мирные переговоры.

Пятый вывод состоит в том, что разведывательная информация должна постоянно перепроверяться и уточняться. Об этом автору не раз говорили специалисты по вопросам военного планирования и оперативным вопросам. Командиры и штабы, хорошо информированные о слабых сторонах противника, обычно строят свои планы на основе именно этой информации. Это влечет за собой однобокость в оперативном мышлении командира. Командир должен следовать согласованной стратегии и добиваться политических целей, выдвинутых правительством. Однако командиры часто подменяют стратегические цели чисто тактическими, которых легко достигнуть, использовав известные слабые стороны противника.

Начальник разведки штаба фельдмаршала Монтгомери бригадный генерал Уильямс во время Нормандской операции и даже во время действий в Северной Африке подчеркивал, что фельдмаршал не считал нужным для принятия решения знать больше, чем общее состояние и группировка сил противника. Только приняв решение, он соглашался выслушать подробную информацию своего начальника разведки (именно так учили слушателей в штабном колледже). В штабе 21-й группы армий вдумчивое отношение к мнению разведки объяснялось частично правильной оценкой достигнутых успехов и частично тем фактом, что начальник штаба группы армий сам раньше служил в разведке. (Между прочим, следует отметить, что подобная карьера была бы невозможна на флоте. Я не знаю ни одного офицера-моряка, служившего длительное время в разведке,

который занял бы позднее высокий командный пост на действующем флоте.)

Примерно такую же мысль проводит Маунтбэттен. Он отмечал, что в его штабе в Бирме был порядок, запрещавший офицерам оперативного отдела информировать офицеров разведки о намеченной операции до завершения разработки первого варианта ее плана. Только потом имеющаяся разведывательная информация сопоставлялась с наметками плана, вносились необходимые поправки. Маунтбэттен считал, что если разработку оперативных планов начинать, опираясь на разведывательные данные, то наверняка отправным положением явится информация о группировке и составе сил противника. Разумеется, и разведчики могут тенденциозно направлять оперативную мысль и добиваться решения, которое, по их мнению, является наилучшим. Конечно, теоретически офицеры разведки не должны оказывать давление на оперативное планирование, но на практике их предложения часто приносили успех, как это было в рейде на Сен-Назер, в минно-заградительных операциях и в операциях против подводных лодок противника.

Однако ничто из вышесказанного не отвергает важного принципа, согласно которому разведчикам должна быть предоставлена возможность интересоваться не только разрабатываемыми оперативными планами. Видный государственный деятель рассказывает об ответе, который был дан в первые дни войны на запрос относительно потребления топлива военно-морскими силами Германии. Цифра, представленная адмиралтейством, казалась настолько высокой, что статистики, которые запрашивали эти данные, невольно сравнили ее с данными о потреблении топлива значительно большими английскими военно-морскими силами и увидели, что последние меньше первой. Соответствующее управление штаба ВМС признало тогда, что оно вычислило расход топлива немцами, не зная, сколько топлива расходуется английским флотом. Точно такой же пример отсутствия надлежащего взаимодействия между оперативными и разведывательными органами был отмечен Джастисом Синглтоном в январе 1941 года, когда Черчилль, считая, что данные о численности немецких ВВС завышены, попросил его определить вероятную численность фронтовой авиации противника в ближайшие шесть месяцев. Синглтон узнал, что, оценивая немецкие ВВС в начале войны, немецкий отдел разведывательного управления министерства авиации ничего не знал о численности английской авиации и поэтому недооценил вероятные потери в самолетах. Разведчикам было трудно предположить, что численность немецкой авиации в два с половиной раза превышала численность нашей авиации, тогда как по производству самолетов немцы превосходили нас только в полтора раза.

К августу 1942 года этот урок наконец был усвоен. Немецкий отдел разведывательного управления ВМС, например, доложил первому морскому лорду, что по опыту действий в районе Мальты бомбардировка защищенных баз подводных лодок может дать эффект, только если она будет осуществляться круглосуточно и если удастся

нанести поражение самим подводным лодкам. Весной 1942 года немецкая авиация совершала до 200—300 самолето-вылетов в день с целью бомбардировки Мальты, но 10-я флотилия подводных лодок не покидала этой базы до 3 мая. Таким образом, количество самолето-вылетов, которое потребовалось бы для полного подавления баз в Бресте, Лориане и Сен-Назере, должно было составить 500—600 в день. Истребительное прикрытие, которым располагали немецкие силы, действовавшие с баз в Сицилии, было бы возможно обеспечить только в районе Бреста; к тому же нельзя было рассчитывать на такую же точность бомбометания английских тяжелых бомбардировщиков, какая была достигнута немецкими пикирующими бомбардировщиками на Мальте. В самом деле, донесения агентов и аэрофотоснимки показали, что не существует ни малейшей вероятности попадания в находящиеся в укрытиях немецкие подводные лодки. Несмотря на это предупреждение, девять месяцев спустя руководители адмиралтейства, к понятному неудовольствию бомбардировочного командования, требовали проведения массированных воздушных налетов на эти базы.

Из этих рассуждений вытекает шестой вывод — разведка играет обслуживающую роль и подчинена оперативным замыслам. Этот вывод, как кажется, противоречит тезису китайского философа Сун Цзы: «Армию можно сравнить с рекой, ибо как река обходит высоты и устремляет свои воды к долине, так и армия обходит очаги сопротивления и устремляется к слабо обороняемым участкам. Как река прокладывает свое русло в зависимости от местности, так и армия действует соответственно дислокации сил противника. Как непостоянно русло реки, так непостоянны и условия военных действий».

Теперь рассмотрим кратко еще два связанных с этим вывода. Вывод седьмой — как абсолютная власть может рухнуть полностью, так и полная осведомленность может оказаться полнейшим блефом. Адмирал Дениц, который в руководстве действиями подводных лодок во многом полагался на успех дешифровальной службы, оказался беспомощным, когда в 1943 году эта служба была лишена каких-либо практических возможностей. Другие источники разведывательной информации, в частности дальняя воздушная разведка, немцами недооценивались; агентурная сеть в Англии и Соединенных Штатах работала слабо. Подтверждение этому же выводу мы находим в меморандуме, который адмирал Кинг направил американскому комитету начальников штабов в мае 1942 года и в котором он предупреждал, что ему удастся сохранить свои позиции на Тихом океане только при наличии «своевременной информации» о перемещениях сил противника. «Если прекратится поступление своевременной информации и если по-прежнему мы будем испытывать недостаток в силах и средствах, катастрофа на Тихоокеанском театре станет вполне возможной». В те периоды, когда наша собственная дешифровальная служба добивалась наибольших успехов, наблюдалась тенденция игнорировать другие источники информации, вместо

того чтобы использовать получаемые таким образом сведения для проверки данных, поступающих из других источников.

Вывод восьмой — разведка должна постоянно заботиться о скрытности связи. Противник всегда слушает радиообмен, хотя часто не понимает перехваченные радиограммы. Нельзя позволить, чтобы противник знал, что вам известно о нем и что вы намереваетесь предпринять. Источники информации нужно беречь от противника точно так же, как и свои планы. Необходимо быть постоянно начеку против дезинформации. Те, кто занимался такой работой, знают, что наибольший успех достигается путем использования различного рода навязчивых идей, которые характерны для руководителей противника. Было бы бесполезно в июне 1944 года демонстрировать удар против Норвегии, чтобы отвлечь внимание от Нормандии, если бы Гитлера в течение многих лет не преследовала навязчивая идея об угрозе вторжения союзников в Норвегию (именно этим объясняется безрассудное отвлечение сил подводного флота для действий в Северном море).

Кроме того, необходимо постоянное внимание к удачам противника, к тем случаям, когда ему удалось лишить другую сторону возможности использовать фактор внезапности, ко всякого рода «случайностям». Все это может служить признаком того, что противник перехватывает и дешифрирует самые секретные сообщения. Важная задача разведки, или, точнее, контрразведки, состоит в том, чтобы не допустить подобных вещей.

До сих пор не упоминались еще два важных требования, предъявляемых к разведчику и составляющих основу восьмого и девятого выводов. Первое из этих требований сводится к тому, что разведчик должен быть готовым проявить жестокость и совершить бесчестный поступок в одном случае и быть честным и терпеливым в другом. Второе требование заключается в том, чтобы разведчик умел хорошо играть отведенную ему роль.

Давайте посмотрим сначала, как представлена работа разведчика в этой книге. Она полна таинственности, приключений, опасностей и примеров героизма: сбор образцов грунта на пляжах Арроманша под самым носом у противника; захват шифров и кодов на кораблях в море; захват и перевербовка агентов противника; тайные переброски людей через Северное море в Норвегию, осуществляемые при любой погоде; инструктаж штурмовой группы пе́ред рейдом в Сен-Назер; воздействие на испанские власти с целью не допустить использование немцами радиолокационного и инфракрасного оборудования для наблюдения за Гибралтарским проливом; добыча данных, характеризующих противоторпедную сеть на стоянке «Тирпица»; оказание американцам помощи в создании управления стратегических служб, которое позже переросло в центральное разведывательное управление; раскрытие кодов, подделка документов, вскрытие сейфов, подброска трупов и другие операции людей «плаща и кинжала». В этом свете разведка выглядит как двуликий Янус, и вполне естественно, что именно с этой стороны чаще всего и судят

о деятельности разведки. Даже самые опытные офицеры военно-морских сил не могут отделаться от привычки считать разведку своего рода «чудотворцем» и ожидают от нее «чудес». Годфри был вынужден напомнить об этом штабу ВМС, когда в июле 1941 года представил доклад относительно американских военных приготовлений.

> «Как и обычно при рождении разведывательной службы, будет наблюдаться тенденция требовать достижения блестящих результатов. Доновану и его коллегам придется испытать период разочарования, пока все не встанет на свои места. Именно в этот период Флеминг и я, видимо, окажем им наибольшую пользу».

Так же как в памяти большинства людей сохраняются различного рода сказки и басни, так и в Уайтхолле, и в Вашингтоне жила легенда о сказочных успехах разведки в годы первой мировой войны. Холл был еще жив, но поскольку он не имел возможности рассказать правду о своей работе, его деятельность всегда была окружена ореолом тайны и небывалых свершений. Нет сомнения в том, что любого начальника разведывательного управления друзья часто наделяют необыкновенными качествами, а критики всегда готовы упрекнуть в чрезмерном властолюбии.

Из нашего повествования можно легко выделить ряд примеров тому, когда новые методы, выдвигаемые комнатой 39, встречались с подозрением, которое обычно не проявляется к предложениям армейских штабов и органов. Такими примерами являются так называемая топографическая разведка, предложение Флеминга об организационной структуре штурмовой группы, участие разведывательного управления ВМС в подрывной пропаганде. Автор испытал на себе неодобрительное отношение к разведывательному управлению со стороны одного высокопоставленного лица и отметил ту свободу действий, которую этот человек предоставил своим людям в межведомственном органе с целью выразить именно это отношение.

Таким образом, нужно еще раз сказать, что деятельность разведки имеет теневые стороны. Как бы быстро ни развивались технические средства сбора информации, предатель или жертва шантажа, квислинг или ренегат, амбициозный политический деятель или недовольный государственный служащий, низкооплачиваемый железнодорожник или бедный испанский рыбак — все они могут быть источником ценной информации. Они могут давать информацию постоянно или периодически, но и в том и в другом случае она будет ценной. Поэтому офицеру разведки может потребоваться пойти на подкуп, насилие, обман, предательство и ложь. Ему, возможно, придется встретиться и с необходимостью тайно вторгнуться в личные взаимоотношения людей, в их переписку. Если офицер-разведчик и не был ловким, пронырливым человеком к началу своей службы, то

к концу ее обязательно станет. Работа в таких областях разведки, как дезинформация и подрывная деятельность, наложит неизгладимый отпечаток на образ мышления людей.

Умение показать товар лицом — это такое качество, которое обычно не связывается с обликом офицера разведки, однако каждый, кому приходилось вести переговоры, знает, насколько оно ценно. Офицеры разведывательного управления ВМС быстро поняли, что в их работе есть элемент общественной информации, с которым им пришлось знакомиться на практике. Информацию и выводы нужно было представлять уверенно и авторитетно, в удобной для восприятия форме. Это в равной степени относится и к устным и к письменным докладам. Бригадный генерал Уильямс научился писать сводки «языком Монти». Не всегда были ясны и требования начальника, получающего информацию: один мог требовать краткого доклада или информации, а другой мог терпимо относиться к пространному повествованию, лишь бы ясен был главный вывод. Нелегко было сделать выбор между краткостью и пространностью доклада. Нужно было быть готовым к любому варианту. Офицеру разведки необходимо также уметь отстаивать свои выводы, как бы трудно это ни было.

Дэннинг часто предупреждал своих коллег по оперативно-информационному центру о том, что командиры и штабы, приняв какое-то решение, обычно с большим трудом отказываются от него. Перед разведкой может встать задача убедить командира и его штаб, но при этом не нужно вступать в спор по стратегическим или тактическим вопросам, следует лишь придерживаться имеющейся информации, какой бы она ни была, положительной или отрицательной, по характеру. В случае с конвоем PQ.17, который рассматривался в главе 12, тот факт, что надежный источник не сообщал о каких-либо перемещениях противника, нужно было представить Дадли Паунду более настойчиво.

Дэннинг утверждал, что командир или начальник штаба обязательно выслушает разведчика, если последний завоюет должный авторитет, найдет в себе силы отказаться от «интересных» рассказов, поймет, что обстановка может в любую минуту опровергнуть приготовленный им вывод относительно действий того или иного корабля противника.

Дэннинг вспоминает о том, как в 1941 году он предупредил командующего подводными силами адмирала Макса Хортона, что, по данным оперативно-информационного центра, «Шарнхорст» и «Гнейзенау» намерены прорваться через Ла-Манш и возвратиться в Германию. Он предложил адмиралу выслать подводную лодку «Силайон» к Бресту, чтобы перехватить и атаковать немецкие корабли в этом районе. При этом Дэннинг заверил Хортона, что командир подводной лодки получит точные данные о минных полях противника и проходах в них. «Хорошо, я распоряжусь послать лодку,— сказал тогда Хортон,— но, если что-нибудь случится, пеняйте на себя»,

Такой же случай был и у Уинна. Он пишет:

«Нам нужно было завоевать доверие офицеров штабов Флота метрополии, округа западных подходов, портсмутского округа, плимутского округа и берегового командования. Мы скоро поняли, что этого можно добиться представлением фактов, которые говорили сами за себя. Не было необходимости вдаваться в детали и пространные рассуждения. Когда доверие было завоевано, штабы, получив разведывательную информацию, принимали надлежащие меры, не задавая много вопросов».

Всегда приходилось делать скидку на то, что командиры и штабы быстро привыкли к потоку информации. Если сначала они проявляли большое внимание к сообщениям нового источника или к необычным сообщениям вообще, то потом их внимание постепенно ослабевало, сведения начинали казаться им ординарными. Нужно было постоянно поддерживать интерес командиров и штабов к информации, ибо только таким путем можно добиться, чтобы в решительный момент донесение разведки не ускользнуло от внимания тех, кто должен принять оперативное решение. С другой стороны, всякая сенсационность в изложении фактов приводит лишь к неправильной их оценке.

Возможно, следует сказать несколько слов об общечеловеческой слабости, которую люди склонны горячо порицать у других. Эта слабость состоит в том, что люди часто говорят: «Я знаю лучше», «У меня на этот счет свое мнение и свои данные». Чаще всего это свойственно пожилым людям с большим жизненным опытом, которые обычно любят проводить аналогии с прошлым. Познакомимся с запиской, направленной Черчиллем генералу Исмею в августе 1940 года:

«Я не хочу, чтобы подобные донесения проходили через сито различных разведывательных органов. Поручаю майору Мортону просматривать документы и докладывать мне те из них, которые он считает важными. Майор Мортон должен просматривать все документы и представлять мне отобранные в оригинале».

Очень скоро премьер-министр понял, что он поставил перед собой невыполнимую задачу. Дело не только в том, что документов оказалось очень много, но большинство из них требовали обработки, анализа и сопоставления. Премьер-министр хотел видеть оригинал своими глазами, сам судить о его содержании, и это, конечно, подрывало авторитет разведки и ее веру в свои силы. Премьер-министр, разумеется, имел на это право, но подобный порядок совершенно неприемлем в общей практике работы. Отсюда можно сделать десятый вывод — начальник не всегда знает лучше.

По сути дела, распоряжение премьер-министра привело к тому, что разведывательная информация подбиралась для него человеком,

который был готов угодить его вкусам. Этим, видимо, объясняется тот странный вывод, который содержится в книге Черчилля «Вторая мировая война». Черчилль пишет о том, что в Лондоне существовало неверие в то, что немцы нападут на Россию летом 1941 года. По разведывательной информации за минувшую зиму можно было сделать вывод, что немцы сосредоточивают свои силы на востоке в целях запугивания русских, а не для того, чтобы напасть на них. По словам Черчилля, объединенный разведывательный комитет после долгих колебаний пришел к выводу, что Гитлер намерен вести войну на два фронта, и 5 июня 1941 года впервые доложил об этом комитету начальников штабов. «Комитет начальников штабов, — пишет Черчилль, — еще раньше сделал такой же вывод и высказался еще более определенно». Черчилль приводит сообщение комитета начальников штабов о том, что немцы сосредоточивают крупные силы против России и начнут военные действия, если русские не уступят их требованиям. Далее Черчилль подкрепляет свою мысль воспоминанием о том, как ему попался разведывательный документ, из которого следовало, что Гитлер распорядился сосредоточить максимальное количество танков на русско-польской границе, чтобы в мае напасть на Россию.

Этот разведывательный документ можно было расценивать поразному. Справедливости ради следует сказать, что если комитет начальников штабов имел доступ к информации, которого был лишен объединенный разведывательный комитет, то в этом прежде всего вина, а не достоинство комитета начальников штабов. Если начальники штабов не считались в таком важном вопросе с объединенным разведывательным комитетом, то следовало или изменить состав этого комитета, или перестроить его работу.

«Я знаю лучше» — этот тезис использовался теми, кто вел переговоры, о которых другие знали лишь по документам. В 1936 году капитан 1 ранга (позднее вице-адмирал) Филлипс принимал участие в выработке текста англо-германского соглашения. Вскоре после этого он сказал, что «конструкция современных немецких крупных надводных кораблей свидетельствует об усилении внимания немцев к Балтике». Даже для того времени это заявление весьма примечательно. Позднее, являясь членом совета адмиралтейства, Филлипс был склонен недооценивать размеры и, следовательно, боевые возможности «Бисмарка» и «Тирпица», поскольку он участвовал в переговорах, в ходе которых для немецких кораблей установили предельное водоизмещение.

Один урок второй мировой войны совершенно очевиден, и он состоит в том, что разведка неделима. Знаменательно, что первый успех политики объединения, достигнутый министерством обороны в 1959—1965 годах, относился к области разведки. Возможно, данная книга поможет понять, почему последний начальник разведывательного управления ВМС адмирал Дэннинг должен был бы стать первым начальником объединенного разведывательного органа.

Однако вывод о том, что разведка неделима, значит больше, чем

очевидная истина о невозможности в современной войне строго делить источники информации на сухопутные, военно-воздушные и военно-морские, не говоря уже о дипломатических, экономических, научных и др. Этот вывод связан с необходимостью преодоления взаимной подозрительности и соперничества между видами вооруженных сил. Яркий пример можно привести из взаимоотношений разведывательного управления ВМС и бомбардировочного командования. Неблагоприятные последствия тенденциозности, проявленной в этом случае обеими сторонами, совершенно очевидны.

В марте 1944 года командующий бомбардировочного командования пожаловался начальнику разведывательного управления ВМС контр-адмиралу Рашбруку, что в разведывательной сводке, разосланной адмиралтейством, приведена ошибочная оценка тех последствий, которые оказали бомбардировки на строительство немецких подводных лодок. В этой сводке указывалось, что сокращение количества вводимых в строй немецких подводных лодок нельзя объяснить только результатами бомбардировок. Представлялось вероятным, что немцы сами решили сократить программу строительства подводных лодок. По мнению представителей ВВС, немцы действительно могли прийти к выводу, что их экономические возможности не позволяют вести строительство подводных лодок в прежнем масштабе, однако главная причина все-таки заключалась в действиях английской бомбардировочной авиации. При этом указывалось также, что производство оборудования для подводных лодок сократилось по тем же причинам. Обращаясь с просьбой уточнить выводы, содержащиеся в сводке, командующий бомбардировочным командованием высказал предположение, что составители сводки умышленно преуменьшили значение действий бомбардировочной авиации.

Поскольку некоторые члены правительства, особенно руководители адмиралтейства, считали, что результаты бомбардировок объектов в Германии в течение двух-трех лет систематически завышались, чтобы сохранить приоритет в производстве новых самолетов и другой техники для бомбардировочного командования, эта жалоба бомбардировочного командования на какое-то неприязненное отношение к нему носит иронический характер. Вполне возможно, что известная неприязнь действительно существовала у некоторых составителей сводки, но ведь наверняка среди них были и объективные люди. Однако в данной жалобе ставились под сомнение метод работы объединенного разведывательного комитета и его единство.

Ответ начальника разведывательного управления ВМС на жалобу командующего бомбардировочным командованием был принципиальным по содержанию и выдержанным по тону. В нем указывалось, что разведывательное управление ВМС не стремилось в какой-либо мере преуменьшать значение действий бомбардировочного командования. Начальник управления писал, что он и сам удивлен выводами, содержащимися в сводке, но вместе с тем отметил, что эти выводы были сделаны не адмиралтейством, а межведомственным органом, в работе которого участвовали и представители ВВС.

Председателем в этом органе был представитель министерства экономической войны. В состав объединенного органа входили четыре представителя адмиралтейства, четыре представителя министерства авиации (среди них один — от бомбардировочного командования), представитель ВВС США, три представителя министерства экономической войны, а также представитель научно-исследовательской организации, известной под названием RE8. Все эти люди единогласно признали, что главной причиной сокращения масштабов строительства немецких подводных лодок явилась блокада. Был подготовлен соответствующий проект выводов, которые объединенный разведывательный комитет утвердил после изучения имеющейся информации. Таким образом, в сводке, разосланной адмиралтейством, нашла отражение лишь работа объединенного органа.

И все же в оперативном масштабе, то есть в повседневной деятельности оперативно-информационного центра, в его мероприятиях по разведке, минированию, в оценке нанесенных противнику потерь и в выявлении его намерений в десантных операциях взаимодействие между моряками и летчиками было отличным. Представитель ВВС ежедневно являлся в оперативно-информационный центр, чтобы выяснить действительное состояние находившихся в Бресте «Шарнхорста» и «Гнейзенау». Моряк — офицер связи при бомбардировочном командовании пользовался доверием командующего, который гордился успехом минных операций на Балтике, достигнутым благодаря тем точным сведениям о маршрутах движения немецких судов, которые тщательно собирались оперативно-информационным центром. Моряки считали себя во многом обязанными береговому командованию за его настойчивую и часто опасную разведывательную деятельность против немецких баз и немецких подводных лодок в море.

Об опасностях, которые влечет за собой чрезмерное увлечение сохранением тайны со стороны разведчиков и в отношениях между различными ведомствами, можно написать отдельную книгу. Требование планирующих и оперативных органов о том, что они должны быть полностью обо всем информированы, совершенно справедливо.

Давайте рассмотрим эту проблему с точки зрения человека, отвечающего за сохранение тайны. Он постоянно опасается, что в результате предательства или небрежности противник сумеет узнать, что нам известно о нем. Неосведомленному человеку может показаться желательным, чтобы противник получил такую информацию и благодаря этому стал бы более осторожным и менее решительным. В этом есть известная доля истины, но не менее справедливы и подозрения, проявляемые разведчиками. Разведчик не может рисковать своими источниками. Он не знает, насколько противник осведомлен о деятельности, направленной против него. Поэтому целесообразно обеспечить полное сохранение тайны и избежать какого-либо риска.

Очевидно, не передавая получаемую информацию, разведка теряет ценность для тех, кого она призвана обслуживать. Разведчик редко может быть наилучшим судьей в вопросе о том, как следует использовать добытую информацию. Особые трудности возникают

при осуществлении пропагандистских мероприятий и освещении происходящих событий в печати.

Интересное решение этой проблемы было найдено разведывательным управлением ВМС два года спустя после начала войны. Сначала в ведении управления находился отдел печати и начальник управления был тогда в трудном положении — он должен был, с одной стороны, заботиться о сохранении тайны и, с другой стороны, проявлять заботу о рассылке информации. После того как отдел печати был изъят из ведения разведки, разведывательному управлению пришлось решать не менее трудные задачи — поставлять информацию для управления политической войны, которое использовало ее в пропагандистских целях. Поручить это отделу печати было нельзя, поскольку ему тогда пришлось бы сочетать распространение открытой информации через печать и рассылку секретной информации для органов пропаганды.

Выход был найден в создании подотдела при канцелярии начальника разведывательного управления. Этот подотдел был назван 17Z, в его задачу входило руководство всей пропагандистской деятельностью в интересах адмиралтейства и сбор необходимой для такой деятельности информации. Для этого нужно было сообщать таким офицерам оперативно-информационного центра, как Дэннинг и Уинн, об объектах текущей пропаганды (в большинстве случаев эти объекты выбирались по их просьбе или предложению) и затем получать от них информацию о немецких подводных лодках и надводных кораблях, которую можно было бы использовать в пропагандистских радиопередачах, в печати и другими путями. Подотдел 17Z взаимодействовал с отделом по работе с военнопленными, получая от него материал для радиопередач по каналам Би-Би-Си или для операций по разложению войск и населения противника, проводившихся Сефтоном Дельмером под руководством управления политической войны.

Поскольку в этой работе были заинтересованы в равной степени политические, планирующие и разведывательные органы, она контролировалась специальным комитетом, в состав которого входили парламентский секретарь, начальник управления планирования и начальник разведывательного управления ВМС. Этот комитет собирался на заседания только при возникновении каких-либо трудных проблем. Текущее руководство осуществлялось заместителем начальника управления планирования. Отдел печати был всегда информирован о проводимых мероприятиях и иногда принимал непосредственное участие в их подготовке.

Эта необычная организация работы (принятая и другими видами вооруженных сил) рассматривается подробно потому, что она как бы устраняла противоречие между стремлением офицеров разведки делать достоянием гласности как можно меньше информации и желанием органов политической пропаганды иметь как можно больше сведений для использования в своей работе. Задачи, подобные тем, которые выполнял подотдел 17Z в ВМС, решались и другими ведом-

ствами с помощью аналогичных подразделений. В сухопутных войсках эту роль играл отдел 17М управления военной разведки. На основе имеющихся сведений о намеченной операции и сведений о противнике этот отдел разрабатывал и проводил мероприятия по введению противника в заблуждение относительно места и времени проведении операции и состава используемых сил.

Остается напомнить еще один очевидный, но часто ускользающий от нашего внимания тезис. Основу разведки составляют сбор и учет информации. Но эту работу делают люди. Разведывательная информация — плод коллективного труда, а в каждом коллективе есть свои традиции, свой дух. В основе каждой доброй традиции лежит преемственность, а условием поддержания морального духа на высоком уровне является доверие.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Дональд Маклахлан
ТАЙНЫ АНГЛИЙСКОЙ РАЗВЕДКИ
1939—1945
Редактор **А. П. Ковалев.** Литературный редактор **Г. И. Канищева**
Технический редактор **Р. Ф. Медведева.** Корректор **Л. В. Челак.**
Сдано в набор 15.1.71 г. Подписано в печать 14.5.71 г. Формат $60\times90^1/_{16}$ — 22 печ. л. = = 22 усл. печ. л. = 24,917 уч. изд.-л. Типографская бумага № 2. Тираж 100 000 экз. Изд. № 10/2933.
Цена 1 р. 38 коп. Зак. № 365
Ордена Трудового Красного Знамени Военное издательство Министерства обороны СССР
Москва, К-160
2-я типография Воениздата. Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

33.

1-30.

Цена 1 р. 38 к.

